

Б-189782

Н.А.ГОРСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕМОГРАФИЯ
РОССИИ
ЭПОХИ
ФЕОДАЛИЗМА

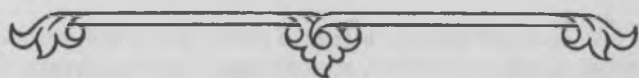

♦ НАУКА ♦

Б - 189782

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Н.А.ГОРСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕМОГРАФИЯ
РОССИИ
ЭПОХИ
ФЕОДАЛИЗМА

(Итоги и проблемы изучения)

К

МОСКВА "НАУКА" 1994

9(c) 13 + 9(c) 14 + 314

ББК 63.3(2)2

Г 67

ВАЖЕЛИЈА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Я.Е. ВОДАРСКИЙ

Рецензенты
доктора исторических наук
Н.Ф. ДЕМИДОВА и А.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Научная
библиотека
УНЦ РАН

Горская Н.А.

Г 67 Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). – М.: Наука, 1994. – 213 с.

ISBN 5-02-009750-0

В книге прослеживается путь, пройденный отечественными историками в изучении историко-демографических процессов феодальной эпохи России со времени зарождения исторической демографии в недрах изучения истории народонаселения (XVI – середина XIX в.) и на протяжении развития собственно исторической демографии как самостоятельной научной дисциплины вплоть до рубежа 80–90-х годов XX в.

Для историков-профессионалов, широкого круга читателей, интересующихся сопряженностью исторических процессов с конкретными параметрами человеческих сообществ на протяжении IX–XVIII вв. российской истории.

Г 0502000000–253 29–94 – I полугодие
042(02)–94

ББК 63.3(2)2

ISBN 5-02-009750-0

© Н.А. Горская, 1994

© Российская академия наук, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Переживаемый в настоящее время человечеством этап интеллектуальной деятельности ознаменован возникновением, вычленением и оформлением новых научных дисциплин и направлений во всех областях знания, так же как и возникновением новых пересекающихся зон, становящихся предметом познания разных дисциплин и наук. Не является исключением в этом отношении гуманитарная область. Яркий пример тому – историческая демография, оформление которой в самостоятельную научную дисциплину происходит в течение последних трех-четырёх десятилетий, буквально на глазах, усилиями ныне работающих в науке поколений историков и демографов и демонстрирует собой оба глобальных процесса, характерных для научно-познавательного процесса в целом.

Сам термин – "историческая демография" – был употреблен в отечественной историографии впервые, по-видимому, в конце 50-х годов¹. В.К. Яцунский, советский историк, имя которого заслуженно упоминается одним из первых, когда в нашей историографии заходит речь о возрождении интереса к народонаселенческой проблематике, употреблял в 1963 г. определения "историческая демография" и "история населения" как синонимы². Выходившая в свет в 60-х годах "Советская историческая энциклопедия" специальной статьи "Историческая демография" не содержит. В статье "Народонаселение", принадлежащей перу В.И. Козлова, ей уделено несколько строк петитом. Определение таково: "Историческая демография исследует проблемы народонаселения в историческом аспекте"³.

В последующие годы интерес к этому определению резко возрастает, обусловленный прежде всего необходимостью решить проблему все более разворачивающегося взаимодействия исторической и демографической наук в деле изучения истории народонаселения. В работе 1975 г. В.И. Козлов условно делит историческую демографию "на собственно историческую демографию и демографическую историю". "Первая из них, стоящая несколько ближе к демографии, призвана воссоздать демографическую ситуацию определенных исторических эпох, исследовать народонаселение стран или районов на какой-то определенный исторический период; вторая, стоящая ближе к истории, изучает изменение общей демографической ситуации и конкретных количественных показателей за длительный период времени во взаимосвязи со всеми особенностями исторического развития общества и отдельных человеческих коллективов"⁴. Козлов иллюстрирует это свое положение такими примерами из отечественной историографии: к работам по исторической демографии он

относит статью А.И. Копанева "Население Русского государства в XVI в." (Ист. зап. М., 1959. № 64), которая оказывается "ближе к демографии", а к работам по демографической истории – труд Б.Ц. Урланиса "Рост населения в Европе" (М., 1941), который, в понимании автора, "ближе к истории"⁵. В позднейшей историографии эти положения Козлова⁶ были оценены как "надуманная интерпретация" понятий "демографическая история" и "историческая демография", но одновременно указано, что они правильно подмечают двуединую задачу, решаемую историко-демографическими исследованиями в целом: "Изучение демографических факторов в истории и вместе с тем исторической обусловленности их"⁷.

В середине 70-х годов увидела свет еще одна коллективная монография – "Система знаний о народонаселении", выпущенная под редакцией профессора Д.И. Валентя, глава VI которой называется "Историческая демография". Авторы этой главы (Г.Е. Ананьева, Д.И. Валентей, И.В. Дзарасова, А.Я. Кваша, И.В. Калинин, Е.Г. Миков, А.П. Судоплатов) приводят "условную" схему системы демографических наук, в первом ряду которой, вслед за теоретической демографией, историей демографии, описательной демографией и экономической демографией помещают и историческую демографию⁸. Характеризуют они ее так: "Историческая демография изучает исторические предпосылки; закономерности и характер развития народонаселения на различных этапах человеческой цивилизации. В качестве частной демографической дисциплины историческая демография исследует историю развития населения мира, континентов, отдельных регионов и стран, определяя, таким образом, реальное историческое значение интенсивности социальной, естественной и миграционной подвижности населения при различных социально-экономических формациях"⁹.

Тогда же, в середине 70-х годов, историки советского общества В.З. Дробижев и Ю.А. Поляков утверждали, что "историческая демография – научное направление, исследующее движение населения на прошлых этапах развития человеческого общества, – составная часть истории", имеющая своим предметом "исследование движения населения на прошлых этапах развития человеческого общества. Слово "историческая" в этом понятии означает не просто обращение в прошлое, а действительно исторически-конкретный подход к проблеме"¹⁰.

С начала 80-х годов тема взаимодействия исторических и демографических наук в деле изучения проблем народонаселения углубленно разрабатывается в трудах Д.К. Шелестова, почти целиком посвященных исторической демографии¹¹. Шелестов рассматривает историческую демографию как раздел демографической науки и одновременно как научную дисциплину исторической науки и считает, что такое рассмотрение "призвано обеспечить более тесное сотрудничество этих наук в изучении современных проблем народонаселения, повысить, так сказать, историзм демографии и демографизм истории"¹². При этом Шелестов всячески подчеркивает ведущую роль исторической науки в изучении истории народонаселения: "Историческая наука интегрирует все исторические (в том числе и историко-демографические) знания о народонаселении, полу-

ченные ею в ходе совместных исследований с другими науками, и обеспечивает их разработку в совокупности. И если говорить об отрасли в системе исторических наук, то такой отраслью фактически является изучение истории народонаселения, включающее в себя ряд научных дисциплин (историческую демографию, историческую географию населения и др.)". Объект изучения исторической демографии – "не история народонаселения вообще, а народонаселение в его демографической истории". Развитие же знаний о народонаселении в целом "без опоры на историческую науку и ее участия вряд ли может быть осуществлено". Более того, Шелестов высказывает уверенность, что как раз изучение демографической истории будет осуществляться преимущественно историками, специалистами "по прошлому" (которые в то же время не должны забывать, что занимаются исторической демографией)¹³.

Одновременно Шелестов признает приоритет в определении предметной области исторической демографии за демографической наукой. Являясь разделом демографической науки, "историческая демография изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе, и полностью подчинена тем задачам, которые решает последняя в изучении их современной проблематики"¹⁴. Это позднейшее по времени (1987 г.) определение исторической демографии в отечественной историографии (именно в такой форме оно было сформулировано Шелестовым еще в 1981 г.¹⁵) требует к себе более пристального внимания.

Поскольку, несмотря на некоторые расхождения во мнениях, все исследователи (и историки, и демографы) признают за исторической демографией высокий статус "научной дисциплины" или "научного направления"¹⁶, то и при формулировании задач исторической демографии, по-видимому, следует учитывать, что всякое научное знание важно для решения, во-первых, научно-познавательных задач, которые на данном этапе могут и не иметь никакого практического значения, а завтра его получат, и, во-вторых, для решения задач практически-прикладных, когда полученное научно-теоретическое знание служит непосредственно для преобразования мира¹⁷. Подчеркивание при определении задач исторической демографии полного их подчинения тем задачам, которые решает демография при изучении современной проблематики, объективно обедняет возможности исторической демографии по получению научно-познавательных знаний, выявляющих закономерности прошедших эпох, актуальность которых (закономерностей) в настоящее время не очевидна. Вероятно, этот на первый взгляд формальный момент и не заслуживал бы специального внимания (всякое определение в значительной степени формально, и живая жизнь науки его постоянно преодолевает), однако мы не раз бывали свидетелями того, что та или иная дефиниция становилась препятствием для развития каких-то направлений в исторической да и любой другой науке, особенно, когда это касается древности.

Именно такие опасения вызывает конкретный вывод, сделанный на основе вышеприведенного определения задач исторической демографии его автором Шелестовым, выступившим в качестве заместителя предсе-

дателя комиссии по исторической демографии при Отделении истории АН СССР на первом заседании этой комиссии 10 ноября 1983 г. с докладом "Состояние изучения исторической демографии и задачи развития данной отрасли исторических знаний". При том, что Шелестов относится к числу исследователей, больше всех сделавших для доказательства того, что историческая демография как отрасль знания не родилась вчера, что она развивалась в лоне истории народонаселения, начиная с XVI в., сосредоточиваясь на демографических проблемах, при том, что его по справедливости можно назвать в современной историографии одним из главных апологетов и защитников исторической демографии как самостоятельной научной дисциплины, в упомянутом выше докладе он формулирует задачи развития этой отрасли исторических знаний так: "Задачам в области изучения народонаселения советской эпохи должны быть подчинены все наши исследования в области демографической истории"¹⁸.

В его опубликованной в 1987 г. безусловно этапной для исторической демографии (и не только отечественной) книге также сначала утверждается: "Если речь идет об историко-демографических исследованиях, то они должны быть полностью сориентированы на те вопросы, которые изучает советская демографическая наука". Однако теперь эта мысль продолжена: "Способствовать подведению под это изучение исторического фундамента и вместе с тем обогащать изучение всемирно-исторического процесса данными о демографическом развитии человечества"¹⁹. Последние задачи, по-видимому, как раз и позволяют реализовывать научно-познавательные функции исторической демографии, допускают возможность постановки таких вопросов, выявления и изучения такого рода процессов и явлений в прошлом, которые пока никак не отвечают практическим задачам демографической науки сегодняшнего дня, однако позволяют выявить закономерности тех эпох.

Надо сказать, что определение самой демографии и ее предметной области до сих пор дискутируется в науке. Не вдаваясь в подробности споров, сошлемся на определение демографической науки, приведенное в новейшем (1985) "Демографическом энциклопедическом словаре": "Наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса"²⁰. Исходя из такого представления, демографы предмет исторической демографии определяют так: "Изучение исторических закономерностей изменения воспроизводства населения в его социально-экономической обусловленности" (А.Я. Кваша). При этом и понятие "воспроизводство населения" толкуется некоторыми исследователями широко, с включением в него и воспроизводства демографических отношений (А.Г. Вишневский). При такой постановке вопроса, по мнению А.Г. Вишневского, "в задачи исторической демографии входит изучение не только процессов воспроизводства населения, но и истории демографических отношений, их культурного обрамления"²¹.

Таким образом, новые подходы к определению задач демографической науки, наиболее ярко сформулированные в книге А.Г. Вишневского "Воспроизводство населения и общество" и вытекающие из включения в определение воспроизводства демографических отношений, "на которые смещается центр тяжести всего демографического понимания воспроиз-

водственного процесса"²², должны непосредственно влиять и на понимание задач исторической демографии, расширяя их по мере углубления представлений о содержании самой демографической науки. Другими словами, дело не только в новых практических задачах, которые диктует сегодняшняя демографическая действительность, а и в углублении понимания сложности существа демографических закономерностей, которому историческая демография, в свою очередь, может послужить самым непредсказуемым образом. С другой стороны, содержание понятий "общественно-историческая" или "социально-экономическая обусловленность" также еще не до конца расшифрованы наукой, не до конца познаны, и поэтому сфера охвата исторической демографии остается пока весьма подвижной.

Приведем еще два мнения о историко-демографических исследованиях и их соотношении с историей и демографией, принадлежащие историкам, активно работающим в историко-демографической области. Как считает медиевист Ю.Л. Бессмертный, "чтобы по достоинству оценить научно-познавательную роль исторической демографии, вполне достаточно признать ее частной исторической дисциплиной, посылно решающей в отношении прошлого те задачи, которые демографическая наука решает в отношении современности. Как таковая, историческая демография обладает своей проблематикой, своей методикой, своим понятийным аппаратом"²³. В заключение приведем точку зрения Я.Е. Водарского – историка, вклад которого в разработку историко-демографической проблематики на отечественном материале феодальной и капиталистической эпох весьма значителен: "Историческая демография – это отрасль исторической науки, совместно с демографией обеспечивающая познание законов развития населения..."²⁴

Итак, к согласию в дефинициях отечественные демографы и историки не пришли (как, впрочем, и зарубежные), однако сделали для развития исторической демографии уже немало. И если 35 лет тому назад Яцунский справедливо писал об "отставании исторической демографии", о том, что "история населения является одним из наиболее отстающих участков нашей исторической науки"²⁵, то можно считать, что именно эта статья Яцунского положила в отечественной историографии начало последнему наиболее яркому этапу развития историко-демографических исследований (за какой бы наукой мы их ни числили).

Широкий поток историко-демографических исследований последних десятилетий, естественно, привел к постановке ряда теоретических проблем исторической демографии, к изучению взаимодействия исторической и демографической наук, к обобщению проделанной работы в учебниках и учебных пособиях, коллективных монографиях. Все эти немалые усилия нашли удачную аккумуляцию и дальнейшее развитие в книге Шелестова "Историческая демография" (1987), представившего формирование этой области знаний в мировом масштабе, с учетом мировой историографии. Именно ему, как мы могли убедиться выше, принадлежит и наиболее широкий подход к определению места исторической демографии в системе наук, ее предмета и задач. Четко подошел Шелестов и к определению времени возникновения и этапов развития исторической демографии.

Начало формирования исторической демографии он относит к определенному этапу изучения истории народонаселения – "примерно в последней трети XIX в., когда с возникновением демографической науки стала постепенно определяться область исследования демографической истории" и формирующаяся демографическая наука стала постепенно вступать во взаимодействие с исторической наукой²⁶.

Поскольку историческая демография зародилась в русле и в недрах изучения истории народонаселения, для историографа представляют интерес и зачатки изучения последней, которые складывались на протяжении длительного периода XVI – середины XIX в. Развитие собственно исторической демографии (и зарубежной и отечественной) принято делить на два больших периода: первый – до середины XX в. и второй, современный – начиная с 1950-х годов.

Объяснение такой периодизации и наступления в конце 40-х – первой половине 50-х годов современного этапа развития исторической демографии для зарубежной историографии связывается в основном с "демографическим взрывом" в "третьем мире" и резким снижением рождаемости в развитых капиталистических странах, вниманием в связи с этим правительств и общественного мнения к демографическому прошлому. Второй импульс шел от все большего интереса демографических исследований к экономическим и социальным причинам демографических изменений, третий – от усовершенствования методики и расширения возможностей моделирования демографических процессов²⁷.

Для отечественной исторической демографии вступление в современный ее этап, приходящийся на конец 50-х годов, теснейшим образом связано с общей логикой развития отечественной исторической науки²⁸. Лишь после войны, особенно в 50-х годах, развернулся интенсивный процесс конкретного изучения истории на основе методологии исторического материализма. Естественно, что при этом первоначально отечественные историки обратились к истории социальных отношений и классовой борьбы²⁹, однако следующий закономерный для отечественной исторической науки шаг – широкое обращение к социально-экономической тематике – неизбежно повлек за собой внимание к демографической истории, так как изучение производительных сил общества, общественного производства в единстве двух его сторон неминуемо выводило на производство самого человека во всей его социальной опосредованности³⁰. Диалектико-материалистическое понимание принципа историзма применительно к двум сторонам общественного производства – материального и производства человека (при определяющей роли первого) – логически привело отечественную историческую и взаимодействующую с ней демографическую науку к резкому подъему с конца 50-х – начала 60-х годов историко-демографических исследований.

Заслуживает внимания тот парадоксальный и печальный факт, что мировая наука в целом, хотя и по разным причинам, всерьез обратилась к изучению человеческого фактора лишь тогда, когда со вступлением в атомный век появилась реальная угроза его полного уничтожения!

Автор этой работы – историк. Занимаясь с 50-х годов социально-экономической историей феодальной России XVI–XVII столетий, я неоднократно испытывала острую неудовлетворенность от недостаточной сопряженности исследуемых процессов и явлений с конкретными человеческими сообществами, от невыясненности параметров этих сообществ, их изменчивости и их влияния на социально-экономические процессы. По мере того как в последние десятилетия историко-демографические исследования стали проводиться все более широким фронтом, появилось желание осмыслить путь, пройденный отечественными историками в изучении истории народонаселения феодальной эпохи. Окончательному решению предпринять такую попытку способствовало появление в 80-х годах серии работ Шелестова по истории исторической демографии, а также исследования по истории народонаселения, осуществлявшиеся в течение последних 35 лет в рамках Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории, начавшееся внедрение историко-демографической проблематики в отечественные общеисторические работы, например в "Историю крестьянства СССР с древнейших времен..." и в региональные истории крестьянства, сопровождавшиеся первыми, правда, еще робкими попытками найти взаимосвязи общих социально-экономических и демографических процессов³¹.

Предпринимаемая работа носит историографический характер, а никак не демографический – автора в первую очередь интересует вклад историков в исследование проблем народонаселения, входящих в компетенцию исторической демографии. Основная цель настоящей работы – подведение итогов, к которым пришла историческая демография, имеющая дело с материалом о народонаселении феодальной эпохи нашей Родины, и конкретизация проблем, подлежащих исследованию (с учетом существующих источниковых возможностей и современных методов обработки источников). Попутно автор пытается поставить и собственно историографические задачи, связанные с историей изучения отечественной исторической демографии³².

При прицельном рассмотрении соответствующей отечественной историографии учитывается широкий фон гораздо более продвинутых в силу состояния источников, зарубежных историко-демографических исследований, компактно представленный в работах Шелестова и в ряде работ отечественных медиевистов³³.

Прежде чем обозначить проблематику, охваченную рассматриваемой в работе историографией, и дать общую ее характеристику, необходимо остановиться еще на двух принципиальных вопросах.

Первый вопрос касается принципов периодизации демографической истории. С точки зрения классиков марксизма-ленинизма изучение закономерностей движения народонаселения по общественно-экономическим формациям само собой разумеется. Говоря в I томе "Капитала" об относительно избыточном населении при капитализме, К. Маркс пишет: "...Всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер

законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек³⁴. Ставя условия размножения человека в непосредственную зависимость от устройства различных социальных организмов, В.И. Ленин также считал, что «закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не "абстрактно", без отношения к исторически различным формам общественного устройства»³⁵. При этом надо не только "исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно", но и "изучать его связь и соотношение с данной системой"³⁶.

Такой подход безоговорочно реализовывался в историографии вплоть до начала 70-х годов³⁷. В упоминавшейся уже коллективной монографии "Система знаний о народонаселении", вышедшей в 1976 г., имеется специальная глава "Историческая демография", в которой констатируется: "Процесс воспроизводства непосредственной жизни рассматривается марксистской общественной мыслью специфически, применительно к различным социально-экономическим формациям"; или иначе: "Марксистская историческая демография подразделяет этапы демографического развития человеческой цивилизации на периоды, соответствующие определенным социально-экономическим формациям"³⁸.

Однако тогда же, в 70-х годах, наметился и иной подход к пониманию специфики закономерностей воспроизводства населения, основанный на представлении, что, кроме экономических закономерностей воспроизводства населения, наряду с ними и в зависимости от них существуют еще и специфически демографические.

Единый закон народонаселения для докапиталистических формаций считают возможным обнаружить киевские демографы³⁹. Автор раздела "Демография и система исторических наук" коллективной монографии "Место демографии в системе наук" В.И. Козлов возражает против "постулата", "будто бы каждой общественно-экономической формации свойственен свой закон воспроизводства населения, свое специфическое сочетание показателей рождаемости и смертности"⁴⁰. Ссылки по этому вопросу на К. Маркса, считает Козлов, неправомерны, так как Маркс имел в виду⁴¹ лишь экономический закон, выражающий особенности динамики и характера использования трудящейся части населения в процессе развития производства. Из высказываний Маркса "еще не следует, что каждой общественно-экономической формации свойственен закон, определяющий уровень и соотношение рождаемости и смертности"⁴².

Козлов считает, что реальные типы воспроизводства крайне разнообразны и их сходство и различие не определяются принадлежностью к определенным формациям (в этой связи он критически высказывается по поводу попыток М.С. Авербуха непосредственно связать изменения уровня рождаемости при феодализме с эволюцией форм феодальной ренты)⁴³. Легко заметить, что автор, очевидно, исходит здесь из узкого толкования понятия "воспроизводство населения". Сторонник широкого его толкования (с включением в него и воспроизводства демографических отношений) А.Г. Вишнеvский считает, что каждый исторический тип

воспроизводства населения (а воспроизводство населения всегда принадлежит к одному из типов и вне их не существует) характеризуют "исторически специфические условия демографического равновесия, соответствующие им демографические отношения и обеспечивающий их воспроизводство механизм социального управления в своем единстве"⁴⁴.

Вишневский – сторонник существования трех типов воспроизводства населения: архетипа, традиционного и рационального. Основные черты традиционного типа воспроизводства, господствующего во всем мире вплоть до XVIII в., неразрывно связаны с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой⁴⁵. Традиционны все добуржуазные общества, и при всех различиях им "свойственны общие черты, предопределяющие во многом сходные положения индивидуума в обществе, одинаково узкие рамки развития личности"⁴⁶. В историографии существуют также утверждения о существовании двух, а также четырех типов воспроизводства населения⁴⁷.

Недавние курсы демографии утверждают, что "экономический закон народонаселения должен рассматриваться для каждой общественной формации отдельно", и в то же время, что, обладая определенной инерцией, "демографические процессы не укладываются по времени в периоды господства того или иного способа производства"⁴⁸.

Шелестов, отмечая, что некоторые демографы отстаивают гипотезу не пяти-⁴⁹ (соответственно последовательно сменяющимся общественно-экономическим формациям), а трехчленного деления всеобщей демографической истории, с сожалением констатирует, что в их теоретических построениях сводится воедино воспроизводство населения не только в рабовладельческом и феодальном обществах, но и в таких антагонистических друг другу формациях, как "капитализм" и "социализм". Корни таких теоретических построений Шелестов видит в формально-статистическом подходе и приходит к выводу, что "периоды всеобщей демографической истории соответствуют смене пяти основных типов общественного способа воспроизводства"⁵⁰. В его статье, написанной для "Демографического энциклопедического словаря", это положение присутствует в такой редакции: "В своих исследованиях историческая демография опирается на научную периодизацию общественно-исторического процесса в соответствии со сменой социально-экономических формаций"⁵¹.

В последнее время такая точка зрения нашла поддержку в теоретической работе Водарского. "Если население – экономический фактор, – делает вывод Водарский, – то и законы его развития (как социально-экономического явления), т.е. "законы народонаселения", "демографические законы", – это экономические законы, сущность которых определяется способом производства"⁵².

Все вышеизложенное, с моей точки зрения, оправдывает рассмотрение истории изучения народонаселения применительно к одной социально-экономической формации – феодальной. Присущее сегодняшнему дню стремление части нашей историографии отринуть формационный принцип систематизации истории не может повлиять на такой подход, так как формационный принцип пока еще продолжает работать в науке и на смену ему не предложен никакой другой, более плодотворный. В нашем случае

наиболее наглядным подтверждением этому является тот факт, что процессы, исследуемые историографией народонаселения периода феодализма, целиком укладываются в эпоху традиционного типа воспроизводства населения. Последнее весьма важное обстоятельство заставляет нас принять за позднюю границу рассмотрения 60-е годы XVIII в., после которых ведущим процессом в социально-экономической истории России становится развитие буржуазных отношений, оказывающее, хотя и крайне медленное, но качественное влияние на закономерности развития народонаселения⁵³.

Второй вопрос, который необходимо оговорить, – складывание и современное понимание предметной области исторической демографии. Как уже отмечалось, в настоящее время приоритет в определении предметной области исторической демографии признается за демографической наукой, возникшей примерно в последней трети XIX в. Однако область исследования демографической истории определилась далеко не сразу. И в 60-х годах, когда в отечественной историографии только появился интерес к теоретико-методологическим проблемам исторической демографии и взаимоотношению исторической и демографической наук (работы Яцунского, Козлова), и в 70-х годах историкам было свойственно подчеркивать комплексный характер науки о закономерностях движения населения⁵⁴.

Но уже в начале 80-х годов историка пугает то обстоятельство, что "наибольшая путаница допускается при отнесении к исторической демографии любого исследования по истории народонаселения". Оправдывая такой подход для конца 50-х – начала 60-х годов, когда исследований по истории народонаселения было еще очень мало, Шелестов считает его совершенно неоправданным для середины 70-х годов⁵⁵. Более того, главный недостаток изучения демографической истории в начале 80-х годов проистекает, по его мнению, как раз из того обстоятельства, что зачинателями разработки с конца 50-х и в 60-е годы исторической демографии и авторами большинства работ в этой области являлись как раз историки. В результате изучение собственно демографических процессов "осуществляется далеко не в полной мере"⁵⁶.

К середине 80-х годов, на основе широкого обсуждения вопроса о предметной области исторической демографии исторической и демографической науками, складывается представление, учитывающее голоса, предупреждающие и от чрезмерного расширения историко-демографической проблематики (до пределов задач изучения истории народонаселения в целом), и от чрезмерного ее сужения (до пределов узко понимаемого воспроизводства населения).

Выделяются три группы взаимосвязанных направлений исследований: 1) историческая динамика численности населения, изменение его состава, расселения, а также миграций; 2) исторические процессы воспроизводства населения – его "естественное движение", сердцевина исторической демографии (рождаемость и смертность, развитие демографических отношений брачности, семья, демографическое поведение, демографическая структура населения, а также социальные изменения в населении, медико-биологические аспекты эволюции воспроизводства населения); 3) исторические законы демографического развития, раскрытие его исторической

обусловленности и роли демографических факторов в истории, демографическая политика⁵⁷.

Несколько иначе, более обобщенно, второе и третье направления конкретных исследований по исторической демографии сформулированы в "Демографическом энциклопедическом словаре" (1985): 2) всесторонний анализ исторической эволюции этих (см. направление первое) процессов в их социальной обусловленности, исследование смены исторических типов воспроизводства населения; 3) третье направление связано с решением задачи раскрытия диалектического единства исторической обусловленности демографического развития и роли демографических факторов в истории⁵⁸.

Реченируя в 1985 г. книгу Шелестова, Водарский подчеркнул важное значение, в свете ведущейся в историографии полемики о взаимодействии истории и демографии, вывода ученого "о том, что понятия "история народонаселения" и "демографическая история" субординированы: первое из них значительно шире второго и не противостоит ему, а включает его в себя"⁵⁹, и как будто не возразил против намеченных в книге трех групп проблем, "подлежащих изучению исторической демографией" (численность, состав, расселение, плотность и миграция населения; воспроизводство населения и связанные с ним вопросы; законы демографического развития и демографическая политика)⁶⁰. Судя по позднейшим статьям Водарского (1985 и 1987 гг.), специально посвященным определению исторической демографии как научной дисциплины и ее предмету, исследователь, констатируя наличие двух точек зрения – широкой и узкой (историческая демография в широком смысле – это история населения, а в узком – изучение закономерностей воспроизводства населения в прошлом), склоняется к узкой и дает свое определение предмету изучения исторической демографии: "Закономерности воспроизводства в прошлом, или точнее, закономерные связи, возникавшие в процессе воспроизводства населения в прошлые исторические периоды. Разумеется, исследование закономерных связей включает в себя изучение общей и конкретной демографической ситуации, т.е. демографической истории (истории населения), но лишь в ее связях с воспроизводством населения"⁶¹.

Такая емкая формулировка "узкого" подхода к определению предмета исторической демографии – "закономерные связи, возникавшие в процессе воспроизводства населения", – может иметь весьма разнообразную расшифровку, в том числе и приведенную выше, также ориентированную на "сердцевину" исторической демографии – широко понимаемое воспроизводство населения.

Однако, соглашаясь с этим подходом и исходя из него, исследователь феодальной эпохи вынужден постоянно принимать в расчет, что историческая демография по состоянию источников делится на три периода ("дописьменный", "достатистический" и "статистический") и по мере углубления в глубь веков (а феодальная эпоха целиком оказывается в пределах "достатистического" периода) все большее значение для раскрытия закономерных связей воспроизводства населения приобретают косвенные свидетельства, учет которых возможен лишь при предельно широком подходе, когда за объект исследования принимается народо-

население в целом. Только на пути попыток создать систему знаний о народонаселении феодальной эпохи (которая предполагает интегрирование знаний о народонаселении, получаемых и собственно исторической демографией, и исторической социологией, и исторической географией и т.п.) можно извлечь максимум знаний о закономерных связях самого воспроизводства населения того времени. Другого пути нет. Именно по нему шла вся отечественная историография, и, естественно, тем же путем попытаемся пойти мы, обобщая ее.

"Достатистический" период исторической демографии, в рамках которого оказывается феодальная эпоха, в свою очередь, по характеру источников неоднороден, и его внутренняя периодизация вынуждена эту неоднородность учитывать. В общей форме в отечественной историографии такой подход присутствует уже в статье Козлова о народонаселении (1966), который, ориентируясь пока только на "демографические источники", писал: "Для изучения народонаселения более ранних (чем конец XVIII – начало XIX в. – Н.Г.) эпох, а также стран и народов, которые еще не охвачены всеобщими переписями, исследователи вынуждены привлекать материалы других видов статистического учета народонаселения, в первую очередь налоговые материалы (сведения о числе налогоплательщиков или хозяйств) и данные воинского учета (сведения о числе мужчин, способных носить оружие, и т.п.), а также церковные книги (запись крещений, погребений и т.д.). Иногда историко-демографы должны прибегать к ретроспективному методу, а при изучении самых ранних этапов истории использовать косвенные данные (сведения о типе хозяйства, площади занимаемой каким-либо народом территории и т.п.) и сравнительный этнографический материал"⁶².

Введение в научный оборот в конце 50-х – 60-х годах таких демографических источников российской истории, как писцовые (сохранившиеся с конца XV в.) и особенно переписные книги (с итогами подворных переписей за XVII в.), а также материалов ревизий, проводившихся с 1719 г., позволило в "достатистическом" периоде вычленить период, обеспеченный в той или иной мере данными массового налогового учета населения. Именно эта специфика отечественных источников определила хронологические рамки первого обобщающего труда о населении России, предпринятого в начале 70-х годов Я.Е. Водарским, – 400 лет начиная с XVI в. Обнаруживается и еще одна внутренняя грань – начало XVIII в.: материалы ревизий начиная с 1719 г. позволяют говорить о выяснении численности населения России⁶³.

Таким образом, эпоха феодализма зримо делится на три периода: 1) IX–XV вв. (косвенные данные, ретроспективные методы и т.п.); 2) XVI–XVII вв. (данные массового достатистического учета); 3) XVIII – первая половина XIX в. (время ревизского учета, а также церковного и административного).

В историографии имеется и не только источниковая аргументация специфики трех периодов развития народонаселения при феодализме. В вышедшей в 1967 г. книге М.С. Авербуха "Законы народонаселения докапиталистических формаций" автор подчеркивает "четко выраженный стадийный характер закона народонаселения феодализма", проявля-

ющийся, по мнению автора, в условиях образования избыточного населения и политике феодального государства по отношению к нему, в закономерностях воспроизводства населения, в различии причин, характера и последствий миграций эпохи феодализма на первой, второй и третьей его стадиях (пока крестьянство еще не закрепощено, когда уже закрепощено, и в условиях феодально-абсолютистского государства, когда разоряемое крестьянство устремлялось в город)⁶⁴.

К середине 70-х годов не только историками, но и демографами было осознано, что традиционно-демографический подход к источникам (с точки зрения их "статистичности", позволяющей выявлять количественные характеристики) недостаточен. Влияние исторической науки на расширение арсенала источников по исторической демографии стало очевидным. "Ни в коем случае не следует пренебрегать всем тем богатством, которое дает нам историческая наука", – пишут демографы⁶⁵. Однако для изучения демографической истории России IX–XV вв. до сих пор при полном отсутствии традиционных источников историками очень робко используются лишь сведения летописей, некоторый актовый материал и появляющийся с конца XV столетия писцовый. Целые комплексы источников XVI–XVII вв. и даже XVIII в. также пока не освоены исторической демографией⁶⁶. Тем более необходимо подвести итоги уже состоявшимся конкретным исследованиям в отечественной науке и наметить возможные перспективы.

Проблематика, оказывающаяся в поле нашего зрения (с учетом сделанных выше оговорок), довольно обширна: 1) историческая динамика численности населения, изменения его состава (социальной, профессиональной структуры) расселения, в том числе плотности; миграции (поскольку они влияют на процессы воспроизводства и динамику численности)⁶⁷; 2) исторические процессы воспроизводства населения ("естественное движение" как социально детерминируемый процесс), включающие в себя воспроизводство демографических отношений (в том числе проблемы семьи как ячейки воспроизводства и ее репродуктивными и социальными функциями с системой брачно-семейных представлений, само демографическое развитие семей – их совокупностей, проблемы домохозяйственных групп). Пертурбационные факторы (эпидемии, голод, войны) в их влиянии на воспроизводство населения; 3) исторические законы демографического развития в эпоху феодализма и история демографической политики.

Последняя в историографии понимается двояко. Одни исследователи отождествляют ее с социальным управлением демографическими процессами. Такую точку зрения выдвинул в 1970 г. Е.Б. Урланис: "Существует также демографическая политика – часть общей социальной политики государства"⁶⁸; за ним следует Шелестов: "Общество всегда в той или иной форме в конечном счете осуществляло контроль за этим процессом (воспроизводством населения. – Н.Г.) и управляло им... такой контроль был органической частью социальной политики"⁶⁹. Вишневатский рассматривает демографическую политику как особый, частный случай такого социального управления: «Общество всегда оказывает управляющее, упорядочивающее воздействие на процессы воспроизводства населения; о демографической же политике в строгом смысле этого тер-

мина можно говорить, пожалуй, только при одновременном наличии по меньшей мере трех признаков: институциональности, осознанности целей и их "демографичности"». Под последним понимается получение планируемого демографического результата. Отсюда вывод, что демографическая политика как массовое явление – феномен XX века⁷⁰. Естественно, что применительно к феодальной эпохе это понятие можно употреблять, как правило, лишь в его первом толковании.

Особое внимание в книге уделяется развитию историко-демографического источниковедения, методам обработки историко-демографических источников, а также собственно историографии исторической демографии, которая в отечественной науке является целиком порождением последнего тридцатилетия.

В силу разного характера источников разработанность всей этой проблематики в историографии для каждого из выделенных выше периодов (IX–XV, XVI–XVII, XVIII вв.) далеко не одинакова, что найдет отражение при дальнейшем изложении.

¹ Отечественный исследователь в области исторической географии В.В. Покшишевский, рецензируя вышедшую в 1956 г. книгу А.Г. Рашина и оценивая другие работы этого автора, выходявшие начиная с 1940 г., называет его одним из пионеров советской "исторической демографии" (*Покшишевский В.В. А.Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811–1913)*. М., 1956 // ИСССР. 1958. № 1. С. 191; см. также: *Шелестов Д.К. Историческая демография*. М., 1987. С. 9).

² *Яцунский В.К. Историческая демография в СССР: (Доклад на Международном конгрессе по исторической демографии в 1963 г. в г. Льеже) // Вопр. географии. М., 1970. Сб. 83: Историческая география в России. С. 63. Накануне Октябрьской революции, в 1916 г., внимание общественности к изучению истории населения пытался привлечь один из корифеев русской науки географ, зоолог, историк географии и истории материальной культуры Д.Н. Анучин. Он писал: "Если иметь в виду возможно более полное познание России и ее производительных сил, то нельзя игнорировать и ее население, столь разнообразное в нашем отечестве по типу, языкам, стадиям быта, культурным особенностям, историческим судьбам, участию в производительности страны". Анучин ратовал за создание такого центрального учреждения при Академии наук, которое могло бы руководить комплексным географическим изучением России, добывающим по его замыслам данные об ее "естественных произведениях и населении", производящем всестороннее научное исследование народностей [впоследствии эти функции в какой-то степени взял на себя Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР] (см.: *Анучин Д.Н. Избранные географические работы*. М., 1949. С. 113–114).*

³ *Козлов В.И. Народонаселение // СИЭ. М., 1966. Т. 9. С. 982.*

⁴ *Козлов В.И. Демография и система исторических наук // Место демографии в системе наук. М., 1975. С. 234–235.*

⁵ Там же. С. 235, сн. 8.

⁶ Они развиты Козловым в целом ряде работ. См., например: *Козлов В.И. К вопросу о роли демографических факторов в истории // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.): Сб. ст. Таллинн, 1979. С. 7. По мнению автора, "размежевание исторической демографии и демографической истории в конечном счете способствует не ослаблению, а усилению кооперации как между этими дисциплинами, так и в целом между историей и демографией" (Там же. С. 8).*

⁷ *Шелестов Д.К. История и демография // ВИ. 1981. № 5. С. 9–10; см. также: Он же. История и современность: (Заметки об исторической демографии) // Народонаселение. М., 1980. Вып. 31: Население мира: вчера, сегодня, завтра. С. 96–97.*

⁸ Система знаний о народонаселении. М., 1976. С. 197 (схема 2).

⁹ Там же. С. 225–226.

¹⁰ Дробижев В.З., Поляков Ю.А. Народонаселение СССР и история советского общества // ВИ. 1974. № 4. С. 37.

¹¹ Шелестов Д.К. История и современность: (Заметки об исторической демографии); *Он же*. История и демография; *Он же*. Советская историческая демография на современном этапе: (Некоторые итоги и задачи изучения) // ИСССР. 1982. № 4; *Он же*. Демография: история и современность. М., 1983; *Он же*. Историческая демография. М., 1987; и др.

¹² Шелестов Д.К. История и демография. С. 12.

¹³ Шелестов Д.К. Советская историческая демография на современном этапе: (Некоторые итоги и задачи изучения). С. 99; см.: также: *Он же*. Историческая демография. С. 90, 91; *Он же*. Демография: история и современность. С. 250.

¹⁴ Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 94; см. также: *Он же*. Историческая демография // ДЭС. М., 1985. С. 159.

¹⁵ Шелестов Д.К. История и демография. С. 11.

¹⁶ Для Р.Н. Пуллата историческая демография – это научная дисциплина в значении "самостоятельная частная наука" (*Пуллаат Р.Н.* Историческая демография в СССР: (Значение, место, итоги и перспектива развития) // Проблемы исторической демографии СССР. Таллинн, 1977. С. 9–11; см. также: *Мересте У.И.* Предмет и структура демографической науки и место исторической демографии // Там же. С. 32).

¹⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 22–24.

¹⁸ См.: *Жиромская В.Б.* В комиссии по исторической демографии // ВИ. 1984. № 2. С. 127.

¹⁹ Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 249.

²⁰ Волков А.Г. Демография // ДЭС. С. 118; см. также: *Он же*. О предмете демографии // Место демографии в системе наук. М., 1975. С. 22–23; Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 66–74 и др.

²¹ *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 128.

²² Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 264–265.

²³ Бессмертный Ю.Л. Проблемы исторической демографии средневековья в современной западноевропейской медиэвистике // Предисловие к сб.: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии: К XVI Международному конгрессу исторических наук (Штутгарт, август 1985): Реферативный сб. Института научной информации по общественным наукам. М., 1984. С. 10.

²⁴ Водарский Я.Е. Историческая демография как отрасль исторической науки // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 15; см. также: *Он же*. Историческая демография как научная дисциплина // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985. С. 7, 13–14. (В этой статье автором дан широкий обзор существующих и в истории и в демографии определений исторической демографии.)

²⁵ Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // ИСССР. 1959. № 3. С. 26, 27.

²⁶ Шелестов Д.К. Историческая демография // ДЭС. С. 159. В 90-х годах XIX в. был впервые употреблен и термин "историческая демография" (Там же), хотя она тогда порой фигурировала под названием "исторической статистики населения" (*Шелестов Д.К.* Демография: история и современность. С. 97). Всеобщее распространение в мировой науке, как и отечественной, термин "историческая демография" получил в 50-х годах XX в.: *Шелестов Д.К.* Историческая демография // ДЭС. С. 159; см. также: *Он же*. История и демография. С. 8. В.И. Козлов относит возникновение исторической демографии ко второй половине XIX в. (*Козлов В.И.* Народонаселение. С. 982).

²⁷ Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 207–208.

²⁸ До начала 60-х годов в стране шел еще процесс восстановления населения после Великой Отечественной войны. Общество не сразу ощутило, что мы имеем дело и с другими, принципиально иными процессами в области воспроизводства населения (падение рождаемости, например) – их также относили за счет последствий войны.

²⁹ Яцунский В.К. Историческая демография в СССР. С. 63.

³⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 726.

³¹ См., например: История крестьянства СССР. М., 1987. Т. 1; М., 1990. Т. 2; История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

³² История отечественной исторической демографии, по мнению Шелестова, "кроме отдельных ее фрагментов, еще не написана" (*Шелестов Д.К.* Историческая демография. С. 19).

³³ *Шелестов Д.К.* О современной буржуазной исторической демографии // ВИ. 1982. № 6; *Он же.* Историческая демография; *Самаркин В.П.* Историческая демография западноевропейского средневековья // ВИ. 1977. № 2; Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984; *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991; и др. Следует полностью согласиться с Я.Е. Водарским, который поддерживает трактовку Д.К. Шелестовым совокупности мировых знаний о народонаселении (а значит, и демографии) как единой науки: различны лишь методологии (*Водарский Я.Е.* Д.К. Шелестов. Демография: история и современность. М., 1983. // ИСССР. 1985. № 2. С. 181).

³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 646.

³⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 476.

³⁶ Там же. Т. 2. С. 169; см. также: *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. III. С. 172 ["... рост (или убыль) населения в человеческом обществе зависит от устройства этого общества, которое определяется его экономической структурой"].

³⁷ См., например: *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций: (Опыт исследования). М., 1967; *Дмитриев С.С.* Население страны и ее история // Предисловие к кн.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 10 и др.

³⁸ Система знаний о народонаселении. М., 1976. Гл. VI. С. 226, 331.

³⁹ Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. IV–V: Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы.

⁴⁰ *Козлов В.И.* Демография и система исторических наук. Гл. 10. С. 237.

⁴¹ См. выше, сн. 34.

⁴² *Козлов В.И.* Демография и система исторических наук. С. 238.

⁴³ Там же. С. 239; *Авербух М.С.* Указ. соч. С. 154–179.

⁴⁴ *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. С. 44–49.

⁴⁵ Там же. С. 49, 59; см. также: *Кваша А.Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974. С. 9.

⁴⁶ *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общества. С. 60.

⁴⁷ Об этом см.: Там же. С. 46–47.

⁴⁸ Курс демографии / Под ред. А.Я. Боярского. М., 1985. С. 16, 17. В своей собственной более ранней работе Боярский выступает противником теории "демографической революции" и трех типов воспроизводства населения, возникшей на Западе и развитой у нас Вишневским (*Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М., 1976), как игнорирующей "самое главное содержание исторического развития – смену общественных формаций" (*Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. М., 1975. С. 66–67). См. также: *Валентий Д.И., Кваша А.Я.* Основы демографии. М., 1989. С. 12, 23.

⁴⁹ О пяти типах воспроизводства населения см. также: *Штеинер В.С.* Демография в современном мире. М., 1978. С. 110.

⁵⁰ *Шелестов Д.К.* Историческая демография. С. 125, 126.

⁵¹ *Шелестов Д.К.* Историческая демография // ДЭС. С. 159.

⁵² *Водарский Я.Е.* Историческая демография как отрасль исторической науки. С. 11.

⁵³ По мнению Вишневского, первые признаки перелома в демографических отношениях появились в России только в конце XIX в. (*Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. С. 103). Одновременно исследователи "демографических взрывов" в истории считают, что первый из статистически зафиксированных и чрезвычайно сильных демографических взрывов, происходивший со второй половины XVIII в., наблюдается и для России (*Брук С.И.* Демографические взрывы в истории // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.): Сб. ст. С. 17, табл. 1 и примечание к ней. С. 20). Водарский (вслед за В.М. Кабузаном) считает, что население Российской империи уве-

личилось за XVIII в. на сопоставимых территориях в 2,4 раза (с 15,5 млн в 1719 г. до 37,2 млн к 1795 г.). [Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). С. 54–55, 151].

⁵⁴ См., например: Дробижев В.З., Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 30–31.

⁵⁵ Имеется в виду точка зрения Р.Н. Пуллата, высказанная им на Первом Всесоюзном семинаре по исторической демографии, состоявшемся в Таллинне в 1974 г. (Пуллат Р.Н. Указ. соч. См.: Шелестов Д.К. История и демография. С. 11).

⁵⁶ Шелестов Д.К. Советская историческая демография на современном этапе. С. 97.

⁵⁷ Там же. С. 97–98; Шелестов Д.К. Демография: история и современность. С. 259–261; *Он же*. Историческая демография. С. 95–100.

⁵⁸ Шелестов Д.К. Историческая демография // ДЭС. С. 159.

⁵⁹ Водарский Я.Е. Д.К. Шелестов. Демография: история и современность. М., 1983. С. 180–181.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ Водарский Я.Е. Историческая демография как научная дисциплина. С. 11.

⁶² Козлов В.И. Народонаселение. С. 982.

⁶³ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. С. 23–24 и др.

⁶⁴ Авербух М.С. Указ. соч. С. 111, 115, 194, 195. [Как уже отмечалось, автор связывает эти периоды со сменой трех видов феодальной ренты (Там же. С. 154–179).]

⁶⁵ Система знаний о народонаселении. С. 232.

⁶⁶ В общей форме это отмечено Шелестовым (Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 113–115).

⁶⁷ Понятие расселения, строго говоря, уже включает миграции, а также проблему поселений, в том числе городских, и целый ряд других вопросов – это сложный социально-экономический процесс, изучаемый одновременно многими науками: политэкономией, демографией, этнографией, географией и т.д.

⁶⁸ Урланис Е.Б. Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах // Вопросы демографии: (Исследования, проблемы, методы). М., 1970. С. 49.

⁶⁹ Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 152; см. также: Кваши А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1984; *Он же*. Демографическая политика // ДЭС. С. 111–112.

⁷⁰ Вишневецкий А.Г. Воспроизводство населения и общество. С. 227; см. также: С. 228, 230.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Зарождение научного изучения истории народонаселения, начало которого обычно относится к XVI в., происходит в мировой науке в условиях становления капиталистического общества (XVI–XIX вв.). Предшествующий период характеризуется медленным накоплением разрозненных представлений об отдельных сторонах жизнедеятельности народонаселения¹.

Для России интерес к проблемам народонаселения также уходит в глубь веков. Внимание составителей Повести временных лет к расселению славянских племен и соседних с ними народов, упоминания авторами Киево-Печерского патерика представителей разных социальных слоев общества, сведения о размещении народов в "Слове о погибели русской земли", осуждение иерархизации социального бытия, основанной на богатстве и власти, в "Молении" Даниила Заточника, – все это свидетельства живого интереса к этим проблемам книжников и богословов XII–XIII вв.

Дошедшие до нас от XIV в. представления о единстве народа и его внутренних градациях связаны с летописными текстами, осуждающими феодальную раздробленность. Никоновская летопись (20-е годы XVI в.), например, описывая радость, охватившую население Тверского княжества в 1367 г. в связи с прекращением очередной княжеской распри, заключает: "И радовахуся бояре их и вси велможи их, также гости и купцы и вси работнии людие, роды и племяна Адамовы. Все бо сии един род и племя Адамово, цари, и князи, и бояре и велможи, и гости, и купцы, и ремесвеницы, и работнии людие един род и племя Адамово, и забывшеся друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают отстояще от заповедей божиих, еже любити искренняго своего яко сам себе". Междоусобная брань в среде одного и того же народа "православных христиан" осуждена как дикое и противоестественное явление и в летописной записи начала XV в.²

Зарождение изучения народонаселения в России традиционно относят к XVIII в. Однако явные зачатки такого изучения можно обнаружить в литературно-публицистических памятниках конца XV–XVI в. – в социально-экономических проектах и трактатах. Все они связаны с постановкой в публицистике крестьянского вопроса, с усиливавшимся процессом закрепощения крестьянства.

Анонимный автор конца XV – начала XVI в. выделяет в составе общества три основных элемента: "светские власти" (цари) и "начальники", управляющие "подвластниками", церковь (молится за них и получает от них защиту себе и своему имуществу) и "селянин", который "тружатись

и питати обоих". И.И. Смирнов характеризует такую схему социального устройства общества как классическое выражение взглядов крепостников-землевладельцев³.

Выступавший в конце 40-х – начале 50-х годов XVI в. Иван Пересветов, стремившийся укрепить самодержавие, опираясь на служилое дворянство и ополчаясь против бояр, выделял население городов и волостей, поместий и вотчин, т.е. крестьян и горожан, как основных налогоплательщиков, объект государственной политики, не вдаваясь в обсуждение их положения в крепостническом обществе, однако одновременно он ополчался против рабства (т.е. против полного и кабального холопства)⁴.

Тогда же, в середине XVI в. (вторая половина 40-х годов), на Руси появился автор, перу которого принадлежало первое публицистическое произведение, в коем труд крепостных крестьян трактовался как основа благосостояния общества, – Ермолай (в монашестве Еразм). Некоторые исследователи называют его ярким выразителем интересов крестьянства, причем наиболее патриархального⁵. В трактате (или политической записке) "Благохотящим царем правительница и землемерие" Ермолай-Еразм выступал за облегчение труда крепостных крестьян (в целом же – за упрочение положения служилых людей), не посягая на крепостническую систему. Именно Ермолаю-Еразму принадлежит деление населения страны на производящих и непроизводящих материальные блага: так, вельможи "ничто же имеющие от своего труда, но изъядюще и одеяния носяще людская труды", в противоположность им "в начале же всего потребни сут ратаеве; от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна". Особенно важна роль крестьян в земледельческой России⁶.

XVI столетие для Европы знаменовалось расцветом страноведческой литературы. Не осталась в этом отношении в стороне и Россия, как XVI, так и XVII в. Обычно в страноведческой литературе география населения резко преобладала над географией хозяйства⁷, и тем самым эти сочинения дают материал и для изучения истории народонаселения. Авторами подобных сочинений о России были обыкновенно иностранцы – путешественники и дипломаты. Общая черта таких произведений – внимание к быту, нравам, обычаям народов, к городам и другим населенным пунктам, к кратким их характеристикам. Венецианец Иосафат Барбаро (конец XV в., сведения о кочевом быте татар, о Москве 70-х годов), поляк Матвей Меховский ("Трактат о двух Сарматиях", 1517, данные о заволжских и крымских татарах), австриец Сигизмунд Герберштейн ("Записки о московитских делах", 1549, рассказы о православных обрядах, описание Москвы, Новгорода, Пскова и др.), англичанин Джайльс Флетчер ("О государстве Русском", 1591, главы о простом народе России, о татарах и пограничных народах: пермяках, самоедах (ненцах) и лопарях, об обрядах русской церкви, укладе домашней жизни у русских и характеристика русского народа), математик и библиотекарь герцога Гольштинского Адам Олеарий (30-е годы XVII в., "Записки" сообщают о путешествии из Нарвы через Новгород и Торжок в Москву с описанием наиболее значительных населенных пунктов, о самой Москве, о русских обрядах и праздниках, обо всей России в целом, ее провинциях, реках и городах, о нерусских наро-

дах, в ней живущих, о городах и селах по Москве-реке, Оке и Волге, описание сопровождается рисунками), наконец, посол германского императора Мейерберг (1661–1662 гг., сочинения дополнены альбомом с рисунками Пскова, Новгорода, Москвы и других городов, изображениями деревень, боярской усадьбы, представителей разных слоев русского населения в характерных одеждах). Таков краткий перечень сочинений иностранцев о России, содержащих наиболее реалистичные и правдивые данные о народонаселении России⁸.

Строго говоря, эти сочинения, написанные обычно на языке той страны, где они выходили, или на латыни (например, "Трактат о двух Сарматиях" Матвея Меховского или "Записки о московитских делах" Сигизмунда Герберштейна), должно, скорее, причислять к источникам. Однако, как справедливо считал Яцунский, по целевой установке большинство страноведческих произведений предназначалось для чтения широкого круга образованных людей того времени, и поэтому даже сочинения, написанные первоначально на национальных языках, издавались впоследствии на латыни (например, "Космография" Себастьяна Мюнстера, содержащая и ряд, правда, нелепых сообщений о русских)⁹. Будучи доступны образованным людям не только в Западной Европе, но и в России, сочинения иностранцев о России, несомненно, могли способствовать накоплению в отечественной общественной мысли элементов (пусть неразвитых) знаний по истории населения и способов их выражения.

С некоторой долей условности к страноведческим сочинениям можно отнести сочинение "О России в царствование Алексея Михайловича" подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, изменившего в 1664 г. России и по заказу шведского правительства написавшего произведение (его иногда называют литературно-публицистическим), которое содержало, в частности, сведения о различных разрядах придворных и военных людей, специальную главу о городах Московского государства и, что особенно важно, главу о крестьянах и количестве дворов, принадлежащих разным владельцам¹⁰.

Наконец, необходимо упомянуть относящиеся к концу 50-х – началу 60-х годов XVII в. публицистические сочинения хорвата Юрия Крижанича, которые, по мнению М.Н. Тихомирова, перекликались по своим идеям с произведениями И.Т. Посошкова¹¹.

Начиная с Посошкова, как бы открывающего XVIII в. в отечественной общественной мысли, выстраивается плеяда общественных деятелей, мыслителей и ученых, зримо принимающих друг у друга эстафету знаний о народонаселении. Известно, что существовал специальный список созданного в 20-х годах, но так и не опубликованного в XVIII в. труда Посошкова "Книга о скудости и богатстве", сделанный для М.В. Ломоносова¹². Посошкова волновали проблемы народонаселения именно его времени, он предлагал проект системы реформ русского общества, предназначенных превратить страну в независимую, сильную и богатую, исходя из посылки, что богатство государства – в богатстве народа ("Крестьянское богатство – богатство царственное, а нищета крестьянская – оскудение царственное"), следовательно, главная задача – широкое привлечение к производительному труду всего населения, при этом он

проявляет интерес к профессиональной подготовке в любой сфере приложения труда населения. Интересны заботы Посошкова о материальном поощрении труда, как на промышленных предприятиях, так и ремесленного и крестьянского (главы 5, 7, 9 "Книги о скудости и богатстве")¹³. При современном изложении основ теории народонаселения рассуждения Посошкова "о прибытке" воспринимаются как рассуждения о прибавочном продукте¹⁴.

Основные достижения накопления и развития знаний о народонаселении в России XVIII в. так или иначе связаны с двумя важнейшими направлениями в развитии европейской исторической мысли той эпохи. С одной стороны, это получившая развитие в историографии XVII–XVIII вв. так называемая эрудицкая школа, представители которой выступили прежде всего в качестве собирателей и издателей исторических источников – их произведения зачастую напоминали исторические справочники, с другой – статистическое описательное страноведение, изучавшее страны в целом, по категориям явлений, в том числе и население. Представителей общественной мысли России XVIII в., обращавшихся к проблемам народонаселения, лишь с известной долей условности можно относить к какому-либо одному из этих направлений. Скорее их мышление синтезировало эти подходы, равно как и активно откликалось на идеи просветительской литературы XVIII в., являясь в то же время прежде всего плодом русской действительности, пропитанным ее реалиями и проблемами. Особый интерес к народонаселенческим проблемам был вызван к жизни как общим подъемом в развитии общественно-политической и научной мысли, подъемом национального самосознания России первой четверти этого столетия, так и активными колонизационными процессами, бурно протекавшими в течение всего XVIII в. в стране, становящейся по своему составу все более многонациональной.

По времени появления – 1727 г. – первым следует назвать труд И.К. Кирилова "Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий"¹⁵. Хотя в целом труд Кирилова можно отнести к типу статистического страноведения, он является абсолютно оригинальным произведением такого рода. Ведя описание по губерниям и провинциям, а внутри них по городам, автор приводит огромный цифровой и статистический материал, в том числе и по населению, сведенный в таблицы, которые в зарубежных изданиях подобного рода не применялись¹⁶. По губерниям и провинциям приведены данные о числе душ (в связи с обеспечиваемыми ими полками), о количестве посадских людей и купцов по городам, об академиях, школах, гимназиях, училищах, числе учеников и учителей в них, аптеках, госпиталях и числе врачующих, о заводах и фабриках, с указанием количества служащих, администрации, мастеровых и рабочих людей с дифференциацией по профессиям, о численности чиновников в различных учреждениях, с указанием должности и т.п.¹⁷

По типу статистических описаний XVIII в. составлена была и неоконченная работа князя М.М. Щербатова "Статистика в рассуждении России" (1776–1777)¹⁸, в которой автор, работавший в "Комиссии по составлению проекта нового Уложения" за расширение привилегий дворянства и

распространение крепостничества, обращался к выяснению численности, состава, территориального размещения населения¹⁹.

"Статистическое описание России", принадлежавшее перу акад. И.Ф. Германа, было опубликовано в 1790 г. в Петербурге (на немецком языке). В нем также приводились данные о населении, изложение сопровождалось статистическими таблицами.

Региональный характер носило такое же по типу сочинение П.И. Рычкова "Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии", вышедшее в свет в 1762 г. и уже в 1771 и 1772 гг. дважды изданное за рубежом на немецком языке в Галле и Риге²⁰. В архивах сохранились также его рукописи о башкирском и киргизкайсацком народах. Излагая свои экономические воззрения в "Переписке между двумя приятелями о коммерции" (1755), состоящей из нескольких писем, Рычков оперирует понятием общественного разделения труда, которое он объяснял ростом населения и вел от детей Адама²¹. Развитие земледелия (которому он отдавал предпочтение), по его мнению, зависит от численности земледельческого населения, в связи с этим он считал вредным дальнейшее отвлечение рабочих рук из сельского хозяйства как в промышленность, так и в городское ремесло и мелкую городскую торговлю²².

Наиболее значительное явление первой половины XVIII в. в накоплении знаний о народонаселении – труды В.Н. Татищева. Большинство из них создано в 30–40-х годах. С полным основанием можно сказать, что Татищев был не только нашим первым историком, но и первым исследователем, специально обратившим внимание на проблемы народонаселения в историческом разрезе, сочетая в своих подходах как приемы и дух эрудицкой школы, так и методы статистическо-описательного страноведения.

Татищев шел в этих своих исследованиях чаще всего от географии. Обычно в историографии и упоминаются его географические труды, такие, как "Предложение о сочинении истории и географии Российской" (не позднее 1737 г.) (в которой он, в частности, писал о необходимости знать, "где какой народ прежде жил и ныне живет, как древние города ныне именуются и куда перенесены"), а также "Лексикон Российский" (1745), две краткие географии России и ряд глав географического описания Сибири²³. Последнему произведению (1736) предпослан план-введение "Порядок обсчаго географического описания всея Сибири", содержащий статьи, свидетельствующие о широте и глубине проникновения автора в народонаселенческую тематику и об историзме его этнографического подхода: "Глава 13"²⁴. О жителях или народах. ...Статья 74. Испытание гисторическое о пришествии народов отродиа сарматского. 75. Отродиа татарского идолопоклонники. 76. Народы страноязычные. 77. Пришествие татар, магометан. 78. Руских овладение. 79. О приезжих временных.

И здесь надлежит все народы порознь описать, понеже один народ в разных провинциях находится, но понеже подлинно о языках их известий не получено, тогда ради разделений по отродиам учинить и порядочно параграфы положить неудобно, однакож и оных, зачав с запада, один

подле другого полагаю, яко ...". Далее идет пример описания: "Глава 14. О черемисах. Например порядок описания народов", и в этой главе статья 93 "О супружестве. В каковы лета в супружество вступать могут, каким образом жен достают и как дорого платят. Колико жен вдруг может иметь. Какое сродство занепристойное к браку почитают, каким порядком сватанье и брак определяется, есть ли между женами преимущества. Как негодных жен отрывают, блуд и прелюбодейство как тяжко поставляют. Как родины отправляют, как жены после родов очищаются. Имеют ли бани или иное омовение. Когда и кто детям имя дает, как долго родители детей содержат, имеют ли какое обучение. Какую должность дети к родителям имеют". Статья 95. "О болезнях. Какие болезни наиболее в том народе бывают. Какие болезни неизвестны. Какие от которой болезни лекарства употребляют". Статья 96. "О умерших. Какие и с каким обстоятельством. Какое погребение, что с мертвыми кладут, чем печаль жены и сродники умершего изъявляют, как долго оставшая жена вдовствовать должна, когда и как поминают, для чего незнающие о безсмертии души поминают". По такой программе предполагалось дать описание более чем 25 народов, в том числе вогуличей, тунгусов (отдельно "конных", "олених", "сабачих"), якутов, юкагиров, коряков, камчадалов, татар, башкир, киргизов и др.²⁵

Татищева интересовал широкий круг вопросов, который мог бы дать представление о воспроизводстве населения: рождение, смерть, брачное поведение, даже модель брака, структура семьи и т.д. Явно обнаруживается свойственное исследователю понимание связи между образом жизни и занятием населения и его демографическим поведением – именно поэтому предполагалось "дифференцированное описание" "конных", "олених" и "сабачих" тунгусов. Вся эта обширнейшая программа во всех своих деталях заслуживает самого пристального изучения.

В богатейшем наследии Татищева сохранились и другие работы, свидетельствующие о его вкладе в развитие знаний о народонаселении. Его "Представление о купечестве и ремеслах" (1748) начинается словами: "Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходят единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества". Далее он доказывает эту мысль не только ссылками на европейские государства, но и обширными экскурсами в российскую историю со времени Киевской Руси²⁶. Таким образом, мысль о том, что богатство государства заключено в богатстве народа, прослеживаемая в трудах Посошкова применительно к его времени, обосновалась прочно в творчестве Татищева, причем трактуется им в историческом плане.

Однако, пожалуй, самой ценной работой Татищева с точки зрения исторической демографии следует признать "Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной" (1747). Говоря о том, что такое ревизия (а также дань и подать) и для чего она нужна, Татищев излагает (под пунктом 7) обширную программу "умножения правильного доходов", содержащую положения, диктующие правительству направленную демографическую политику. В числе способов, коими правительство должно добиваться увеличения доходов, значатся: 1) "Умножением подданных, кото-

рое весьма разными способы учиниться, а ущерб отвратиться может. 2) Учреждение в государстве доброе економии или домостроительства, дабы, елико возможно, работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить, а плодородие в житах, в скотах и прочим умножить... 3) В недостатках или небрежениях добрыми законы и крепким назиранием предупредить и во употреблении к умирности принуждать. 4) Умножение рукоделей или гречески манифактур..." Далее идет подробная расшифровка "умножения рукоделей" и пункт 7) "Понуждение к трудам, а уменьшение туеядцев во всех обстоятельствах немалую государству пользу приносит"²⁷. В этой же работе под пунктом 9 Татищев развертывает первый в нашей историографии, начатый с древности исторический очерк подымного, подушного и поземельного обложения в России вплоть до второй ревизии (1743 г.) и до момента написания "Разсуждения"²⁸. Пункты 130–132 того же сочинения имеют подзаголовок "О женщинах" и содержат указание на противозаконность принуждения к браку, а также удержания от него девиц, достигших 18 лет, и молодых женщин, провдовствовавших два года (со ссылкой на действующие законы В.И. Шуйского и Петра I).

Упомянем также содержащуюся в "Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах" (1753) характеристику возрастных периодов жизни человека ("Како разделяется возраст человека?", "что примечаем" в младенчестве, юношестве, "в стане мужском"). Тут же, при ответе на вопрос "которые науки нужные", находим наставление о том, как заботиться о здоровье своего тела, избегать болезней и излечиваться от них, о пользе умеренного питания и употребления брашен, о пользе "врачества" или медицины²⁹.

Непосредственным восприемником идей Татищева, относящихся к русской истории, был другой практический деятель XVIII в., И.Н. Болтин, на исторических взглядах которого в целом, безусловно, сказалось влияние французских просветителей. Хороший знаток источников в "Критических примечаниях на Историю М.М. Щербатова" (1793–1794. Т. I–II), он приводит много сведений о расселении восточнославянских племен по летописи³⁰. В "Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка" (1788) Болтин развивает высказанную просветителями мысль об изменчивости климата на протяжении истории человеческого общества как причине изменений в нравах народов, подтверждая свои умозаключения примерами не только из западноевропейской литературы, но и из русской истории. Яцунский справедливо усматривает в этом историчность мышления Болтина. Болтин справедливо выступил против мнения Леклерка о сравнительно малой плотности населения всей Российской империи, покоящегося на недифференцированном подходе к таким разным территориям, как коренные русские наместничества, с одной стороны, и Сибирь – с другой. Справедливо названы им и причины, препятствующие размножению народа в прошлом: междоусобия князей, татарское иго, "владенья иноплеменничьи", набеги крымских татар и других кочевых народов. Для своего времени он видел "великую прибыль в народочислии", что в целом свидетельствовало, по его мнению, о хорошем управлении страной³¹.

Очевидно, что к проблемам народонаселения обращались в XVIII в. в

первую очередь представители общественной мысли, научные труды которых выростали на почве их непосредственной государственной деятельности, независимо от того, шли ли они при этом от географии или от истории. В историографии всех их – и И.К. Кирилова, и В.Н. Татищева, и М.В. Ломоносова – называют обычно представителями государственного просвещения.

Учитывая все сказанное выше (особенно вклад Татищева в накопление знаний о народонаселении), следует отметить, что появление в 1761 г. сочинения Ломоносова, специально посвященного проблемам народонаселения России, было основательно подготовлено и развитием отечественной общественной мысли. В отправной формулировке статьи М.В. Ломоносова "О размножении и сохранении российского народа" (письмо, направленное 1 ноября 1761 г. П.И. Шувалову) автор, намечая для рассмотрения в дальнейшем целый ряд важнейших вопросов³², пишет: "Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей". Свою задачу Ломоносов видит в том, чтобы показать пути к этому: "Много есть человекоубийства и еще самоубийства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконенный вкоренившихся, истребить невозможно"³³.

Главную цель демографической политики ученый видит в борьбе со смертью во всех ее видах. Заботясь о воспроизводстве населения, Ломоносов протестует против неравных по возрасту браков: "Вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно... невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю годами... всего сходнее, если муж жены старше от 7 до 10 лет. Обычный предел для деторождения у женщины – 45 лет, а у мужчин – 60"³⁴. Возражает он и против "невольного сочетания" супругов, понимая, что "несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому", священники должны не допускать такого венчания под угрозой лишения чина³⁵. Заботясь "об обильнейшем плодородии родящих", он считает возможным допускать четвертый и пятый браки. Ущерб размножению человеческого рода видит в раннем монашестве: "Молодых вдовым попом и дьяконом надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. ... клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет"³⁶.

Дальнейшие рассуждения касаются "до сохранения рожденных" – необходимо "учредить нарочные богадельные дома для невозбранного зазорных детей приему", повисить искусство повивальных бабок и осторожность беременных, чтобы снизить детскую смертность и "повреждение здравия" "на весь век" среди новорожденных (главным образом из-за травм головы при родах), бороться против детских болезней (выход зубов, который автор связывал с падучей болезнью, грыжа, оспа, сухотка, черви в животе и др.). Для умаления зла Ломоносов предлагал широкое просвещение населения путем издания хорошей книги о повивальном искусстве

(с обобщением опыта "российских повивальных искусных бабок"), о лечении детских болезней (с учетом того, "что наши бабки и лекари с пользой вообще употребляют"). При этом следовало помнить, чтобы рекомендуемые способы лечения и лекарства "не трудно было бы сыскать везде в России", учитывая скудость аптеками, которые надо "устраивать". Такая книга должна была бы быть распродана по всем церквам государства, чтобы "священники и грамотные люди могли сами знать и других наставлением пользоваться"³⁷. Далее речь идет о смертях и повреждениях младенцев "от суеверия и грубого упрямства происходящих", под которыми имеются в виду прежде всего крещения в холодной воде. В результате есть много родителей, произведших на свет 10 и 15 детей, из которых ни одного не осталось в живых³⁸.

Большой вред населению наносит неравномерное употребление пищи в связи с неумеренными праздниками и постами, приходящимися, кроме всего прочего, на неподходящее время года (начало весны, таяние "скверностей", отравление воды и т.п.). Посты и праздники должны быть расположены "по вашему климату" (перенесены на конец весны и начало лета). Очень интересны рассуждения Ломоносова о зависимости физического здоровья, многолюдства и стати людей от традиционно употребляемой ими пищи (сравнение лопарей и самоедов), среди российских областей "многолюднее, где скотом избобильнее"³⁹. Отмечая, что у нас "по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти", Ломоносов считает, что многие из них "действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим". Для этого по городам требуется "довольное" число докторов (которых не хватает и в армии), лекарей и аптек, "удовольствованных" лекарствами. Докторов надо готовить, посылая студентов за рубеж и в своих университетах, при лекарях и в аптеках должны быть российские, а не немецкие ученики⁴⁰.

Статья содержит также рекомендации, как противостоять стихийным бедствиям – моровым язвам, пожарам, солнечным и лунным затмениям, наводнениям, сильным морозам – как причинам "лишения жизни человеческой". Ломоносов уделяет внимание также убийствам, которые "бывают в драках и от разбойников", и видит средство борьбы с ними в поддержании валов, рвов и полисадов вокруг старых российских городов и в строительстве новых городов и переводе в качество таковых, с возведением надежных укреплений, "знатных сел" в глухих местах России⁴¹.

Последние размышления касаются мер, которые должны воспрепятствовать убыли населения из-за бегства за рубеж (облегчение в податях пограничных с Польшей жителей) и ухода раскольников на р. Ветку (Ломоносов считал возможным вернуть их военной силой). "Истребление раскола" виделось ему на путях исправления нравов и большего

просвещения народа. Одновременно он допускал восполнение населения за счет приема иностранных беглецов⁴².

Программу "сохранения и приращения подданных ея императорского величества" Ломоносов заключает "догадкою" (возможен и "примерный счет", но для него требуются "многие обстоятельства и немало времени"), каково может быть это приращение российского народа – в год до 0,5 млн душ, а за 20 лет от ревизии до ревизии – 10 млн⁴³.

Ломоносов писал, что численный рост племен и народов, заселение ими новых земель способствует превращению "пустыни непроходные" в цветущий край, застроенный городами и сслами, покрытый посевами пшеницы. Неосвоенность Сибири, редкие находки там драгоценных камней он объяснял тем, "что искать оных сокровищ некому, сколько ради незнания, а паче для малолюдства" сибирских жителей. Однако многочисленное население лишь условие для усиления страны. Главное же – упорный труд народа в разных областях человеческой деятельности, не боящегося "жаров" и "морозов". Такая страна будет иметь изобильные нивы и сильное войско⁴⁴.

Уделив внимание многим важнейшим условиям воспроизводства населения (проблемы миграции, стимулирование рождаемости, борьба за снижение смертности, прежде всего детской, – можно сказать, что это сочинение проникнуто пафосом борьбы со смертью), Ломоносов высказывает оптимистические прогнозы о возможных темпах роста населения современной ему России.

Ломоносов оперирует понятием "народ", уповая на то, что предложенные им способы для его сохранения и размножения "не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному"⁴⁵. Большинство народа состоит из крестьян, купцов, мореплавателей и воинов. Труд у него дифференцирован на земледельческий, промышленный, купеческий, воинский, а также умственный⁴⁶.

Проблемы этногенеза и смены народностей на территории России, интересовавшие в колонизирующейся стране всех историков, широко подняты и в основном историческом труде Ломоносова. "Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года" написана в 1754–1758 гг., напечатана в 1766 г. Ставя в первой же главе этого труда вопрос "о старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще" и "о величестве и поколениях славянского народа", Ломоносов активно включается в волновавший многие умы Европы в XVIII в. спор: были ли "древние многолюднее новейших"⁴⁷. Сравнив "множество и могущество славянского народа уже во дни первых князей российских" с нынешним, "едва чувствительное нахожу в нем приращение", – пишет Ломоносов, – "без сомнения заключить можно, что величество славянских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере". Далее он доказывает: "коль велико было славянское племя уже в первые веки, по рождестве христове"⁴⁸. Ломоносов оперирует здесь не цифровым материалом, а общими оценками, как это было свойственно и мыслителям Западной Европы⁴⁹. Однако причислять его к принципиальным сторонникам точки зрения о неизменности "общего числа людей, живущих на поверх-

ности земли" во все времена (высказанной в 1765 г. автором статьи "Население" в 13-м томе Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера Э. Дамилавилем)⁵⁰, на основании этих заключений будет вряд ли справедливо. Как мы могли убедиться выше, чрезмерную смертность Ломоносов связывал с тяжелыми условиями существования народа и был оптимистично настроен в отношении его увеличения.

В первой главе автор много внимания уделяет передвижению восточнославянских и финских племен (из слияния их образовался, по его мнению, русский народ), ссылаясь в доказательство колонизационных процессов на "немалое число чуждских слов" и топонимов в нашем языке, а также описывает передвижение вообще всех славянских народов⁵¹. Уделял Ломоносов внимание и современным ему проблемам колонизации, призывая к поощрению новоселов на Севере. В "Кратком описании путешествий по северным морям" (1762–1763) он высказывал убеждение, что "для населения тамошних мест (которые по обстоятельствам кажутся быть плодородны и здоровы) и для строения города на устьях реки Уды бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегии и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами". При этом он рассчитывал и на исправление нравов, отправляемых туда праздных людей ("нужда хлеба искать научит"), приводя в пример большую часть "сибирских жителей"⁵².

Некоторые идеи, изложенные Ломоносовым в его специальном сочинении о народонаселении, нашли отражение в гл. XII "О размножении народа в государстве" "Наказа" Екатерины II "Комиссии по составлению проекта нового Уложения" (1767), построенного на заимствованиях из французской просветительской литературы. Констатируя "недостаточность" жителей в России и большие пространства ненаселенных и необработанных земель, высокую детскую смертность (при рождаемости в 10–20 детей не выживает и четвертая часть), причину последней Екатерина II видит в "порочности" пицци, образа жизни, воспитания, которые "если бы могли благоразумными учреждениями отвратить" и "попечение иметь о здравии граждан". Есть в "Наказе" отзвук мысли Ломоносова о злоупотреблениях отцов властью при устройстве браков детей и высказывается необходимость в ясном положении, "в каком степени родства брак дозволен и в каком родства степени брак запрещен". Останавливаясь на римской политике поощрения семьи, "Наказ" упоминает также, что в некоторых областях (можно думать, что имеется в виду и русское обычное право. – Н.Г.) "определены законами выгоды женатым... там старосты и выборные в деревнях должны быть выбраны из женатых", а больше чести оказывается тем, у кого больше детей. "Наказ" ополчается против оброка и выступает за те поборы, которые "менее мужика отлучают от его дома и семейства", и тем самым способствуют распространению земледелия, которое "есть первый и главный труд"⁵³.

Именно эта последняя идея "Наказа" была всесторонне развита в следующем, 1768 г. в "Записке по крестьянскому вопросу"⁵⁴, принадлежащей перу последовательно отстаивающего классовые позиции крепостнически настроенного русского дворянства князя М.М. Щербатова. Последний различает "два состояния, которые я назову производителями (les

rouvoveurs), – это земледельцы, и потребители (les consommateurs) – это люди, занятые другими делами человеческими и потребляющие произведения земледельцев". Выясняя причины дороговизны хлеба и неминуемого для России голода путем цифровых подсчетов и соотнесения ревизских душ и вообще населения страны и его потребления, Щербатов приходит к выводу, "что по соразмерности с числом людей, обрабатывающих хлеб (т.е. потребителей. – Н.Г.), недостает людей, обрабатывающих землю". Многочисленные реки, "истекающие из озера крестьянства российского", – это и рекрутские наборы (до 60 тыс. человек), и беглые в Польшу и на Украину, и переход в мастеровые, и отказ самих помещиков от занятий земледелием, и обращение их к торговле, и т.п. В результате Щербатов опасается, что "никогда уже не вернется к сохе тот, кто раз отстал от нее" и число производителей, которые умножаются только "путем рождений", будет сведено на нет⁵⁵. Помимо земледелия Щербатов допускает существование промыслов, которыми крестьяне должны заниматься главным образом в течение шести зимних месяцев. Щербатову принадлежит первый проект военных поселений, названный им "Мнением о поселенных войсках" (1773–1774) и продиктованный, по его утверждению, прежде всего заботой 1) о размножении народа, 2) о сохранении жизни человеческой, а также 3) защитой и безопасностью отечества и 4) сохранением казны. Щербатов исходит при этом из мысли, что "не может быть государство сильно, если оно немногочисленно"⁵⁶.

Как в "Записке по крестьянскому вопросу", так и в других своих сочинениях Щербатов обосновывает идею невозможности освобождения крестьян в России, пишет о том, что крестьяне "весьма недовольны своим состоянием земледельцев и в большинстве случаев довольны своими помещиками", считая русский народ самым "работящим во вселенной", в то же время обвиняет русских вообще в том, что они "не прилагают стараний к лучшей обработке своих земель и, пребывая в рабстве у старых обычаев, за грех почитают отступить от них. Незнакомые со всеми частями весьма трудной науки о почвах своей земли, о том, какой навоз требуется для удобрения глинистой или песчаной земли, они грубейшим образом приписывают божескому наказанию бесплодие, которое часто происходит от собственной их беспечности. Другие же, имеющие земли от природы плодородные, довольствуются теми значительными урожаями, которые они получают без удобрений и почти без всякой обработки, не задаваясь целью повысить урожай"⁵⁷.

Как можно убедиться, причиной угрожающего голода Щербатов полагал не быстрый рост населения вообще, а опережающий рост его непроизводительной части и всеобщее нерадение в обработке земли, общую низкую культуру сельскохозяйственного производства (естественно, он не видел и не хотел видеть пагубной роли крепостничества в этом деле)⁵⁸.

К концу 60-х – 70-м годам XVIII в. относится появление целого ряда публицистических произведений русских просветителей, которых объединяла критика крепостного произвола и сознание того, что рабство и нищета народа губительны для страны. Рассуждая о процессе разделения труда и прибавочном продукте, об опустошениях от войн, равных в эпоху

варварства опустошениям от голода и мора (И.А. Третьяков), о предоставлении крестьянам собственности на движимое имущество, об ограничении барщины одним днем в неделю, о создании в деревнях школ и больниц (А.Я. Поленов), русские просветители связывали свои надежды с деяниями монарха, принявшего их концепции.

С точки зрения народонаселенческих проблем среди них наибольший интерес представляют сочинения профессора права Московского университета С.Е. Десницкого. К его "Представлению о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи" (1768), поданному в "Комиссию по составлению проекта нового Уложения", имеется приложение "О нижнем роде". Под ним разумеется "земледельческий род", главную часть которого "по количеству жителей" составляет крестьянство. Самое решительное требование этого раздела – "прекращение некоторых злоупотреблений в рассуждении крестьянства", из которых главное – продажи крестьян в розницу или семьями, но без земли: "Такое зло, более всего прелятствующее размножению народа и благонравию, надлежит совсем искоренить и внести в закон, дабы некоторый помещик своих крестьян без их согласия не продавал на вывод..."

В другом приложении Десницкий пишет о поощрении к земледелию казачьих войск и упорядочении жизни разных народов, "на границах империи или в окрестностях оных обитающих", несущих воинскую службу и охраняющих отечество. К 1768 г. относится и его "Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся". По мнению Десницкого, полигамия и многоженство усиливают власть отца над детьми. В этой речи в историческом плане, со ссылками на Уложение 1649 г., рассмотрены традиции правовых взаимоотношений родителей и детей в России⁵⁹.

Но главные, мировоззренческие высказывания Десницкого известны по его речам, произнесенным позже – в 1775 и 1781 гг. – на университетских праздниках. "Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов..." посвящено происхождению семьи, изучению которой, по мнению Десницкого, "ученый свет" уделяет не столько внимания, "сколько бы оному (супружеству. – Н.Г.) надлежало быть примечаемому, как такому смертных союзному началу, от коего происходит всех нас рождение и оно общежительное рода человеческого размножение, от которого напоследок родились многолюднейшие града, возросли обширнейшие государства и необъемлемые империи". Десницкий сравнивает семью пастушеских народов, описанных Юлием Цезарем ("первоначальных британцев", галлов и "старинных германцев"), с семьей "скитающихся юртами и ордами" татар, калмыков и других бесчисленных народов "под державою Российскою и в соседстве". Он описывает происхождение калыма и приданого, обряда обручения, у истоков которого жертвоприношение хлебом, брачного договора⁶⁰.

Постановкой проблемы развития от семьи к государству (а не наоборот, что было характерно для историков XVIII в., для которых история начиналась с государства) Десницкий предварил подход, свойственный уже только 20-м годам XIX в. (работы И. Эверса).

В другой речи – о собственности – Десницкий прямо солидаризируется с английским буржуазным философом и историком Д. Юмом, выступившим в 1752 г. против И. Воссюса и Вольтера, утверждавших, что во времена Юлия Цезаря на земле обитало в пять раз больше жителей⁶¹. Четко выраженная позиция Десницкого в споре "о многолюдстве древних и малолюдстве нынешних народов" логически вытекает из яркого изложения в этой речи его представлений о вечной изменчивости мира и природы человеческой, прогрессе как непрерывном процессе: "Искусства и науки... процветали в одни века и в другие упали; и хотя они при таких своих переменах и повсеместно исчезали в одном народе, однако в последовавших за оным других народах каки возникли и размножились по всему почти свету. Итак, сколько нам известно и сколь далеко чинимые нами о сем наблюдения могут простираться, то мы не можем еще приметить никакого ущерба в естестве человеческом"⁶².

Ссылаясь на новейшие открытия испытателей "природы человеческия" и на писателей древности, Десницкий выделяет четыре состояния "роду человеческому". Первое – первобытное (ловля зверей и собиране "само-рождающихся" на земле плодов), второе – состояние народов, живущих скотоводством (пастушеское), третье – "хлебопашественное", четвертое – "коммерческое". "Такое происхождение и возвышение обществ человеческих, – пишет Десницкий, – есть сродно всем первоначальным народам, и по оным четверояким народам состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах". На этом основании он призывает своих слушателей: "Воззрите... российские потомки на своих отдаленнейших предков и... вспомните, от каких малых начатков происходили российские первобытные народы aborigines и до коликого ныне они достигли величества, славы и могущества!..."⁶³

Далее Десницкий прослеживает возникновение права собственности (на этапе введения хлебопашества), которое "соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных". В Европе это "баронские и маркграфские чиновательства, которые в старину равнялись к царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ... державы европейские. Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах феодалное правление". Десницкий характеризует его так: "Сущее правление, аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя не полномощного". По мнению Десницкого, "сие феодалное и происходящее от различного введения собственности в землях правление" "сродно" всем "первоначинающимся" государствам, собственность "феодалную" европейскую он уравнивает с собственностью "землевладельческой" российской⁶⁴.

Таким образом, русское просветительство к началу 90-х годов XVIII в. сделало большие успехи в овладении принципом историзма как в общих подходах к пониманию исторического прогресса, вопросам становления семьи, частной собственности и государства, так и при рассмотрении основной для народонаселенческой историографии XVIII в. проблемы о соотношении количества населения в древности и в новое время.

Заслуживает внимания творчество еще одного ученого Московского университета – профессора практической медицины С.Г. Зыбелина, который наряду с Десницким был одним из ближайших соратников Н.И. Новикова. Ему принадлежат два ярких публицистических произведения (1775 и 1780), непосредственно откликающихся на пункт 266 "Наказа" Екатерины II, в котором говорится о безвременной гибели массы детей: "Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в общества народа..." "Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину, состоящую в неприличной пище, младенцам даваемой в первые месяцы их жизни..."

Автор раскрывает тему "физических" источников чрезмерной смертности (главные средства против них: здоровый образ жизни родителей до супружества и в супружестве, усиленный присмотр за младенцами, искусные повивальные бабки и т.п.). Популяционистская позиция Зыбелина заставляет его искать различные причины медленного роста населения. Первой он называет безбрачие, причины которого видит в дорогих выводах, чрезмерном приданом, чрезвычайных налогах и угнетении, далее следует недород хлеба (земледелие Зыбелин считает "первым основанием" государства), голод. Главная же причина – болезни, на долю которых, по его мнению, приходится 50% всех смертей (остальные – на старость, войны и несчастные случаи).

Ссылаясь на расчеты детской смертности 50–60-х годов шведского ученого П. Варгентина (в 1-й год жизни – 245 из 1000; между 1-м и 3-м годами – 95 и т.д.), он приводит ряд данных для разных местностей России и приходит к выводу, что "наше Отечество в плодородии и долготе жизни, следовательно, и в других преимуществах много прочих превышает". Зыбелин устанавливает, что медленность роста населения или его упадок начинаются с младенческого возраста, особенно же заметно это на первом году жизни, поэтому основное внимание он уделяет пище младенцев (до появления зубов – молоко матери, а совсем густая и крепкая пища – только после 22 месяцев от роду). Большие успехи по борьбе с детской смертностью в Англии Зыбелин объясняет внимательным присмотром за родильницами и акушерской помощью, прививкой оспы, рациональным воспитанием младенцев⁶⁵.

Судя по итогам изысканий Зыбелина, русские просветители, вышедшие на народонаселенческие проблемы от медицины, в анализе русской действительности шли от ее реальностей, опирались на своих предшественников в отечестве (Ломоносов) и внимательно учитывали достижения европейской науки.

Возникшая во второй половине XVIII в. историко-экономическая историография также не миновала народонаселенческой проблематики. Главное ее достижение в этом плане приходится также на 70-е – начало 80-х годов. Служащий Сената и Коммерц-коллегии М.Д. Чулков, одним из первых обратившийся к сбору этнографических материалов и создавший "Краткий мифологический лексикон" (1767), в своем основном многотомном труде по историко-экономической тематике "Историческое описание российской коммерции", написанном в 1772–1780 гг., пытается

проследить этапы экономического развития России (главным образом ее торговли) за семь веков (XII–XVIII)⁶⁶.

В историографии справедливо подчеркивается, что труд Чулкова является прежде всего ценнейшим собранием материалов, источников, в том числе архивных XVI–XVIII вв., впервые вводимых им в научный оборот. Тексты документов Чулков публиковал полностью, без купюр, однако не всегда указывая даты, название или самоназвание документа и другие археографические данные. То же относится и к используемым им текстам из различных периодических изданий⁶⁷. Все это затрудняет вычленение собственных воззрений Чулкова на проблемы народонаселения и его авторских оценок. Сведения о народах, населявших Россию, ее городах содержатся в т. I труда Чулкова (кн. 1–2) (1781–1782) и в т. VI (кн. 1–3) (1786).

Судя уже по предисловию ко всей работе, Чулков, идя значительно дальше Рычкова, считает, что именно развитие промышленности, мануфактур будет способствовать "всенародной прибыли"⁶⁸, а также признает определенную зависимость между развитием промышленности, земледелия, торговли и ростом населения и его плотностью, видит, что именно разностороннее развитие хозяйства страны будет способствовать росту населения. Именно таким пониманием необходимости всестороннего экономического развития страны диктовался, по-видимому, и весь направленный подбор М.Д. Чулковым источников и литературы для "Исторического описания", в частности переводных статей из академического периодического издания "Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих" 50-х годов XVIII в.⁶⁹ Сам Чулков и в этом труде уделяет много внимания этнографическим вопросам, пользуясь всеми известными в его время географическими и этнографическими сочинениями.

В целом же вполне правомерен вывод новейшего исследования об исторических воззрениях Чулкова, видящий его научное достижение в том, "что политическую историю он связывает с развитием хозяйственной жизни, степенью и формами хозяйственного освоения природных ресурсов страны"⁷⁰, к которым он относил и ее народонаселение.

Воздействие на последующую историографию идей по народонаселенческой проблематике, высказанных общественно-политическими деятелями XVIII в., естественно, неоднозначно. Ряд произведений, содержащих соответствующие идеи, был издан только в середине XIX в. (например, труды Щербатова), в рукописи же они могли быть доступны лишь очень узкому кругу людей. Другое дело – публичные речи университетской профессуры или опубликованные историко-экономические труды того же Чулкова, все семь томов которого увидели свет еще в 80-х годах XVIII в.

С этой точки зрения большой интерес представляет такое широко доступное издание, как первый оригинальный учебник по географии России, принадлежащий перу Х.А. Чеботарева, с 1776 г. профессора истории, нравочения и красноречия Московского университета (также другу Н.И. Новикова)⁷¹. Историческая география, по Чеботареву, описывает жителей земного шара, их состояния, законы, нравы, науки, художества и

пр. Чеботарев аргументированно занял вполне определенную позицию в вопросе о динамике количества населения: "По достоверным европейским запискам о крещении младенцев и погребении людей многократно оказалось и самым опытом утверждено, что ежегодно число родившихся бывает больше, нежели умерших; следовательно, человеческий род умножается беспрестанно". На земном шаре могут "удобно" жить и находить пропитание 3 млрд людей. Однако росту населения мешают войны, чума, неплодородия земли, холостая жизнь со всеми ее причинами, нездоровая атмосфера и образ жизни людей больших городов. Он приводит цифры, характеризующие естественное движение населения, пишет о числовых соотношениях новорожденных по полу и категорически положительно высказывается относительно равенства рас⁷².

Огромное революционизирующее влияние на всю общественно-политическую, научную мысль XIX столетия оказали труды А.Н. Радищева, впервые предложившего решать основную проблему народонаселения эпохи феодализма – о судьбе крепостничества – революционным путем, руками народа – созидательной силы общества. Во всех произведениях, которые Радищеву удалось опубликовать в 90-х годах XVIII в., прежде всего в "Путешествии из Петербурга в Москву", содержится протест против рабского состояния и подневольного труда, отрицательно влияющих на увеличение численности населения.

Состояние "земледельцев" в обществе он находил вредным прежде всего для размножения "произрастаний и народа": "Если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своей цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее"⁷³. Эти последние слова Радищева свидетельствуют о его убеждении в существовании внушающих надежды резервов природы для прокормления рода человеческого, привлеченного к заинтересованному труду. Тут же Радищев восставал против неравенства лет в браке, которым "нарушается единый из первейших законов в природе"⁷⁴.

Неопубликованные при жизни автора и увидевшие свет только в XX в. (главным образом уже в послевоенный период – в 1946, 1949, 1950 гг.) работы Радищева свидетельствуют о том, что его интерес к конкретным проблемам народонаселения лежал в русле подходов, свойственных всем популяционистам того времени: несомненно, он придавал большое значение изменению численности населения в историческом развитии. В работе "Описание Петербургской губернии" (не ранее 1789 г.) присутствуют разделы: "Население" (количество городов, сел, домов в них); "Изчисление жителей по ревизии" (им учтено и податное и неподатное население сельской местности и городов с поправкой на то, что в России "больше родится мужеска пола"); "Изчисление жителей по числу рождающихся" (по городам и уездам, по исповеданиям)⁷⁵.

В "Описании Тобольского наместничества" (1790–1791) Радищев характеризует нравы крестьянства, обвиняя его в лени и пьянстве ("земли у него более, нежели ему нужно, а обрабатывает недовольно"). "Сии

вкоренные повсеместно в жителях пороки суть препятствия к размножению народа", – считает Радищев, такими же "ко многолюдию" препятствиями, являются обычай не родниться "с новыми селянами", из-за чего целые деревни лишены женщин, распространение раскольников, которому, по его мнению, чуждо целомудрие. Приведя данные о количестве населения, платящего подушную подать по ревизии 1764 г. (на 5 млн кв. верст не более 165 тыс. душ, по 1 душе на 26 кв. верст), он ставит под сомнение "изчисление сие", "сея пропорция" еще меньше. Описывает Радищев и нравы остяков, самоедов, тунгусов, определяя их количество по переписи 1764 г. в 36 тыс. душ, платящих ясак (от 16 до 50 лет), т.е. всего до 100 тыс. человек, а образ жизни подобным "житию человека в первоначальном состоянии человека находящегося". Много частных наблюдений содержат "Записки путешествия в Сибирь" и "Записки путешествия из Сибири" (1790–1797) – о расселении и домах татар, черемисов, чувашей, вотяков в сравнении с домами русских жителей, о различных болезнях⁷⁶.

Среди писем президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову обращает на себя внимание письмо от 14 октября 1791 г. из Иркутска, в котором Радищев благодарит за пересылку сочинения И.Ф. Германа "Статистическое описание России". Критикуя попытку Германа дать перспективные расчеты будущего населения России (400–500 млн душ), не принимая во внимание изменения общих условий, определяющих фактический рост населения, автор письма пишет: "Если бы удалось нам прожить лет сто, то бы мы увидели событие пророчества господина Германа, что в России больше будет народа нежели в Китае. Но он забыл, что тела политические стареют, также как и естественныя, соразмерно употреблению своих сил. Если человек в молодости своей живет невоздержно, то навлекает на себя безвременную дряхлость и скорую смерть. То же можно сказать и о телах политических"⁷⁷. Мыслитель Радищев, не в пример статистикам-государствоведам, демонстрировал строгую историчность в подходе к демографическому материалу.

В письме от конца 1794 г. (из Илимска) по просьбе адресата подробно описано население Илимска, с особым вниманием к количеству хлебного вина, идущего на продажу для 4000 душ обоего пола, живущих по Илимю (до 1000 ведер). Письмо от 24 июля 1797 г., посланное Радищевым из его поместья с. Немцова сразу после возвращения из ссылки, свидетельствует, что он пробовал проводить в жизнь провозглашаемые им принципы политики народонаселения. "Я вызвал неудовольствие своих крестьян, – пишет Радищев, – запретив им женить малолетних, что является здесь обычаем почти повсеместным и может быть причиною тому, что население вовсе не будет возрастать, как это должно было бы быть: это одна из причин, тому содействующих"⁷⁸.

В труде "О законоположении" (1801–1802, опубликован впервые в 1916 г.) вернувшийся к политической жизни Радищев уделяет проблемам народонаселения значительное место. Комиссии, готовящей новое законодательство ("Комиссии сочинения законов"), необходимо, по его мысли, иметь из всех губерний и присутственных мест разнообразные ведомости, в том числе: "1-е. О количестве народа по губерниям и округам. 2-е. О количестве земель по губерниям и округам, с описанием, где земля, какого

свойства и произражения и образ обрабатывания. 3-е. О заводах рудокопных и других фабриках, мельницах и проч. рукоделиях и вообще об образе прокормления по губерниям и округам. 4-е. Об отлучающихся из домов по паспортам. 5-е. О числе обращающихся на заводах и фабриках и о количестве их произведений, и кем и коликим числом производятся работы. 6-е. О податях по различным их наименованиям. 7-е. Как, где и какие суть господские подати, оброк или земледелие, и сколько по округам крестьян на пашне и на оброке, и каких владельцев больших или малых. 8-е. О налогах натурою по губерниям и округам: а) рекрутский набор: как сделаны участки, оные прислать за три набора; б) содержание дорог...; в) провожание колодников, сколько оно раз в году где было, за три года; г) препровождение казны и рекрутов, и какие где берут подводы; д) содержание городской и земской полиции ... и нет ли других каких налогов; из сих ведомостей увидеть можно, что народ иногда терпит для того, что не знает, что платить должен".

Все эти сведения необходимы для того, чтобы в свете положений статей 265–295 гл. XII "Наказа" Екатерины II, которые Радищев тщательно пересказывает, способствовать увеличению народонаселения в России. «Сии суть истины, – доказательств не требующие, – пишет Радищев о положениях "Наказа", – и мы опираясь на правила мудрая сия владычицы скажем, что в размножении народа видно благосостояние государства; но, как по изречению императрицы Екатерины многие суть препятствия к размножению народа в России, то и нужно помышлять об отдалении оных препятствий и о средствах, размножение поощряющих. А поелику, как то говорит императрица Екатерина в статье 275: страна, податями отягченная, через время должна быть обнажена от жителей, то нужно поставить некоторое в законе правило о налогах, дабы народ ведал, что оно непременно и его никто не преступит, и почитал сие за свой полладион. Тогда в надежности не быть отягченну, Россия от жителей не обнажится. Дабы получить возможность судить о сих предметах, то и нужно иметь следующие ведомости»⁷⁹.

Среди прочих "ведомостей" Радищев предусматривает такие, которые будут способствовать надзору "1) за тишиною общественною, 2) за общею сохранностью; 3) за здоровьем; 4) за добрыми нравами; 5) за воспитанием; 6) за призрением бедных" и т.п. (ведомости о том, "сколько в какой губернии лекарей, бабок повивальных, под ведением управ врачебных, сколько где больниц, госпиталей, домов для сумасшедших, аптек, или других, ко здравии народа сделанных учреждений", "где сколько увеличительных домов... где сколько публичных домов или борделей, и сколько числом торговых женщин... ведомости нужны, когда дело будет о нравственности граждан, ибо вопрос великий есть в законодательстве – запрещение ли нужно в сем случае, или дозволения того, что запретить нельзя", "где сколько богаделен, воспитательных домов или для родильниц")⁸⁰.

В этом законопроекте проявился интерес Радищева к установлению числовых закономерностей общественной жизни, свойственный политической арифметике, – именно для этих целей в конечном счете требовался точный ведомственный обсчет всех сторон жизни народа и государства. Без сомнения, Радищеву, как и большинству представителей русского

государствоведения, были известны основы теоретических знаний, лежащих в фундаменте политической арифметики, – понимание того, что закономерности общественной жизни, в том числе и такие, на основе которых может быть создана новая система законов, выявляются только при массовых наблюдениях. Отсюда и стремление к всеохватности статистических сведений, к их масштабности в пределах государства. Разнообразие ведомостных сведений, предусматриваемое Радищевым, свидетельствует, насколько глубоко понимал он необходимость и значение не только статистики населения, но и широкой экономической, в том числе сельскохозяйственной, статистики, а также статистики судебной.

В том же труде "О законоположении" А.Н. Радищев обосновывает необходимость борьбы с пьянством: "Признается всяк без предубеждения судящий, что пьянство есть порок, и в России есть порок народный, общий; но и в том признаться должно, что правительство оный порок укореняет и поощряет его распространение посредством винных откупов. Но сумма откупа составляет великий государственный доход, доход, может быть необходимо нужный; то законодатель, о сем здраво размышляющий, должен на весы любомудрия, человеколюбия и здравой политики возложить в одну чашу истребление вкоренившегося порока, в котором находится корень многих злодеяний и преступлений, – сие докажут самые ведомости о преступлениях, – а в другую – доход великий государственный, может быть пятую или шестую часть всех доходов, что дает перевес? Нужно, кажется, истребить порок и корень многих преступлений и болезней, следовательно уничтожить откуп винный; но вино будут делать, согласен: но где нет поощрения к чему, а особливо от правительства, того будет меньше, и, смело скажу, будет гораздо меньше"⁸¹.

Таким образом один из последних трудов Радищева, представляющий собой глубоко продуманную программу для составления нового законодательства, свидетельствует, что его автор ставил во главу угла политику народонаселения, направленную на укрепление здоровья и размножение населения России. При этом, с одной стороны, он последовательно развивал традицию, сложившуюся в просветительском русле отечественной общественной мысли XVIII в., а с другой стороны (и это обеспечило его идеям влияние вплоть до наших дней, а до середины XIX в. во всяком случае) явился основоположником революционно-демократического подхода к решению народонаселенческих проблем.

Своеобразным итогом обращения к проблемам народонаселения отечественных мыслителей XVIII в., впитавшим в себя все достижения научной мысли, явилась, по-видимому, изданная в 1795 г. коллективная работа "Новейшее повествовательное землеописание", авторы которой вышли из круга, объединенного печатным органом "Общества друзей словесных наук" журналом "Беседующий гражданин", идейным вдохновителем которого был Радищев⁸².

Статистическое описание Европейской России, составляющее значительную часть этого сочинения, включает большой раздел "Народы, населяющие Россию: краткое повествование о каждом и их исчисление (20 племен)", большое внимание уделяется материальным факторам и истории, авторы высказывают оптимистические прогнозы о росте народо-

населения России, считая, что за 70 лет с 1722 по 1792 г. оно более чем удвоилось. Уделяя много внимания экономическим сведениям и другим видам знания, входившим в государствоведение, авторы видели свою задачу в пропаганде демократических идей, что придавало их статистико-государствоведению политический характер и вместе с демократическим патриотизмом авторов оказало огромное влияние на развитие прогрессивного научного мышления первой половины XIX в. (несмотря на запрещение и конфискацию основной части тиража книги)⁸³.

Хотя XVIII век накопил, казалось, достаточно народонаселенческих статистических материалов и приступил к их осмыслению, а первая половина XIX столетия ознаменовалась резким увеличением интереса к истории, до зарождения взаимодействия в историографии истории и статистики демографического направления было еще далеко. Дело ограничивалось или общими декларациями⁸⁴, или отдельными не делающими еще погоды статьями⁸⁵.

В "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина (впервые опубликована в 1816–1829 гг.), хотя и присутствуют как дань времени специальные главы, посвященные экономике, культуре и быту, им отведена очень скромная роль, и политическая история монархов и героев не оставляет места для внимания к истории народонаселения. Характерно, что, оправдывая все крепостнические порядки, он даже приветствовал "благонамеренный", по его словам, указ В.И. Шуйского, согласно которому помещики должны были устраивать браки холопов до 20, а холопок до 18 лет⁸⁶.

Критиковавшие феодально-крепостническую тенденциозность Карамзина историки-декабристы к проблемам народонаселения обращались в одном, но важнейшем аспекте – с точки зрения происхождения крепостных отношений. М.А. Фонвизин впервые истолковал татарскую перепись, проведенную для обложения населения поголовной данью, как прикрепление всех переписанных к земле, а следующий сдвиг в этом процессе видел в введении писцовых книг при Михаиле Федоровиче, закрепленный Уложением 1649 г. Эти его соображения, изложенные в "Записке о происхождении крепостного права", света не увидели, а статья В.Д. Сухорукова, историка-декабриста, работавшего над созданием "Статистического и исторического описания земли донских казаков", была в 1824 г. под названием "Общежитие донских казаков в XVII–XVIII столетиях" напечатана в "Русской старине" и получила широкую известность благодаря описанию демократического внутреннего устройства казачества. Со статьей был знаком А.С. Пушкин⁸⁷.

Развитием исторических знаний в первой половине XIX в. – будь то поиски единой закономерности исторического процесса⁸⁸ или, напротив, стремление у классических представителей государственной теории⁸⁹ видеть в государстве действующую силу, субъект истории (причем его развитие "уже не находило для себя исторического обоснования, переставало быть продуктом и выражением народной жизни"⁹⁰) – в обоих случаях не оставалось места для постановки народонаселенческих проблем.

Исключение представляет творчество С.М. Соловьева, творца уже буржуазной концепции русской истории, монументальный 29-томный труд

которого "История России с древнейших времен" увидел свет с 1851 по 1879 г. Исходя из того, что историческое развитие осуществляется в его органической обусловленности (закономерность носит у него абстрактный характер, выливаясь в теорию прогресса как развития цивилизации) и одновременно исповедуя концепцию государственной школы, Соловьев вносит в нее некоторое реальное содержание, ставя вопрос о борьбе с "азиатами" и о русской колонизации Восточно-Европейской равнины, пытается дать "объяснение политического объединения Русского государства из самого процесса исторического развития, от национального единства, созданного этой колонизацией"⁹¹.

Большое значение для дальнейшего развития исторической науки, а также в немалой степени и для возникшей во второй половине XIX в. исторической демографии имело отстаивание Соловьевым принципа историзма в историческом исследовании, чему, в частности, была посвящена его статья "Шлёцер и антиисторическое направление" (первая публикация – в 1857 г.)⁹².

Значительный вклад в развитие социального аспекта народонаселенческой тематики принадлежит ряду экономистов. В труде экономиста К.И. Арсеньева "Начертание статистики Российского государства" (1848) развито намеченное еще у Щербатова разделение населения на "производящих" и "непроизводящих", приобретшее уже достаточно четко выраженный характер: "Все жители России могут быть разделены на два главных класса – класс производящий и класс непроизводящий. К первому относятся те, кои способствуют посредственно или непосредственно умножению народного богатства, каковы: земледельцы (Щербатов этим и ограничивался. – Н.Г.), мануфактуристы или ремесленники и купцы. Ко второму классу принадлежат все граждане, живущие за счет первого класса, каковы: духовенство, дворянство, чины гражданские и военные, войско сухопутное и морское, служители и прочие..." (соответственно для 1812–1816 гг. производящих – 18 млн душ м.п., а непроизводящих – 2 млн). Как справедливо отмечал историк С.С. Дмитриев, такая попытка определить в обществе эпохи декабристов трудящиеся социальные слои и противостоящие им непроизводящие, безусловно, находилась на уровне современной ученому передовой мысли⁹³.

* * *

В нашу задачу не входит подробное изложение социально-экономических теорий и воззрений на проблемы народонаселения, развивавшихся во второй половине XIX и начале XX в. отечественной научной и общественно-политической мыслью, в непосредственной связи с критикой теорий мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма. Эта работа обстоятельно проведена в отечественной историографии⁹⁴.

Отметим лишь, что среди историков в конце XIX – начале XX в. по теоретическим вопросам народонаселения, имеющим отношение и к феодальной эпохе, наиболее определенно высказались П.Н. Милюков и М.Н. Покровский.

Милюков свою работу "Очерки по истории русской культуры" (1895–1896) начинает с очерка "О населении". Содержание этого очерка весьма

многообещающее: "Связь населения страны с ее экономическим развитием. – Взгляды экономистов на движение народонаселения. – Рост населения в России с Петра I. – Отношение его к населению Европы. – Территориальные присоединения и внутренний прирост. – Количество браков и рождений. – Движение населения до Петра I. – Густота русского населения сравнительно с европейским. – Изменения в густоте населения за два века на пространстве петровских губерний. – Причины замедления роста населения в центре". Автору свойствен ярко выраженный биологический подход к проблеме роста населения: "Население каждой страны имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, автоматически, и... такое автоматическое возрастание населения является главным толчком, заставляющим людей увеличивать количество труда, необходимого для поддержания жизни, и изменять его форму. Другими словами: от количества населения в стране зависит степень экономического развития данной страны"⁹⁵. Правда, Милуков прибавляет, "что связь тут взаимная. Если рост населения заставляет людей искать новых форм экономической деятельности, то и, наоборот, новые формы экономической жизни могут вызвать усиленный рост населения"⁹⁶. Диалектичность такой постановки вопроса усложняется общеметодологическим подходом Милукова, для которого "материальный характер экономического фактора есть только кажущийся: на самом деле явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности"⁹⁷.

Милуков подчеркивает, что именно благодаря тесной связи между количеством населения и высотой экономического развития авторы прежних веков считали быстрый рост населения благодеянием для страны. Положение изменилось с конца XVIII в., когда выросли рабочий класс и его необеспеченность, результатом чего и было появление книги Мальтуса, "который слагал всю вину нищеты рабочего класса на него самого". Милуков считает, что экономисты доказали несостоятельность теории Мальтуса, а жизнь показала, "что не существует никакого закона развития народонаселения, приложимого ко всем периодам исторической жизни", однако эта историческая жизнь понимается им лишь как смена периодов ослабления или усиления производительной силы населения, т.е. он ограничивается биолого-психологическими факторами, и в результате основной темой очерка о населении (и основанием всей его схемы) оказывается тема колонизационных устремлений населения России⁹⁸.

Взгляды Покровского на проблемы народонаселения наиболее полно выражены им в "Очерках истории русской культуры" (1914). Поводом для его высказываний послужили рассуждения о взаимоотношении развития экономики и роста населения Э. Левассера, но выводы он делает прямо противоположные выводам П.Н. Милукова, выступая ярким критиком демографического детерминизма: «Не рост населения определяет развитие хозяйства, а наоборот – от развития хозяйства зависит рост населения... в известных отдельных случаях и размножение может сыграть роль экономического фактора, но строить какой-нибудь "всемирно-исторический" закон на этих отдельных случаях, значило бы обнаружить большое легкомыслие»⁹⁹. По его мнению, доказано "вне всякого сомнения, что размножение зависит именно от социальных условий"¹⁰⁰.

- ¹ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983. С. 9.
- ² ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 8–9; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960. С. 420–421; см. также: Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. С. 187.
- ³ "Слово кратко" в защиту монастырских имуществ // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 43; см.: Смирнов И.И. Восстание Болотникова (1606–1607 гг.). М., 1951. С. 33–34.
- ⁴ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 372, 388–392. Против холопства в середине XVI в. решительно выступал также еретик Матвей Башкин (по мотивам несовместимости рабства и истинного христианства) (Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 258).
- ⁵ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. С. 221, 228.
- ⁶ Там же. С. 224–225. Цит. по: Ржигза В.Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. Прил. // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33. С. 161, 193.
- ⁷ Яцунский В.К. Историческая география. М., 1955. С. 94, 95.
- ⁸ Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971; Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936; Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908; Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905; Олгарий А. Подробное описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Путешествие барона Мейерберга // Чтения ОИДР. 1873. Кн. 3.
- ⁹ Яцунский В.К. Указ. соч. С. 95, 97.
- ¹⁰ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. М.Н. Тихомиров называет это сочинение "деловой запиской" (Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 310).
- ¹¹ Тихомиров М.Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 311. Страноведческое сочинение Ю. Крижанича "История о Сибири" относится к 1680 г.
- ¹² Там же. С. 452. Упомянем также проекты изучавшего в 10-х годах XVIII столетия кораблестроение за границей стольника Ф.С. Салтыкова – "Пропозиции" и особенно "Изъявления прибыточныя государству", которые также могли быть известны М.В. Ломоносову. Ф.С. Салтыков настаивал на развитии в России просвещения, устройства гимназий, академий, библиотек, писал о необходимости заботы о содержании нищих и сирот, заведении госпиталей, которым он приписывал народообразовательные функции – там должны были обучаться разным наукам сироты мужского пола (Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897).
- ¹³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 259 и др.; Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков: Жизнь и деятельность. М., 1951. Интересно, что идеи Посошкова, по видимому, уходили корнями в конец XVII в. Так, он был как-то связан с делом о поданных Петру I в конце 1696 г. "Тетрадах" старца Авраамия, осуждавшего первые мероприятия Петра и предлагавшего свои меры по удешевлению административного аппарата и т.п. (Тихомиров М.Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 451).
- ¹⁴ Основы теории народонаселения / Под ред. проф. Д.И. Валентя. М., 1986. С. 81.
- ¹⁵ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. (Впервые труд был опубликован в 1831 г. историком М.П. Погодиным по списку, прошедшему через руки П.П. Курбатова, его сына А.П. Курбатова и историка И.И. Голикова.) Некоторые сведения из этого труда были введены в научный оборот еще в XVIII в. (Там же. Историческое введение Л.А. Гольденберга, М.Г. Новлянской, С.М. Троицкого «И.К. Кирилов и его труд "Цветущее состояние Всероссийского государства"». С. 18, 24).
- ¹⁶ См. об этом: Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 188.
- ¹⁷ Кирилов И.К. Указ. соч.
- ¹⁸ Работа была впервые опубликована в Чтениях ОИДР (1859. Кн. III). См.: Яцунский В.К. Указ. соч. С. 172.
- ¹⁹ Щербатов М.М. Соч. СПб., 1896. Т. 1.
- ²⁰ Яцунский В.К. Указ. соч. С. 173. Еще одно подобное сочинение – "Описание земли Камчатки" путешественника С.П. Крашенинникова, третья часть которого посвящена населению (в том числе быт и обычаи населения). Сочинение вышло в 1755 г. (см.: Там же. С. 171). С колонизацией Сибири было связано и появление трудов историков-иностранцев,

представителей эрудиционной школы – Г.Ф. Миллера (*Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1*), который первый в нашей историографии обратился к истории колонизации, прослеживал основание русскими городов и других населенных пунктов в Сибири (см.: *Яцунский В.К. Указ. соч. С. 275*) и А.Л. Шлёцера (имеется в виду составленная и отредактированная им "Всеобщая история Севера", вышедшая в Галле в 1771 г.), привлечшего большой материал по исторической этнографии народов Севера Европы и Азии (см.: Там же. С. 311).

²¹ *Рычков П.И.* Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо I // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль.

²² *Рычков П.И.* О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти // Тр. Вольного экон. о-ва. СПб., 1766. Ч. II. С. 101; *Он же.* О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Там же. СПб., 1767. Ч. VII. С. 20. Рычков выступал за развитие крепостного барщинного хозяйства, для укрепления которого предлагал ограничить работу крестьян на помещика тремя днями в неделю, с отдыхом в воскресенье (*Рычков П.И.* Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина // Там же. СПб., 1770. Ч. XVI).

²³ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77 и др.; см. также: *Яцунский В.К. Указ. соч. С. 266.*

²⁴ Развернутый текст именно на этой 13-й главе и обрывается.

²⁵ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. С. 36–39.

²⁶ *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 392.

²⁷ Там же. С. 361, 362.

²⁸ Там же. С. 363. У Татищева первым годом второй ревизии назван 1743 г., принято считать – 1744. У него она продолжается "доднесь" "через 2 годы", т.е. речь идет как будто о 1745 г. Однако "Разсуждение" датируется издателями 1747 г.

²⁹ Там же. С. 66–68, 90.

³⁰ Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том *Истории князя Щербатова*. СПб., 1793. Т. 1. С. 122; см.: *Яцунский В.К. Указ. соч. С. 274, 275.*

³¹ *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Б.м., 1788. Т. 1. С. 139–140, 141; см.: *Яцунский В.К. Указ. соч. С. 309–310.*

³² Всего их должно было быть восемь: 1) о размножении и сохранении российского народа; 2) о истреблении праздности; 3) о исправлении нравов и о большем просвещении народа; 4) о исправлении земледелия; 5) о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств; 6) о лучших пользах купечества; 7) о лучшей государственной экономии; 8) о сохранении военного искусства во время долговременного мира (*Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 383).

³³ Там же. С. 384.

³⁴ Там же. С. 385.

³⁵ Там же. С. 386.

³⁶ Там же. С. 387.

³⁷ Там же. С. 388–390. М.В. Ломоносову был известен результат учета умерших по приходам Парижа, на основании которого он утверждает, что смертность в первые 3 года жизни равна 50%, и применительно к России считает возможным говорить о 100 тыс. детских смертей в возрасте до 3 лет ежегодно. По его представлениям, предлагаемые меры могли спасти хотя бы 10 тыс. детей (Там же. С. 390).

³⁸ Там же. С. 390–391.

³⁹ Там же. С. 395, 394.

⁴⁰ Там же. С. 396–397.

⁴¹ Там же. С. 397–401.

⁴² Там же. С. 401–402.

⁴³ Там же. С. 402. Историк статистики М.В. Птуха с полным основанием называет этот труд Ломоносова классическим трактатом о политике народонаселения, убедительным не только своими общими положениями, но также и политико-арифметическими исчислениями (*Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 215).

⁴⁴ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 367; М.; Л., 1954. Т. 5. С. 620–621; М.; Л., 1959. Т. 8. С. 638.

- ⁴⁵ Там же. Т. 6. С. 402.
- ⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 349.
- ⁴⁷ Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 188–193.
- ⁴⁸ Ломоносов М.В. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 175–176, 178.
- ⁴⁹ Такое положение объясняется тем, что этот спор по-своему отражал идейные течения XVIII в.: отношение к историческому прогрессу, невосприятие просветителями принципа историзма и т.п. (Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 190).
- ⁵⁰ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. М., 1978. С. 214.
- ⁵¹ Ломоносов М.В. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 173, 187–195.
- ⁵² Там же. С. 494–495.
- ⁵³ Наказ ее императорского величества Екатерины Вторья самодержицы всероссийская, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1893. С. 91–100.
- ⁵⁴ Щербатов М.М. Неизданные сочинения. М., 1935 (Труды ГИМ). С. 3–15.
- ⁵⁵ Там же. С. 4, 13–14.
- ⁵⁶ Там же. С. 64, 66. В работе М.М. Щербатова "Статистика в рассуждении России" (1776–1777) есть специальный раздел "О многонародии", в котором он приводит по разным известиям сведения о "числе народа" в России того времени – "обоего пола душ 22 560 749" (Птуха М.В. Указ. соч. Т. 1. С. 226).
- ⁵⁷ Щербатов М.М. Неизданные сочинения. С. 11, 12–13.
- ⁵⁸ На основании изложенного выше вряд ли можно согласиться с характеристикой Щербатова как русского прародителя "самого реакционного подхода к проблеме народонаселения, позднее ставшего именоваться мальтузианством" (Основы теории народонаселения. С. 84).
- ⁵⁹ Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. Приложение I, III // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. С. 321–322, 325; см. также: Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Там же. С. 229–230.
- ⁶⁰ Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими... говоренное... июня 30 дня 1775 года // Там же. С. 257, 260, 264, 265.
- ⁶¹ Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства... говоренное... апреля 21 дня 1781 года // Там же. С. 270. Отметим, что известный перевод книги Д. Юма на русский язык относится к 1806 г. (Шелестов Д.К. Историческая демография. С. 192). Обращает на себя внимание тот факт, что изданные в 60-х годах переводные брошюры, созданные на основе речей, произнесенных в Московском университете на латинском языке в 1766 и 1769 гг. немецкими профессорами Н.Г. Рейхелем и И.Х. Керстенсем, также были посвящены "наилучшим способам к умножению поданных" и наставлениям и правилам врачевным для деревенских жителей, служащим "к умножению не довольного числа людей в России" (Птуха М.В. Указ. соч. Т. 1. С. 332–334).
- ⁶² Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях. С. 269–270.
- ⁶³ Там же. С. 269–270, 271.
- ⁶⁴ Там же. С. 284, 285.
- ⁶⁵ О С.Г. Зыбелине см.: Птуха М.В. Указ. соч. Т. 1. С. 335–338.
- ⁶⁶ Историческое описание Российской коммерции... составленное Михайлой Чулковым. СПб., 1780–1783. Т. I–II; М., 1785–1788. Т. III–VII.
- ⁶⁷ Бондарева Е.А. Источники "Исторического описания Российской коммерции" М.Д. Чулкова // ИСССР. 1982. № 2. С. 102.
- ⁶⁸ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781. Т. I, кн. 1. Предисловие. С. 46–47.
- ⁶⁹ Бондарева Е.А. Источники "Исторического описания..." С. 101–102, 103. Автору этой работы удалось убедительно доказать (С. 102), что ряд текстов (например, статьи анонимного автора в переводе "О прибытках и убытках коммерции в Англии и Франции",

"Историческое описание о мануфактурах", статью немецкого экономиста И.Г. Юсти "О нужности и пользе мануфактур и фабрик") в историографии безосновательно приписывали самому М.Д. Чулкову, таким образом преувеличивая теоретический аспект его труда. В качестве примера приведено фундаментальное исследование М.В. Птухи "Очерки по истории статистики в СССР" (Т. 1. С. 247–251), ошибку которого повторил Д.К. Шелестов (Историческая демография. С. 193). См. также: *Приказчикова Е.В.* Идеолог купечества М.Д. Чулков // История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1, ч. 1. С. 490–519.

⁷⁰ *Бондарева Е.А.* Исторические воззрения М.Д. Чулкова // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. М., 1983. С. 138.

⁷¹ Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при имп. Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. М., 1776.

⁷² *Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 222–225. Читатель, по мнению Птухи, переносил воззрения автора по поводу равенства рас на разные сословия России – в этом просветительное значение книги Чеботарева (см.: Там же. С. 225).

⁷³ *Радищев А.Н.* Избранные философские произведения. М., 1949. С. 128.

⁷⁴ Там же. С. 119–120.

⁷⁵ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 128–129. Эта рукопись представляет собой неоконченный черновой набросок. Издатели ее считают, что если даже Радищев не был знаком с существовавшими в то время готовыми описаниями Петербургской губернии, то им было использовано много необработанных документов (материалы ревизий населения, предварительные данные генерального межевания, данные о рождаемости и смертности и др.) (Там же. С. 592).

⁷⁶ Там же. С. 134–136, 253–304.

⁷⁷ Там же. С. 394. В другом письме (из Илимска, 1792 г.) он называет труд И.Ф. Германа, как и работу И.Г. Георги (Описание Российско-Императорского столичного города Санкт-Петербурга, 1790), "не более как компиляциями" (*Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 434). См. также: *Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 238, 241–242.

⁷⁸ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 473, 495.

⁷⁹ Там же. С. 157–158, 594–595.

⁸⁰ Там же. С. 160.

⁸¹ Там же. С. 161–162. А.Н. Радищев не берется решительно утверждать, что доход от винных откупов нужно отменить совсем, и в то же время надеется: "кто имел бы смелый дух, тот доход бы уничтожил" (Там же. С. 162).

⁸² Среди них с уверенностью называют М. Антоновского и Н.Д. Жулковского (*Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 289–290).

⁸³ Об этом см.: *Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 107–109, 294–295.

⁸⁴ Интересно, что историк А.Л. Шлёцер, деятельность которого в России, связанная со статистикой населения, непосредственно отражала пробуждение интереса к проблемам народонаселения, в специальной книге о населении России (написанной в 1765 г., а опубликованной в Германии в 1768 г.), в разделе "Рассуждения о народонаселении России и предварительный проект русской статистической конторы по образцу шведской", трактуя об общих средствах воздействия на население, делится планами: "На основании истории старых и новых времен, а также исчислений, надо рассказать, какие общественные учреждения для этого существовали, какие были результаты их деятельности, недостатки, обнаруженные при этом, и как их устранить" (*Птуха М.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 322, 326–327). Он же признавал, что "история – это статистика в движении, статистика – это неподвижная история" (об этом см.: *Шелестов Д.К.* У историков исторической демографии // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1982. № 3. С. 25).

⁸⁵ *Лерберг А.-Х.* Разделение и число жителей России в последних годах царствования Петра Великого // Статистический журнал. СПб., 1806. Т. 1. ч. 2 (см. об этой статье: *Шелестов Д.К.* Первый русский научный гуманитарный журнал // Вестн. АН СССР. 1977. № 5). Лерберг использовал архивные данные о числе состоящих в подушном окладе, аналогичные собранным И.К. Кириловым в его "Цветущем состоянии Всероссийского государства".

⁸⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. XII. 5-е изд. Стб. 42.

⁸⁷ Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 366, 369, 370.

⁸⁸ Зачатки которого можно усмотреть у ученика и продолжателя А.Л. Шлёцера – И. Эверса (на русском языке издан в 30-х годах), ставившего вопрос об исторически обусловленном развитии самого государства, которому предшествовало развитие рода (родовая теория), ошибочно выводимого им из семьи. Эверс считал, что все в истории происходит из естественного хода развития рода человеческого (*Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 228, 229).

⁸⁹ Например, у Б.Н. Чичерина, исторические занятия которого приходятся уже на 50–60-е годы XIX в.

⁹⁰ *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 310.

⁹¹ Там же. С. 321, 323. С.М. Соловьев, как и И. Эверс, рассматривал родовой строй как исходный момент в развитии государственных отношений, однако понятие рода в значительной мере сливается у него с семьей, с представлением о кровном союзе (Там же. С. 331).

⁹² *Соловьев С.М.* Август-Людовиг Шлёцер и антиисторическое направление // Собр. соч. СПб., 1901. Стб. 1615.

⁹³ *Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства. СПб., 1848. Ч. 1. С. 63, 65; см. также: *Дмитриев С.С.* Население страны и ее история // Предисловие к кн.: Водарский Я.Е. Население России за 40 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 6.

⁹⁴ *Валентей Д.И.* Социально-экономические проблемы народонаселения: (Воззрения и теории): Докт. дис. М., 1959; *Он же.* Проблемы народонаселения. М., 1961; *Он же.* Теория и политика народонаселения. М., 1967; Основы теории народонаселения; и др.

⁹⁵ *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч. I: Население, экономический, государственный и сословный строй. 7-е изд. С. 22. При этом Миллюков ссылается далее на французского ученого Э. Левассера, пропагандировавшего демографический детерминизм.

⁹⁶ Там же. С. 23.

⁹⁷ Там же. М., 1897. Ч. II. С. 3.

⁹⁸ Там же. Ч. I. С. 23–24, 25 и др.

⁹⁹ *Покровский М.Н.* Очерки истории русской культуры. М.; Л., 1925. Ч. I. 4-е, доп. изд. С. 21.

¹⁰⁰ Там же. С. 20.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ IX–XV вв.

§ 1. Историческая динамика
численности населения и его плотности.
Расселение. Миграции

Общим в мировом масштабе явлением для развернувшихся с конца XIX в. и в первые десятилетия XX в. историко-демографических исследований было преобладание исторических исследований динамики численности населения. Современное представление о поступательном характере роста численности человечества сформировалось в мировой историографии к 30–40-м годам XX в.¹ В середине 30-х годов появились труды французских и американских исследователей, посвященные народонаселению французского и британского средневековья².

Первая попытка определения методом оценок общей численности населения Древней Руси в отечественной историографии принадлежит Б.Ц. Урланису. Результаты этих его исследований увидели свет в 1941 г. Хронологический диапазон изучения им роста населения в Европе очень велик: с XI в. до 1940 г.³ Ввиду отсутствия для эпохи Киевской Руси прямых данных Урланис был вынужден основываться на косвенных, применив выработанную им методику производимых на их основе исчислений. Автор исходит из того, что количество населения, занимающего какую-то конкретную территорию в стране земледельческого труда, находится в определенной зависимости от его плотности, а эта последняя – от практикуемой населением техники земледелия. Полагая, что в южных степных областях господствовала переложная система, при которой плотность населения (по западноевропейским данным) около 6 человек на 1 кв. км, а в северных областях – подсека (или перелог), плотность населения при которых в среднем 4 человека на 1 кв. км, в московских лесных краях – 2 человека, а у кочевников южных степей – 1,2 человека (считая по 6–7 человек на семью кочевника), Урланис произвел умножение этих цифр на площадь территории Руси. Население в границах Киевской Руси составило, по его оценке, 4,5 млн человек, а включая и нерусские регионы Восточной Европы (Урланис имеет в виду европейскую часть России в границах 1914 г.) – около 8,5 млн человек, население на этой же территории к 1500 г. насчитывало около 15 млн человек⁴.

Именно эти расчеты Урланиса используются во всей позднейшей справочной и учебной историко-демографической и историко-географической литературе. В качестве примера можно привести учебное пособие по исторической географии СССР, где выводы о стабилизации численности населения и его роста в результате объединительной политики московских

князей иллюстрируются, по-видимому, также на основании расчетов Урланиса (ссылки авторы не делают): "К 1462 г. в Московском великом княжестве было 430 тыс. кв. км с 3 млн человек населения. За время правления Ивана III и Василия III территория Руси увеличилась в 6 раз – до 2800 тыс. кв. км. Население в это время достигло примерно 5–6 млн человек, а в середине XVI в. – 6–7 млн человек. Между ростом численности населения и ростом территории не было пропорциональности. В середине XV в. 3 млн человек проживали на территории, которая охватывала примерно будущий Замосковский край. При всей неравноценности этих земель они были сравнительно заселены и освоены"⁵.

Следом за Урланисом к таким же, но еще более гипотетическим расчетам обратился А.И. Яковлев, который в Прибавлениях к гл. 1 своего труда о холопстве (1943) поместил самостоятельное исследование "Наблюдения над исторической демографией Киевской Руси в XI–XIII вв." В первом его разделе – о предположительной плотности и общем количестве населения Киевской Руси в XI–XIII вв. – он берет за основу данные о населении России за 1905 г. (55,5 млн) и считает, что территория Руси XI–XII вв. примерно покрывается площадью 25 губерний начала XX в., равной 1,5 млн кв. км. Принимая допущение, что Киевская Русь не отставала от Западной Европы в густоте населенности, он сокращает общую цифру населения 55,5 млн в 7 раз (именно во столько раз выросло население Англии и Франции между XI в. и началом XX в.) и получает 7,9 млн. Примерно к той же цифре (7,5 млн) Яковлев приходит, принимая плотность населения Руси XI–XII вв. равной плотности населения Северной Америки конца XVIII в. или Центральной Африки "нашего времени" – 5 человек на 1 кв. км⁶.

Другое глобальное определение численности населения Киевской Руси принадлежит В.И. Козлову (1969 г.). Он считает, что на землях Киевской Руси уже в X в. проживало 8 млн человек⁷.

В середине 70-х годов опубликованы результаты приблизительных подсчетов населения Прибалтики, выполненные на основании данных письменных источников начала XIII в.: эстонцев – 100–200 тыс., латышей – 140–160 тыс., ливов – 15–20 тыс., литовцев – 170–190 тыс., пруссов – 170 тыс. человек. Движение населения украинского Прикарпатья за длительный период начиная с XI в. тогда же попытался проследить С.И. Копчак⁸.

К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей источники не дают возможности получить более точные показатели, чем эти в высшей степени приблизительные численные выражения вековых тенденций.

Более локальная и иная, с точки зрения ее источникового обоснования, попытка выяснения численности, на этот раз населения городов Киевской Руси, принадлежит М.Н. Тихомирову. В его книге "Древнерусские города", вышедшей в 1946 г., глава "Городское население" начинается параграфом "Численность и состав городского населения". Автор опирается на сведения древнерусских письменных источников, прежде всего летописей, о численности войск, которые могли выставить города, о количестве церквей в них, о количестве умерших во время эпидемий людей и

количестве сгоревших в большие пожары домов. Население Новгорода на начало XI в. определено Тихомировым в 10–15 тыс. человек, а на начало XIII в. – в 20–30 тыс. человек (соотношение числа воинов – 3–5 тыс. человек – и населения города примерно 1 : 6). В Киеве в период его расцвета проживали десятки тысяч человек, "для средневековья это был город-гигант". По мнению Тихомирова, "почти не уступали Новгороду по количеству населения" Чернигов, Владимир-Волынский, Владимир на Клязьме, Галич, Полоцк, Смоленск, к ним примыкали по размерам Ростов, Суздаль, Рязань, Витебск, Переяславль-Русский. Судя по площадям, которые занимали кремли или детинцы других городов, численность населения каждого из них редко превышала 1000 человек⁹.

В дальнейшем в историографии феодального города эти методы подсчета городского населения развития не получили. В книге А.М. Сахарова 1959 г. о городах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. лишь однажды (а им рассмотрены сведения о 68 городах, упоминаемых в летописях и актах) присутствуют подсчеты населения, исходящие из числа выставляемых горожанами ратников, — речь идет о г. Устюге 1398 и 1471 гг. В первом случае против нападения новгородского войска была выставлена рать в две тысячи человек, а во втором – уже около четырех тысяч устюжан. Соответственно для конца XIV в. население Устюга исчислено примерно в шесть-семь, а для 70-х годов XV в. – в двенадцать-четырнадцать тысяч человек. В других случаях, когда бывает известно из летописи число горожан, вышедших на защиту города (например, г. Кострому в 1375 г. от набега новгородцев защищали много более 5 тысяч городских жителей), автор от подсчетов воздерживается. Ни количество церквей в городах, ни количество сгоревших при грандиозных пожарах домов, а также данные о размерах территории городов основанием для каких-либо суждений о числовых характеристиках населения не послужили¹⁰. Общее количество русских городов ко времени монголо-татарского нашествия Тихомиров определял "близко" к 300. В Северо-Восточной Руси к концу XV в. Сахаров насчитывал 73 города, считая среди них бесспорно городскими центрами в социально-экономическом отношении 29 городов¹¹.

В течение последнего тридцатипятилетия большой вклад в расширение методических приемов, способствующих изучению численности и динамики населения городов в период до монголо-татарского нашествия, внесла археология.

Вполне справедливо утверждение Л.В. Алексева, что "археологические памятники – единственный источник, приближающий нас (хотя и в самой общей форме) к решению вопроса о древней демографии страны" (о характере заселенности страны в X–XII вв. судят по скоплениям курганных групп, о древнерусской деревне – по материалам селищ и т.п.)¹².

О населении древнерусских городов археологи судят, основываясь на их дворовой застройке и исходя из того, что средняя площадь усадьбы рядовых горожан в Новгороде и Киеве (наиболее археологически освоенные города; кроме того, полностью или почти полностью археологически изучены городские дворы в Пскове, Русе, Смоленске, Минске, Суздале, Москве, Ярополче-Залесском, городище Слободка, Рязани и некоторых других городах, а обнаружены в 32 случаях) равнялась примерно

400 кв. м, а на дворе проживала одна семья со средней численностью в шесть человек.

Такими исходными данными оперирует А.В. Куза, автор раздела о древнерусских городах итогового исследования археологов о древнерусских поселениях, вышедшего в свет в 1985 г. При этом он считает доказанным, что численность семьи "была одинаковой в средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока"¹³. Учитывая соотношение размеров и населенности усадьбы рядового горожанина и боярина, Куза "с известной долей вероятности" высчитывает количество населения в пределах городских укреплений (целенаправленное археологическое изучение общей площади городских поселений, примыкавших к территории сплошной застройки внутри укреплений даже крупнейших городов – пока еще дело будущего). Плотность населения, таким образом, достигала здесь 120–150 человек на 1 га (в средневековых городах Европы и Востока, где не было усадебно-дворовой застройки, плотность населения в два-три раза выше), чем дальше от центра города, тем плотность населения ниже.

В результате население Киева перед монголо-татарским нашествием получается равным 37–45 тыс. человек. Исходя из тех же принципов расчета, Куза устанавливает, что ко времени нашествия в XIII в. население Новгорода вряд ли превышало 30–35 тыс. человек. Плотность застройки укреплённой части малых городов была выше – около 200 человек на 1 га; соответственно минимальная, по мнению Кузы, численность населения в этих городах – 1000–1500 человек¹⁴. Куза очень корректно подает свои подсчеты, подчеркивая, что приводимые им цифры носят "достаточно условный характер".

Несколько иной характер носят аналогичные расчеты, произведенные для г. Киева П.П. Толочко. Прежде всего Толочко ставит под сомнение возможность использовать для исчисления населения все данные письменных источников о количестве войска, выставяемого городом, о море и эпидемиях, так как справедливо считает, что не может быть уверенности при отнесении этих сведений строго к городу. Наиболее надежные данные для демографических расчетов Толочко видит в археологических источниках.

Подсчитав площадь каждого района древнего Киева на основании наложения находок древнерусского времени на современную карту города и получив цифру в 360–380 га, Толочко на основе раскопок одновременно существовавших построек определяет средние размеры одной городской усадьбы, в одном наличном жилом доме которой проживали отдельные семьи, в 300 кв. м, или 0,03 га. Далее автор принимает в расчет площадь города, занятую жилой застройкой, и количество условных усадеб. Для центра Киева – "города Владимира" он получает очень высокий коэффициент плотности застройки – 60–70% площади. В итоговых расчетах автор исходит из 60% коэффициента плотности (минимального для западноевропейских городов) и получает, что на территории городской застройки в 230 га размещались более 8 тыс. усадеб. Среднюю статистическую семью древнего Киева Толочко считает (как и Куза) состоящей из 6 человек, в результате в древнем Киеве оказывается 50 тыс. человек¹⁵.

Сравнивая размеры населения Киева с городами славянского и западноевропейского средневекового мира XI–XIV вв. – Лондоном, Гамбургом, Гданьском, Толочко предполагает, что только унаследовавший античные традиции Париж XII–XIII вв. (100 тыс. жителей) был больше Киева. Далее Толочко пытается проверить свои расчеты (он спорит со сторонниками утверждения, что в Киеве насчитывалось 100 тыс. жителей), строя модель снабжения города хлебом, в основу которой положены сплошь взятые из других эпох показатели производительности труда, получения "товарного хлеба" и потребления населения (вплоть до данных XIX в.)¹⁶. Эти расчеты автора, как и ссылки на структуру и плотность застройки русских городов в XVII в., естественно, уже не имеют такой доказательной силы, как изложенные выше изыскания по демографии древнего Киева, основные приемы которых могут быть применимы и ко многим другим городским центрам Руси.

Согласно новейшим подсчетам, проведенным на основании археологических исследований, в целом на Руси к началу XI в. насчитывалось 20–25 поселений городского типа, в XI – первой половине XII в. – около 70, к середине XIII в. – около 150 феодальных городов. Больше двух третей древнерусских городов (49 из 74 археологически изученных городов середины XII–XIII в.) были разрушены и сожжены в результате монголо-татарского нашествия. Треть из них так и не смогла вернуться в строй действующих городов (из 49 изученных разоренных городов 14 исчезли, 15 превратились в поселения сельского типа)¹⁷. Уточнение количественного состава городов на Руси XIV–XV вв. с учетом новых материалов, накопленных за последнее тридцатипятилетие, еще ждет своих исследователей. Обычно за основу при подсчете городов этого времени берется составленный между 1370-ми и 1390-ми годами "Список русских городов дальних и ближних", включающий 358 названий (из них на собственно русской государственной территории того времени – 139). Список не полон¹⁸.

Итоги археологических исследований последних 30–40 лет впервые дают возможность привести количественные характеристики не только городского, но и сельского расселения. Имеются сведения почти о полутора тысячах (1397 на 1980 г.) укрепленных поселений IX–XIII вв. На основании детально обследованных районов (к детально обследованным городищам относится 16,9% от всего их числа) выяснено, что на 5–10 укрепленных поселений приходится 150–300, а иногда до 500 открытых сельских поселков. Исходя из этого, Б.А. Колчин и А.В. Куза условно считают, что в Древней Руси X–XIII вв. существовало около 50–75 тыс. деревень, в которых и проживало абсолютное большинство земледельческого населения¹⁹.

На XII–XIII вв., судя по позднейшим исследованиям археологов, приходятся бурные процессы градообразования в земле вятичей, умножалось здесь и число сельских поселений. За IX–XIII вв. в бассейне верхней и средней Оки из общего числа обследованных селищ 23% возникли в VIII–X вв., 34 – в XI – начале XII в., 36% – во второй половине XII – середине XIII в. Население современной Московской области, согласно иссле-

дованиям Р.Л. Розенфельда, увеличилось в XII–XIII вв. по сравнению с IX–X вв. в пять раз²⁰.

В результате монголо-татарского завоевания было уничтожено большинство феодальных замков, крепостей, волостных центров. В XIV в. жизнь продолжалась едва ли в 25% поселений этого типа. Одновременно катастрофически сократилось и число рядовых сельских поселений. Принято считать, что обезлюдели целые земли – Киевская, Переяславская и Черниговская, некоторые их южные и юго-восточные области оставались пустыми не одну сотню лет. Отметим, однако, что, по мнению А.Н. Насонова, южнорусская территория на юго-восток от Орла и Курска к Дону и к Волге не была полностью брошена населением в XII–XIV вв. – островки оседлого населения там оставались²¹.

Представляется, что никоим образом не следует недооценивать методики, при помощи которых археологам удается осуществить подсчеты поселений и населения, которые они сами квалифицируют как весьма условные. Последовательно выдержанные, они дают материалы для сравнительного изучения разных этапов в процессе развития феодализма.

Несмотря на традиционное внимание отечественной историографии к типам сельских поселений XIV–XV вв., какие-либо количественные их характеристики встречаются очень редко. Так, на исторической карте Северо-Восточной Руси середины XV в., принадлежащей С.Б. Веселовскому, присутствуют 286 слобод (без городских), очень разных по размерам занимаемой ими территории. Предполагались они около городов или вдоль границ удельных княжеств²². Ряд исследователей описательно уделяет внимание сельскому строительству, возникновению деревень и починков в конце XIII, XIV и XV вв., освоению новых земель в нечерноземной полосе Руси. А.Д. Горский учитывал по актам конца XIV – начала XVI в. географическое поузездное распределение упоминаний о починках, а также о "нови", "новочистях", "сечах", "ропашах", оставлении деревень "на лесе" и т.п.²³ Однако пока не предпринята попытка учета (хотя бы по третям столетий) изменений в частоте описаний источниками случаев освоения новых земель (как и поднятия заброшенных – основание деревень на "пустошах"). Заслуживает внимания исследователей и общий учет сел, деревень, всех сельских поселений на Руси XIV–XV вв., упоминаемых в источниках до появления писцовых книг в конце XV в. Образцами регионального учета населенных мест до недавнего времени являлись опубликованная впервые еще в краеведческом издании 1928 г. Тихомировым карта селений Дмитровского края в XV–XVI вв. и список населенных мест Белозерского края, составленный на основе земельных актов в качестве приложения к картам землевладения этого края XV – начала XVII в. А.И. Копаневым²⁴.

В течение последующих сорока лет это трудоемкое начинание продолжения не получало. Лишь в самые последние годы положение частично изменилось благодаря реализации программ созданного в 1989 г. Всероссийского научного и культурно-просветительского общества "Энциклопедия российских деревень". Уже изданы пять выпусков под названием "История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв."²⁵. Публикуемые в них очерки по истории отдельных сел послужат основой соответствующих

статей энциклопедии, посвященной истории Москвы и Московской области. В них прежде всего аккумулируются результаты многолетней плодотворной работы ученых-историков и картографов Института российской истории и краеведов (заместитель председателя редколлегий Я.Е. Водарский, редактор-составитель сборников К.А. Аверьянов). Естественно, что в ряде очерков об отдельных поселениях представлены сведения и по дописцовому периоду XIV–XV вв. и локализовано местонахождение этих ныне существующих поселений на составленных картах. Однако для доведения этих карт до уровня названных выше потребуется еще большая дополнительная работа.

Одновременной разработки (прежде всего на археологических материалах) требует вопрос о размерах поселений, о их дворности.

Вопрос о размерах сельских поселений в различных регионах Руси и об общей динамике этих размеров в IX–XV вв. является предметом давних дискуссий. Еще в середине 30-х годов появились две работы о сельских поселениях – археолога Н.Н. Воронина и историка С.Б. Веселовского, на которые тогда же была написана Б.А. Романовым (опубликованная, правда, только в 1960 г.) развернутая рецензия-исследование "Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма". Возражая против теории Веселовского об исходной малодворности сельских поселений на Руси (концепция "деревни – хутора"), Романов отстаивает точку зрения о том, что село начинает свою историю как один из составных элементов верви (именно на это обращает внимание в предисловии к изданию, где опубликован труд Романова, его ответственный редактор И.И. Смирнов)²⁶.

В более позднее время к вопросу о дворности сельских поселений обращались преимущественно археологи. На основании сравнительно незначительных площадей вятических поселений XI–XIII вв. (около 0,5–1 га) ряд исследователей делают вывод о малодворности их сел²⁷. Сложнее обстоит дело с поселениями Смоленщины. Основываясь на наблюдениях над сельскими поселениями центральных районов Смоленской земли, В.В. Седов уверенно считает, что с IX–X до XV в. происходит постепенное уменьшение их размеров. Количество крестьянских дворов на селище исчисляется им исходя из среднего расстояния между постройками (темными пятнами от древних построек). Такой подсчет, по мнению самого Седова, отражает действительную картину лишь приблизительно, тем более что не известны динамика развития крестьянского двора и соотношение площадей отдельных крестьянских дворов по различным хронологическим периодам (до X в., в XI–XIII и XIV–XV вв.).

Значительные сдвиги, произошедшие в сельском расселении на Смоленщине с середины XIII в., у оппонента В.В. Седова, А.Я. Дегтярева, который изучает русскую деревню XV–XVII вв., возражений не вызывают (предшествующее развитие сельского расселения Смоленщины в VIII–XIII вв. представляется ему позитивно-поступательным: росло число поселений, средние размеры которых оставались стабильными). С середины XIII в. общее число поселений сокращается примерно в полтора раза (в археологически обследованных районах с 89 до 52 к XIV–XV вв.), а количество дворов в них оказывается вдвое меньшим, чем в XI–XIII вв.

Одну из причин изменений дворности поселения Седов видит в общем уменьшении сельского населения Смоленщины. Другая важная причина – этапы эволюции пашенного земледелия²⁸.

В уже упоминавшейся книге А.В. Дулова (1983 г.) о роли географической среды в истории России, появление которой отражает возросший в последнее время интерес науки к взаимодействию общества и природы, вопрос о дворности, величине сельских поселений XIV–XV вв. рассматривается в связи с четко выраженной зональностью Русской равнины и качеством почв (хотя автор признает, что в основном эта величина зависит от "чисто социальных причин"). Для района севернее Волги он считает обычными деревеньки в 1–3 двора, для Смоленской земли – в 4–10 дворов, а для южных княжеств и плодородных опольев Северо-Восточной Руси – многодворные поселения²⁹.

Подводя в том же 1983 г. итоги изучению в отечественной историографии сельского расселения феодальной Руси XV–XVII вв., Дегтярев дает следующие количественные характеристики поселений: средние размеры сельских поселений центральных районов в XV – первой половине XVI в. составляли в Углическом уезде 3,4 двора, Суздальском – 10,8, Московском – 6,7, Переяславском – 4,4 и были несколько крупнее северо-западных. Плотность населения в центральных уездах значительно превышала показатели других местностей³⁰.

Выяснение изменений размеров сельских поселений и их дворности, к сожалению, по-видимому, единственный в настоящее время способ подступиться к вопросу, имел ли место на Руси XIV–XV вв. заметный рост населения и какова его роль в процессе освобождения от монголо-татарского ига. С другой стороны, возможна и постановка иного вопроса: как резкое сокращение населения в результате нашествия, "облав" сельского населения, уводимого в полон, и т.п. повлияло на структуру сельских поселений и приемы ведения полевого хозяйства.

Исследования, связанные с выяснением динамики социального, а тем более профессионального состава городского или сельского населения конкретных центров или регионов Руси до конца XV в., в историографии практически отсутствуют. Однако социальной стратификации общества, как сельского, так и городского, так или иначе уделяла внимание вся историография по социально-экономической тематике Руси. О ремесленниках, холопах и других зависимых людях, купечестве, городском боярстве, белом и черном духовенстве как об особых слоях жителей древнерусского города, о различных группах феодалов (князьях, боярах, вельможах, духовных лицах), "народе от мала до велика", "людях", купцах, ремесленниках, "житых людях", "черных людях" и т.п. в городах XIV–XV вв. находим сведения у историков, пишущих о русском городе, но какие-либо количественные характеристики социальных слоев населения и их изменение во времени обычно отсутствуют.

Даже детальнейшее исследование родословных боярских родов Новгорода, блестяще выполненное в последние десятилетия В.Л. Яниным, не привело пока к выяснению количественных характеристик боярства, при том, что оно концентрировалось в городе и на протяжении всей истории новгородской самостоятельности постоянно пребывало в своих городских

усадебных (некоторое исключение представляет собой лишь попытка археологического подтверждения сведений западных источников о "300 золотых поясах" – узкокласовом составе общегородского веча Новгорода). Предстоящее изучение территории Новгорода в динамике ее развития позволит, по мнению Янина, провести точные рубежи, ограничивающие Новгород в XIII, XII, XI и X вв., а интенсивность развития города по столетиям послужит важным источником представлений "об изменении его демографической картины"³¹.

С разработкой исторической топографии русских городов, в том числе социальной их топографии, связывают свои надежды и археологи, ведущие раскопки в других городах. Уже сейчас господствовавшее ранее мнение о четком социальном членении городов Руси X–XIII вв. на дружинно-аристократическую часть (детинец, Кремль) и торгово-ремесленный посад поколеблено раскопками в Киеве, Чернигове, Переславле, Галиче, Изяславе, Пскове, особенно Рязани и, разумеется, в Новгороде, где боярские усадьбы располагались во всех пяти концах города³². Хочется надеяться, что дальнейшие изыскания в этом направлении смогут дать представление об изменении во времени соотношения в городской застройке боярских и княжеских родовых гнезд и кварталов рядовых горожан, что, в свою очередь, прольет свет на пока совершенно не разработанный в нашей историографии вопрос о приблизительном численном изменении и территориальном размещении господствующего класса на разных этапах развития феодализма, с одной стороны, в XII–XIII вв., а с другой – в XIV–XV вв.

Количественные характеристики соотношения жилищ, принадлежащих представителям различных слоев населения, социальная топография древнерусских городов – все еще не до конца исчерпанные резервы для изучения этих вопросов. Тем более что, по мнению Веселовского, исследование истории господствующего класса – "боярства и служилого класса вообще" – по письменным источникам становится возможным только с начала XIV в., а почти до конца XV в. можно осветить только историю московского боярства³³.

Не менее сложно обстоит вопрос и с динамикой профессионального состава населения Руси до конца XV в. Никаких данных о количестве ремесленников по регионам и даже городам не существует. Историки имеют возможность учитывать лишь количество специальностей городских ремесленников. Впервые это с возможной полнотой сделано Б.А. Рыбаковым. К XII–XIII вв. количество этих специальностей неуклонно возрастало и в некоторых городах достигло 60. Однако для XIII–XV вв. составить список профессий оказывается уже невозможно – отрывочные случайные сведения ранних источников не идут ни в какое сравнение со сведениями о городских и деревенских ремесленниках в писцовых книгах, появляющихся с конца XV в., и такой список, по мнению Рыбакова, будет заведомо неполным. По-прежнему очень важен выясняемый археологией вопрос о размерах ремесленных мастерских и, соответственно, о количестве работающих в одной мастерской, – не только для понимания социальной истории городского ремесла, но и для получения реальных отправных показателей, которые могут служить подспорьем при расчетах населения конкретных родов³⁴.

Для XIV–XV вв. в историографии отмечено появление на Руси специализации в области крестьянских добывающих промыслов: в разных районах возникают поселки, основным занятием населения которых становятся добывающие промыслы ("деревни бортные", "деревни бобовые", деревни "рыболовли")³⁵.

* * *

Пожалуй, одной из самых сложных задач является вычленение из общего историографического потока исследований, которые посвящены миграционным процессам в их историко-демографических аспектах. Начиная с 50-х годов в историографии раннего периода нашей истории звучат предостережения против смешивания изучения процесса колонизации и процесса образования государственной территории. А.Н. Насонов в 1951 г. писал: "Буржуазные историки... иногда прямо подменяли изучение процесса образования государственной территории изучением процесса колонизации"³⁶. Такое смещение недаром подстерегает исследователя, поскольку социально-политический ракурс взаимоотношения восточнославянских племен и их государства с неславянскими этническими обществами наиболее очевиден и доступен в силу состояния источников. Очевидность слитности в реальной действительности процессов колонизации и образования государственной территории применительно к русской феодальной истории выразительно сформулирована в новейшей историографии В.А. Кучкиным: "С конца второй трети XII в. началось то движение русской государственности и русского населения на восток, которое через пять столетий достигло Тихого океана"³⁷.

Однако существует и другой аспект изучения – собственно этнографический или этнокультурный, что применительно к ранней русской истории хорошо понимал и ясно сформулировал еще в конце 20-х годов М.К. Любавский: "В истории образования этой начальной великорусской территории подлежат выяснению два процесса: процесс создания ее, как территории этнографической, т.е. заселения ее славянскими племенами, из которых в смешении с местными инородцами образовалась великорусская народность, и процесс государственного объединения различных частей этой этнографической территории"³⁸. В своей более ранней работе "Историческая география России в связи с колонизацией" (1909) Любавский относил изменения в размещении населения на любой данной территории и ее колонизацию к области исторической географии³⁹. В марксистской науке изучение населения с точки зрения его передвижения по территории также считалось одной из задач исторической географии (в том виде, как они сформулированы В.К. Яцунским в 1955 г.)⁴⁰.

Среди демографов до сих пор существуют разногласия, относить ли изучение миграций населения к их науке. В то же время понимаемые как механическое движение населения миграционные процессы (а любая колонизация IX–XV вв. может теоретически трактоваться как частный случай миграции) некоторыми демографами уверенно зачисляются даже в основные демографические процессы. На этих позициях стоял Б.Ц. Урланис, усматривая в миграциях существенный фактор воспроизводства населения⁴¹.

По-видимому, рассматривая изучение миграций населения, из историографии о народонаселении IX–XV вв. целесообразнее всего вычленил те направления, которые проливают свет на взаимовлияние миграционно-демографических и экономических процессов с точки зрения передислокации основной составляющей части производительных сил страны⁴².

Что касается периода X–XV вв., то здесь вопросы расселения и миграций решаются в основном на археологическом и лингвистическом материале и лишь частично на материале письменных источников (летописном)⁴³.

Наиболее активно изучался вопрос о путях колонизации Волго-Клязьминского междуречья, а также европейского Севера России. Д.А. Корсаков и И.А. Тихомиров полагали, что ранее славянское заселение этого региона шло из Новгородской земли, и лишь в XI–XII вв. его дополнило колонизационное движение из Поднепровья⁴⁴. Других точек зрения придерживались А.А. Шахматов и А.И. Соболевский. Первый считал, что Ростово-Суздальская земля была заселена в основном кривичами с верховьев Волги⁴⁵; по мнению второго, колонизационное движение шло главным образом из земли вятичей, с Оки⁴⁶. А.А. Спицын, исходя из археологических данных, пришел к выводу, что Волго-Клязьминское междуречье было заселено кривичами из смоленского Поднепровья. Это мнение разделили В.А. Городцов и (уже в 20-х годах) Ю.В. Готье⁴⁷.

Расширение базы археологических материалов о славянском заселении Ростово-Суздальской земли за последние полвека позволило прийти к доказательному заключению, что колонизация ее осуществлялась как новгородскими словенами, так и кривичами. К такому выводу пришли археологи Т.Н. Никольская, Е.И. Горюнова, В.В. Седов⁴⁸, а на лингвистическом материале – Г.Г. Мельниченко⁴⁹.

Неоднократно затрагивался также вопрос о путях славянского заселения верхнего Понемья в X–XII вв. И.Д. Беляев и М.К. Любавский считали, что это заселение было кривичским. Н.П. Барсов полагал, что наряду с кривичами расселялись в Понемье и представители других племен⁵⁰. Эта точка зрения подкрепляется новейшим археологическим материалом⁵¹.

В 50-х годах Б.А. Рыбаков заинтересовался вопросом расселения племени уличей и пришел к выводу, что в X в. они переселились из района Днепровской луки и порогов на запад, в междуречье Южного Буга и Днестра⁵². В.В. Седов обосновал гипотезу о переселении в X в. части другого восточнославянского племени – тиверцев из южных районов Поднепровья в более северные области под натиском кочевников. Им же было прослежено освоение новгородскими словенами в XI в. Ижорского плато и южного Полужья, а также начало русской колонизации Вятского края⁵³. Антрополог В.П. Алексеев выдвинул гипотезу о раннесредневековой инфильтрации населения юго-западных и западных областей восточнославянского расселения на северо-восток⁵⁴.

В начале же 50-х годов было высказано наблюдение Насонова о распространении с XI в. новгородской колонизации как бы круглым путем, не прямо на восток от Ладоги и Новгорода, а в направлении к Заонежью. В XII в. усиление движения новгородцев на север и северо-восток

приводит к заселению земель по Свири, между Ладожским и Онежским озерами. Северная Двина и Вага, как показал Насонов, заселялись с севера, новгородцы продвигались далее на восток к Уральским горам, русское население шло на Вятку⁵⁵. Из Залесского края оно продвигалось в заволжские районы. К XII–XIII вв. относится продвижение населения вниз по Волге – на восток. Под давлением кочевников со второй половины XI в. население из среднего Поднепровья идет на запад в Галицко-Волынскую землю и на север в Черниговскую землю. Поток, направляющийся на север, докатывался до Муромо-Рязанской и Владимиро-Суздальской земель⁵⁶.

Колоссальные изменения в миграционные потоки внесло монголо-татарское нашествие. В пределы Владимиро-Суздальской земли, за Оку и Клязьму непрерывное переселение шло до XV в. Население предпочитало сосредоточиваться в лесных районах московской и тверской округи, на верхней Волге, а с конца XIII в. и за Волгой⁵⁷.

Переливу населения с востока на запад Суздальской земли первым в 1909 г. придал особо важное значение М.К. Любавский в специальной статье о причинах возвышения Москвы. Эта "свежая" в то время постановка вопроса была сразу же поддержана С.Ф. Платоновым⁵⁸. Впоследствии, в 1929 г., Любавский продолжал развивать ту же мысль: "Несомненно, что Московское княжество во второй половине XIII века и первой XIV было наиболее безопасным краем бывшей Ростово-Суздальской земли. Сюда поневоле должно было сбиваться население разоряемых областей"⁵⁹.

В концепции образования Русского централизованного государства Л.В. Черепнина, сформулированной им в 1960 г., при определении причин, содействовавших выдвиганию Москвы как центра политического объединения русских земель, на первый план выдвинуто то обстоятельство, что "Москва была средоточием складывающейся и развивающейся великорусской народности", – явления не только этнического, но и исторического, требующего для своего развития определенных условий. Предваряя их перечисление, Черепнин отмечал, что Москва возникла "в междуречье Волги и Оки (густонаселенном районе)", а заключая длинный перечень этих условий, писал: "Географическое положение Москвы... гарантировало этому городу и его району известную безопасность, способствовало притоку сюда жителей и возрастанию здесь плотности населения, а следовательно, подъему экономики и культуры"⁶⁰.

Развивающий в своих работах эту концепцию А.М. Сахаров сформулировал ту же мысль в 1969 г. с акцентом на фактор населения, передвинув его на первое место: "При рассмотрении борьбы за политическое главенство в северо-восточных русских землях на протяжении XIV–XV столетий необходимо иметь в виду, что передвижение населения, рост обрабатываемых площадей земли, эксплуатация разных промысловых угодий – все это влияло самым прямым образом на соотношение сил в борьбе, и вряд ли можно иначе понять причины, по которым основными соперниками в борьбе за великое княжение стали Москва и Тверь"⁶¹.

Наконец, эта мысль нашла детально аргументированную источниками поддержку и в фундаментальном исследовании В.А. Кучкина. Подводя

итоги изменениям в составе княжеств Северо-Восточной Руси к концу XIII в., он пишет: "Выгоды географического положения Твери, Костромы, Городца и Москвы, явившиеся результатом демографических изменений в Северо-Восточной Руси, вызванных монголо-татарским игом, несомненно благоприятствовали тому, что именно эти города в противовес всем остальным смогли успешно претендовать на роль того центра, вокруг которого в будущем смогла бы объединяться вся Северо-Восточная Русь"⁶².

По вопросу о том, какой характер носила колонизация в эпоху феодализма, традиционный подход был впервые преодолен еще В.О. Ключевским, утверждавшим, что дело о освоения земли – дело крестьян, а не монастырских властей, которые шли следом за ними (речь идет о промыслах в Беломорском крае). За Ключевским ту же мысль повторил и Милюков, сказавший о монастырях, что они редко являются пионерами колонизации, возникая на заселенных местах⁶³. В дальнейшем этой проблеме уделил внимание Веселовский. Один из разделов его исследования о феодальном землевладении в Северо-Восточной Руси (1947) посвящен стихийному характеру и неравномерности заселения. Отметив, что славяне в процессе заселения Северо-Восточной Руси продвигались по бассейнам крупных рек и их притоков и сбивались в удобных для поселения местностях, он писал: "Как бы высоко мы ни оценивали деятельность князей, частных лиц и монастырей в деле колонизации Руси, несомненным остается то, что в общем процесс протекал стихийно"⁶⁴.

Такой же подход к колонизационным процессам зафиксирован в начале 50-х годов в обобщающем труде – "Очерки истории СССР" для XIV–XV вв.: "Народная, стихийная крестьянская колонизация предшествовала колонизации правительственной, боярской, монастырской. Феодалы захватывали земли, освоенные русскими крестьянами, и заставляли их работать на себя". Применительно к монастырской колонизации в Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской областях (в XIV в. было основано 42, а в XV в. – 57 монастырей, представлявших собой феодальные вотчины) именно соответствующий характер процесса детально прослежен в 1966 г. И.У. Будовницем: "Монастыри не осваивали незаселенные, пустынные области... не крестьянин шел за монахом, а монахи продвигались на север по проторенным уже путям народной колонизации". А.М. Сахаров объясняет колонизационные потоки, которые в XIV–XV вв. стали вытекать и из Северо-Восточной Руси (на территории к северу от Волги), тем, что "земельные фонды здесь исчерпывались". Основанием для такого заключения ему служит увеличение к концу XV в. количества судебных дел, конфликтов из-за земли⁶⁵. Однако представляется, что рост борьбы за уже окультуренные и освоенные земельные угодья (как между феодалами, так и между крестьянами и феодалами) не является сам по себе свидетельством исчерпания резервов для внутренней колонизации в пределах основного ядра земель Северо-Восточной Руси. Этот вопрос, безусловно, подлежит дальнейшему изучению⁶⁶.

Освоение Северо-Восточной Европы русским крестьянским населением, продвигавшимся сюда в XIII–XV вв. двумя колонизационными потоками (из Новгородской и из Ростово-Суздальской земель, а позже из Москов-

ской Руси), обеспечивало в целом мирный характер процесса колонизации, представлявшего собой по преимуществу взаимообогащение русских крестьян и местных нерусских народов производственным опытом. Этот процесс, осложнявшийся проникновением вслед за крестьянами и ремесленниками феодала (в основном в лице государства или духовных корпораций) и распространением здесь феодальной земельной собственности и эксплуатации, широко освещен в отечественной историографии⁶⁷.

Легко убедиться, что все сказанное выше относится только к одной стороне изучения миграций – к вопросу об их направлениях. Даже для того, чтобы судить об их интенсивности в IX–XV вв., в источниках прямых данных нет, тем более нет таких данных для суждения о влиянии миграций на состояние семейно-родственных связей, как у самих мигрантов, так и у населения, окружающего их на новых местах. Однако думается, что все-таки не использованы все имеющиеся возможности для изучения демографической взаимосвязи города и деревни. Общее для истории Руси представление, что снимавшееся с места сельское население всегда находило для себя новые земли (в относительной близости от отчей земли, если речь шла о внутренней колонизации, или на вновь осваиваемых окраинах) всегда отодвигало на задний план внимание к вопросу о формировании городского населения, об иммиграции в город в эпоху феодализма.

Представляется, что не только археологический материал (городские и курганные погребения, их этнический состав), но прежде всего актов, материал духовных и договорных грамот, летописей, сказаний иностранцев, может в сопоставлении позволить выявить, как изменялась терминология, обозначающая разные слои городских жителей одного и того же региона или крупного городского центра, скажем, от XII–XIII к XIV–XV вв., уловить изменения в составе населения городов после тяжелейших потрясений: нашествий, эпидемий, голода и т.п.⁶⁸ В этом плане интересно попытаться провести сравнение степени изменения от середины XIII к XIV–XV вв. состава населения крупных городских центров, подвергшихся разгрому в результате монголо-татарского нашествия, с одной стороны, и Новгорода и Пскова, нашествия не испытывавших, – с другой.

§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения

Изучение исторических процессов воспроизводства населения для отечественной истории IX–XV вв. возможно лишь через призму семьи как ячейки воспроизводства. Проблемы истории семьи IX–XV вв. имеют значительную историографическую традицию (в отличие от рассмотренных выше), что объясняется в первую очередь тем, что эти проблемы тесно связаны с одним из центральных вопросов социально-экономической истории России – вопросом об общине. Так, например, эволюция древнерусской семьи рассматривалась, как правило, в качестве составной части истории общины и в связи с исследованием последней⁶⁹. Указанное обстоятельство обеспечило некоторую проблемную непрерывность историографической традиции в отечественной литературе о семье.

В XIX и начале XX в. внимание этим вопросам уделяли в основном историки права, видевшие в семье первичную ячейку государства. Их интересовали прежде всего имущественные отношения между супругами, наследственное право. Характерным является вышедший в 1903 г. труд Н.Н. Дебольского, который основывался на целом ряде аналогичных работ К.А. Неволлина, В. Никольского, В.И. Сергеевича, относящихся еще к середине и концу XIX в. Разбирая "естественные условия дееспособности", Дебольский обращается к вопросам пола, возраста и здоровья в русском праве, а при анализе "дееспособности коллективных единиц" рассматривает роль семьи в сфере определения право- и дееспособности ее членов и ставит вопрос о том, была ли семья в русском праве до Петра Великого юридическим лицом. Примерно та же проблематика звучит и в некоторых работах периода 20–30-х годов XX в.⁷⁰, авторы которых пытаются углубить социальный подход к изучаемым категориям⁷¹.

Пожалуй, последним исследованием в ряду работ с традиционным для дореволюционной историографии подходом к этой проблематике следует назвать вышедший в 1947 г. труд С.Б. Веселовского "Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси", глава 3 которого называется "Основные черты древнего наследственного права" и содержит разделы: древнее наследственное право восточных славян, имущественные права женщины в браке и вдовстве, о правах женщин в наследовании вотчин и о выморочности родовых вотчин (последний – в основном на материале XVI в.). Автор рассматривает имущественные отношения в семьях привилегированного класса (князей, дружинников, бояр)⁷².

Основное внимание отечественной историографии с конца 40-х годов и до настоящего времени обращено на выявление типа (форм) семьи, господствовавшего на разных этапах развития феодального общества. Коротко суммируем точки зрения, высказанные на этот счет. В начале 50-х годов Б.Д. Греков обосновал мнение, согласно которому господствующей формой была малая семья (состоящая из супружеской пары и их детей). Он полагал, что до XI в. сохраняла свое значение и "патриархальная семейная община, или большая семья"⁷³. Эту точку зрения разделил В.В. Мавродин с той разницей, что, по его мнению, "большие семьи" как пережиток родового строя сохранялись до позднефеодального периода⁷⁴.

Я.Н. Щапов, также полагая, что основными производственными общностями были в IX–XII вв. малые семьи, пришел к выводу, что семьи большие, утратив к XI–XII вв. характер первичной производственной ячейки, сохраняли определенную управленческо-правовую общность⁷⁵. Доказывая господство в качестве первичного производственного коллектив малой семьи, Щапов ссылается на летописные свидетельства о единицах обложения при сборе иноземными завоевателями дани на отдельных восточнославянских землях X в. ("от мужа по белей веверици", "от рала"), а также на более поздние и более многочисленные свидетельства письменных источников XII–XIII вв., в том числе на статьи Пространной Правды, рисующие наследственные права малых семей⁷⁶. Коллективы же родственников, объединяющих несколько родственных малых семей, по мнению Щапова, продолжали существовать в нескольких

формах, прежде всего в условиях переселений и необходимости осваивать лес под пашню⁷⁷. Другая форма – коллектив родственников, обладающий функциями, которые способствовали сохранению популяции и соблюдению некоторых хозяйственных интересов его членов (наследование имущества в случае отсутствия прямых наследников – сыновей, ответственность за содержание одиноких). Этот коллектив (Щапов определяет его как патронимию) был экзогамным – браки между родственниками и свойственниками вплоть до троюродных братьев и сестер запрещались⁷⁸.

Большой интерес представляет исследование В.Ф. Инкиным Галицкого Прикарпатья. Материалы по истории крестьянского землевладения края XIV–XV и более поздних веков позволяют осязаемо представить эволюцию норм Русской Правды. По-видимому, они демонстрируют отношения, свойственные именно тем коллективам ("патронимиям"), о которых пишет Щапов: несмотря на семейные разделы и даже отчуждение земли, связь дедича со своей отчиной и дединой не порывалась, «сохранялась общность имущественных интересов как потенциальное право "близости" (более близким принадлежало право вето на продажу, "перекупа", право на компенсацию за отречение от земельного участка, сохранения за собой права выкупа в будущем)»⁷⁹.

В работах О.М. Рапова и М.Б. Свердлова существование больших семей в Киевской Руси практически отрицается. Оба автора отстаивают точку зрения об универсальности малой семьи как производственной и социальной ячейки древнерусского общества⁸⁰. Свердлов допускает лишь возможность сохранения пережиточных форм большой семьи в "глухих районах Древнерусского государства". Рассмотрев известия письменных источников о древнерусской семье (Повести временных лет под 1103 г., Пространной редакции Русской Правды), Свердлов отметил, что они указывают на господство малой семьи во всех основных социальных слоях – среди феодалов, простых горожан, крестьян-смердов, холопов⁸¹. Б.А. Романов полагал, ссылаясь на Ипатьевскую летопись под 1151 г. и ст. 1 Краткой Правды, что в Киевской Руси существовали оба вида семьи – и большая ("неподеленная семья в три поколения") и малая ("замкнувшаяся в себе")⁸².

Точку зрения о господстве в Киевской Руси большой семьи отстаивал еще в 30–40-е годы С.В. Юшков⁸³. Позднее она была поддержана М.О. Косвенюком, разрабатывавшим проблемы истории большесемейной формы семьи на широком историческом материале (в том числе русском)⁸⁴. В 70-е годы сходное мнение высказывает И.Я. Фроянов, считающий, "что большие семьи вместе с переходными своими формами (неразделенные семьи) являлись наиболее распространенными в Киевской Руси", но он не отрицает существование и малых семей. Аргументирует он свою точку зрения тем, что в переходный период "семейные отношения могут комбинироваться из самых различных сочетаний" и в Древней Руси они "перегружены пережиточными чертами". (Церковный устав Ярослава да и летописи содержат множество свидетельств таких брачных аномалий и пережитков – с точки зрения парного брака.) По мнению Фроянова, обособление малой семьи совершалось сперва по линии потребления. Исходя из этого, он и соответствующие свидетельства археологии

(появление маленьких полуземлянок с очагами и хозяйственными ямами) толкует как аргументы, равнозначно свидетельствующие как о большой, так и о малой семье⁸⁵.

Наконец, по мнению В.И. Горемыкиной, в Киевской Руси были распространены такие разновидности большесемейной формы, как братские семьи, патриархальные семьи и патронимии. Жилища индивидуальной семьи на селищах VIII–IX вв. и связанные с ними ямы-погребца, равно как и дань, которая взималась князьями в IX в. "от рала", с ее точки зрения, аргументами в пользу существования индивидуальных хозяйств малой семьи с ее "парцеллой" быть не могут. Индивидуализация хозяйства и появление "парцеллы" малой семьи в деревне Горемыкина относит к X в. (Доводы: усиление в X в. "имущественного неравенства среди свободного населения", выразившееся в увеличении числа разбоев во времена Владимира, рост количества нищих из-за неурожаев, а также распространение широколезвийного топора, очень важного сельскохозяйственного орудия, которым "не все были одинаково обеспечены"⁸⁶.)

Все исследователи, ставящие вопрос о том, какой тип семьи господствовал в Киевской Руси, исходят из одного и того же комплекса письменных источников – летописных известий, норм Русской Правды, церковных уставов. В работах последних десятилетий (Рапов, Фроянов, Горемыкина, Свердлов) широко привлекаются данные археологии, но это не приводит к единству мнений. В то же время археологи, специально обращавшиеся к вопросу об отражении форм семьи в структуре древнерусских поселений, И.И. Ляпушкин и В.В. Седов настаивают на господстве малой семьи⁸⁷.

Начиная с 60-х годов вопросами истории семьи стали пристально заниматься этнографы, и хотя они оперируют, естественно, более поздними историческими и этнографическими материалами, именно они уделили много внимания разработке типологии крестьянской семьи, что должно способствовать более точному определению позиций сторон в непрекращающейся полемике, в том числе и по истории семьи на ранних этапах развития феодализма.

Малой семьей В.А. Александров предлагал считать "супружескую пару, не имевшую детей или с малолетними и даже взрослыми, но не женившимися сыновьями. Родители с женатыми сыновьями (вне зависимости от их количества), а также совместно жившие женатые братья составляли более сложную семейную организацию, а именно – неразделенную семью двух видов – отцовскую и братскую". Малой семье эпохи феодализма противопоставляется неразделенная в разных ее видах. Признавая неразделенную семью архаическим, постоянно существовавшим пережитком первобытнородового строя, мы должны были бы отказаться от генетической связи между малыми и неразделенными семьями, что не соответствует реальной жизни⁸⁸. Источники не позволяют сомневаться, что период с конца XV в. и до наших дней – время существования одной стадияльной формы – малой семьи и ее модификаций. Но и для периода раннего феодализма, складывания феодальной государственности и последующих столетий, когда достижение такого уровня развития производительных сил, при которых малая семья могла суще-

ствовать как самостоятельная производящая и потребляющая единица, уже было этапом пройденным, более очевидным и характерным представляется процесс создания "неразделенных семей на основе малой семьи и затем их раздел на те же малые"⁸⁹.

Большинство исследований по истории семьи в отечественной историографии относится обычно к семье крестьянской, но в конце 70-х годов появилось исследование и о семье городской – монография М.Г. Рабиновича об общественном и домашнем быте русского феодального города. Автор считает, что городская семья, сложившаяся на основе сельской, развивалась, однако, более быстрыми темпами, так как в городе существовало "множество обстоятельств, способствовавших относительно раннему развитию семьи малой". Говоря о большой патриархальной семье в русском феодальном городе, Рабинович подразумевает не только "классическую" ее форму (три–семь поколений по Косвену), но и "неразделенную" семью ("несколько женатых братьев ведут общее хозяйство"). В этой связи большой интерес представляют специфические формы родственных хозяйственных связей, характерные для городской жизни Новгорода, множество наблюдений над которыми содержится в исследованиях В.Л. Янина. Патронимия, описанная Косвеном (вервь, большая семья), включающая несколько поколений родственников, "чадь" и зависимых людей (рабов), могла сохраняться, по мнению Рабиновича, "только у городской верхушки и притом главным образом на ранних этапах развития русских городов". В качестве доказательства распространенности малой семьи автор приводит для времени до XIII в. несколько ссылок на летописные свидетельства и статьи древнерусских законов⁹⁰.

Для понимания структуры городской (да и сельской) семьи XIV–XV вв. много дает Псковская судная грамота, обстоятельное исследование которой проведено Ю.Г. Алексеевым. Автор не выделяет проблему семьи специально (в ПСГ нет особой главы или устава о семейном праве), однако из раздела "Суд о наследстве" в связи с наследованием вообще в среде "непривилегированных свободных членов городской и сельской общины" ясно вырисовывается состав "ближнего племени", противопоставленного "сторонним людям" "приказникам" (имеются в виду наследники по завещанию). В числе ближайших родичей умершего оказываются отец, мать, сын, брат, сестра, в другом варианте (когда речь идет об изорнике) – жена и его дети. Племянник же занимает уже промежуточное положение между "приказником" и "ближним племением"⁹¹.

Современные исследования по исторической демографии западноевропейского средневековья также позволяют сделать вывод о многообразии сложных семейных ячеек и распространении сложных многоячейных домохозяйств (как в деревне, так и в городе), в которых, как в раннее, так и в классическое средневековье, нет основания видеть пережиток больших патриархальных семей: "Чаще всего они представляли новообразования, вызванные к жизни конкретными условиями своего времени". В частности, при рассмотрении вопроса о влиянии на семейную структуру социального и имущественного статуса человека констатируется тенденция увеличения семейной группы в более высоких социальных и имущественных разрядах крестьян и горожан⁹².

Представляется, что для уяснения типа семьи и места и роли родственных связей как в среде крестьянства, так и привилегированных слоев общества еще недостаточно использован весь комплекс актовых и законодательных материалов до середины XVI в. (с учетом возможных ретроспекций), в основе которых лежали отношения по наследованию имущества, в том числе земли.

Следующий важнейший комплекс вопросов, на которых предстоит остановиться, – семейно-брачные отношения, представления и связанный с ними тип демографического поведения. Семейно-брачные отношения Древней Руси и более поздних столетий рассматривались в дореволюционной историографии начиная с середины XIX в. – в работах В.Я. Шульгина (он основывался на известиях житий святых), С.М. Шпилевского (сравнивал семейно-брачные нормы на Руси и в Западной Европе), а также Д.И. Азаревича, М.И. Горчакова, А.Е. Загоровского, А.С. Павлова, И.М. Альтшуллера (все они исходили из соотношения древнерусского брачного права с византийским, уделяя основное внимание тем византийским нормам, которые оказались включены в древнерусское право)⁹³.

В отечественной историографии исследования такого рода появляются начиная с 60-х годов, однако, к сожалению, пока очень редко. Специальные работы по этой тематике предпринимались Б.А. Романовым (1947), Я.Н. Щаповым (1970), М.Г. Рабиновичем (1978) и Н.Л. Пушкаревой (1985).

Романов в своей книге очерков о быте древнерусских людей на материалах XI–XIII вв. (церковные уставы, летописи, литературные произведения, Русская Правда) дал обзор сведений о брачных нормах, уделив особое внимание возрастающей роли церкви в воздействии на них. В главе, названной им раздумчиво-философски "Жизнь человека", он прослеживает путь его с момента рождения. С точки зрения демографов решающий фактор, определяющий брачную плодовитость при феодализме, – возраст вступления в брак. Для XII в. известен возраст, в котором церковь разрешала вступление в брак, – 15 лет для мужчин, для женщин меньше, по-видимому 12 лет (на деле "жили и одиннадцати лет, выдавали замуж и восьми лет"). Решение брачных вопросов – дело родителей. В XII в. церковь много внимания уделяет укреплению единобрачной семьи посредством венчального брака, в результате которого "мужеска жена" сразу же попадала под защиту церкви и христианского законодательства (даже от оскорбления словом). Кроме того, ст. 88 Пространной Правды распространяла на жену положение о "вирах" в случае ее убийства, чего не было ранее. Романов делает вывод об успехах церкви в борьбе за моногамную семью (большую роль играла и ст. 98 Пространной Правды о "робких детях у мужа", отрицавшая за ними право на наследование), хотя и видит много свидетельств нарушений моногамности в быту господствующего класса, прежде всего в княжеском⁹⁴. Тем не менее, по мнению Романова, «наш летописец-этнограф взял грех на душу утверждать, что в народе, у всех этих древлян, радимичей, вятичей, северян, – "брака у них не бываше" и жили они "скотски"». Многоженство гнездились в среде господствующего класса, а "в народе ни один памятник

древности не знает многоженства – ни у холопов, ни у смердов". "Заповеди" митрополита Георгия XI в. допускали не более двух браков, то же установление содержит Русская Правда XII в.⁹⁵

Изучавший брак и семью Древней Руси на тех же источниках (плюс берестяные грамоты) Шапов подчеркивает, что нормы семейного права Древнерусского государства регулировали взаимоотношения внутри малой и большой семей, а также отношения членов семей с общиной и государством. Основа семейного и брачного права XI–XII вв. возникла еще в языческое время, в период формировавшегося государства. Уже тогда, по мнению Шапова, в Киевской и Переяславской землях победила моногамия, "а брак путем умыкания невесты стал пережитком, сохранившимся лишь в виде обряда". Архаические нормы брака сохранялись в менее развитых районах Руси. Оформившиеся к середине XI в. основы древнерусского семейного и брачного права были впервые зафиксированы в 1051–1053 гг. в специальном кодексе – "Устав князя Ярослава о церковных судах". Шапов обращает внимание на то, что в конце XI в. (к 1080-м годам) венчание еще далеко не вытеснило старых свадебных обычаев (венчаются только бояре и князья). Браки между лицами, принадлежавшими к разным социальным группам, были редким исключением, хотя формально не запрещались (отсюда "наложницы", "меньшие" жены). Заключение браков между свободными и холопами отчасти предотвращалось классовый по своему характеру нормой – угрозой похолопления (судя по свидетельствам XII в. и более поздним).

В XIV–XV вв. церковь была вынуждена пойти на некоторые уступки – в Новгороде признавались наследниками дети от третьего и четвертого браков, а третий брак разрешался в случае отсутствия детей в первом и во втором у еще молодого человека. Хотя были уже известны народные зелья, вызывавшие выкидыш (это отметил и Романов), регулирования деторождения не существовало⁹⁶. Приданое (довольно раннее общественное явление, как пишет Шапов) после смерти жены наследовали только ее собственные дети (Романов считает, что приданое сливалось с имуществом мужа и "части", выделяемые вдове, с приданным никак не связаны). Супруги не имели права оставить друг друга, если один из них был тяжело болен. Внутрисемейные вопросы решал муж, только он был подвластен общинным, церковным и государственным органам. Митрополичье и епископское правосудие вступало в конфликты, в которых одна из сторон женщина, только в случаях заключения и расторжения брака. Во второй половине XII – начале XIII в. появляется древнерусский кодекс развода ("распуста"), вошедший в Пространную редакцию "Устава князя Ярослава" (в нем фиксированы нормы развода только из-за проступка жены). Семейное и брачное право Древнерусского государства в целом квалифицируется Шаповым как "право раннеклассового общества, в котором шел активный процесс феодализации"⁹⁷.

Рабинович, в уже упоминавшейся книге которого содержатся специальные разделы "Брак", "Дети", "Похороны и поминки", считает, что в эпоху средневековья брачный возраст (за исключением случаев династического брака) был связан на Руси прежде всего с половым созреванием. Судя и по детским женским курганным погребениям XII–XIV вв. (показатель – смена

зубов и соответствующие украшения), невестой считалась девочка с 12 лет. Поскольку свадебный наряд невесты отличался комплексом украшений, свойственных особому племени или союзу племен, по этим украшениям (невеста одевала наряд своего племени) можно судить, из каких местностей притекало население в тот или другой город. В малых городах до XIII в. находят обычно один какой-либо тип свадебных украшений, а в больших – разные (их население пополнялось иногда из весьма удаленных земель)⁹⁸. Свадебный обряд состоял из двух частей – древнего народного и церковного. По мнению Рабиновича, традиционный дохристианский свадебный обряд (в его местных разновидностях) преобладал на Руси примерно в течение шести веков после введения христианства (в Европе до католического Тридентского собора XVI в.). К X в. можно говорить о появлении сватовства (в феодальной среде), следом за которым шел "ряд" – свадебный договор, у горожан заключавшийся в письменной форме (древнейшая такая рядная грамота на бересте относится к XIII в.)⁹⁹.

Новым явлением для нашей историографии представляется предпринятое Пушкаревой изучение положения женщины в семье и обществе Древней Руси X–XV вв.¹⁰⁰ Повышение интереса к женской проблеме в историческом плане – явление, характерное для всей мировой историографии, как европейской, так и американской. Рассмотрев положение женщины X–XV вв. в семье, имущественные и общественные ее права, Пушкарева пришла к выводу, что, хотя христианская концепция семьи, как и везде в средневековье, способствовала закреплению подчиненного положения женщины, источники позволяют установить нечто особенное, присущее социальному статусу женщин именно на Руси X–XV вв., где он оказывается относительно высоким. Так, наличие у древнерусских женщин прав на развод, как считает Пушкарева, коренным образом отличало их семейный статус от положения их европейских современниц. Автор поэтапно прослеживает эволюцию имущественных прав женщин: XI–XIII вв. – юридически закрепленное и фактически действующее право женщин различных классов на обладание и распоряжение движимостью, XIII–XV вв. – распространение у женщин привилегированных сословий прав владения и распоряжения на недвижимость. Имущественные права женщин привилегированных сословий, как доказывает Пушкарева, практически не отличались от имущественных прав мужчин. Если до XIII в. приоритетные права при наследовании имели мужчины, то в XIV–XV вв. – прямые родственники или родственницы независимо от пола, а при их отсутствии не прямые наследники, в том числе и женщины. Право женщин всех классов на охрану чести, жизни, здоровья давало им почти одинаковый юридический статус с мужчинами равного с ними социального ранга. Наказания женщинам (штрафы и т.п.) дифференцировались в зависимости от их классовой принадлежности, а не от пола. Автор приводит примеры правовой активности древнерусских женщин, их процессуальной дееспособности, участия женщин привилегированного сословия в политической жизни общества¹⁰¹.

Затрагивает рассматриваемая выше историография и вопросы опеки со стороны церкви воспроизводственных функций семьи. Романов приводит поучения епископа Ильи (1166 г.), запрещавшие жене, которая

"носит в утробе", поклоны стоя на коленях и "рукою до земли", так как "от того бо вережаются и измечают младенца", и это будет вина церкви. Наказание епитимьей и "домом церковным" ожидало женщину, которая пойдет на извержение плода "зельем". В конце XII в. все это, как считает Романов, свидетельствует о борьбе церкви за жизнь ребенка. "Порчи" "с юных лет" церковь пыталась избежать пропагандой раннего брака. Родители имели право заставить своих детей вступить в брак, но они подвергались каре, если принуждением к браку или запрещением его (по отношению к дочери) доводили ее до самоубийства или до покушения на него. Если дочь оставалась в безбрачии (но не уходила в черницы), в ответе также оказывались родители (штрафом митрополиту, в зависимости от их звания). Церковный устав Ярослава XI в. запрещал под угрозой штрафа в 30 или 40 гривен жениться близким родственникам (даже в шестом поколении – троюродным братьям и сестрам) – их разлучали. При разводе для женщины уважительной причиной считалось тяжелейшее пьянство мужа, пропивающего имущество: в этом случае инициаторша расторжения брака наказывалась епитимьей только на 3 года¹⁰².

Щапов справедливо подчеркивает, что родители по отношению к детям имели не только большие права, но и многие обязанности. Как ответственность за обеспечение детей и устройство их в жизни рассматривает он упомянутые выше штрафы за невыдачу дочери замуж (их брали и с "великих бояр", и с "простой чади"), и поступление дочери, при наличии наследников-сыновей, на иждивение своих братьев, которые, согласно Пространной Правде, должны были выдать ее замуж "како си могут". Щапов видит в этой норме (аналогов которой нет в византийском праве) фиксацию древнерусского права языческого времени, по которому община "вменяла в обязанность родителям обеспечить замужество дочери"¹⁰³. Веселовский обращает внимание на то, что, согласно Русской Правде, отчий дом доставался младшему сыну без раздела (так как старшие успевали стать на ноги при помощи отца), однако в Северо-Восточной Руси этот обычай постепенно выходил из обычновения. В то же время, судя по духовным грамотам, частных лиц (не князей!) XV, а также XVI в. завещатель всегда стремился к равному и безобидному разделу наследства, проявляя особую заботу о малолетних детях¹⁰⁴.

Соглашаясь в целом с выводами А.Г. Вишневского, что "старая семья" (имеется в виду семья с традиционным типом воспроизводства населения) "по существу не знает долга родителей по отношению к детям, напротив дети – вечные должники родителей" (в России, по его мнению, отсутствие в крестьянском мировоззрении ответственности родителей перед детьми имело место еще в начале нашего столетия)¹⁰⁵, следует отметить, что и понятие "долга", вероятно, менялось во времени и могло значительно социально дифференцироваться.

Поскольку движущим мотивом воспроизводства феодальной формации является производство прибавочного продукта для феодалов в форме феодальной земельной ренты, получаемой эксплуатацией зависимых крестьян, мощь феодала измеряется числом "душ"¹⁰⁶. Достигнуть же роста населения для общества можно было только посредством неогра-

ниченного деторождения. Все исследователи, пишущие о воспроизводстве населения при феодализме, исходят из того, что для этой эпохи в целом именно неограниченное деторождение было важнейшим источником увеличения населения. Но в историографии обнаруживается известная нюансировка в расшифровке демографического поведения разных социальных слоев населения на разных этапах феодальной формации.

М.С. Авербух, стремившийся еще в 60-х годах общие закономерности воспроизводства населения при феодализме спроецировать на разные этапы развития феодальной ренты (хронологически эти этапы оказываются у него приуроченными для Западной Европы к раннему средневековью – V–XI вв., развитому феодализму – XI–XV вв., и позднему средневековью – конец XV – середина XVII в.), считал, что на Руси до XI в. у свободных крестьян, при небольшой доле прибавочного труда и весьма низком уровне потребностей, не было стимула для того, чтобы иметь много детей. Для зависимого населения при ранней форме крепостного состояния (в XI–XII вв.) большое число детей, по мнению Авербуха, также не являлось "условием улучшения материального положения крестьянской семьи". (Автор опирается при этом на анализ состояния общества, проведенный Б.Д. Грековым в труде "Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.") Другими словами, в первый период развития феодализма "у подавляющей части населения феодального общества – у свободных еще или уже крепостных крестьян – не было сильных стимулов к увеличению семьи". Даже учет высочайшей детской смертности того времени не колблет Авербуха в его убежденности, что меньшая заинтересованность крестьянства того периода в детях "вполне соответствует требованиям закона простого воспроизводства, который в полной мере действовал значительный период времени на протяжении первой стадии феодализма" (а многие главные факторы, обуславливавшие высокую смертность при феодализме, – усиление эксплуатации и жертвы крестьянских восстаний, феодальные усобицы, религиозные преследования и т.п. – на первой стадии действовали слабее, чем в последующие периоды)¹⁰⁷.

Общие для всей эпохи закономерности воспроизводства населения с наибольшей силой действовали во втором периоде (в России, как считает Авербух, начиная с XIV–XV вв.) – "непосредственная заинтересованность крестьян иметь как можно более детей находит свое выражение в полной мере" (крестьяне закрепощены, потребности феодалов возросли, роль сельской общины как защитного против эксплуатации средства снижается, относительная доля прибавочного труда в общей массе труда крестьянина возрастает, но и потребности самого крестьянина растут). Крестьянину в семье необходимо теперь большее число работников, т.е. детей известного возраста. Таким образом, второй период характеризуется высокой рождаемостью, но резко повышается и коэффициент смертности. При неблагоприятных обстоятельствах (например, в России конца XVI – начала XVII в.) смертность превышает рождаемость, и в течение некоторого времени наблюдается даже убыль населения¹⁰⁸. В.В. Самаркин считает очень важным фактором, благоприятствовавшим росту населения Европы в период развитого средневековья, увеличение роли мясо-

молочных продуктов как одного из главных продуктов питания. Однако влияние факторов, ограничивающих рост населения, и по его мнению, было доминирующим¹⁰⁹. Согласно схеме Авербуха, на первой стадии феодализма как рождаемость, так и смертность были ниже их средних уровней для всей эпохи феодализма в целом, а прирост населения был несколько выше, на второй как рождаемость, так и смертность были выше их средних уровней, а прирост населения несколько ниже¹¹⁰.

Вишневский, исследуя отношения по детопроизводству и предостерегая от идеализации "старой семьи", приходит к выводу, что, "видимо, все же высокая рождаемость для семьи никогда не была безусловным экономическим благом, ее влияние на благосостояние семьи, а через него и на ее социальный статус было весьма противоречивым..." Этот конфликт между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общества не приводил к демографическим кризисам в силу существования системы социального принуждения. По мнению Вишневского, даже убедительный ответ на вопрос об экономической выгодности или невыгодности большего числа детей в семье не дает понимания, как эта выгодность или невыгодность могла влиять на реальное демографическое поведение и была ли она единственным или главным мотивом семейного поведения крестьян¹¹¹.

Одна из сторон социального принуждения – демографическая политика, часть социальной политики государства. С точки зрения Е.Б. Урланиса, перу которого принадлежит появившаяся в 1970 г. единственная в своем роде статья о демографической политике в рабовладельческом и феодальном обществах, в эпоху раннего феодализма четко выраженной государственной политики населения в России не было. В то же время он считает выражением такой политики государственные мероприятия, закрепляющие права феодалов на крепостных, затрудняющие и фактически запрещающие миграцию крестьян в XIV–XV вв., и деятельность крупных землевладельцев, поощрявших переходы и переезды крестьян освобождением их на первое время от пошлин. Таким образом, "демографическая политика этого периода в России характеризуется лишь вмешательством в миграционные процессы крестьянства"¹¹². В качестве демографической политики можно воспринимать и покровительственные установки церкви по отношению к семье и деторождению, хотя в то же время их можно квалифицировать и в качестве другой составной части социального принуждения, формирующей традиционные культурные нормы, определявшие положение личности в феодальном обществе.

Из сказанного выше ясно, что специальных работ по демографической политике, и шире – по системе социального принуждения, в которых бы рассматривалась и история массовых представлений русского общества IX–XV вв. о браке, деторождении, смерти, в нашей историографии почти нет. Не до конца использованы для изучения всей этой проблематики семейного и брачного права изданные в 1976 г. древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.¹¹³

Почти не затронутым в отечественной историографии оказался вопрос о влиянии на семейную структуру и характер воспроизводства социаль-

ного и имущественного статуса человека, об отличиях в воспроизводстве населения в городе и деревне. Впервые намечена (в работах Н.Л. Пушкиревой) постановка вопроса о соотношении идеала (свидетельства ментальности в нарративных памятниках) и действительности (свидетельства деловых источников – кодексов права, актов).

До сих пор в нашей историографии нет исследования, в котором были бы рассмотрены все имеющиеся данные источников об образовании в IX–XV вв. относительно избыточного населения, вытесняемого из процесса производства, – под таким углом зрения стоит рассмотреть некоторые колонизационные потоки, бегство еще не закрепощенных крестьян, переходы зависимого населения, скопление в городах масс беглецов, нищих и т.п. Заслуживает постановки вопрос и о пополнении избыточного населения XIV–XV вв. за счет выходцев из среды господствующего класса, о формах, в которых феодальное государство нейтрализовало соответствующий процесс. Подходы к этой проблеме мы находим у Веселовского, который прослеживает последствия дробления боярских вотчин в силу господствовавшего на Руси обычая равного раздела наследства отца между сыновьями и выдела части имущества дочерям (вотчинное землевладение в роли "питомников" поколений малоземельной или "вовсе безземельной" молодежи)¹⁴.

Особое место в историографии занимает рассмотрение пертурбационных факторов, способствовавших высокой смертности и, таким образом, непосредственно влиявших на воспроизводство населения, обуславливая относительно малый его прирост в течение большей части феодальной эпохи. Интерес к этим проблемам в систематическом виде был сформулирован еще у С.М. Соловьева. Отдав должное "стараниям князей умножать народонаселение" (возведение городов, население волостей "плениками и рабами купленными", "перезывая отовсюду народ"), Соловьев переходит к "препятствиям для этого умножения", которые он делит на политические (войны междоусобные и внешние) и физические (голод, мор). Он тщательно подсчитывает "усобицы" (их оказывается 80 с 1055 до 1228 г., многие длились по 12–17 лет), половецкие, а также литовские нашествия, и показывает гибельность их для народа. Прослеживая последовательно по летописям известия о голоде в разных землях, Соловьев связывает его с хлебной дороговизной и сильной смертностью, мором и падежом скота, упоминая, что "о врачебных пособиях при этих случаях мы не встречаем известий", хотя сведения о существовании лекарей на Руси ему известны¹⁵.

По такой же схеме описывает Соловьев пертурбационные явления следующих 250 лет (с середины XIII до конца XV в.), получая в сумме "по опустошению почти на каждый год", отдавая себе отчет в относительности таких подсчетов и несравнимости масштабов последствий от разных нашествий, выделяя нашествие Батые, усобицы между сыновьями Александра Невского, опустошение Тверской области татарами и Калитой, нашествия Тохтамыша, Едигея. Еще более тщательно учтены им все известные летописцам случаи голода из-за непогоды, о других погодных бедствиях, дороговизны хлеба, моров для людей и скота, Соловьев отмечает вредно действующий на народное здоровье обычай хоронить

мертвых внутри городов, около церквей и оговаривает отсутствие известий о мерах "предосторожности во время моровых язв"¹¹⁶.

Подробное изложение изысканий Соловьева на этот счет имеет смысл потому, что большинство последующих исследований, обращавшихся к тем же сюжетам, или просто ссылались на факты, приведенные Соловьевым, или пользовалось его методами подсчета или, правильнее сказать, методами воссоздания картины бедствий. Так, например, Б.Ц. Урланис, составляя таблицу "Число лет войны и мира в истории России за 1000–1500 гг.", – в среднем почти половина лет приходилась на годы войны – воспроизводит сведения Соловьева о локальных усобицах и их распространении по территории Руси, а также его материал об эпидемиях в России¹¹⁷. В монографии, посвященной людским потерям вооруженных сил европейских стран XVII–XIX вв., Урланис приводит и некоторые данные о войнах XIV–XVI вв., включаясь в известный спор о количестве людских потерь на поле Куликовом. Он осуществляет свой подсчет убитых бояр по отдельным княжествам (701, включая и детей боярских, которых он считает "чем-то вроде офицерского состава") и делает вывод, что потери русских вряд ли превышали 10 тыс. человек убитыми (число убитых рядовых примерно в 15 раз больше числа убитых командиров). Тем не менее он считает, что Куликовская битва по своим размерам превышала все другие битвы XIV–XVI вв. в Европе¹¹⁸.

Большое внимание пожарам, морам, нашествиям, княжеским усобицам уделил М.Н. Тихомиров, создавая историю средневековой Москвы. Его монография 50-х годов на эту тему содержит специальный раздел "Городские бедствия и происшествия", основанный целиком на источниках, преимущественно летописных, а также литературных¹¹⁹.

Однако только в 1964 г. появилась специальная работа, автор которой В.Т. Пашуто постарался создать систематическую взаимоувязанную картину влияния пертурбационных факторов не только в общем плане на экономику и политику Руси за 400 лет – до середины XIV в., но и конкретно на главную силу производства – человека¹²⁰. Содержание статьи гораздо шире ее заглавия. Охарактеризовав весьма скудную историографию вопроса, автор составил на основе последовательного просмотра летописных сводов (киевских, владими́ро-суздальских, галицко-волинских, новгородских, псковских, тверских и московских), с привлечением правовых, литературных и агиографических источников, грандиозную таблицу сведенных воедино и источниковедчески оцененных данных о голоде, его причинах, об эпидемиях и эпизоотиях, о монголо-татарских и иных нашествиях, внутренних и внешних войнах¹²¹.

Пашуто приводит статистические погодные наблюдения над голодом (по методу Соловьева – 42 голодных года из 308, в среднем одно сообщение о голоде на каждые 7 1/2 лет, иногда голод тянулся 2–3 года и дольше, как в 30-е годы XIII в.), сопоставляет их с динамикой голодных лет в соседних странах Европы, внимательно рассматривает естественно-географические и общественно-политические причины голода и последствия голодных лет (приводит цифровые свидетельства источников о человеческой смертности). Пытается установить частоту эпидемий (для

Пскова и Новгорода XIV–XV вв. одна эпидемия в 15–17 лет). В статье дается характеристика питания населения в голодные годы (в основном общая для всей Европы), состав которого неминуемо должен был отразиться на здоровье и производительности труда "не только данного поколения, но и его ближайшего потомства". Подробно рассмотрены социально-экономические последствия голодных лет (спекуляция хлебом, похолопление лично свободных людей, увеличение закупничества – закладничества, бегство и переселение масс голодных людей из сел и городов, накопление собственности у разных социальных слоев общества, особенно у монастырей и церкви вообще, и, как следствие, обострение социальных противоречий, сопровождавшееся общественными движениями).

Пашуто приходит к общему выводу, что на Руси "бедствия голодных лет порождены в первую очередь общественными причинами и... обнаруживают близкое сходство с подобными явлениями в других странах Европы; специфические же черты в экономическом развитии сперва юго-восточной, а затем и основной части Руси следует поставить в связь с губительными последствиями набегов и господства кочевников"¹²².

По вопросу о том, когда на Руси стали применяться предохранительные меры против распространения эпидемий, в историографии существуют разные мнения. М.Н. Тихомиров и вслед за ним В.Т. Пашуто относят их появление к XIV в. (изоляция пораженных улиц, городов, земель, истребление нарушителей этих мер), автор книги о развитии естественнонаучных и технических представлений на Руси В.К. Кузаков – к концу XV – началу XVI в.¹²³

С сожалением приходится констатировать, что изучение поднятой Пашуто проблематики на более позднем материале никем не предпринималось. Что же касается времени до начала XV в., то специального рассмотрения заслуживают переселения, вызванные междоусобицами и войнами, голодом и эпидемиями.

Применительно ко всей проблематике воспроизводства населения в феодальную эпоху совершенно неразработанным на российском материале остается вопрос о переменах в механизме демографической регуляции, о смене исторических типов воспроизводства населения¹²⁴.

* * *

Историко-демографическое источниковедение применительно к IX–XV вв. в отечественной историографии представлено крайне скупо. Археология накопила уже значительный опыт по выяснению размеров городских и сельских поселений с последующим выходом на проблему численности их населения. Появилась и работа, обобщающая методы таких исследований применительно к городу. Имеется в виду социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв., разработанная А.В. Кузой. Отталкиваясь от того, что четырем сотням "летописных" городов противостоят почти 1500 археологически зафиксированных древнерусских укрепленных поселений IX–XIII вв., автор задается целью провести сравнительный анализ их археологических характеристик. Для этого он систематизирует все известные укрепленные поселения Руси

IX–XIII вв. по формальным (морфологическим) признакам, разделив все привлеченные к исследованию памятники (их 1395) на четыре категории по степени их археологической изученности (первая – 236–16,9% – поселений, стационарно исследованных широкими площадями, вторая – 626–44,9% – изученных разведочными раскопками и шурфами). В сумме (61,8%) они составляют базу для их дальнейшей классификации.

Используя сведения о планировке оборонительных укреплений 1128 древнерусских поселений IX–XIII вв., Куза выясняет, что лишь седьмая часть укрепленных поселений имеет сложную планировку (по типологии, разработанной П.А. Раппопортом) и по этому признаку «претендует на статус "города"». Далее Куза учитывает такой важнейший показатель, как площадь поселения, которая зависит от численности его жителей. Внутренняя площадь укреплений известна у 862 поселений двух первых категорий изученности. Проведя группировку по размерам этой площади, Куза осуществляет корреляцию типов памятников с размерами их площади, прослеживает изменение в соотношении типов памятников по трем периодам (IX – начало XI в.; XI – начало XII в.; середина XII – середина XIII в.) и изменения, происходившие в группировке памятников по размерам укрепленной площади. Методом корреляции археологических индикаторов города автор определяет социальный тип укрепленных поселений всех трех групп и приходит к выводу, что 62 поселения с укрепленной площадью свыше 2,5 га обладают всем набором археологических показателей, типичных для восьми крупнейших стольных городов. Всю данную группу укрепленных поселений Куза считает подлинными городами. "Городские признаки" в полном объеме "зафиксированы только у поселений, общая укрепленная площадь которых превышает 2,5 га. Этот показатель непосредственно связан с численностью населения каждого конкретного памятника. Налицо археологически уловимая грань, отделяющая степень концентрации жителей города от прочих типов поселений"¹²⁵.

Перейдем к вопросу о территориальной распространенности и концентрации поселений. Поскольку этот вопрос одновременно относится и к компетенции исторической географии, наша историография в последнее время обогатилась соответствующим источниковедческим очерком, предпосланным В.А. Кучкиным его книге о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв.¹²⁶ Оценив источниковедческие усилия предшествовавшей историографии по поискам и локализации средневековых поселений¹²⁷, Кучкин, используя методику М.В. Витова¹²⁸, видит свою задачу в том, чтобы проследить " всю историю поселения с момента его первого упоминания до времени составления строго научных карт"¹²⁹.

Мобилизуя весь соответствующий фактический материал, известный нашей науке, Кучкин подвергает его источниковедческой проверке и локализует на карте. Реализуя эту задачу, он дает характеристику данных археологических памятников (захоронений в сопках и курганах домонгольского времени и поселений вплоть до XV в. включительно), подчеркивает важнейшее значение установления типологии поселений, выделения городов, а из сельских поселений феодальных замков и

погостов. Особо подчеркивает возможность при помощи археологии точно локализовать пункты, упоминаемые в письменных источниках, или повторяющие в своих названиях имена и прозвища лиц, живших в XI–XV вв. Исследователь обращает внимание на плохую изученность археологических объектов второй половины XIII–XIV в. и более позднего времени, хотя потенциальные возможности археологии в деле изучения поселений и расселения вообще огромны.

Кучкин характеризует нарративные источники, прежде всего летописи (содержащие в первую очередь сведения о княжеских центрах и редко о границах княжеств, и, что важно для нашей темы, о поселениях в этих границах), агиографические сочинения. Главное внимание он уделяет делопроизводственному материалу, в первую очередь наиболее богатому сведениями о поселениях актовому (2234 акта XII–XV вв.), речь идет также о возможности использования для этих целей родословных книг конца XV–XVII в., в которые в качестве родовых преданий попали известия за XIII–XIV вв., не сообщаемые другими источниками (особенно важны росписи княжеских родов и прозвища князей).

Для выявления и локализации поселений XIII–XIV вв. Кучкин привлечет писцовые и переписные книги XVI–XVII вв., содержащие полный перечень существовавших в XVI–XVII вв. поселений в рамках бывшей Северо-Восточной Руси, названия многих из которых идентичны встречающимся в источниках XIII–XIV вв., что облегчает локализацию древних поселений. Кроме того, при валовом описании фиксируются топонимы, сопоставимые со старинными княжескими прозвищами, и остатки родовых вотчин потомков местных княжеских фамилий. Используются им и "Списки населенных мест Российской империи", составлявшиеся в XVIII–XIX вв., а также научно составленные карты и планы, начиная с Петровского времени. В результате такого скрупулезного труда автору "удается точно локализовать почти все упоминаемые в источниках поселения Северо-Восточной Руси X–XIV вв."¹³⁰ Такова источниковая база и потенциальные возможности для решения вопросов о расселении и поселениях на Руси X–XV вв. (целый ряд методик, применяемых Кучкиным, распространяем и на другие территории).

Метод ретроспективного анализа актовых материалов с целью анализа расселения и движения народонаселения Молдавии XIV в. разработан Л.Л. Полевым¹³¹. Остановимся на нем подробнее, так как для периода до XV в. включительно такая источниковедческая работа вообще, а над актовым материалом, в частности, в нашей историографии исключение и, по видимому, будет иметь оппонентов.

Поскольку от XIV в. в Молдавии дошло всего 14 подлинных грамот конца столетия с упоминанием 33 населенных пунктов, естественным является стремление исследователя расширить источниковую базу для суждения о демографических процессах. Первые попытки такого рода, когда на основании формулы грамот об "отинном и дедином" владении произвольно отодвигают его существование на столетие вглубь, удовлетворить не могут: при этом на неопределенное время в глубь XIV в. оказывается возможным отнести лишь 10,5% (87) из известных по документам XV в. 1344 поселений. Полевой учел все опубликованные доку-

менты конца XIV–XVII в. (славяно-молдавские жалованные, подтвердительные и другие господарские грамоты феодальной эпохи с учетом славянской транскрипции текстов грамот XIV – начала XVI в.), а также упоминания населенных пунктов в молдавских хрониках, эпиграфических памятниках и других источниках¹³².

Исходная идея Полевого такова: название какого-либо села, прежде чем появиться, должно было пройти "определенной длительности путь своего оформления". Село получало название со временем, чаще всего по имени какого-либо лица (антропонимные топонимы – их в документах XIV–XV вв. около 90%). Время основания села (например, получение "места" для села) и время появления его топонима (вернее, упоминания его в документе) отстоят на какой-то срок. Определив среднюю продолжительность времени появления наименования села, автор получает возможность приблизительно представить время его существования: "Если извлечь из документов достаточно большое число случаев оформления топонимов и вывести среднюю величину периода их появления в документах, то она может стать математически обоснованным способом определения древности всех сел, впервые упоминаемых в XV в."

Таким образом, находя самое раннее упоминание в документах XV в. названия какого-либо села, автор экстраполирует среднее значение периода его появления в прошлое и определяет минимальное время его существования, "а в целом – приближенную картину расселения и движения народонаселения в XIV в."¹³³ При этом учитываются не только случаи возникновения полного антропонимного топонима села с момента его основания, но и ряд первичных и переходных форм (село, где есть такой-то, село, где был такой-то). Первичные и переходные топонимы молдавских сел, связанные с именами их первооснователей или перво владельцев, бытуют на протяжении жизни одного или двух поколений; сложнее обстоит дело с полными топонимами: в определении возможного раннего рубежа их существования автор считает возможным опереться на исследования топонимистов, связывающих появление полных форм названия сел с возникновением феодальной собственности на землю (следствие феодализации волошской общины).

Допустив, что темп процесса образования названий сел был практически одинаковым в XIV и XV вв., Полевой составил генеральную совокупность из населенных пунктов, упомянутых в документах конца XIV – первой половины XV в. (с включением не только сел, но также пустошей и селищ, прошедших путь образования топонимов), и сделал из нее три выборки, соответствующие трем формам топонимов (полных, первичных и переходных – 850 единиц). Определив среднее значение периода появления каждого из них (для первичной формы: 15–45 лет, для переходной: 48–55 гг., для полной формы топонима: 68–122 гг.) и применив минимальные значения пределов доверительных интервалов (68, 48 и 15 лет) к топонимам документов XV в. (для полных, отобранных соответственно до 1468 г., для переходных – до 1448 г. и для первичных – до 1415 г.), Полевой получает хотя и усредненный, но с высокой степенью вероятности (0,99) приближающийся к действительности результат, на основе которого, по мнению автора, можно представить ретроспективную

картину сельского расселения и динамику народонаселения Молдавии XIV в. Автор высказывает надежду, что этот метод может оказаться пригодным и для изучения других регионов¹³⁴.

Особо следует остановиться на использовании для историко-демографических исследований генеалогических изысканий. Генеалогические записи могут служить дополнительным источником сведений о естественном движении населения, отдельных его групп. Большое значение обработка генеалогических записей может иметь именно для периодов, о которых отсутствует статистическая информация¹³⁵. Однако до конца XV в. количество источников, содержащих генеалогические материалы, не велико, и их специфика позволяет задать им с точки зрения исторической демографии достаточно ограниченный круг вопросов. Особенно это относится к древнерусскому периоду до XIII в. – в основном мы располагаем сведениями летописей о генеалогии князей (в первую очередь)¹³⁶, а также феодальной знати с редкими указаниями на родственные связи или отчества бояр и княжих мужей.

Об изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. по генеалогическим источникам пишет М.Б. Свердлов. Метод анализа генеалогических связей, свойственный дореволюционной историографии, был, как пишет Свердлов, "простейшим" – выявление круга родственных лиц по летописным материалам. К "другому методу" исследования древнерусской знати он относит изучение генеалогических связей новгородских посадников (имеются в виду труды В.Л. Янина). Свердлов приходит к выводу, что в разных частях Руси генеалогические связи знатных фамилий прослеживаются на протяжении трех–шести поколений (от 30–40 лет до полутора столетий)¹³⁷.

Возросшие возможности исследования истории боярства (правда, только московского) и служилого класса с начала XIV в. отмечает С.Б. Веселовский (когда "летописные свидетельства становятся обильные, родословные источники – достовернее, а затем, начиная с духовных и договорных грамот князей, идет, все возрастающая с течением времени, актовый материал и другие источники...")¹³⁸. М.Е. Бычкова особо выделяет исследования Веселовского по истории мелких вотчинников, которые включают генеалогические таблицы различных семей, составленные на основе актов¹³⁹. "Впервые в русской генеалогии, – пишет Бычкова, – С.Б. Веселовский здесь разрабатывает методику реконструкции родственных связей между отдельными лицами при отсутствии современных родословных росписей"¹⁴⁰.

История семьи древнерусского города (прежде всего боярской) воссоздается теперь на основе берестяных грамот, источниковедческий анализ которых (в комплексе с другими источниками) с точки зрения генеалогии представлен в большинстве работ В.Л. Янина, а особенно в его монографии о новгородской феодальной вотчине¹⁴¹. По справедливому замечанию Бычковой, исследование которой о месте генеалогии в отечественной исторической литературе мы только что упоминали, комплексное использование письменных источников и археологического материала позволяет В.Л. Янину "осветить жизнь феодальных семей во всех аспектах – экономическом, политическом, культурном, а также связать ее с поли-

тической борьбой в Новгородской республике"¹⁴². Как мы уже пытались показать ранее, такой подход к восстановлению истории городских усадеб, родов и семей, их населяющих, позволяет поставить целый ряд вопросов специфики и эволюции населения Новгорода.

В то же время все перечисленные изыскания по истории родословий господствующего класса и другие подобные им¹⁴³ не содержат реконструкции состава семей (для этого не хватает данных источников), а только выясняют различные родственные связи отдельных их членов.

Особое направление в генеалогических исследованиях, плодами которых может воспользоваться и историческая демография, – работа с частными актами с целью составления родословий крестьянских семей¹⁴⁴. Такую работу в отношении двинских семей, корни которых прослеживаются с XV в., проделали Н.Н. Покровский и А.И. Копанев¹⁴⁵. Характеризуя ее, Бычкова справедливо подмечает, что сохранившиеся актовые материалы позволяют проследить историю семей "лучших мужей", каждая из которых "имеет замкнутый характер и мало соприкасается с историей соседних семей"¹⁴⁶. Это обстоятельство, как и отмеченное выше, снижает информативность таких родословий для исторической демографии, однако и те возможности, которые существуют, использованы еще далеко не полностью.

Источниковедческий анализ нарративных источников (в том числе летописей) на предмет извлечения историко-демографической информации (упоминания о длительности жизни, о нормальных уровнях рождаемости и смертности, численности и структуре семьи, моделях брака, эпидемиях, болезнях и т.п.) также еще редко привлекает внимание исследователей. Исключение представляет раздел в упоминавшейся выше статье В.Т. Пашуто о голодных годах в Древней Руси, озаглавленный "Тенденциозность источников" и под этим углом зрения выдержанный¹⁴⁷. В некоторой степени, с определенной натяжкой, к историко-демографическому источниковедению может быть отнесен анализ М.Н. Тихомировым и И.Б. Грековым "Списка русских городов дальних и ближних"¹⁴⁸.

В заключение остановимся на предпринятой в историографии 80-х годов попытке этнографа Г.Г. Громова применить новые методы для доказательств несостоятельности идеи неполной оседлости русских крестьян в раннее средневековье¹⁴⁹. Защитники этой идеи исходили из того, что для подсечного земледелия необходимы обширные пространства лесных угодий (участки восстанавливаются лет через 40). Никаких расчетов в поддержку этой идеи не приводилось. Исходя из наблюдений над сельскохозяйственной практикой населения Русского Севера, характерной еще для 30-х годов XX в., автор делает вывод, что бытование подсеки как способа получения урожая зерновых не противоречило длительной оседлости крестьян, обычные угодья которых располагаются в радиусе 1–4 км от деревни, а подсечные удаляются вплоть до 10 км. Считая, что средние размеры деревень в средневековье не могли превышать в этой местности 3–5 дворов (с населением в 25–40 человек), Громов предполагает, что в то время хозяйственные угодья, в том числе подсечные участки, могли быть минимально удалены от деревни.

Далее автор решает задачу, "насколько рост населения и связанная с

этим потребность в расширении хозяйственных угодий могли заставить крестьян переселяться с места на место", сопоставляя рост населения с предельно допустимой нормой размеров хозяйственной округи. При этом, ссылаясь на выводы Б.Ц. Урланиса, согласно которым среднегодовой прирост населения в Европе до 1500 г. был меньше 1% (по Урланису, значительно меньше – не выше 0,20%)¹⁵⁰, для упрощения вычислений Громов принимает процент годового прироста за единицу (а основные параметры хозяйственной деятельности – за стабильные) и получает как для деревни с радиусом хозяйственной округи в 2, так и в 4 км, "при самых благоприятных для противоположной точки зрения допущениях", что длительная или, вернее, постоянная оседлость ($t = 300$) "была типичной чертой крестьянского хозяйства на Руси даже при значительной роли подсеки как способа земледельческого освоения хозяйственных угодий"¹⁵¹.

Отдавая должное корректности авторских вычислений, следует, однако, обратить внимание на их изначальную условность – ведь демографы для периода 1000–1500 гг. все свои расчеты ведут в обратном порядке: сначала строят шкалу предполагаемой плотности населения на единицу площади в зависимости от системы земледельческого хозяйства (в данном случае – огневой или подсечной), от нее идут к общим цифрам населения на данной территории, а далее к среднегодовому приросту¹⁵².

Этот пример лишний раз подчеркивает, как сложен путь каких-либо глобальных подсчетов для исторической демографии раннего периода и как необходимо сконцентрировать внимание на совершенствовании и усложнении исследовательской методики при обработке тех источников, которыми мы располагаем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что народонаселенческие исследования по тематике IX–XV вв. в целом тяготеют у нас к макропроцессам, тогда как для изучения западноевропейской средневековой народонаселенческой проблематики характерно, благодаря наличию соответствующих источников, преобладание микрорегиональных исследований, без пространственной экстраполяции полученных для того или иного локального района данных, что "отдаляет возможность широких обобщений, – пишет Ю.Л. Бессмертный, – но зато придает большую достоверность имеющимся региональным результатам"¹⁵³. Именно локальные народонаселенческие исследования в первую очередь наполняют историю конкретикой, густо населяют ее действующими лицами, и именно они особенно трудны для отечественной историографии в силу состояния источников до конца XV в.

¹Об этом см.: Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 202–203.

²Работа над демографической историей нового времени была обобщена в книге М. Рейнара "История мирового населения с 1700 до 1948 года", изданной в Париже в 1948 г. (см.: Там же. С. 204).

³Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе: (Опыт исчисления). М., 1941.

⁴Там же. С. 81–91. Для времени Киевской Руси Урланис указывает на одного своего предшественника – историка И.Д. Беляева, который вывел на основании летописного свидетельства 907 г. о 50 тыс. в армии Олега общую цифру населения того времени – 1,5 млн человек (из расчета 1 воин на 30 душ) (Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. С. 86, примеч. 5). Для XV в. (и более позднего времени) Урланис указывает две работы иностранных авторов, которые приводили сведения о населении России: Schnitzler J.H.

L'empire des Tsars au point actuel de la science. Strasburg, 1862. Т. II. La population (6 млн человек на 1462 г.); *Mulhall M.G.* The Dictionary of Statistics. 4 ed. L., 1909) (2,1 млн человек на 1480 г.) (*Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 180, 182). Оценки Урланиса были с некоторыми поправками приняты географом В.В. Покишишевским (*Покишишевский В.В.* О гипотезе динамики численности населения СССР за длительный исторический период // *История географических знаний и историческая география. Этнография. М., 1970.* Вып. 4. С. 9–14). (Об этом см.: *Водарский Я.Е., Кабузан В.М.* Демографические проблемы истории СССР до-советского периода // *Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989.* Разд. II, гл. 2. С. 111.)

⁵*Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 109; см. также: *Козлов В.И.* Демографическая история // ДЭС. М., 1985. С. 110.

⁶*Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1. С. 298.

⁷*Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 242–243. Табл. 12.

⁸*Vassar F., Tarvel E.* Die Ostbaltischen Stämme im Kampf gegen die deutsch-skandinavische Aggression im 12.–13. Jh. // Изв. АН ЭССР. 1975. Т. 24. Общественные науки. С. 28. Приблизительно те же цифры несколько ранее приводит В.Т. Пашуто со ссылкой на работы 60-х годов Х.А. Моора для Эстонии (Х.А. Моора исходил из общего количества крестьянских "сох", с которых немецкие и датские феодалы начали взимать повинности в начале XIII в.) и на работы 30–50-х годов Х.Ловьянского – для Латвии и Литвы (для всего региона он насчитывал около 0,5 млн человек) (*Пашуто В.Т.* Страны Прибалтийского региона // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 260). В этой работе Пашуто присутствует самостоятельный раздел "Демография", что для историографии начала 70-х годов было еще большой редкостью. См. также: *Копчак С.І.* Население Українського Прикарпаття: Докапіталіст. період: I ст.-демогр. нарис. Львів, 1974. С. 42–45.

⁹*Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 138–141 (первое изд. см.: Учен. зап. Моск. ун-та им. М.В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 99). Известия письменных источников о пожарах, эпидемиях и количестве выставляемых работников и т.п. в городах домонгольской Руси приводит и Урланис (Рост населения в Европе. С. 82–84). В дореволюционной историографии попытку определить численность населения г. Киева предпринял Д.И. Иловайский, утверждавший, что Киев XII в. вмещал предположительно более 100 тыс. человек (*Иловайский Д.И.* История России. М., 1906. Т. 1. С. 14).

¹⁰*Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 76–77, 60; см. также: С. 46, 110–111. К началу 80-х годов в историографии считалось, что свыше 40 га укрепленной площади имели в X–XIV вв. Киев, Владимир-Волынский, Галич, Чернигов, Переяславль Русский, Смоленск, Полоцк, Рязань ("старая"), Суздаль, Владимир-Залесский, Новгород, Белгород, Городец на Волге, Ростов; 20–40 га – Новгород-Северский; 10–20 га – Вышгород, Городец на р. Остре, Витебск, Пинск, Василев-Киевский, Звенигород-Галицкий; 5–10 га – Псков, Пронск, Любеч, Белз (Вольнская земля), Луцк; от 5 до 20 га – Листвин, Ступница, Тумашь, Чучин, а также около 20 га – Искоростень. Такой список (со ссылкой на труды: *Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967. С. 189; *Толочко П.П.* Киевская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.* С. 51) дает А.В. Дулов (*Дулов А.В.* Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М., 1983. С. 49).

¹¹*Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 43; *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси. С. 128. Цифру "с лишком 300 городов" для всех русских областей после распада единого Киевского государства называет на основе летописных известий С.М. Соловьев (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II, т. 3. С. 37).

¹²*Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 31; см. также: *Он же.* Полоцкая земля. М., 1966. С. 28, 31, 32, 33, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 70, 71.

¹³*Куза А.В.* Древнерусские города // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 62, 64–65. В.В. Самаркин, которому принадлежит исследование по исторической географии Западной Европы периода раннего и развитого средневековья, столь же уверенно исходит из того, что средняя численность семьи в это время – четыре-пять человек ("обычно берется коэффициент 4,5"). См.: *Муравьев А.В., Самаркин В.В.* Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в XV–XVII вв.). М., 1973.

С. 22. Самаркин основывается, по-видимому, на результатах исследования Кембриджской группы по изучению истории народонаселения и социальной истории, опубликованных в одном из сборников в 1972 г. (см.: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии: К XVI Международному конгрессу исторических наук (Штутгарт, август 1985). Реферативный сб. Института научной информации по общественным наукам. М., 1984. С. 58).

¹⁴ Куза А.В. Древнерусские города // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. Гл. 3. С. 65.

¹⁵ Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 182–188. Интересно, что Толочко, считая среднюю семью древнего Киева состоящей из 6 человек, ссылается на то, будто "именно эту цифру обосновал для эпохи феодализма М.В. Птуха" (см.: Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 159). Однако у Птухи в указанном месте идет речь о сочинении Ю. Крижанича "Политика". В нем этот автор XVII в. приводит предположительные расчеты беспрепятственного роста населения, одно из условий которых заключается в том, что всякая брачная пара имеет четверых детей. Никаких аргументов, чтобы считать это допущение Крижанича характерным для всей(!) эпохи феодализма, Птуха не приводит. Более того, он пишет: Крижанич "понимал, что его подсчеты базируются на допущениях, имеющих нереальный характер..." (Там же. С. 160).

¹⁶ Толочко П.П. Указ. соч. С. 190–192.

¹⁷ Куза А.В. Древнерусские города. С. 60, 61, 104; см. также табл. 6 на с. 59–60.

¹⁸ Тихомиров М.Н. "Список русских городов дальних и ближних" // Русское летописание. М., 1979. С. 83–130 (первое изд. см.: Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 218); Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси. С. 17–18; см. также: Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 341–380; Рабинович М.Г. Поселения // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. 1. С. 241.

¹⁹ Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город: (Исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6. С. 4–36; Колчин Б.А., Куза А.В. Археологические источники и методика исследования // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. Гл. 2. С. 38; см. также: Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв.; Он же. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Он же. Смоленская земля в IX–XIII вв.

²⁰ Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981; см. также: Бибиков С.Н., Толочко П.П. Проблемы палеодемографии и палеоэкономии: (Археологический аспект исследований) // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 38.

²¹ См.: Куза А.В. Древнерусские города // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. Гл. 3. С. 104; Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 213. В земле вятичей к XIV в. из археологически обследованных сельских поселений сохранилось лишь 11% (см.: Никольская Т.Н. Земля вятичей). В последнее время высказана точка зрения, согласно которой "отлив" южнорусского населения в другие районы Руси в XII–XIII вв. не оказал отрицательного воздействия на экономическое развитие Южной Руси, так как уходило оттуда относительно избыточное население (см.: Бибиков С.Н., Толочко П.П. Указ. соч. С. 39–40). По-видимому, авторы имеют в виду период до монголо-татарского завоевания.

²² Об этом см.: Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 49. Подсчет слобод приведен самим С.Б. Веселовским в статье "Топонимика на службе у истории" (Ист. зап. М., 1945. Т. 17. С. 43. Там насчитывается 300 слобод).

²³ См., например: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.; Л., 1965. С. 117–128; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 55–56.

²⁴ Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960. Об этом см.: Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 13–16; Тихомиров М.Н. Села и деревни Дмитровского края в XV–XVI вв. // Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 217–258, 393 (первое изд. см.: Московский край в его прошлом. М., 1928); Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 203–252.

²⁵ История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992–1993. Вып. 1–5. (Рогапринт).

²⁶ *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 138; *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // Там же. М.; Л., 1936. Вып. 139; *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVIII вв. М.; Л., 1960. С. 327–476; см. также: С. 4.

²⁷ *Успенская А.В., Фехнер М.В.* Поселения Древней Руси // Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32. С. 15–18; *Никольская Т.Н.* Сельские поселения земли вятичей // КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 7.

²⁸ *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. С. 23, 25; *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 14; см. также: *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 161–178.

²⁹ *Дулов А.В.* Указ. соч. С. 32 (автор ссылается в основном на исследование Седова). По мнению Веселовского, типичной для XIV–XV вв. была деревня в 1–3 двора (под деревней он понимал комплекс угодий, составлявших деревенское хозяйство) (*Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. С. 12).

³⁰ *Дегтярев А.Я.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV–XVII вв.) // Генезис и развитие феодализма в России: Проблема источниковедения: К 75-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1983. С. 144–145.

³¹ *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; *Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 47; *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. I (11). С. 88–89; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 216–217.

³² *Куза А.В.* Древнерусские города. С. 65.

³³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 32. На начало XVI в., по подсчетам Веселовского, в стране было более 20 тыс. светских феодалов (об этом см.: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 92. Ссылка на Веселовского отсутствует).

³⁴ *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 521, 693–694; см. также: С. 701–702. То же самое относится и к сообщаемым письменными источниками сведениям о величине артелей по строительству церквей, мостов, каменных стен и т.п. и оплате их труда (Там же. С. 707–712).

³⁵ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 297.

³⁶ *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 6 (в то же время саму колонизацию Насонов, по-видимому, считал только частным вопросом "этногенеза народа"). Отметим, что именно этнографическим следствиям колонизации уделял много внимания в своем "Курсе русской истории" В.О. Ключевский.

³⁷ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 315.

³⁸ *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 1. Ко времени выхода этой книги "оба эти процесса... не получили надлежащего освещения в научных трудах по русской истории" (Там же).

³⁹ *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 (об этом см.: *Яцунский В.К.* Историческая география. М., 1955. С. 7).

⁴⁰ *Яцунский В.К.* Указ. соч. С. 10.

⁴¹ *Урланис Б.Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 21. (Об этом см.: *Шелестов Д.К.* Демография: история и современность. М., 1983. С. 174–175; *Он же.* Историческая демография. С. 81–82.)

⁴² Мы не считаем целесообразным останавливаться на характеристике широко известной общей концепции русской истории В.О. Ключевского и его школы, которая господствовала с 70-х годов XIX в. практически до 1917 г. (свой курс он начал читать с 70-х годов, литографические издания его были распространены и в конце XIX в., и в начале XX в., вышел же

он в свет с параллельными переизданиями в 1904–1910 гг.) и находила отзвуки в творчестве учеников Ключевского (того же Любавского) и в 20-х годах. Именно колонизационные движения, по мнению Ключевского, играли профилирующую роль в жизни народа: "История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней" (*Ключевский В.О.* Соч. В 6 т. М., 1987. Курс русской истории. Ч. 1, т. 1. С. 50 (Лекция II)). Непосредственный исследовательский вклад ученого в изучение процесса колонизации и хозяйственного освоения Северо-Восточной Руси представлен в трудах "Жития святых как исторический источник" и "Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае" (см.: *Александров В.А., Янин В.Л.* Предисловие // В.О. Ключевский. Соч.: В 9 т. М., 1987. Ч. 1, т. 1. С. 17, 20–21).

⁴³ По отношению к периоду до образования Древнерусского государства проблемы миграций – это проблемы славянского этногенеза, вопросы взаимоотношений и взаимопроникновений различных этнических группировок: славян, балтов, угро-финнов, иранцев. Из новейших работ см.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 214–230; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987; *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Он же.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982.

⁴⁴ *Корсаков Д.А.* Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872; *Тихомиров И.А.* Славянское заселение Ярославской губ. // Тр. IV областного историко-археологического съезда в Костроме. 1914. С. 73–185.

⁴⁵ *Шахматов А.А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. Апрель. С. 336–337.

⁴⁶ *Соболевский А.И.* Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область? // Тр. Ярославского областного съезда. М., 1902. С. 99–102.

⁴⁷ *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. Август. С. 334–340; *Он же.* К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Тр. Второго областного Тверского археологического съезда. 1906. С. 1–6; *Городцов В.А.* Древнее население Рязанской земли // Изв. ОРЯС. СПб., 1909. XIII 4. С. 134–150; *Готье Ю.В.* Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. IV. С. 138–144.

⁴⁸ *Никольская Т.Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. М., 1949. Вып. XXX. С. 31–41; *Она же.* Этнические группы Верхнего Поволжья XI–XIII вв. // Там же. М., 1949. Вып. XXIV. С. 78–83; *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М.; Л., 1961. Вып. 94. С. 183–248; *Седов В.В.* Восточные славяне. С. 185–195.

⁴⁹ *Мельниченко Г.Г.* К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в.: (На материалах современных говоров) // Вопросы языкознания. 1970. № 5.

⁵⁰ *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. М., 1872. С. 7–10; *Любаўскі М.* Літва і славяне ў іх і ўзаемаадношніках ў IX–XIII ст. // Запіскі адзелу гуманітарных навук Беларускай АН. Мінск, 1929. 8. С. 15; *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 133.

⁵¹ См., например: *Седов В.В.* Восточные славяне. С. 165–166.

⁵² *Рыбаков Б.А.* Уличи: (Историко-географические заметки) // КСИИМК. М., 1950. Вып. XXXV.

⁵³ *Седов В.В.* Восточные славяне. С. 130, 196; *Он же.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. М., 1953. Вып. XVIII. С. 190–229.

⁵⁴ *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

⁵⁵ *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 93. О путях расселения различных групп пришлого населения в Восточном Прионежье см.: *Макаров Н.А.* Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

⁵⁶ *Дробжжев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Указ. соч. С. 64–66 (в книге обобщены результаты изучения к середине 70-х годов миграционных потоков как археологами, так и историками). О колонизации неславянских земель см. обобщающий труд: *Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры.* М., 1987. С. 22–23.

⁵⁷ Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Указ. соч. С. 77.

⁵⁸ Любавский М.К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. Т. 1; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1913. С. 144. Свежесть этой постановки вопроса весьма относительна – именно так ставил вопрос еще Н.В. Станкевич (Станкевич Н.В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учен. зап. Моск. ун-та. 1834. Ч. V. С. 29–55, 247–279), а следом за ним и С.М. Соловьев (об этом см.: Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв. М., 1953. Ч. II. С. 9).

⁵⁹ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. С. 33.

⁶⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 455–457.

⁶¹ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 35.

⁶² Кучкин В.А. Указ. соч. С. 124. В общетеоретической форме вопросы колонизации XIII–XV вв. (с выделением типов "общественно-политического синтеза"), под углом зрения прогрессивной роли великоруссов и их государственности в приобщении иноязычных народов (коми, марийцев, удмуртов, чувашей, татар, мордвы) к более передовым формам "общественной жизни и культуры" поставлены в работе Ю.А. Кизилова (Кизилова Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 10).

⁶³ Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские университетские известия. 1866–1867. № 7; Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. 7-е изд. Ч. I: Население, экономический, государственный и сословный строй. С. 54.

⁶⁴ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 159. Веселовский не сразу пришел к такому выводу. В лекции, прочитанной в 1939 г. аспирантам Историко-архивного института, отвергая важную роль монастырской и частновладельческой колонизации, он говорил: "Наибольшую роль играла именно княжеско-слободская форма заселения, и как раз она оставалась до сих пор совершенно невыясненной и сейчас еще ждет исследования и написания своей монографии. ... Это чрезвычайно характерное для русского феодализма явление... которое роднит наш феодализм с западно-европейским... например в Польше, в Германии, мы видим то же самое явление льготных поселений для эксплуатации земли, хотя и в несколько других формах" (Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 204).

⁶⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв. Ч. II. С. 142–143; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 357; Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. С. 30. Ведущую роль славянского земледельца в "могучей экономической колонизации" Восточно-Европейской равнины на ранних этапах генезиса феодализма подчеркивал В.Т. Паушто (Паушто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М.; Л., 1965. С. 91).

⁶⁶ В последнее время именно такое исследование осуществлено Л.И. Ивиной (Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985) (см. о нем далее, в гл. III).

⁶⁷ См., например: Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв. Ч. I. С. 334–338, 634–739; Ч. II. С. 455–461, 619–622, 624–626, 630–631; Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV вв. М.; Л., 1966. С. 204–210; Колесников П.А. Северная деревня XV – первой половины XIX в.: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 35–39, 84–90, 188, 189 и др.; Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977; Жербецов Л.Н. Расселение древних коми в IX–XIV вв. // Межевззовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1981. С. 61–73; Мацук М.А. Эволюция дани, взимавшейся с населения Перми-Вычегодской Яренского уезда в XI – начале XVII в. // Там же. С. 93–99; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 170, 240–241, 365, 526–529, 547.

⁶⁸ Наиболее полно вопрос о развитии городов XIV–XV вв., притоке туда сельского населения рассмотрен у Черепнина (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 329–341; см. также: С. 346–372).

⁶⁹ В данной работе вопросы истории общины ни в историографическом, ни в проблемном плане не ставятся.

⁷⁰ *Дебелский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 12–46, 259–281; *Ковалев Н.К.* Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи. М., 1929–1931. Т. 1–3; *Вульфсон С.Я.* Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937.

⁷¹ Эта и некоторая другая историография семьи под углом зрения о социальном положении женщины на Руси подробно рассмотрена Н.Л. Пушкаревой (*Пушкарева Н.Л.* Отечественная историография вопроса о социальном положении женщин на Руси в X–XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России: Сб. ст. М., 1985. С. 192–208; см. также: *Она же.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 177–200).

⁷² *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 40–46.

⁷³ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1952. Кн. 1. С. 64, 69, 81; *Он же.* Киевская Русь. М., 1953. С. 80–81, 95.

⁷⁴ *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 27–28.

⁷⁵ *Щапов Я.Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972; *Он же.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 15.

⁷⁶ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. I. С. 29–30.

⁷⁷ Теоретически такое предположение вполне допустимо, однако его убедительность снижается отсутствием каких-либо ранних свидетельств о структурах семей, колонизирующих русские просторы, решавшихся на переселение (как ближнее, так и дальнее) до конца XV в.

⁷⁸ *Щапов Я.Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. С. 192.

⁷⁹ *Инкин В.Ф.* Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье. Опыт сравнительного изучения поземельных союзов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Львов, 1978. С. 25.

⁸⁰ *Рапов О.М.* Была ли вервь "Русской Правды" патронимией? // Советская этнография. 1969. № 3. С. 109, 117; *Свердлов М.Б.* Семья и община в Древней Руси // ИСССР. 1981. № 3. С. 94–107.

⁸¹ *Свердлов М.Б.* Семья и община в Древней Руси. С. 102, 105.

⁸² *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 212 (далее ссылки даются на это издание).

⁸³ *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 8–12; *Он же.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 87.

⁸⁴ *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 73, 98, 136–138, 153, 157.

⁸⁵ *Фроянов И.Я.* Семья и вервь в Киевской Руси: (По поводу статьи О.М. Рапова) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 95–97; *Он же.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 26–29, 32, 34.

⁸⁶ *Горемыкина В.И.* Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси // ИСССР. 1973. С. 136–140; см. также: *Она же.* К проблеме истории докапиталистических обществ: (На материале Древней Руси). Минск, 1970. С. 34, 42–43.

⁸⁷ *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки // МИА. М.; Л., 1968. № 152. С. 166–167; *Седов В.В.* Восточные славяне. С. 243–244.

⁸⁸ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 58.

⁸⁹ Там же. С. 61; см. также: *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // ИСССР. 1981. № 3. С. 79–81, 87–88. Представляется, что в этой же плоскости лежит дискуссия, открытая французским исследователем Ж. Дюби, который в 70-х годах оспаривал распространенное представление о якобы линейной эволюции семейных структур: от большой патриархальной семьи к парной супружеской (об этом см.: *Ястребицкая А.Л.* Семья и родня: Обзор по материалам международного колоквиума "Семья и отношения родства на средневековом Западе" // Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1987. С. 169–170). По мнению демографа А.Г. Вишневого, "малая супружеская семья, скорее всего, ровесница сложной, не

разделенной, ее постоянная спутница... речь должна идти о их своеобразном симбиозе" (Вишневский А.Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций: (На примере метаморфозы семьи) // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 30).

⁹⁰ Рабинович М.И. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 178, 179. Поскольку приведенные им примеры не совпадают с обычно фигурирующими при такой аргументации, это вселяет надежду, что сплошной просмотр летописных текстов может дать еще много материала для характеристики структуры семьи и родственных связей в ней.

⁹¹ Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 94–96, 99, 106.

⁹² Бессмертный Ю.Л. Проблемы исторической демографии средневековья в современной западноевропейской медиевистике // Предисловие к сб.: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии....С. 13.

⁹³ Шульзин В.Я. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850; Шпилевский С.М. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869; Азаревич Д.И. Русский брак // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 9–10; Горчаков М.И. О тайне супружества: (Происхождение, историческое описание и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей книги). СПб., 1880; Загоровский А.Е. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884; Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; Альциулер И.М. Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси. Киев, 1910; и др.

⁹⁴ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. С. 188, 193, 194, 198, 200, 201–204.

⁹⁵ Там же. С. 209–210.

⁹⁶ Шапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // ВИ. 1970. № 10. С. 216–218.

⁹⁷ Там же. С. 218–219; Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. С. 209.

⁹⁸ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. С. 213, 217.

⁹⁹ Там же. С. 217, 218, 221; см.: Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.; Л., 1969. С. 399–400. № 377.

¹⁰⁰ Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Ист. зап. М., 1986. Вып. 114; Она же. Положение женщины в семье и обществе Древней Руси (V–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Она же. Женщины Древней Руси.

¹⁰¹ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. С. 70–154.

¹⁰² Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. С. 185, 186, 188, 189, 191, 196.

¹⁰³ Шапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси. С. 217–218.

¹⁰⁴ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. С. 42.

¹⁰⁵ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 193–194.

¹⁰⁶ См., например: Кваша А.Я. Об оптимальном типе воспроизводства населения СССР // Вопросы демографии: (Исследования, проблемы, методы). М., 1970. С. 34; Основы теории народонаселения / Под ред. проф. Д.И. Валентя. М., 1986. С. 56–57.

¹⁰⁷ Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций: (Опыт исследования). М., 1967. С. 154–155, 158–161.

¹⁰⁸ Там же. С. 163–165. О точке зрения М.С. Авербуха относительно воспроизводства населения на третьей стадии развития феодализма речь пойдет в следующей главе. Здесь же надо отметить, что особенности воспроизводства населения для различных трудящихся слоев общества Авербух считает возможным рассматривать лишь применительно к периоду разложения феодализма, но в общей форме замечает, что условия воспроизводства городского населения заметно отличались от условий воспроизводства сельского населения (Там же. С. 167).

¹⁰⁹ Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма. С. 22–23.

¹¹⁰ Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. С. 178.

¹¹¹ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. С. 177, 180; Он же. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 31.

¹¹² Урланис Е.Б. Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах // Вопросы демографии: (Исследования, проблемы, методы). С. 60.

¹¹³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. Неизученность внутрисемейных отношений в прошлом русского общества (дети, супружеская и родительская любовь), по справедливому мнению Вишневого, приводит к идеализации демографических отношений и демографического поведения прошедших эпох. В исторически последовательном анализе реальных противоречий сферы воспроизводства населения Вишневецкий видит главный смысл сотрудничества историков и демографов с точки зрения практической деятельности современного общества (Вишневецкий А.Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций. С. 32–33).

¹¹⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 76–78, 80–81.

¹¹⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1960. Кн. II, т. 3/4. С. 37–41.

¹¹⁶ Там же. С. 540–547. В отечественной историографии неоднократно отмечалась некоторая недооценка Соловьевым последствий монголо-татарского нашествия для Руси. В последнее время ужасающий погром и запустение земель в результате нашествия Батые и ордынских ханов на русский Северо-Восток в 1252, 1281 и 1293 гг. подчеркнул В.А. Кучкин (Кучкин В.А. Указ. соч. С. 104).

¹¹⁷ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. С. 89–91. На С.М. Соловьева (и Б.Ц. Урланиса) ссылается и М.С. Авербух. Им приведены без ссылки также подсчеты неурожайных лет в России по векам: XI в. – 4, XII – 3, XIII – 6, XIV – 5, XV – 16, XVI – 11, XVII – 12, XVIII – 34, XIX – 39. Всеобщие неурожай "по далеко не полным сведениям" – в 1230, 1309, 1422, 1512, 1570, 1602, 1839 и 1850 гг. (Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. С. 127, 128, 134, 135, 136, 138, 147). Авербух развивает мысль Соловьева о гибельности феодальных усобиц (и войн) именно для широких народных масс ("основные потери приходились... на долю крепостного крестьянства и вообще бедного населения", а не на самих феодалов и их дружинников), учитывает потери войск от лишений и болезней. Однако, перечисляя многочисленные потери подобного рода в Европе, почему-то не упоминает в этой связи монголо-татарское нашествие на Русь (Там же. С. 147–148). В основном по Соловьеву изложены Авербухом применительно к Руси и его взгляды на войны как фактор смертности в другой работе 1970 г. (Авербух М.С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970. С. 108–110 и др.). Ссылки на подсчеты Соловьева или Урланиса присутствуют в большинстве обобщающих работ.

¹¹⁸ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 38–40. Автор подсчитывает и потери славян под Грюнвальдом – в крупнейшей для Западной Европы битве XV в.

¹¹⁹ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 272–289.

¹²⁰ Паушто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964. С. 61–94.

¹²¹ В книге географа И.Е. Бучинского "О климате прошлого Русской равнины" (Л., 1957) дана систематизированная сводка различного рода сведений о погоде и климате Русской равнины в IX–XVIII вв., содержащихся в летописях, литературных источниках, записках путешественников (автор пишет, что им просмотрено около 1000 названий, в том числе 23 летописи и польские хроники). В действительности это сводка данных со ссылками на источники о всех явлениях природы, а также и о голоде, и о больших урожаях, и о морях, о гибели людей от ударов молнии, холода, о дешевизне и дороговизне хлеба и т.п. с 866 до 1800 г. (Там же. С. 59–101). Исследование включает таблица засух по векам (XI в. – 3; XII – 5; XIII – 2; XIV – 9; XV – 15; XVI – 8; XVII – 6; XVIII – 9), таблица по полустолетиям (Там же. С. 101 и 103) с графами: засуха, дожди и наводнения, суровые и снежные зимы, теплые и бесснежные зимы, бури и грозы, оптические явления, голодные годы, урожайные годы, прочие записи, общее количество записей. Метод отбора данных для таблицы не ясен ("взвесив все доступные и отбросив маловероятные данные"). Сопоставление по графе "голодные годы" с таблицей В.Т. Паушто невозможно: соотносить использованные авторами источники нельзя, цифровые показатели не совпадают (так, у Паушто с 1024 по 1332 г. – 42 голодных года, а у Бучинского с 851 по 1350 г. – 24).

¹²² Паушто В.Т. Голодные годы в Древней Руси. С. 82 С.Д. Сказкин, рассматривавший сведения о недороде и голоде в странах Европы XI–XIV вв., отмечает, что с началом в XV в.

завоза хлеба из отдельных стран, с распространением перевозок хлеба и других сельскохозяйственных продуктов по морю рассказы об ужасах голода постепенно сходят со страниц хроник (*Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 246).

¹²³ *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 85; см. также: *Пашуто В.Т.* Голодные годы в Древней Руси. С. 78, примеч. 4; ср.: *Лактин М.* Борьба с эпидемиями в допетровской Руси // Русская старина. СПб., 1905. Февраль. С. 414–427; *Дербек Ф.А.* История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905; *Дживелегов А.* Голодовки в средние века. М., 1906; *Кузаков В.К.* Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси X–XVII вв. М., 1976. С. 290.

¹²⁴ На западноевропейском материале такая разработка значительно продвинута в последние десятилетия благодаря использованию казуальных генеалогических и просопографических данных актовых и нарративных источников (*Бессмертный Ю.Л.* Сколько видов воспроизводства населения сменилось в Западной Европе в эпоху средневековья?: (К проблеме периодизации воспроизводственного процесса) // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР: Тезисы докладов и сообщений VI Всесоюзной конференции по исторической демографии. М., 1988. С. 103; *Он же.* Некоторые черты исследовательской методики в современной исторической демографии западноевропейского средневековья (IX–XV вв.) // Проблемы исторической демографии СССР. С. 85–89).

¹²⁵ *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. С. 5, 17, 18, 20, 22, 24, 26.

¹²⁶ *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 40–54.

¹²⁷ *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865; *Он же.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. 2-е изд. Варшава, 1885; *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества, СПб., 1876; *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1; СПб., 1902. Ч. 2 (автор сопоставил сведения грамот XIV–XV вв. со сведениями писцовых книг XVI–XVII вв.); *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра; *Насонов А.Н.* Указ. соч. (им привлечен широчайший круг источников – археологических, памятников письменности, нумизматики, главные – летописные своды). *Кучкин* учитывает также локальные исследования по определению местоположения различных волостей и поселений Северо-Восточной Руси XIII–XVI вв., проведенные С.Б. Веселовским, М.Н. Тихомировым, А.И. Копаневым, И.А. Голубцовым, Ю.Г. Алексеевым.

¹²⁸ *Витов М.В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 6; см. также: *Он же.* Северорусская топонимия XV–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4.

¹²⁹ *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 53.

¹³⁰ Там же. С. 41, 42, 43, 45, 47, 48–53, 54.

¹³¹ *Полевой Л.Л.* К исторической демографии Молдавии XIV в.: (Метод ретроспективного анализа актовых материалов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. См. также о работах по картографированию всех населенных пунктов Молдавии XV в.: *Бырня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV–XVII вв. Кишинев, 1969; *Дмитриев П.Г.* Народонаселение Молдавии. Кишинев, 1973; *Котенко И.А., Мохов Н.А., Советов П.В.* О тенденции роста народонаселения Молдавии в эпоху феодализма // Учен. зап. Института истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР. 1957. Т. 6; *Драгнев Д.М., Советов П.В.* Перестройка структуры землевладения в Молдавии XV–XVIII вв. // ИСССР. 1968. № 1.

¹³² *Полевой Л.Л.* Указ. соч. С. 70–73.

¹³³ Там же. С. 74, 75.

¹³⁴ Там же. С. 77–91.

¹³⁵ Система знаний о народонаселении / Под ред. проф. Д.И. Валентя. М., 1976. С. 233.

¹³⁶ Именно на выявление этих сведений была ориентирована дореволюционная историография в лице своих представителей (*Аксенов А.И.* Очерки истории генеалогии в России // История и генеалогия. М., 1977).

¹³⁷ *Свердлов М.Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // ВИД. Л., 1979. XI. С. 223, 237.

¹³⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 32 (Характеристика источников). В своих "монографиях боярских родов" он и прослеживает их с XIV в.

¹³⁹ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. С. 56–68.

¹⁴⁰ *Бычкова М.Е.* Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. Л., 1976. VII. С. 51. Упомянутые Бычковой генеалогические таблицы сохранились в архивных материалах Веселовского, на которые ссылается исследовательница (Архив РАН. Ф. 620. Ед. хр. 30. Л. 2–44 об.).

¹⁴¹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения (особенно С. 150–181); *Он же.* Новгородская феодальная вотчина (именно здесь решается автором вопрос о взаимосвязи владельцев усадеб между собой).

¹⁴² *Бычкова М.Е.* Генеалогия в советской исторической литературе. С. 52.

¹⁴³ См., например: *Зимин А.А.* Феодальная знать тверского и рязанского Великих княжеств и Московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // ИСССР. 1973. № 3; ср.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 25.

¹⁴⁴ О методике этой работы см.: *Амосов А. А.* Частный акт – источник генеалогических изысканий: (К проблеме реконструкции крестьянских архивов) // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых ученых: Тезисы докладов. М., 1975. (Об этом см.: *Бычкова М.Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Л., 1983. XIV. С. 11.)

¹⁴⁵ *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 196–217; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 73–109. Коррективы к этим родословиям см.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 192–195.

¹⁴⁶ *Бычкова М.Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования. С. 12.

¹⁴⁷ *Пацуто В.Т.* Голодные годы в Древней Руси. С. 63–65. Остался, к сожалению, не проясненным вопрос: возможно ли порегиональное изучение пертурбационных факторов для IX–XIV вв.?

¹⁴⁸ *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 214–259; *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 341–380; см. также: *Наумов Е.П.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974. С. 150–163; *Янин В.Л.* К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русским дальним и ближним" // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. (в печати).

¹⁴⁹ *Громов Г.Г.* Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 330–338.

¹⁵⁰ *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 91.

¹⁵¹ *Громов Г.Г.* Указ. соч. С. 337–338.

¹⁵² *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 376–377, 86, 91.

¹⁵³ *Бессмертный Ю.Л.* Проблемы исторической демографии средневековья в современной западноевропейской медиевистике. С. 17. Впрочем, выясняя смену видов воспроизводства населения в средневековой Франции (всего их с VI по XVIII в. оказывается пять или "по крайней мере четыре", см.: *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 228). Бессмертный не удерживается от приведения обобщенных показателей ежегодного прироста населения в IX–X (ок. 0,1%) и в XI–XIII вв. (ок. 4,0%) или его сокращения на 25–30% в XIV–XV вв. (*Бессмертный Ю.Л.* Сколько видов воспроизводства населения сменялось в Западной Европе в эпоху средневековья? С. 104).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ XVI—XVII вв.

§ 1. Историческая динамика численности населения и его плотности. Расселение. Миграции

В отечественной историографии первым к определению численности населения России в динамике за XVI—XVII вв. (и в более позднее время) обратился П.Н. Милюков. Первая публикация этих его изысканий пришла на 1890—1892 гг.¹, а в дальнейшем она нашла отражение в "Очерках по истории русской культуры", к созданию которых Милюков приступил в том же 1892 г., первое же их издание увидело свет в 1896—1903 гг.² Автор вел расчет назад, от I ревизии, которую он датировал 1724 г. Отметив быстрый рост населения в XVIII и XIX вв., после Петра I, Милюков убежден, что в петровское время "население не возрастало, а уменьшалось в числе, благодаря побегам и рекрутским наборам". Уменьшение числа дворов в России между 1678 и 1710 гг. на 20% автор считает прямым свидетельством того, что "одна пятая часть населения, платившая подворные налоги, убыла". Феномен укрупнения дворов с введением подворного обложения им учтен быть не мог, и отсюда его уверенный вывод, что после смерти Алексея Михайловича в 1676 г. в России было на 1/5 более населения, чем в 1724 г. (13 млн), — а именно около 16 млн человек.

Идя назад, возрастание населения от "подворной переписи 1620-х годов" (которая "дала цифры дворов" на 30% меньше переписи 1678 г.) за этот промежуток Милюков считает "не особенно значительным" — в 1620-х годах должно быть примерно 12 1/3 млн человек. За период "Смутного времени" он предполагает убыль населения в 20% (как и за эпоху Петра I) — значит, до "Смуты" было не менее 15 млн. Эта цифра — результат усиленной колонизации России, начавшейся в середине XVI в. Для середины XVI в. Милюков предполагает население в 10—11,5 млн человек, а общее колебание от времени Ивана Грозного до времени Петра I — между 10 и 16 млн человек. Свои цифры автор сам называет "гадательными". Он пытается прикинуть, какой была плотность населения для Европейской России при Петре I (3,7 человек на кв. км или 4,3 на кв. версту), указывая на необходимость для получения более правильного представления о густоте русского населения расчленив Россию на части "соответственно разнице естественных условий жизни", что он и делает³.

М.В. Довнар-Запольский в своей "Истории народного хозяйства" (1911)

ориентируется не на эти выкладки Милюкова, а на подворную перепись 1678 г. и получает 6,5 млн д. о.п. (для середины XVII в. он считает 5 млн). По его мнению, "данные для XVI и XVII столетий дают прирост по 1% каждый год", следовательно, "можно думать", что к концу XVI в. население Московской Руси составляло до 3 млн, а в середине XVI в. — около 2 млн д. о.п. Впрочем, автор призывает к осторожности — экономический кризис и "Смута" не позволяют учесть потери населения⁴.

К выкладкам Милюкова внимательно отнесся Н. Огановский (1911 г.), склонившийся к его расчетной гипотетической цифре 16 млн для 1678 г., но оспоривший цифру в 15 млн для 80-х годов XVI в. По мнению Огановского, считать убыль населения за время "Смуты" равной 20% нельзя — разорение началось задолго до "Смуты" и было столь всеобъемлющим и опустошительным, что всю вторую половину XVI в. надо рассматривать как эпоху запустения. Для первой, "спокойной" половины XVI в. (к 40—50-м годам) он насчитывал 13—14,5 млн человек, а к 20-м годам XVII в. население, несмотря на естественный прирост, сократилось до указанной Милюковым цифры в 12¹/₃ млн. Эти свои предположения автор также считает гадательными. Опираясь на работу Готье и споря с ней, Огановский производит отдельные выкладки для Замосковского края. Судя о населенности по относительному числу деревень, починков и пустошей, Огановский считает, что в начале XVI в. населенность Замосковья была в 1,8 раза больше, чем в конце, и доходила до 4,3—4,7 млн человек⁵.

П.П. Смирнов, сравнив данные переписных книг 1646 г. с данными подворной переписи 1678 г., пришел к выводу, что население России в XVII в. возрастало приблизительно на 1% в год. Принимая для середины XVII в. цифру населения около 5 млн человек, Смирнов, исходя из этого прироста, насчитывает для середины XVI в. 2 млн, а для конца XVI в. 2,9 млн человек⁶.

Итог довольно внушительный: И.М. Кулишер приходит к выводу, что "все эти столь разноречивые подсчеты чрезвычайно гадательны и свидетельствуют лишь о том, что определить численность населения в XVI и XVII столетиях и прирост его за эти два века едва ли представляется возможным"⁷.

Возобновивший такого рода попытки в 1941 г. Б.Ц. Урланис критически оценил подсчеты своих предшественников, соотнеся их с "ходом русской истории". В основу расчетов он кладет переписные книги (разбор писцовых книг под углом зрения определения численности населения "требуется специального исследования" и им не проводился). Урланис считает, что перепись 1678 г. учла около 800 тыс. податных дворов. Вместе со свободными от обложения 150 тыс. дворов (определены по удельному весу необлагаемых дворов в переписи 1710 г.) он получает 950 тыс. дворов, в каждом из которых в среднем 3,78 человек мужского населения (по той же переписи 1710 г.) или (при равенстве числа мужчин и женщин) 7,56 человек на один двор, а всего — 7182 тыс. человек⁸.

Однако полученные цифры Урланис ни в коем случае не рассматривает как достоверные: подворные переписи нельзя считать полными. Первая

ревизия в XVIII в. показала, что первоначально собранные данные следует увеличить на 60%. При таком подходе к данным переписи 1678 г. (7,2 млн человек) получаем 11,5 млн человек. Приняв с некоторой коррективкой исторического порядка расчеты Милюкова, Урланис считает, что на протяжении второй половины XVII в. население России возросло не более чем на 15%, а убыль в первой четверти века была полностью покрыта ростом во второй более благополучной четверти. Шестнадцатый век Урланис считает в целом благоприятным для роста населения, резко различая первую половину столетия от второй.

На основании данных того же Готье Урланис делает вывод, что в том, что касается населения, "кризис XVI в." выразился главным образом в миграционных процессах: "Поэтому полагать, что имело место падение населения по всей стране, было бы, пожалуй, неверно... более уместно говорить только о небольшом приросте населения во вторую половину XVI в. Можно думать, что прирост населения во второй половине XVI в. не превысил 5%" (в первой половине — 0,25—0,30% в год или примерно 15% за полвека). В результате рост населения Европейской России (в границах 1914 г.) выглядит так: 1500 г. — 15,1 млн человек; 1550 г. — 17,4; 1600 г. — 18,3; 1650 г. — 18,3; 1700 г. — 21,0 млн человек, а для собственно Московского государства (в его действительных границах): 1500 г. — 5,8; 1550 г. — 8,8; 1600 г. — 11,3; 1650 г. — 11,3; 1700 г. — 13,0 млн человек. (Плотность населения для вновь присоединенных земель на востоке (Казанское и Астраханское царства) — 1,5 человека на кв. км, а на западе (Псков, Смоленск) — 6 человек на кв. км. Столько же, по Готье, и в Замосковном крае — 6,7 человека на 1 кв. км⁹.)

Как мы могли убедиться, все приведенные выше выкладки о численности населения для XVII в. базируются на данных подворных переписей, а для XVI в. (по которому не сохранились общие итоги переписей дворохозяев) являются целиком расчетными, зависящими от понимания исследователями исторических условий XVI — начала XVII в., способствовавших росту населения или замедлявших его. На это обратил внимание А.И. Копанев, впервые отважившийся в 1959 г. приступить к определению общей цифры населения отдельных периодов Русского государства XVI в. исходя из данных самого XVI в.¹⁰

Для выяснения темпов роста населения с конца XV до середины XVI в. Копанев пользуется косвенными данными актов, писцовых книг и т.п. о соотношении жилых поселений (деревня, село), вновь возникающих (починки) и запустевших (пустошь). Автор опирается в этом случае на наблюдения Н.А. Рожкова¹¹, позволяющие, по его мнению, утверждать, что неуклонный рост населения наблюдался в центральных уездах государства, поволжских уездах, восточных районах, а также в Новгородской области (до 50-х годов XVI в.).

К тем же выводам приходит Копанев и на основании роста городов и увеличения удельного веса городского населения. Принимая вслед за Н.Д. Чечулиным общую цифру русских городов в XVI в. равной 170, автор констатирует почти удвоение их (в начале XVI в., по подсчетам С.М. Соловьева, — 96)¹². Оценив разнородные сведения иностранцев-путешественников о количестве населения в Москве (предпочтение отда-

но сообщению Таубе и Крузе — 120 тыс. человек о 1571 г.), Копанев соглашается с С.В. Бахрушиным, который отказывался определить точную цифру населения Москвы в первой половине XVI в., но считал вполне вероятным, что оно достигало 100 тыс. Сведения о населении многих других городов приводятся на основании данных писцовых книг о количестве дворов в них¹³. Особый интерес в работе Копанева представляет попытка сравнить точные цифры населения, сохранившиеся по некоторым новгородским погостам (Обонежской пятины) и городам (Корелы, Орешка и Ладоги) от конца XV и середины XVI в., что позволяет высчитать процент прироста населения здесь за полвека — примерно 50% за первую половину XVI в. Это дает Копаневу основание считать, что ежегодно население увеличивалось на 1%¹⁴.

Базируясь на сохранившихся новгородских писцовых книгах конца XV — начала XVI в., опираясь на выведенную плотность населения для ряда новгородских пятин и волостей, Копанев устанавливает общую численность населения в Новгородско-Псковской области к началу XVI в. (сельского и городского). Для Новгородской области — "вероятно, 800 тыс.", а к середине XVI в. (рост на 50%) — 1200 тыс. человек; для Псковской области на конец XV в. — около 200 тыс., а к середине XVI в. — 300 тыс. человек. Всего около 1,5 млн человек¹⁵. Исходя из того, что Новгородско-Псковская область составляла 1/6 часть площади населенной государственной территории, население всего Русского государства середины XVI в. "можно исчислить... примерно в 9—10 млн человек" (что совпадает с выкладками Милюкова)¹⁶.

Для определения общего количества населения Русского государства к концу XVI в. автор уже не может воспользоваться приемом, годным, с его точки зрения, для поступательного по своему характеру роста населения первой половины столетия. Бурные события второй половины XVI в., естественные и социально-политические, и вызванное ими интенсивное перемещение населения из центра на окраины "оказывали отрицательное влияние на естественный прирост населения", который за полстолетия "едва ли превосходил 20%". В связи с этим общее количество населения к концу XVI в., по мнению Копанева, следует определить в 11—12 млн (примерно та же цифра у Урланиса)¹⁷. Как и Урланис, Копанев не считает возможным говорить об убыли населения во второй половине XVI в. и большое значение придает перераспределению населения по территории страны, оттоку его на окраины.

Итак, начиная с конца XV и особенно для первой половины XVI в. наиболее привлекательным источником определения количества населения становятся писцовые книги. Но с использованием их для этих целей сразу же, еще в конце XIX в., возникла важная источниковедческая проблема. Поскольку писцовые книги не содержат полных цифр населения, даже только мужского, а учитывают "дворы" и "людей", т.е. дворохозяев или глав семей¹⁸, детей же перечисляют очень редко (в основном при именах вдов), главной проблемой для исследователей со времени Чечулина становится определение средней населенности двора¹⁹.

Не считая возможным судить о населенности городского двора XVI в. путем ретроспекции средних цифр людей на двор переписных книг XVII в.

(изменились экономические и общественные условия), а также учитываемая значительные региональные (север, с одной стороны, центр, юг и восток — с другой) отличия в числе мужчин на двор, Чечулин предпочитает пойти другим путем. Он производит расчет по переписным книгам XVII в. количества детей мужского пола, приходящихся на 1 тыс. взрослых мужчин, считая, что это отношение зависит главным образом "от естественных причин, меняющихся, конечно, чрезвычайно медленно"²⁰. На основании наблюдений над девятью городами XVII в. Чечулин приходит к выводу, что для определения общего числа жителей города цифру взрослых мужчин надо умножить на 3,266²¹. Копанев считает, что из расчета Чечулина "вытекает" средняя цифра населенности двора в 5 человек²².

Работой Копанева был открыт новый этап в изучении проблем, связанных с количественными показателями населения XVI—XVII вв. В течение 60—70-х годов увидели свет результаты целенаправленного изучения динамики численности населения, осуществленного в трудах Я.Е. Водарского. Основные источники Водарского — писцовые и переписные книги XVII в., отталкиваясь от которых он высказывает суждения ("базируясь на гипотезах о величине естественного прироста населения") и о динамике населения в XVI в.²³

Водарский начинает выяснение общей численности населения с цифры, приводимой В.М. Кабузаном для 1719 г. (15,5 млн человек)²⁴, и идет в глубь веков до середины XVI в. На 1678 г. общая численность населения (по собственным подсчетам автора, приведенным в названных выше статьях) без Левобережной Украины, Дона и нерусского населения Сибири составляла около 9 млн человек²⁵. В определении численности нерусских народностей России в Сибири XVI—XIX вв. Водарский доверяет итогам подсчетов Б.О. Долгих, а приблизительные подсчеты для Дона и Левобережной Украины (1,4 млн человек)²⁶ позволяют ему увеличить общую цифру населения России до 10,5 млн человек.

Расчет населения по переписи 1646 г. (ясашных людей — 33 тыс. дворов, посадских людей — 31 тыс. дворов, крестьян и бобылей — 518 тыс. дворов) произведен на основе исходных данных переписи 1678 г.: в 1678 г. холопы составляли около 2% населения — таким же принят этот процент и для 1646 г. (когда холопов переписью не охватили), неподатных в 1678 г. 7% — такой же процент берется по отношению к высчитанному населению на середину XVII в. (всего неподатных 9%). Населенность дворов — главный показатель при подсчетах — берется также по 1678 г.: средняя населенность крестьянского двора — 8 человек, посадского — 6, двора ясашных людей — 3, двора служилых (неподатных) — 6 человек. Водарский не без оснований считает, что эти показатели скорее завышенные, а не заниженные. Количество уклонившихся от переписи принимается равным избежавшим переписи в 1719 г. — 25%. Конечный подсчет на основе этих составляющих (допуская, что число ясашных во дворе занижено и удваивая его) дает цифру 6,5 млн человек, которую исследователь округляет до 7 млн²⁷.

Переходя к первой половине XVII и XVI в., Водарский резюмирует предыдущие споры о характере динамики населения таким образом:

"Относительно того, что численность населения во второй половине XVI в. возросла, разногласий нет. Спорят лишь о величине естественного прироста. В отношении же первой половины XVII в. спор идет о том, был ли вообще в этот период рост населения"²⁸. Сам автор дает два варианта расчета: по первому берется 5-процентный годовой естественный прирост для второй половины XVI в. и имеется в виду отсутствие всякого прироста для первой половины XVII в., по второму допускается более 5% прироста во второй половине XVI в. Итог (возможно, завышенный, как считает Водарский) такой: середина XVI в. — 6,5 млн человек; конец XVI в. — 7,0 млн; 1646 г. — 7,0 млн; 1678 г. — 10,5 млн; 1719 г. — 15,5 млн человек. Налицо постепенное (с 6,5 до 15,5 за 150 с лишним лет) возрастание численности населения²⁹.

Выясняя изменения численности населения в 1678—1719 гг. по сопоставимым территориям и данным, Водарский приходит к важному выводу, что за 40—50 лет конца XVII — начала XVIII в. (т.е. в Петровскую эпоху) население России увеличилось примерно на треть. Водарскому удалось проследить изменение плотности населения по ряду районов России от 1678 к 1719 г. (Центрально-Промышленный район — от 4,0 до 9,5 жителей на кв. км.; Центрально-Земледельческий без Левобережной Украины — 2,3—5,9; Северное Приуралье — 0,3—0,8; Север без Новой Земли — 0,2—0,4; Сибирь — 0,003—0,02)³⁰.

Дальнейшая углубленная разработка Водарским историко-демографической тематики вылилась в написание итоговой не только по отношению к его собственным трудам, но и ко всей предыдущей историографии по основным проблемам народонаселения XVI—XVII вв. монографии "Народонаселение России в конце XVII — начале XVIII в." В работе уточнены многие собственные выводы автора, сделанные им ранее. Прежде всего в отношении численности населения. По уточненным данным, в России (вместе с Левобережной Украиной) в 1678 г. проживало 5,6 млн д. м.п. (т.е. примерно 11,2 млн человек), а в 1719 г. — 7,5 млн д. м.п. (примерно 15 млн человек). Эти цифры несколько отличаются от приводимых автором ранее (напомним, что их он считал "завышенными"). Однако важный вывод о росте населения в Петровскую эпоху на одну треть оказался непоколебленным: по уточненным данным, население России с 1678 по 1719 г. возросло на 39% (в основном благодаря естественному приросту)³¹.

Наиболее значительным региональным исследованием, оценивающим динамику населения за конец XV — начало XVI в., а также на протяжении всего XVI в., является коллективный труд ленинградских историков-аграрников под руководством А.Л. Шапиро³². Под "людьми" писцовых книг авторы понимают семейных мужчин. Не удовлетворившись ранее сделанными в историографии определениями среднего числа жителей двора (показатель для XVI—XVII вв. колеблется между 6 и 7³³), авторы учитывают количество семей во дворах и соответственно разные размеры семей в одно-, двух- и более семейных дворах (принимая во внимание, что неотделившиеся семьи были обычно малочисленными). За реальную основу ими взяты при этом свидетельства переписных книг конца XVII — начала XVIII в. (относящиеся, к сожалению, к владениям разной владельческой принадлежности) и высокий показатель брачного

возраста для мужчин — 18 лет. В результате для определения населения дворов с одним человеком — главой семьи авторы умножают число дворов на 5 (таковы показатели переписной книги старорусских погостов 1669 г.) и каждого второго, третьего или четвертого человека (главу семьи) умножают на 2,5.

Авторы констатируют значительный общий рост населения новгородских пятин в последней четверти XV в. (после присоединения Новгорода к Москве) — к началу XVI в. оно достигло полумиллиона. За первую половину XVI в. общая численность населения всех пятин осталась на уровне начала века или несколько выросла. Наконец, во второй половине XVI в. новгородские пятины "совершенно запустели". К 1582—1583 гг. население, по сравнению с началом XVI в., сократилось в 5 раз и даже больше; по сопоставимым территориям — 280 970 жителей в 1500 г. и 58 746 жителей в 1582—1585 гг. Такая же картина в Псковской земле (убыль примерно со 110 до 18 тыс. человек). Общая численность населения новгородских пятин в конце XV в. (включая Новгород — 32 130 жителей и другие города) около 520 тыс. человек, а Псковской земли в середине XVI в. — 150—160 тыс., самого г. Пскова — не менее 30 тыс. жителей. Средняя плотность населения в Новгородской земле (при очень значительной дифференциации по пятинам) была равна в конце XV в. 1,8 на 1 кв. км³⁴.

Подсчеты П.А. Колесникова по Европейскому Северу, проведенные им, "следуя методике исчисления", которая применена Водарским и авторами "Аграрной истории Северо-Запада России" (исходный для Колесникова показатель — 3,4 д. м.п. или 7 д. о.п. на двор для крестьянских дворов), позволили ему так определить удельный вес населения Поморья в составе Русского государства: на начало XVI в. — 5—6%, на 70—80-е годы этого столетия — 8—9, в первой четверти XVII в. — от 11 до 13, а в 70-е годы — 11%. В конце XVII в. удельный вес поморского населения понижается. С 1678 по 1719 г., по подсчетам Колесникова, общая численность населения Русского Севера увеличилась с 500 до 566 тыс. (с учетом 25% укрывшихся от переписей)³⁵.

В последнее тридцатипятилетие в историографии повезло еще одному региону — Сибирскому. Б.О. Долгих на основании ясачных ведомостей XVII в. (самый ранний статистический материал, составлявшийся сибирской администрацией) получил приблизительные сведения о численности сибирских народностей к рубежу XVII—XVIII вв. (буряты, эвенки вместе с эвенками и якуты насчитывали от 30 до 40 тыс. человек, обские угры — более 16 тыс., северо-восточные палеоазиаты вместе с эскимосами — до 30 тыс., кеты и юкагиры — по 5—6 тыс. человек). Всего же коренного населения в Сибири — 216 875 человек.

Русское население Сибири подсчитано В.А. Александровым на 1710 г. (более ранние сведения для 1697—1699 гг. им не берутся, так как они не совсем полны). По переписи 1710 г. в Западной Сибири оказывается 247 тыс. населения (в том числе 122 тыс. мужчин и 125 тыс. женщин), в Восточной Сибири — 66 тыс. (мужчин — 36, женщин — 30). Всего — 313 тыс. человек. Одновременно подсчеты населения Сибири на конец XVII в., 1710—1719 гг. опубликованы Водарским³⁶.

Одна из первых попыток представить движение народонаселения "на пространных петровских губерний" принадлежит Милюкову. Вычислив для "заселенной части площади петровской России" среднюю плотность населения в 3,7 человек на кв. км и рассматривая далее Россию по восьми выделенным им регионам, автор делает вывод, что "во всей северной половине и центре России население за последние два века остается почти неподвижным или возрастает весьма медленно...Эта половина и центр составляли почти всю Россию до самой середины XVII столетия. Южная же половина, которая начала присоединяться к северной только с середины XVII века, растет с необычайной быстротой, догоняет центр и даже перегоняет его по плотности своего населения". По мнению Милюкова, этот процесс должен был очень сильно повлиять на "характер русской исторической жизни", правда, "далеко не сразу"³⁷.

Готье отодвигает начало этого процесса на гораздо более раннее время: "Размещение населения по отдельным областям Московского царства и его передвижение из этой области в другую становятся хорошо известными начиная с XVI столетия. Сосредоточенное до тех пор, по преимуществу, к северу от Оки, оно с половины века неуклонным потоком двинулось на черноземную новь, так легко и так быстро в первое время вознаграждавшую земледельческий труд"³⁸. Готье останавливается и на вопросе обмена населения между городом и деревней и приходит к выводу, что при всей слабости тяги в город она все-таки существовала. Русский город, по характеристике Готье, "малоразвитый", "все-таки привлекал к себе некоторое количество сельского населения", более всего — Москва. Автор отмечает также эмиграцию в Замосковский край белорусского элемента из-за литовского рубежа (вольную и невольную), пополнившую холопское население Замосковья, дворцовую "корельскую колонизацию", однако в целом считает, что продолжавшийся до конца XVII в. "отлив населения к югу является самым крупным и заметным результатом обмена населения между Замосковным краем и соседними с ним областями страны"³⁹.

Внимательно изучавший процессы расселения в XVI в. на материале писцовых книг Н.А. Рожков приходит к выводу, что в центральных уездах Московского государства в первой половине XVI в. не замечается ни значительного отлива, ни прилива населения. Новые явления в Центре обнаруживаются в 50—60-е годы XVI в.: начинается запустение Московского, Рузского, Переславль-Залесского, Суздальского, Владимирского, Тверского, Бежецкого, Кашинского уездов⁴⁰. Он же уделил много внимания вопросам расселения на Русском Севере, в частности в Белозерском уезде, в который "в течение всего XVI в. население значительно прилиvalo" и через который пролегли колонизационные пути из Центра в Вологодский край⁴¹. По общему выводу Рожкова, Север, несмотря на неблагоприятные естественные условия, становится к концу XVI в. все более населенным⁴².

Специфике размещения населения России в первой и второй половине XVI в. много внимания уделил Копанев при анализе населения Русского государства в XVI в.⁴³ Исходя из размещения крупнейших посадов, он делает вывод, что наиболее густо населенными областями Русского

государства в первой половине XVI в. были междуречье Волги и Оки, бассейн Волги, а также южные новгородские пятины и Псковская область. Об этом же свидетельствуют показания иностранцев. Слабо населены были области к востоку от Средней Волги, берега Двины (к середине XVI в. число жителей здесь достигало, вероятно, 30 тыс.)⁴⁴.

Для второй половины столетия Копанев рисует убедительную картину значительных перемещений населения внутри страны, увеличения роли горожан и изменения национального состава населения (включение в состав Русского государства территорий, населенных татарами, удмуртами, марийцами, чувашами, мордвой, башкирами и пр.). Копанев поддерживает мнение Рожкова о передвижении с середины XVI в. населения, располагавшегося к северу от Оки, — на юг и юго-восток, в черноземные районы Степи и Поволжья, а также на север, в Поморье, а с конца XVI в. — в Сибирь. Автор подчеркивает обезлюдение Новгородской области, уменьшение населения в Псковской области, а также уменьшение городского населения в Центре Русского государства⁴⁵. Одновременно Копанев приводит массовые данные о приливе населения в северные, восточные и южные районы Русского государства, главным образом в Степь, Прикамье и Поволжье. Отмечая особенную интенсивность этого процесса в 60—70-е годы XVI в., Копанев присоединяется к мнению Ю.В. Готье и Б.Д. Грекова о росте населения в запустевших районах, в частности, в новгородских погостах, в связи с изживанием хозяйственного упадка, уже в конце XVI в.⁴⁶

Начало интенсивному изучению собственно систем расселения было положено также в 50-х, а особенно с начала 60-х годов. Зачинателем направления, для которого характерно изучение расселения на значительных территориях и за длительные промежутки времени, является М.В. Витов⁴⁷. Изучая расселение в северных районах Руси методами, свойственными географии населения, исследователь дал толчок целому ряду историко-демографических изысканий⁴⁸. Особенную ценность представляет разработанная им новая методика картографирования историко-географических сведений писцовых и переписных книг.

Одним из самых результативных итогов обработки новгородских писцовых книг, проведенной авторами "Аграрной истории Северо-Запада России", является именно воссоздание картины поселений на территории новгородских пятин и ее изменений на протяжении XVI в. В конце XV в. на новгородских землях насчитывалось 37—38 тыс. поселений (23 тыс. поселений на территориях, непосредственно охваченных описанием, остальные — на территориях, для которых оказался реальным расчет по предполагаемой плотности населения). За первую половину XVI в. возникло большое число новых поселений — не менее 3,5 тыс. В итоге к середине XVI в. их было уже около 40 тыс. — наибольшее число за всю историю новгородских земель⁴⁹. Большой интерес представляют доказательный вывод авторов об одно- и двудворности новгородских деревень конца XV в. (70,7% от общего их количества в новгородских пятинах) и сосредоточении в таких деревнях 43% всех дворов, а также вывод о том, что на XVI в. "падает окончание длительного и значительного процесса возникновения новых поселений"⁵⁰.

В XVI в. одновременно с созданием поместной системы на новгородских землях прослеживается процесс перестройки структуры населенных пунктов от малодворных к многодворным — менее отчетливый в первой и более отчетливый во второй половине столетия. Главной причиной такой перестройки, шедшей и в XVII в., авторы, по-видимому не без оснований, считают распространявшуюся все шире практику открытых удобряемых полей, совершенствование всех сторон земледельческого производства и животноводства⁵¹. XVI столетие следует рассматривать как серьезный рубеж в повышении производительности сельскохозяйственного труда. Эти процессы — наглядное свидетельство влияния развития производительных сил на структуру расселения.

Большая работа по выяснению динамики расселения на Русском Севере — в Поморье, занимавшем в конце XV — начале XVI в. не менее 60%, а в середине XVI в. половину территории государства, проведена П.А. Колесниковым. Для Северной Руси процесс хозяйственного освоения земель интенсивно продолжался и в конце XVI в., и в начале XVII в. Сравнивая показания писцовых книг 20-х годов XVII в. с более ранними, Колесников установил 22 226 учтенных в книга жилых населенных пунктов. Из них старых — 20 042 поселения (90,1%), новых — 2184 (9,8%). Районами наиболее активного заселения были Вятская земля (32,8% всех возникших селений), далее шли Приуралье, Яренский, Тотемский и Сольвычегодский уезды. В центральных для Поморья — Двинском и Устюжском — уездах починков было мало, а в Вологодском не было совсем. Именно в центральных уездах селения существовали уже целые столетия — с XIV—XV вв. Поморские деревни в XVI в. были малодворными, некоторое укрупнение наблюдается во второй половине века⁵². Для дальнейшего изучения истории северных деревень XVII в. большое значение имеет публикация материалов (списков деревень и пустошей), предпринятая с начала 70-х годов Северным отделением Археографической комиссии АН СССР и Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера⁵³.

Проблема расселения применительно ко всей русской деревне XV—XVII вв. получила развитие в монографии А.Я. Дегтярева, увидевшей свет в 1980 г.⁵⁴ Отталкиваясь от довольно значительной дореволюционной историографии⁵⁵, автор поставил перед собой задачу рассмотреть общие для различных районов Русского государства моменты эволюции расселения в XV—XVII вв., некоторые порайонные особенности процесса и основные социально-экономические факторы, двигавшие расселение. Выстраивая ряд факторов, автор располагает их в таком порядке: особенности феодального землевладения, податная политика правительства, феодальная рента, вотчинный режим, общинные отношения, миграции населения, почвенно-географические условия и ряд других⁵⁶. В то или иное время доминирующий характер приобретали некоторые из этих факторов.

Основное внимание Дегтярев обращает на распределение селений по числу дворов в XV — первой половине XVI в., в 80—90-е годы XVI в. и в XVII в. (1646—1678 гг.). На базе анализа материала по Северо-Западу XV — первой половины XVI в. автор показывает прямую связь между

развитием феодального землевладения и возникновением сел и селец⁵⁷. Убедителен вывод о том, что наиболее распространенным типом расселения на Северо-Западе Руси этого периода "было постоянное деление мелких поселений, от которых отпочковывались и садились на новые места молодые семьи". Именно в результате такого процесса к середине XVI в. в Новгородской земле насчитывалось примерно 40 тыс. поселений. Автор расширяет свой вывод до масштабов всей Руси: мелкими деревнями "к середине XVI в. была усеяна вся страна"⁵⁸.

Важнейшим фактором, обусловившим именно такую эволюцию населения, являлась природа сложившегося на Руси феодального землевладения (сочетание собственности феодала с земельным владением крестьян). "Степень крестьянской несвободы, т.е. степень внеэкономического принуждения, определявшая наличие и масштаб крестьянской инициативы, была и фактором развития любой региональной системы расселения"⁵⁹, — пишет А.Я. Дегтярев. Т.е. относительно невысокая и подвижная степень крестьянской несвободы в XIII—XVI вв. определяла наличие и масштаб крестьянской инициативы, в результате которой крестьянин активно формировал путем переходов новые поселения.

Таким образом, обосновывая причины существования именно такой системы расселения (мелкие одно-двухдворные поселения), автор выдвигает на первый план степень и характер внеэкономического принуждения⁶⁰. Последовательно проводя этот принцип и далее, Дегтярев противопоставляет крестьянина XIII—XVI вв., своими переходами обусловившего "непрерывное возникновение новых поселений при крайне медленном росте существующих", "прикованному к земельному участку крепостному XVII в."⁶¹

На материале Северо-Запада и Европейского Севера последней трети XVI—XVII в. Дегтярев прослеживает, как в результате хозяйственного кризиса конца XVI в. и потрясений "Смутного времени" исчезла система поселений, сложившаяся в предшествующие столетия. Возрождение системы поселений началось лишь в третьем десятилетии XVII в., и структура расселения значительно отличалась от существовавшей до середины XVI в.⁶²

Нарисованная автором схема: масса мелких поселений как ведущий способ хозяйственного освоения территории до середины XVI в. и свободно переходящий крестьянин, с одной стороны, укрупненные сельские поселения XVII в. и прикованный к земельному участку крепостной, с другой стороны, — вполне соответствует тому, что обычно находили и находят в источниках исследователи. Однако сама по себе эта схема еще не дает объяснений сущности процессов, лежащих в основе изменения структуры расселения в Русском государстве. Для того чтобы заглянуть в корни произошедшей в основном на протяжении всего лишь одного столетия (с середины XVI до середины XVII в.) смены систем расселения, исследователи пытаются как можно более широко использовать возможности, предоставляемые писцовыми и переписными книгами для изучения эволюции главной составной части сельского поселения — крестьянского двора, его состава и населенности. Проникнуть внутрь крестьянского двора, выявить разные типы дворохозяйств и семей удастся на основании

подворных переписей 1646 и 1678 гг. В работе В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева, в частности, такое исследование предпринято по материалам Шелонской пятины⁶³.

Выше мы уже неоднократно касались важнейшей для XVI—XVII вв. проблемы — определения населенности крестьянского двора. За столетие, в течение которого историки пытались ее решить, ситуация радикально изменилась для XVII в. и по-прежнему дискуссионна для XVI в. Вопрос о том, кто такие "люди" писцовых книг XVI в., в настоящее время большинством исследователей решается в пользу глав семейств, помещавшихся во дворе, т.е. женатых мужчин (так считают авторы "Аграрной истории Северо-Запада России", прежде всего Т.И. Осьминский, а также А.И. Копанев, Я.Е. Водарский, Е.Н. Швейковская (Бакланова), А.Я. Дегтярев и В.М. Воробьев и др.)⁶⁴.

Расчет численности населения в таком дворе (в дореволюционной историографии — П.П. Смирнов, А.М. Гневушев, А.М. Андрияшев — среднюю численность семей XVI в. считали равной 6 человекам обоего пола), поднят на новый уровень Т.И. Осьминским путем пересчета применительно к одно-, двух- и трехсемейным дворам. Несмотря на то что Осьминскому пришлось опереться на данные конца XVII в. и даже XVIII в., Водарский считает его расчет верным (для Деревской пятины, где по писцовым книгам на двор приходилось 1,09 человек, средняя населенность двора равнялась 5,25 человек, для Шелонской — при 1,5 человек, 6,25 человек)⁶⁵.

Что касается XVII в., то у исследователей есть возможность не только проследить изменения в населенности двора от 1646 г. и далее, но и высказаться по поводу оценки тех или иных факторов, воздействующих на демографический облик крестьянского двора (рост владельческой эксплуатации и усиление связи с владельческим хозяйством, развитие товарно-денежных отношений, наконец, переход к подворному обложению деревни, первые предвестники которого — частичный отказ от принципов поземельного обложения — встречаются уже с 20—30-х годов XVII в.). По наблюдениям В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева (которые главную причину изменения состава и роста населения крестьянского двора справедливо, с моей точки зрения, усматривают в воздействии подворного обложения), в период с 1628 по 1646 г. и далее к 1678 г. средний показатель населенности крестьянского двора в Шелонской пятине менялся так: 2,1 — 3,3 — 4,3 человека мужского пола, а укрупнение крестьянских дворов между 1646 и 1678 г. происходило преимущественно за счет сокращения семейных разделов братьев после смерти отца⁶⁶.

Эти и другие наблюдения позволили авторам так конкретизировать изложенную в книге Дегтярева общую схему системы расселения в России: "В XV — первой половине XVI в. поземельный принцип обложения в сочетании с широкой практикой предоставления "льгот" крестьянам на период основания новых поселений способствовал формированию все новых и новых единиц расселения", чему содействовало право крестьянского "выхода" и невысокий размер государственных податей в первой половине XVI в. Со второй половины XVI в. "резкий рост правительственных платежей обусловил своеобразие развития процесса расселения,

заставляя крестьян занимать все более мелкие участки (в 5—10 раз меньше нормальных наделов) в небольших поселениях. Произошел рост дворности селений, не сопровождавшийся соответствующим расширением угодий". Позже, на рубеже XVI—XVII вв., это породило широкую практику "приверстывания к действующим поселениям угодий из близлежащих пустошей, навсегда упраздняя возможность организации на последних новых "живущих поселений"⁶⁷.

Вопрос об изменении системы расселения тесно связан с выяснением детальной картины этапов и характера внутреннего освоения земель. В отношении Центра Русского государства этот процесс рассматривался Ю.Г. Алексеевым⁶⁸. Ему посвящена монография Л.И. Ивиной, которой удастся проследить укрупнение поселений в Угличской и Галичской землях и в более ранний период — к середине XVI в. В начале XVI в. здесь, на периферии старых феодальных владений, еще есть резерв годных к освоению земель, к середине XVI в. необработанных земель становится все меньше, "плотность населения внутри владений возрастает, пустые земли между владениями исчезают. Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села". В то же время в Вологодской земле в 40—50-х годах XVI в. резервы неосвоенных земель остаются очень значительными⁶⁹. Результаты этого поиска — еще один аргумент за плодотворность территориальной локализации исследовательских усилий.

Сказанное выше отнюдь не исключает необходимости одновременного широкого подхода. Важность выяснения обобщающих показателей динамики средней численности крестьянской семьи и двора вообще для социально-экономической истории была продемонстрирована еще в 1964 г. В.А. Александровым. Им прослежена эта динамика для Енисейского уезда с 1680 по 1719 г. (число лиц мужского пола на двор увеличилось с 3,9 до 4,9)⁷⁰.

Первое обобщение изучения средней населенности дворов принадлежит Водарскому (1974 и 1977 гг.). Определяя, что такое "нормальный двор", исследователь отталкивается от посылки, согласно которой при застойности феодального хозяйства средняя численность населения этой двор "нормальной" семьи "должна была оставаться неизменной или очень незначительно изменяться в период его господства, т.е. в XVI — первой половине XIX в." Исследуя данные за большой временной период (и оперируя десятками и сотнями тысяч дворов), Водарский устанавливает, что если в XVI и в начале XVII в. на двор приходилось около 3 человек, то со второй половины XVII в. и вплоть до середины XIX в. населенность дворов значительно увеличилась (с 3,68 в 1678 г. до 4,33 в 1738 г., а во второй половине XVIII в. — даже до 5,9), а затем снова снизилась до 3 человек. На первом этапе (до введения подушного обложения) повышение — результат введения подворного обложения, на втором — развития барщинного хозяйства (неразделенные крестьянские семьи обеспечивали помещикам более высокие поборы с тягла)⁷¹.

На этом основании Водарский справедливо считает, что приводимые писцами итоги дворов не могут характеризовать численность населения. Этому может способствовать только определение средней населенности

дворов двоякого рода: выведенное по большому их числу (сотни тысяч) и округленное (например, для 1678 г. 4 человека вместо 3,68) и выясненное по уездам, т.е. с учетом локальных особенностей⁷². "Нормальный" крестьянский двор и "нормальная" семья, хотя и должны были оставаться "неизменными" или меняться незначительно, в действительности их временные (да и локальные по территории) колебания должны быть учитываемы при воссоздании конкретных социально-экономических ситуаций⁷³.

Если Водарского обобщенные показатели средней численности двора и семьи интересуют с точки зрения выяснения общей численности и динамики населения, то Александрова, предпринявшего позже (1981 г.) такое же обобщение на основе всего сделанного в историографии ранее⁷⁴, средняя численность крестьянской семьи интересует прежде всего с точки зрения характерных черт ее структуры. Видимо, этими разными целевыми подходами и объясняется разный акцент в сделанных учеными сходных выводах. Для Александрова в первую очередь важно, что с конца XV в. на протяжении трех с половиной веков крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных изменений: "Наблюдавшийся рост крестьянской семьи на протяжении XVII в. (Александров имеет в виду главным образом работы Водарского. — Н.Г.) не может, однако, повлиять на выводы о ее структуре"⁷⁵.

Возможности выяснения локальных колебаний в численности семьи до конца еще далеко не исчерпаны. Особенно обнадеживает исследование дворов светских владельцев центральных уездов первой половины XVII в., проведенное В.Д. Назаровым и Ю.А. Тихоновым на основе уже не писцовых и переписных книг, а данных отказных, отдельных и отписных книг из фонда Поместного приказа, более точно учитывавших дворы и их население, по сравнению с дозорными и писцовыми книгами первой трети XVII в. Эти материалы позволяют поставить целый ряд новых вопросов; например, о взаимозависимости между величиной имения и населенностью крестьянского двора⁷⁶.

Размещение населения России с точки зрения освоенности ее территории поддается более или менее точной характеристике на конец XVII в. Согласно наблюдениям Водарского в общих чертах оно таково: освоенная территория — Нечерноземный центр, Северо-Запад, Запад и Западное Поморье (хотя и здесь продолжался процесс распашки новых земель, заселяемые и осваиваемые области — Черноземный центр (со Слободской Украиной), Восток и Юго-Восток, восточная часть Севера и Северо-Восток (Северное Приуралье) и Сибирь⁷⁷.

Несколько слов об изучении форм сельских поселений. Витов считает, что применительно к Заонежью конца XV—XVI в. для подавляющего большинства поселений о "формах" поселений вообще говорить не приходится — деревни большей частью были однодворные и двухдворные. Предположительные суждения о меньшинстве поселений XVI—XVII вв. он высказывает на основании более позднего этнографического материала (с одной стороны, беспорядочная деревня как наиболее древняя форма, с другой — по течению больших рек — рядовая прибрежная планировка с окнами жилья на реку, возникавшая в связи с русской колонизацией)⁷⁸.

Для XVII в. сохранились графические источники для суждения о внешнем облике поселений и крестьянских дворов. Наиболее значителен альбом А. Мейерберга, содержащий более 40 рисунков русских городов, сел и деревень, располагавшихся по маршруту Псков — Новгород — Москва⁷⁹. Этот альбом использован в середине 50-х годов Витовым (для доказательства гнездового типа расселения) и Г.Г. Громовым (как источник по истории жилища)⁸⁰. Однако наиболее результативно материалы альбома оказались использованы Дегтяревым, который сопоставил рисунки Мейерберга с описанием изображенных им поселений в писцовых книгах и нашел новые аргументы как в пользу существования реликтов гнездового типа расселения, так и в пользу мнения об укрупнении и сведении крестьянами в один нескольких дворов в связи с введением подворного обложения. Дегтяревым проанализированы 4 рисунка, работа по комментированию писцовыми книгами остальных рисунков еще впереди⁸¹.

Первый список русских городов конца XV—XVII в. (за время с 1462 по 1689 г.) был составлен К.А. Неволиным⁸². Н.Д. Чечулин, которого интересовали города XVI в., значительно его пополняет и называет 220 городов, которых, правда, "одновременно не существовало", — таковых же он насчитывает приблизительно 170, из которых в его распоряжении были описания 41 города (почти четвертая их часть). Им впервые была подчеркнута "близкая и тесная связь между городом и уездом", во всех городах обнаружены посады (кроме Пронска), однако "посадские черные люди" составляли значительное большинство населения лишь в немногих городах — в северо-западной части Московского государства и в центре — до середины XVI в.⁸³

Следующий важный этап в отечественной историографии городского населения — труды П.П. Смирнова, который посвятил изучению истории города почти всю свою жизнь в науке. По его подсчетам, в 1650 г. из 226 городов 160 имели дворы на посаде, а 66 были "чистыми крепостями". Им исследованы итоги переписи 1646—1647 гг. и посадского строения 1649—1652 гг. Насчитывая в городах середины XVII в. свыше 100 тыс. дворов и приняв для переписных книг 1646—1647 гг. на двор по 5 душ населения о.п., Смирнов получил для городов "не менее 537 040 душ населения обоего пола". В среднем на каждый город — не менее 430 дворов. Посадские и вообще тяглые элементы составляли в городе менее трети населения, а вотчинные дворы — 8,2%⁸⁴.

Проделанная Смирновым работа является основанием и отправным пунктом для всех расчетов по городскому населению второй половины XVII в. Именно в таком качестве итоги Смирнова были использованы в середине 60-х годов Водарским, приступившим к выяснению численности населения посадов и ее изменения с середины XVII в. до I ревизии⁸⁵. Несмотря на некоторый задел, созданный трудами Смирнова, Водарский вынужден был констатировать, что науке пока не известны ни общее число посадов, ни общая численность посадского населения (а также общее число торгово-промышленных поселений). Кроме переписных книг, в качестве источников привлечены "строельные" книги и данные военного учета (ежегодные специальные списки). Автор отдает себе отчет в том,

что при изучении численности населения отдельных городов необходима тщательная проверка итогов, приводимых писцами, однако при выяснении численности всего посадского населения за три четверти столетия имеются все основания пользоваться подсчетами писцов, дошедшими в разных источниках⁸⁶.

Полученные Водарским результаты свидетельствуют о неуклонном росте численности посадских людей (1646 г. — 83 тыс., 34% от населения городов; 1652 г. — 108 тыс., 44%; 1678 г. — 134 тыс. человек, 41%). Сильное увеличение числа посадских в 1652 г. связано с припиской к посадкам беломестного торгово-промышленного населения. Последовательно росло число крупных посадов: к 1678 г. — на 23%, а к 1722 г. — вдвое (к северо-западу, западу и югу от Москвы, в Среднем Поволжье и на севере — Архангельск — Холмогоры).

Водарский пишет о росте численности посадских людей, но не городского населения в целом, при этом удельный вес посадских в населении России 1678—1719 гг. оставался неизменным — 3%⁸⁷. Однако для постановки общего (и очень важного для решения многих проблем социально-экономического и политического развития Русского государства) вопроса о численности и удельном весе городского населения в разные эпохи пока еще нет научной основы, так как не выработаны корректируемые во времени критерии для суждения, является ли данное поселение городом⁸⁸. В связи с этим Водарский формулирует задачу, которая и сейчас, почти тридцать лет спустя, остается актуальной — первоочередная задача историков русского города: «накопление данных, выяснение социально-экономического облика посадов, так называемых "городов" и отдельных крупных селений...»⁸⁹.

Мысль о необходимости выработать единый критерий для определения, какие поселения в России XVII—XVIII вв. считать городом, Водарский развивает в статье, посвященной городам и городскому населению России в XVII в. Начиная с XV в. выявляется развитие торгово-промышленных селений, рассмотрение этого явления и положило начало разногласиям в историографии — считать ли их городами? Для XVI в. в литературе широко ставятся вопросы формирования городского населения и оформления его сословно-правового статуса, оформления сословия посадских людей (П.П. Смирнов, А.А. Зимин, Н.Е. Носов), начало XVII в. было озаглавлено "посадским строением" Бориса Годунова 1600 г.

Рассматривая эти же процессы для XVII в., Водарский приходит к выводу об общих закономерностях развития русских и западноевропейских городов. Основой осознания такой общности является понимание им термина "город" как поселения, "жители которого занимаются торговлей и промышленностью (ремеслом) в качестве основной деятельности и объединены в сословную городскую (посадскую) общину, причем степень сословного оформления в разные периоды различна", а специфические условия России, где процесс классовобразования шел медленно, обуславливали к тому же медленное сословное оформление городской посадской общины⁹⁰. Последовательное применение такого определения города предоставляет, по мнению автора, много возможностей для решения проблемы городского населения как показателя уровня экономического развития

страны и ее отдельных районов, позволяет изучать развитие городов и по восходящей, и по нисходящей линиям и т.п. и требует введения еще одного критерия для определения города – установления минимума численности населения. Автор выступает за признание торгово-промышленных селений промежуточным этапом горообразованием и с этой точки зрения подходит к рассмотрению конкретных материалов по городам Сибири и юга России, еще раз подчеркивая, что историкам предстоит очень большая работа по изучению экономического и социального облика поселений, для выяснения, являлись ли они городами⁹¹.

Важное место в историографии народонаселения XVI–XVII вв. занимают проблемы динамики его социального состава. По отношению к концу XV – началу XVI в. вопрос о численности крестьянского населения с возможной полной решен лишь применительно к пятинам Новгородской земли: подавляющую массу сельского населения составляли (по данным "Аграрной истории Северо-Запада России") крестьяне – 91,1% дворов принадлежало им. Довольно значителен процент господских дворов – 2,8% (в большинстве это своеземцы), число холопных дворов меньше – 2,6%⁹². К 80-м годам XVI в. на сопоставимых территориях пятин, где сохранилась лишь пятая часть населения (20,9%), больше всего пострадало крестьянство (процент его дворов снизился с 91,1 до 82,5% к 1545 г. и до 62% к 1585 г.). Доля господских дворов выросла с 2,8% соответственно до 4,4 и 7,3%. Очень заметен рост холопных дворов (7,2% к 1545 г. и 8,8% к 1585 г.). Доля бобыльских дворов увеличилась к 1585 г. по сравнению с 1545 г. от 2,8 до 14,6%⁹³.

К сожалению, в историографии еще не проведен анализ по сопоставимым писцовым материалам изменения соотношения крестьянских, господских и других дворов (а также и людей в них) к первой четверти XVII в. Такая постановка вопроса важна и для выяснения соотносимости потерь господствующего класса и крестьянства в результате потрясений хозяйственного кризиса конца XVI – начала XVII в.⁹⁴ Несмотря на то что в "Аграрной истории Северо-Запада России" сосредоточено очень много материала о социальной структуре населения, по-видимому, и ее авторами исчерпаны далеко не все возможности, предоставляемые писцовыми книгами для суждений об изменении количественного соотношения эксплуататоров и эксплуатируемых на разных этапах развития феодализма.

Применительно к крестьянству XVII в. первой работой, в которой вопросы динамики населения были поставлены исследовательски, следует считать труд Готье о Замосковном крае. В главе IV, посвященной населению, автор специально рассматривает особенности истории в крае отдельных слоев населения. О крестьянстве речь идет под углом зрения общего состояния тяглых слоев, соотношения между крестьянами и бобылями, положения холопов⁹⁵. Автор констатирует постепенное уменьшение бобыльства в XVII в. в большей части местностей Замосковья, за исключением его западных уездов (судя по писцовым книгам, число бобылей в Ржевском, Старицком и Новоторжском уездах к 1678 г. значительно увеличивается). Как уже отмечалось, общий рост сельского населения для Замосковья, по Готье, выражался в таких цифрах: 600–

700 тыс. в 20-х годах и приблизительно 2 млн человек ко времени начала преобразований.

Дальнейшая разработка этой тематики приходится уже на 60-е годы – в 1960 г. появляется работа Н.М. Шепуковой об итогах подворной переписи 1678–1679 гг., а во второй половине 60-х годов и в 70-х годах выходит в свет уже упомянутая нами серия работ Водарского, выполненных по итогам писцовых и переписных книг XVII в. Почти одновременно (в 1972 г.) были изданы (правда, в очень ограниченном количестве) итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России, первый выпуск которых содержит комплекс сводных материалов подворных переписей дворов и населения середины и второй половины XVII в.⁹⁶

Прежде всего Водарский обратился к размещению крестьянского населения в России XVII в., им выяснено соотношение крестьян и бобылей в конце столетия, специальная работа посвящена населению дворцовых владений последней четверти XVII в., а также крестьянам, принадлежавшим церковным организациям во второй половине XVII – начале XVIII в. Движение крестьянского населения разной владельческой принадлежности от 1678 до 1719 г. освещено в гл. III обобщающей монографии о населении России этого периода⁹⁷.

По переписи 1678 г. Водарский насчитывает 436 тыс. крестьянских дворов за помещиками и вотчинниками и 148 тыс. дворов за духовенством (всего 584 тыс.). У дворцовых крестьян – 110 тыс. дворов, у черносошных (без Сибири) – 74 тыс., у посадских – 48 тыс. дворов. Всего сословий (без яшашных) – около 816 тыс. дворов. Приблизительно определяется автором и численность населения по средней населенности дворов⁹⁸, а уже на этом основании – удалый вес различных групп населения (с учетом уклонившихся от переписи). Для крестьянства подсчет выглядит так: крестьяне светских феодалов – 52%, духовенства – 16, двorca – 9,2, черносошные – 8,3, яшашные люди – 4,5, посадские – 3% (на долю неподатного населения, включая однодворцев, остается 7%).

Одновременно автор выясняет распространение крестьян, бобылей, задворных и деловых людей, разночинцев, холопов во дворах владельцев за помещиками и вотчинниками и за духовенством во второй половине XVII в. по восьми губерниям (в границах 1727 г.). "Крестьянство, – делает вывод автор, – составляло 90% населения и три четверти его было крепостным"⁹⁹. Водарским же показано размещение крестьянского населения, числящегося за светскими феодалами и духовенством по 93 центральным уездам Европейской России, размещение дворцовых крестьян по 74 уездам и черносошных – в тех уездах, где они преобладали (17 уездов – в Европейской России и 15 – в Сибири)¹⁰⁰.

Особый интерес представляет выяснение соотношения крестьянского и бобыльского населения¹⁰¹ по 93 уездам России в результате переписи 1678 г. (подсчет по тем же итоговым ведомостям Поместного приказа 1717 г.). В районах с преобладанием крепостного населения средний процент бобылей – 30 (у светских феодалов – 32%, у духовенства – 25%). При этом в старинном центральном районе страны (27 уездов) вес бобыльских дворов не достигал 29%, еще в 27 уездах было от 29 до 40% бобылей, а в 35 уездах – больше 40%. Наибольший процент их (50% и выше) оказался

в 16 уездах запада и юга страны. В дворцовых владениях удельный вес бобыльских дворов – 7% (выше в только заселяемом Симбирском и Вологодском уездах), в Поморье – 10%. На основании такого географического распределения удельного веса бобылей автор делает справедливый вывод, что их было относительно меньше в давно освоенных районах и больше во вновь колонизируемых. Дворы бобылей были малолюднее в среднем на 25%. Несомненно, в массе своей бобыли составляли слой беднейшего сельского населения¹⁰². По-видимому, стоит еще отметить, что бобыльство на вновь колонизируемых землях напрямую знаменовало собой ухудшение условий для воспроизводства населения на первых этапах хозяйственного освоения территорий.

Значительный интерес представляет также рассмотрение динамики от 1678 г. к I ревизии крестьянского населения в вотчинах духовенства (от 0,7 млн до 0,8 млн человек). Фиксируется рост его на 14%. При 32% росте в целом по стране Водарский считает все же этот рост "немалым". Основной рост приходится на Черноземный центр, Юг и Юго-Восток, т.е. на осваиваемые районы. Причины такого явления еще не выяснены. Общий вывод автора – "в целом в изучаемый период население владений духовенства не уменьшилось, а возросло"¹⁰³ – кажется нам весьма важным, так как рост населения происходил в условиях чрезвычайно повысившегося пресса государственной и владельческой эксплуатации, приходившейся в конце XVII в. на монастырское крестьянство¹⁰⁴, и при том, что в этот период продолжали еще в полной мере действовать все факторы, отрицательно влиявшие на процесс воспроизводства населения при феодализме.

Относительная динамика крепостного населения России в целом от 1678 к 1719 г. такова: по помещичьим крестьянам – рост с 68 до 72%, по крестьянству духовенства – снижение с 21 до 17%, для дворцовых – стабильность – 11%. Однако Водарский считает, что при приближенности этих подсчетов правильнее говорить о том, что изменений практически не произошло. Численность государственных крестьян также не уменьшилась¹⁰⁵.

Несколько слов о крестьянстве Сибири. Подсчет крестьянского населения Сибири в 70-х годах был произведен одновременно несколькими исследователями. Водарский использовал для этого сводные поездные данные в источниках за 1697 и 1701 гг., однако, по его мнению, они относятся к более раннему времени. В конце XVII в. он насчитывает здесь 0,04 млн, а в 1719 г. – около 0,1 млн человек. Большой прирост (свыше 200%) относит за счет переселений¹⁰⁶. По подсчетам Шепуковой, на основании подворной переписи и переписи населения 1710 г. составившей таблицу сведений о численности государственных крестьян, крестьян духовных вотчин, бобылей, захребетников, помещичьих дворовых людей и всего населения Сибири мужского и женского пола, основная масса сибирского крестьянства (80,8% всего крестьянского населения Сибири) находилась в Западной Сибири (67 100 д. м.п. и 68 563 д. ж.п.). На Восточную Сибирь приходилось 19,2% сибирского крестьянства (15 759 д. м.п. и 14 321 д. ж.п.)¹⁰⁷. В.А. Александров по той же переписи 1710 г. насчитывает 65 тыс. д. м.п. крестьян для Западной Сибири и 14 тыс. д. м.п. для

Восточной Сибири. Все исследователи при этом сходятся на том, что к началу XVIII в. Сибирь была уже в основном крестьянской страной¹⁰⁸.

Для Европейского Севера России П.А. Колесников на 70–80-е годы XVII в. в собственно крестьянских дворах насчитывает 396 415 д. м.п. (исходя, как уже отмечалось, из 3,4 д. м.п. или 7 д. о.п. на двор), а в 1719 г. – 543 037 д. м.п. Незначительный прирост (меньше 14%) связан с интенсивным оттоком населения в Приуралье, на Урал и в Сибирь (с 1678 по 1710 г., по неполным данным, 94 679 д. м.п. – 19% всего тяглого населения, учтенного в 1678 г.)¹⁰⁹.

Количественные характеристики института холопства в дореволюционной историографии, фиксировавшей внимание на юридическом его статусе, отсутствовали. Исключение представляет, пожалуй, высказывание М.А. Дьяконова о людских дворах в писцовых книгах второй половины XVI в., – по его мнению, количество их по различным уездам Русского государства колебалось от 3–5 до 25–30% общего числа дворов¹¹⁰. Отсутствуют эти характеристики в отношении XV–XVI вв. и в вышедшей в 1943 г. книге А.И. Яковлева¹¹¹.

В 70-х годах появилась целая серия трудов, посвященных холопству. Их авторы много внимания уделили возможно более полному учету похолопляемых, источникам, социальному составу и географии похолопления (способствующей выяснению некоторых сторон миграции русского населения). Если для конца XV–XVI в. источники еще очень скупы на этот счет, то для XVII в. возможности исследователей значительно расширяются. Е.И. Колычева ставит вопрос об удельном весе холопов среди зависимого населения XVI в. на основе писцовых книг. (Наиболее подходящей для сравнительно-статистического анализа оказывается тверская писцовая книга 1540 г., позволяющая выявить количество холопов в нескольких сотнях имений разных размеров, расположенных в центре государства¹¹².)

Постановка вопроса о статистическом изучении кабальных книг по Новгороду и новгородским пятинам (еще в конце 30-х годов) и первый опыт такой обработки принадлежит А.И. Яковлеву. Эта работа, с усовершенствованным методическим подходом, была продолжена В.М. Панеяхом, использовавшим кабальные книги за 1591–1609 гг. по Новгороду, в которых зарегистрированы 1102 служилые кабалы. Им осуществлен большой труд по выявлению социальных состояний, предшествующих холопству¹¹³. Еще более детализированно проведено Панеяхом статистическое изучение кабального холопства (а частично и добровольно) до середины XVII в. по всем сохранившимся кабальным книгам Северо-Западного региона (новгородским с пятинами и псковским). В частности, автор реализует возможности рассмотреть источники формирования холопства и с точки зрения социального положения людей, дававших на себя служилые кабалы, и с точки зрения их социального происхождения¹¹⁴. Такой же анализ осуществлен и в отношении добровольного холопства¹¹⁵.

Общее движение холопского населения по писцовым материалам, обработанным авторами "Аграрной истории Северо-Запада России", зафиксировано в целом ряде таблиц этого труда¹¹⁶, однако за суммарным анализом динамики для XVI в., а также для XVII в. следует обращаться к

трудам В.М. Панеяха и исследованиям В.М. Воробьева. По мнению Панеяха, холопство в первой половине XVII в. отнюдь не претерпело количественного сокращения, продолжало обслуживать важнейшие специфические сферы жизни и деятельности феодалов-холоповладельцев, способствовало консервации архаических форм эксплуатации и типов отношений господства и подчинения вплоть до петровских преобразований, "когда с холопством в его старых формах было покончено"¹¹⁷. На такой же в общем позиций стоит Воробьев. Изучив холопство в поместьях Северо-Запада России по материалам переписных книг 1646, 1678, 1706–1710 гг. трех новгородских пятин, он отмечает к 70-м годам XVII в. значительный удельный вес холопов среди зависимого населения поместий (всего их было 22–24%, в основном в господских дворах). В 1706 г. удельный вес этой категории зависимого населения был около 20% (а в поместьях Водской пятины даже 33%). Автор считает причиной увеличившейся роли холопов в поместном хозяйстве начала XVIII в. – изменение общей демографической ситуации в регионе – отток отсюда крестьянского и бобыльского тяглого населения в связи с непомерной тяжестью государственных повинностей. В результате "в 70-х годах XVII в. в среднем каждый четвертый-пятый зависимый человек в поместьях Северо-Запада России был холопом. А в начале XVIII в. в некоторых районах – и того больше"¹¹⁸.

Еще в конце 60-х годов размещение холопов (задворных и деловых, а также дворовых людей) в масштабах России по переписи 1678 г. (на территории 91 уезда) было рассмотрено Водарским. В Нечерноземной области на 1 млн 96 тыс. зависимого населения, принадлежавшего светским феодалам, задворных и деловых людей оказывается 43,5 тыс. человек, т.е. 4%, а в Черноземной области на 360 тыс. крепостных людей – 35,5 тыс. человек, или почти 10%. Автор считает это свидетельством распространения холопского труда в заселявшихся уездах в связи с увеличением крепостнического землевладения. В целом удельный вес задворных и деловых людей, занимавшихся земледелием, среди крестьянства светских феодалов составлял всего около 5%. Холопы во дворах владельцев, по предположению автора, обрабатывали барскую пашню. В Нечерноземном центре их насчитывалось 58,7 тыс. человек (5,5%), а в Черноземном – 25,7 тыс. человек (7,1%)¹¹⁹.

Структура господствующего класса XVI–XVII вв., численность отдельных его частей и всего дворянства в целом привлекали внимание исследователей еще в дореволюционное время¹²⁰. Вопрос об изменении состава служилого сословия ставился и Готье. По его мнению, в результате событий 1604–1613 гг. в некоторых местах произошла почти полная смена местного дворянства, разорившегося, обнищавшего и частично даже попавшего "в кабалу и в крестьяне" (Сурожский, Горетов, Бохов станы Московского уезда, Владимирский уезд). Готье фиксирует наплыв в Московское государство в первой трети XVII в. служилых иноземцев. Хотя он считает, что увеличение общего числа русских дворян в XVII в. коснулось главным образом пограничных областей, тем не менее, сравнивая описания 20-х годов с переписью 1678 г. по "старинным областям" русского центра, обнаруживает некоторый рост служилого

класса и здесь. Такое же впечатление оставляет у него изучение состава дворянства по десятиям XVII в.¹²¹

В 30–40-х годах применительно к XVI в. разрабатывал эти вопросы С.Б. Веселовский. Обратившись к Государеву двору середины XVI в. ("вершина всего класса"), он насчитывает в нем 2600 дворян (от боярина до жильца). Далее идет слой больший раз в 15 – городовые дети боярские, способные к "полковой службе" в дальних походах (тысяч 35) и к "осадной службе" (тысяч 10). Государев двор состоял из 65–70 думных чинов, 500 дворян высших чинов (больших дворян московских, стольников и стряпчих), сосредоточивавших в своих руках "все центральное и местное управление, все военные и гражданские должности", и 2000 жильцов, сменявшихся в Москве при государе по очереди "в качестве дворцовых телохранителей и исполнителей мелких поручений"¹²².

К структуре господствующего класса, начиная со второй половины 50-х годов, обращались также Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, Н.Е. Носов, Р.Г. Скрынников, А.Л. Станиславский, В.Д. Назаров, В.Б. Кобрин. Источниковой базой для всех этих исследований послужили как писцовые книги, так и главным образом списки служивых людей, разрядные книги, наконец, книги родословные. Проблемы структуры и численности дворянства XVII в. ставились в трудах Е.Н. Кушевой, А.А. Новосельского, Н.И. Павленко, К.В. Сивкова, С.М. Троицкого. Интерес к этой проблематике, нараставший особенно в течение 60–70-х годов, привел к сосредоточению внимания на вопросах социальной структуры господствующего класса, под углом зрения его обеспеченности числом крепостных дворов и земельными владениями¹²³.

Историография 50-х годов зафиксировала важнейшее изменение в служилом сословии XVII в. – завершение процесса превращения приборных служивых людей в податное сословие и, следовательно, обособление его от дворянства, отметила стирание граней между помещьем и вотчиной, зафиксировала огромный количественный рост дворянского землевладения в результате земельных раздач дворцовых и черных земель Замосковского края, а также к югу от Оки при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче. Е.Н. Кушевой было подсчитано по данным 1696–1698 гг., что 535 феодалов преимущественно столичных "чинов" владели примерно 45% всех дворов, находившихся в руках светских землевладельцев (из них 69 феодалов имели более 500 дворов, 13 – от 1000 до 2000 и 5 – свыше 2000 дворов, остальные – более 100 дворов). Среди крупных владельцев 66 представителей боярства и 27 представителей княжеских фамилий. Большинство владельцев – 14 500 из 15 000 – принадлежали к среднему дворянству (с дворовладением ниже 100 дворов) и к мелкому (несколько десятков или несколько дворов).

Согласно последним подсчетам, проведенным Водарским на основании сказок 1700 г. и переписных книг 1678 г., общее число помещиков определяется примерно в 22–23 тыс. человек, а общая численность дворянства, владевшего крепостными, – в 70 тыс. человек (средней считается численность семей служивых людей в 3 человека). К I ревизии численность дворянства возросла вдвое – с 70 до 140–150 тыс. человек, в основном, как считает Водарский, за счет естественного прироста. Источ-

ники позволяют выяснить соотношение по числу принадлежавших им дворов членов Боярской думы, высших чинов, городских дворян. Для последних двух групп "было характерно сосредоточение подавляющего количества крепостных дворов во владении относительно небольшого числа дворян"¹²⁴.

Ценные результаты для воссоздания структуры господствующего класса принесло в последние годы использование данных писцовых книг по 83 уездам России, предпринятое О.А. Шватченко. Автору удалось поименно выявить группу крупных землевладельцев (243 вотчинника), которым принадлежали свыше трети земель и около половины дворов. В их состав входили бояре, окольничие, думные дворяне, чашники, стряпчие, вдовы и дочери высших чинов и члены царских фамилий, стольники, дворяне московские, члены патриаршего двора, дьяки, уездные дворяне, думный дьяк, кравчий. Шватченко воссоздает социальную структуру вотчинного землевладения в 20–30-х годах XVII в. с указанием количества вотчин, пашни и жилых дворов у каждой группы владельцев. Автором составлен уникальный алфавитный список всех вотчинников России первой трети XVII в., содержащий 1638 фамилий с обозначением для каждой из них числа вотчин, земли в десятинах и числа уездов, в которых этих вотчины располагались¹²⁵.

Специальное внимание в историографии уделено однодворцам (служилые люди "по прибору" и служилые люди "по отечеству"). В.М. Важинский определяет их численность на юге в 1651 г. в 46 тыс. человек, а в конце XVII в. – в 76 тыс. (при семье в 3 человека – 0,2 млн человек). Водарский, опираясь на данные Важинского, указывает на 1678 г. всего примерно 0,2 млн человек, а на 1719 г. – 0,3 млн человек¹²⁶.

Пожалуй, наименее исследованный в историографии вопрос – численность и динамика духовенства. По мнению Водарского, оно, по-видимому, не выросло от 1678 к 1719 г. в абсолютных цифрах (140 тыс.) и сократилось в процентном отношении к общей численности господствующего класса (с 64 до 48%)¹²⁷.

Процессы образования приказной системы России с конца XV и в XVII в., складывание бюрократического аппарата абсолютизма в XVII в. имеют обширную дореволюционную, да и немалую послереволюционную историографию, однако в большинстве своем это очерки, посвященные истории отдельных приказов¹²⁸. Динамика сословия бюрократов в XVII в. представлена лишь в недавно появившейся монографии Н.Ф. Демидовой. Если количество приказов и других московских учреждений с 1626 по 1698 г. выросло всего с 44 до 55, численность судей и приказных людей московских учреждений возросла с 656 до 2762, численность дьяков за то же время – с 78 до 154. В целом же число приказных изб в XVII в. выросло от 185 в 1626 г. до 302 в 1698 г., а в государственных центральных и местных учреждениях к середине 40-х годов XVII в. было 1610 приказных людей (в Москве – 836, на местах – 774). К 1690 г. количество их увеличилось до 4657 (в том числе в Москве – 2739 человек). Дьяков – не более 130 человек.

Демидова приходит к выводу, что "в разряд крупных светских феодалов страны входила численно незначительная часть приказных людей.

Большая часть приказных земельных собственников была представлена разрядами средних и мелких феодальных владельцев. Численно же подавляющее большинство членов приказной группы по существу не включалось в структуру господствующего класса феодалов, хотя и сохраняло на протяжении всего века сословные права на вступление в его ряды¹²⁹. В дальнейшем, к 1719 г. произошло увеличение числа приказных людей (по подсчетам Водарского, с 9 тыс. (с семьями) в 1678 г. до 12 тыс. в 1719 г.), но удельный вес их по отношению к общей численности господствующего класса не изменился – те же 4%¹³⁰.

Перейдем к вопросу об изменении социального состава города XVI–XVII вв. Внимание к внутренней жизни города, проявившееся уже в лучшем труде дореволюционной историографии о городах XVI в. – книге Н.Д. Чечулина, – не привело, однако, автора, к рассмотрению изменений в социальном составе города¹³¹. Социальному составу жителей Москвы посвятил свою раннюю работу С.К. Богоявленский. В черных и дворцовых ремесленных слободах Москвы середины XVII в. он насчитал 48 тыс. человек, дворян – 53 тыс., духовенства – 27 тыс., иноземцев – 28 тыс., в военных слободах – 44 тыс. человек (всего 200 тыс. человек)¹³². Эти данные требуют комментариев: вместе с дворянами подсчитана, видимо, их челядь, а в число иноземцев попали полки иноземного строя и жители Мещанской слободы¹³³.

Автор наиболее обстоятельного труда о русском городе, вышедшего уже после Великой Отечественной войны (1947), П.П. Смирнов выдвинул концепцию, согласно которой на Руси города в собственном смысле слова выросли к XVI в. из слобод, в которых концентрировались ремесло и торговля. С конца XV до середины XVII в. именно в слободах-посадах образовалось "привилегированное средневековое сословие" посадских людей в результате длительной классовой борьбы горожан, объединившихся против "сельского дворянства" на местах и "с тем же сельским дворянством против боярского правительства первых Романовых" в столице¹³⁴.

В труде Смирнова содержатся сведения о количестве отписанных у патриарха монастырей и светских владельцев на государя белых слобод в Москве и под Москвой в 1649 г. – всего 19 слобод с 1410 дворами (на долю духовных владельцев пришлось 87,7% конфискованных дворов, на долю светских – 12,3%)¹³⁵. В целом для государства Смирнов располагал 70 "строельными" книгами и итогами 117 таких книг по отчуждению дворов к посадам (по его подсчетам, посады имелись в 151 городе), что составляет (по количеству дворов в посадах) 88,6% общего их числа. Кроме того, он приводит общий итог отписки – 10 095 дворов – и таблицу, содержащую данные по каждому городу: количество дворов по переписи 1646 г., количество дворов, взятых по "строельным" книгам, процент прироста¹³⁶, выясняет сравнительный ущерб, нанесенный "строением" разным социальным слоям населения (монастырям и кафедрам, церквям, светским вотчинникам, помещикам, гостям, торговым людям гостиной и суконной сотен, посадским и дворцовым крестьянам, служилым приборным людям, людям разных чинов)¹³⁷. Духовным владельцам принадлежало 53,3% всех взятых на посады дворов, светским вотчинникам – 15,6,

гостям – 2,6, помещикам – 3,5, посадским и прочим – 2,5, служилым приборным людям – 6,6, людям разных чинов – 10,2% и т.д.¹³⁸

Смирнов приводит поименные списки всех пострадавших от отписки светских вотчинников (бояр, дворян и детей боярских) по городам (считая братьев раздельно) и списки пострадавших монастырей, все – с указанием числа отобранных дворов, лавок и т.п. Такой же поименный список составлен и для гостей, членов гостиной и суконной сотен, торговых людей иных городов¹³⁹. Общее количество служилых приборных людей в Московском государстве автор исчисляет на 1650 г. в 60 846 человек, из них оказываются затронуты строением около 2% (меньше всего на западе и юге страны)¹⁴⁰.

Приведенные Смирновым поименные списки представителей разных социальных слоев населения, владевших дворами в городе, сами по себе могут служить основанием для историко-демографических наблюдений. К сожалению, Смирнов сознательно отказался (он пишет об этом в Предисловии к своей работе)¹⁴¹ от изучения ремесленной и торговой деятельности посадских людей в городах XVI–XVII вв.

Такой подход, впервые осуществленный К.Н. Сербиной (в 1951 г.) применительно к Тихвинскому посаду XVI–XVII вв., позволил ей детально проследить сложные процессы формирования городского населения на протяжении XVII в. (и превращения рядка в город), социальную стратификацию населения в нем. Большой интерес представляют выводы автора о расширении посада за счет двух крайних полюсов деревни: "могутных людей" и "скудных людишек" – и весь анализ процесса превращения зависимого от Тихвинского монастыря населения этого посада в "свободных горожан"¹⁴².

В начале 50-х годов вышли в свет труды С.В. Бахрушина, содержащие очерки о русском городе XVI в. и Москве как ремесленном и торговом центре XVI в. В них также подняты вопросы о путях возникновения городских поселений в XVI в. в связи с развитием ремесла и торговли и суммированы сведения иностранных путешественников о многолюдности русских городов (Москвы, Казани, Нижнего Новгорода и т.п.). Автор приводит писцовые сведения о количестве дворов в разных городах (в основном со ссылками на П.П. Смирнова) и, что особенно важно, поднимает вопрос о формировании городского купечества Москвы путем "свода" купцов из других городов (Новгорода, Пскова, Смоленска, Вязьмы, Твери, Переславля-Залесского, городов Поморья и Поволжья), с точным указанием количества "сведенных" семей¹⁴³. Во конце 50-х годов много внимания соотношению социальных слоев Новгорода уделил А.П. Пронштейн. На середину XVI в. он фиксирует такое соотношение дворов города по сословиям: посадских – 79,5%, служилых – 5,5, церковных, монастырских и зависимых от них людей – 15,0%¹⁴⁴.

В 60-х годах значительный вклад в изучение вопроса о социальном составе города связан с серией статей, помещенных в сборнике "Города феодальной России" (1966)¹⁴⁵.

Как уже отмечалось, Водарский фиксирует увеличение во второй половине XVII в. количества посадских людей примерно с 82 (83) тыс. человек в 1646 г. до 108 тыс. в 1652 г. и до 134 тыс. человек в 1678 г.,

т.е. на 62%. Растет число крупных посадков, количество населения, занимавшегося торговлей и ремеслами (на 25%), и общий удельный вес посадских людей по отношению к численности феодально зависимого населения (с 2% в 1678 г. до 3% в 1719 г.)¹⁴⁶. Им же приводятся сведения о числе дворов, принадлежащих населению Москвы в 1701 г. Из 16 353 дворов 6568 (более 40%) было у посадских людей, 3327 дворов (около 20%) числилось за боярами и дворянами, 2652 двора (более 16%) – за приказными людьми, 1899 дворов (около 12%) – за крепостными людьми, 1370 дворов (более 8%) – за духовенством, остальные – за мастеровыми (341 двор), рейтарами и солдатами (196 дворов)¹⁴⁷.

Историки располагают довольно широкими возможностями для воссоздания картины профессионального состава населения XVI–XVII вв., прежде всего городского. Уже Чечулин приводит щедрые перечисления количества ремесленников разных специальностей по городам: Каргополь, Орешек, Ладога, Корела, Устюжна, Псков, Коломна, Можайск, Казань, Свияжск, Тула, Деделов, Переяславль, Пронск¹⁴⁸. В историографии подчеркивается распространение специализации, относящейся к производству съестных припасов, – она есть в любом городе, в то же время ряд специальностей присущ только крупным центрам¹⁴⁹.

Богатый материал для суждений о профессиональном составе городского населения дают писцовые и лавочные книги XVI в. Еще в 30-х годах А.В. Арциховским на основании этих книг по Новгороду был составлен список ремесленников, торговцев и т.п., но живших одновременно, и поэтому количество их на определенную дату по нему установить нельзя. В привлеченном им материале упомянуто 4400 ремесленников, из которых 670 сосредоточивались на продуктах питания. Уделено внимание и купеческой специализации, прежде всего в области торговли предметами питания (хлебом торговали 40 человек, рыбой – 175, мясом – 155 и т.п.)¹⁵⁰.

Над этой же тематикой плодотворно трудился Бахрушин: им суммированы данные о ремесле Новгорода, Казани, Серпухова, Торопца, Можайска, Тулы, Зарайска (в последних двух ремеслами промышляли люди, юридически с посадом не связанные, – дворники). Внимание к "приходцам" в городах, занимавшимся ремеслом и торговлей, позволяет ставить проблему формирования городского населения¹⁵¹. Бахрушин рассматривает вопрос о размерах городских торгов (но не о количестве торговцев) на основании числа торговых помещений (Новгорода и Пскова, а также Ладоги, Устюжны Железопольской, Муром, Можайска, Серпухова, Коломны, Казани, Свияжска)¹⁵². О специализации московских ремесленников, а особенно торговцев собран Бахрушиным обширный (но, к сожалению, почти лишенный количественных показателей) материал в очерке о Москве как ремесленном и торговом центре XVI в.¹⁵³

Традиционно много внимания уделяется Новгороду. Представляет несомненный интерес подсчет посадских людей этого города по их профессиям, произведенный А.П. Пронштейном на основании писцовых и лавочных книг 1583 г. В перечне оказалось 293 специальности и 6163 человека. Автор выделил четыре основные группы посадского населения: ремесленников – 4087 человек (66,32%), торговцев – 342 (5,54%), лиц, занимающихся сельским хозяйством и подсобными промыслами, –

853 (13,80%), лиц, занимающихся извозом, представителей свободных профессий – 881 человек (14,34%)¹⁵⁴.

Для XVII в. материал о количестве ремесленников по отдельным городам России (и за различные годы) в дореволюционной историографии был собран Довнар-Запольским. В составленную им таблицу попали наиболее крупные торгово-промышленные центры Русского государства XVII в. (Ростов, Тула, Суздаль, Устюг Великий, Углич, Симбирск, Вятка, Нижний Новгород)¹⁵⁵. Приводимые им сведения, очевидно, далеко не полны¹⁵⁶.

В дальнейшем в историографии преобладают работы, посвященные отдельным центрам ремесла и торговли¹⁵⁷. Среди них заслуживает быть отмеченной работа Д.И. Тверской о Москве, содержащая специальный раздел о составе московского населения, в котором, несмотря на отсутствие в распоряжении исследователя статистического материала, показывающего рост населения Москвы в XVII в., автору удалось привести ценные сведения о формировании ремесленного и торгового населения столицы (для этого использованы материалы, связанные с сыском закладчиков в 1637 г., переписи лиц, снимавших жилые помещения 1666 и 1672 гг., опись московского Китай-города 1695 г. и т.п.), об интенсивности и формах иммиграции в город XVII в.¹⁵⁸ А.В. Демкиным на основании таможенных и крепостных книг и сказок купечества во время I ревизии составлен список торговых фамилий верхневолжских городов XVII – начала XVIII в. с указанием количества торговых людей и количества поколений их¹⁵⁹.

Начиная с 20–30-х годов в историографии появился ряд забот о ремесленном, промысловом и торговом населении деревни – К.В. Базилевича, М.Н. Тихомирова, в послевоенное время – Н.Б. Голиковой, Л.Л. Муравьевой. Наиболее интенсивно тема неземледельческих занятий крестьянства разработана относительно северо-востока России – Урала и Сибирского региона – трудами А.А. Преображенского, А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова, О.Н. Вилкова, П.Н. Павлова, В.А. Оборина¹⁶⁰.

Проблема миграций для России XVI–XVII вв. приобрела в историографии особо актуальный характер. В ее постановке и решении ярко проявилась связь демографических и экономических процессов. Если на предыдущем этапе причины миграций тяготели главным образом к области внешних факторов, то теперь на первый план выдвигаются экономические причины: усиление феодальной эксплуатации. Это относится как к "ближним" миграциям (сюда причисляются и крестьянские переходы), обеспечивавшим процесс внутренней колонизации, так и к переселениям на дальние территории: несомненна связь усиления эксплуатации в Центре и на Севере Русского государства с массовыми миграционными процессами, в результате которых происходила колонизация и хозяйственное освоение Юго-Востока и Юга, Дона, Нижнего Поволжья и Заволжья, Урала и Сибири.

Если к середине XVI в. основная масса населения была сосредоточена в Центре и на западе Европейской части лесной зоны страны, а также немного в европейской лесостепи, то "в XVI–XVIII вв. русскими и украинцами, а частично и другими народами была заселена лесостепная зона

Европейской России и начато заселение степной зоны Европейской России и Предкавказья, было заселено Приуралье, началась также русская колонизация Сибири, причем в XVI–XVII вв. и в первой половине XVIII в. заселялась только лесная зона, а во второй половине XVIII в. началось освоение Сибирской лесостепи", – такой виделась общая картина миграции Яцунскому, еще в 1965 г. поставившему задачу выяснить соотношение в процессе заселения роли двух факторов – притока населения из старых в колонизовавшиеся районы и его высокого естественного прироста на колонизируемых окраинах¹⁶¹. Такая постановка вопроса возможна, естественно, только начиная с XVIII в. Для более раннего времени исследователям приходится ограничиваться более скромными задачами и искать косвенные ответы на вопросы, связанные с характеристикой миграционных процессов и их последствий.

Внимание к направлению миграционных потоков проявил еще Милюков. Он отмечает быстрые успехи после покорения Казани русской колонизации в камском бассейне, открывающие "широкую дорогу в Сибирь", по всему течению Волги, на юг от тульской линии¹⁶² (возникновение городов Орловской губернии, Воронежа, Белгорода), заселение Полтавщины украинским населением с начала XVII в., юга Курской губернии и всей Харьковской в 1650–1680-х годах, продвижение в Заволжье с северо-запада Самарской губернии на юг и восток, начиная с эпохи Петра I¹⁶³. Миграциям населения из Центра во второй половине XVI в. много внимания уделили Готье и Рожков. Последний считал, что население Центра и Западного Полесья в течение века постепенно и неуклонно слабела, "причем особенно сильный отлив населения из этих областей на Север, в Поднепровье и главным образом в Степь и Прикамье наблюдается с семидесятых годов XVI века"¹⁶⁴.

В отношении заселения Сибири уже среди представителей дореволюционной историографии оказалось много приверженцев концепции "вольно-народного" характера этого процесса. О народной колонизации писали А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, П.М. Головачев и др. Все они рассматривали переселения в Сибирь прежде всего как результат крепостнического гнета в Европейской России. Государственное начало, деятельность правительства как ведущую силу в колонизации Сибири видел А.М. Гневушев, отдававший одновременно должное и вольнонародной колонизации. Мысль о переплетении правительственной и вольнонародной колонизации Сибири отразилась в трудах Е.Е. Замысловского, М.К. Любавского. Позднее эта концепция получила широкое распространение: она присутствует у Н.В. Устюгова, В.Т. Мирзоева, А.А. Кондрашенкова, А.Д. Колесникова, Н.Ф. Емельянова, Н.И. Никитина и др.

В советской историографии первым к истории русского заселения Сибири феодального периода еще в 20-х годах обратился Бахрушин, главный вклад которого – исследование времени, путей и масштабов промыслового освоения Сибирского края и его прогрессивности и для русских, и для местных народов¹⁶⁵. Важнейший шаг в изучении заселения Сибири был сделан В.И. Шунковым, показавшим решающую роль в ее истории устремившихся туда крестьянских масс, основной причиной

переселения и последующих миграций которых было усиление феодально-крепостнического гнета в Европейской части страны. Шунков доказал неразрывность связи развития земледелия в Сибири XVII в. с русской колонизацией края, первый этап которой он датирует с конца XVI по начало XVIII в. "Распространение русского земледения по Сибири, – пишет Шунков, – прошло в необычайно короткие сроки. В последнее десятилетие XVI в. и первые годы XVII в. начали распахиваться земли в районе Пелыма, Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска. В начале 40-х годов XVII в. пахали пашню в прибрежной полосе реки Лены под стенами Якутского острога"¹⁶⁶.

Историография заселения Урала и Сибири чрезвычайно обширна, и даже простое перечисление всех вышедших трудов невозможно¹⁶⁷. Подчеркнем некоторые принципиальные моменты. Изучая проникновение русского населения на Енисей, В.А. Александров датирует начало этого процесса концом XVI в. и считает, что до 1630-х годов "вольная" народная колонизация побуждалась промысловым предпринимательством, а усиление переселенческого движения относит к 40-м годам XVII в. Им же поставлена проблема внутрисибирских миграций – передвижения енисейских крестьян на восток и в южные районы края¹⁶⁸.

Для историко-демографических аспектов проблемы миграции особый интерес представляют труды А.А. Преображенского. Уже в первой своей работе 50-х годов, посвященной колонизации Западного Урала, автор не только определяет причины, но и показывает направления и темпы переселения крестьян Северного Поморья в XVII в. в Сылвенско-Иренское поречье, превращавшееся в черносошный Кунгурский уезд сначала – усилиями правительства, колонизирующего новый район (кунгурская "селитьба" беглых крестьян 1648–1651 гг.). Точно определяя места выхода беглых, автор устанавливает, что родиной первых жителей Кунгурского уезда является преимущественно Поморье, раскрывает наглядную картину сползания поморского населения из пограничных уездов на юго-восток, создания своеобразной перевалочной базы в Чердынском и Соликамском уездах, а позже и в самом Кунгурском уезде. К концу XVII в. автор показывает скопление в Кунгурском уезде множества беглых (также в основном из Поморья)¹⁶⁹.

В монографии об Урале и Западной Сибири конца XVI – начала XVIII в. Преображенский рассматривает миграции в эти регионы как единый процесс. Принципиальное значение имеет проведенное автором четкое размежевание сфер русской колонизации: Урал и Сибирь, заселяемые начиная с середины XVII в. преимущественно путем стихийной народной колонизации, пополнялись людьми (черносошными крестьянами) из суровых районов Поморья, а на территории южных уездов – в Поволжье и на Дон – стихийно шли беглецы и из центральной полосы России (крепостные светских и духовных феодалов). Географическая избирательность вольных переселенческих потоков несомненна¹⁷⁰. Автор наряду с бегством исследует легальный отход крестьян Поморья, внутрирегиональные миграции, рассматривает миграционные явления (направления и темпы расселения) в зависимости от эволюции форм ренты в этих районах, уделяет специальное внимание миграции "гулящих людей", фор-

мирующих слой "почти постоянного населения из гулящих, остающихся вне посадских и крестьянских общин", размещающихся не только в городах, но и сельской местности (этих людей в основном также составляло Поморье)¹⁷¹.

Во всех трудах, посвященных заселению Сибири и Урала, внимание концентрируется на трех группах вопросов. Первая касается характера колонизации (правительственная, вольнонародная при переплетении той и другой), вклада в освоение Сибири различных социальных групп (крестьянства, "военно-служивого элемента")¹⁷². Вторая группа вопросов относится к выяснению исходных территорий миграционных потоков. Н.А. Миненко в историографическом обзоре справедливо признает, что изложенная выше схема размежевания миграционных потоков, выстроенная Преображенским еще в начале 70-х годов, остается в силе – источников о местах выхода и социальном происхождении переселенцев, которые могли бы поколебать эту схему о роли Поморья в заселении Сибири до конца XVII в., пока не обнаружено¹⁷³. Третья группа вопросов – стимулы миграции (они тесно связаны с социальным составом переселенцев), как для мигрантов из европейской части страны, так и для внутрисибирских миграций XVII в. Исследователи единодушно видят в движении в Сибирь стремление уйти от усиления феодальной эксплуатации (те же факторы действовали и при внутренних сибирских миграциях)¹⁷⁴. В то же время вольная народная форма колонизации конца XVI–XVII в. некоторыми исследователями связывается с развитием буржуазных отношений в поморской деревне¹⁷⁵.

Миграциям крестьянства русского Севера посвящена серия работ П.А. Колесникова, изучившего миграционные процессы, начиная с XVI в. на территории всех поморских уездов¹⁷⁶. Колесников изучил "дворовую пустоту" (по сотным выписям с писцовых книг, начиная с конца XV в. и на протяжении XVI в. и по переписным книгам с 40-х годов XVII в.) как показатель миграции и ее разнообразные причины (смерть главы семьи, обнищание, переход в посад или другие сословия, разорение в результате правительственной мобилизации на работы или в армию), направление миграции (в целом – восточное, до конца XVII в.) по группам: I. Передвижение внутри "волости – уезда"; за пределы уезда (ушли в соседние поморские уезды, "сошли" в "Сибирские города", "сошли" в Замосковные и другие уезды, "сошли" и "съехали" безвестно); II. Выбытие за пределы уезда в результате правительственной мобилизации (в том числе в С.-Петербург, а также в другие места, взяты в армию).

Подсчеты проведены на конец XVII – начало XVIII в. по 16 уездам (как можно понять, сведены вместе данные, имеющие полувековой разброс – с 1678 по 1726 г.). Количество крестьян, мигрирующих в пределах своего уезда, в целом составило 29,4% (меньше в северо-восточных уездах Поморья – 20,7%, больше в северо-западных и центральных – 34,9 и 36,8%). За пределы Поморья, как уже отмечалось, в целом за 1678–1710 гг. по подсчетам Колесникова мигрировало 19% всего тяглого сельского мужского населения, учтенного в 1678 г. (с учетом городских мигрантов эта цифра значительно увеличится)¹⁷⁷. Им же рассмотрены сезонные миграции работных людей (по материалам тотемских тамо-

женных книг, регистрировавших в XVII в. ежегодно за навигационный период от 7 до 16 тыс. северных бурлаков и других работных людей, прибывавших в Тотьму и Устюг Великий для найма на суда). По мнению Колесникова, ежегодная потребность Центрального Поморья в наемной рабочей силе выражалась в 20–30 тыс. человек м.п.¹⁷⁸

По Уральскому региону в 80-х годах сводная работа выполнена В.А. Обориным, учитывающим все формы колонизации с XI по начало XVIII в.¹⁷⁹ Автор отмечает резкое возрастание числа переселенцев в Приуралье в первой четверти XVII в. (в 6 раз по сравнению с последней четвертью XVI в.), а также в Зауралье (вдвое меньше, чем в Приуралье). Основное место выхода мигрантов – Центральное Поморье.

Своеобразный итог изменениям демографической ситуации в Сибири XVII в. подведен А.Д. Колесниковым. Отмечая, что в первый период освоения края (в конце XVI – начале XVII в.) в Сибирь прибывали преимущественно одинокие мужчины, вследствие чего создавалась диспропорция полов и как результат – пониженный естественный прирост населения, усугубляемый тяжелыми условиями жизни первопоселенцев, автор считает, что к концу XVII в. такой диспропорции в районах сосредоточения русского населения уже нет: "Стала действовать закономерность, сформулированная В.К. Яцунским о преимуществах жизни колонизируемых районов и более высоком в них уровне естественного прироста"¹⁸⁰. Автор задается вопросом, как и при каких обстоятельствах наступил перелом в демографической ситуации в Сибири, и приходит к выводу, что перелом наступил в начале второй половины XVII в., когда дало результаты развившееся здесь хлебопашество, вступили в жизнь вторые и третьи поколения русских в Сибири, увеличился приток семейных переселенцев и устранилась диспропорция полов. Уже в конце XVII в. естественный прирост здесь был выше, чем в целом по стране (окладная книга 1697 г. и данные переписей 1708–1710 гг. фиксируют наличие многодетных семей – от 3,6 до 4,2 детей обоюбого пола на каждую семью) и нормальное соотношение полов¹⁸¹.

Изучение заселения и освоения юга России в советской историографии было начато в 30-х годах и продолжено в 40-х годах трудами А.А. Новосельского и Л.В. Черепнина¹⁸². В 60-х годах эта тема исследовалась В.В. Покшишевским, рассчитавшим общие объемы миграций в лесостепные и степные районы Русской равнины и рост ее заселения в XVI–XIX вв.¹⁸³ Основной поток мигрантов на юг состоял, по мнению Новосельского, из беглых крестьян (по крайней мере до 20-х годов XVII в.). Такого же мнения придерживался М.Н. Тихомиров, признававший, однако, что и "правительственная колонизация имела громадное значение"¹⁸⁴. В конце 60-х годов появился ряд работ В.П. Загоровского по заселению южной окраины, в которых намечена периодизация заселения с конца XVI в. до начала XVII в. и доказывается "приоритет вольной, народной колонизации многих районов "поля" перед правительственной и помещичьей"¹⁸⁵.

Существует (правда, менее значительная) историография миграционных процессов на юго-востоке государства – в Среднем и Нижнем Поволжье¹⁸⁶.

Несколько слов о районах старого заселения. Исследователь сельского расселения XV–XVII в. А.Я. Дегтярев считает, что на северо-западе России от новгородских времен к середине XVI в. произошло общее повышение степени подвижности населения. К росту числа крестьянских переходов на Новгородчине, после ее присоединения к Москве, привело создание массы небольших помещичьих хозяйств. Таковую же картину автор фиксирует для Тверского уезда (писцовая книга 1580 г. – 333 перехода на 2217 крестьян, большинство их них – 188 – "вывозы")¹⁸⁷.

Знаменательно, что изучение крестьянских переходов тех же 70–80-х годов по данным топо- и антропонимики (в Порховском уезде Шелонской пятины) с точным выяснением причин ухода или перехода крестьян приводит Н.Н. Масленникову к следующим важным выводам. Несмотря на большое количество переходов, они в большинстве случаев (особенно в благополучные в экономическом отношении годы) совершаются в пределах уезда, а нередко и погоста, т.е. переходы происходили в небольшом радиусе от деревни – родины. Во дворе, из которого совершался переход, оставался отец или брат, "значит, эти переходы говорят больше о стабильности, постоянстве крестьянского населения на его родине, чем о мобилизации"¹⁸⁸.

Отметим также, что исследователям истории холопства XVI–XVII вв. удалось уловить усиление притока выходцев из центральных районов страны в северные в 20-х годах XVI в. (и одиночек, и целых семей), а также представить себе относительные масштабы бегства кабальных людей во второй половине XVI в. Судя по новгородским записным книгам старых крепостей, при перерегистрации 1598 г. на 963 служилые кабалы приходилось 297 записей о бегстве кабальных людей (30,8% к общему количеству перерегистрированных служилых кабал)¹⁸⁹.

Почти все приведенные выше материалы о масштабах механического движения населения носят весьма ненадежный характер. Водарский, отмечая отсутствие суммарных данных о размерах бегства крестьян и перевода их на новые земли в XVII в., расплывчатость бытующих в историографии выражений "массовые побегии" и "массовые переводы", предлагает новый подход к решению проблемы: использовать для определения приблизительного притока или оттока населения в определенном уезде или районе, при сравнении итогов наличного его количества на две даты (в описываемом автором варианте – на 1678 г. и на I ревизию), данный уровень естественного прироста. В результате автору (осуществившему специальное районирование России XVII в.) удалось установить, что в освоенных районах население увеличилось на 20%, а в заселяемых – на 72%. Приблизительная численность мигрантов за 40 лет определена в 350 тыс. человек м.п.¹⁹⁰ Водарский отдельно рассматривает процессы заселения Черноземного центра юга России, Среднего Поволжья и Сибири (в основном уже в первой четверти XVIII в.) и динамику численности населения в районах выхода¹⁹¹.

Итак, для XVI–XVII вв. источники представляют возможность изучать не только направления, но и интенсивность миграционных потоков, ставить вопросы о социально-экономических и социально-психологических последствиях миграций как для мигрантов, так и для окружающего

населения, а для конца XVII в. получать убедительно обоснованные количественные показатели миграции.

Перспективным представляется изучение пока не привлечшего внимания исследователей (исключение — давняя работа Готье) процесса восстановления временно запустевших поселений в районах старого заселения Русского государства после 20-х годов XVII в. Создается впечатление, что уже накоплен достаточный материал для обобщающей работы о миграции сельского населения в город, о демографической взаимосвязи города и деревни в XVII в.

§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения

Почти вся отечественная историография, затрагивающая проблемы семьи XVI—XVII вв., обращалась к последней прежде всего для выяснения ее численности и состава домохозяйственных групп, в состав которых входила семья. А одной из главных конечных целей изучения крестьянской (да и городской) семьи, ее структурно-численного состава и типологических форм являлось стремление в конечном счете получить представление о ее рабочих ресурсах. В основе такого подхода лежит интерес в первую очередь к социально-экономической истории общества.

Так, именно для определения числа людей на двор Чечулин выяснял для города по переписным книгам XVII в. число детей мужского пола на 1 тыс. взрослых мужчин¹⁹². В советской историографии еще в 50-х годах был поставлен вопрос о среднем числе семей на городской двор XVI в. в зависимости от состоятельности¹⁹³.

Писцовые книги по Нижнему Новгороду и Балахне 1674—1676 гг., упоминающие всех жителей мужского пола, позволили М.Г. Рабиновичу представить довольно полную характеристику городской семьи второй половины XVII в., типичной, по мнению автора, для провинциальных городов Центральной России. Судя по Балахне, больше населены оказываются дворы "лучших" посадских людей — 9 мужчин на двор, меньше "молодших" — 3,8. Видимо, причина, как считает автор, в подворном обложении, в результате которого во дворе селились две или более семей¹⁹⁴. На один двор приходилось 1,27 семьи. Больше всего семей из двух поколений (69,5%), а у посадских их даже 71,8%. Много (22,5%) однопоколенных бездетных семей (в основном за счет бобылей). Трехпоколенных семей — 7,8% (почти все — у тяглых посадских людей). Семья посадского из двух поколений имела в среднем 3—4 детей о.п. (1 или 2 сына у 76% семей). Подавляющее число сыновей — до 15 лет, но много и старших (21,1%), в том числе женатых (4,3%). Особенно много сыновей старше 15 лет у посадских с тяжелым ремеслом, в частности "кирпичиков" (с ними оставалось 32% сыновей). Семья из трех поколений состояла не более чем из 10 человек. Среди сыновей преобладали женатые.

Автор делает вывод, что в конце XVII в. у посадских людей Балахны господствовала малая семья. Неразделенные братские семьи встречаются

редко и "каждый раз в связи с каким-то общим занятием — торговлей или гончарным производством". Такую же в целом картину автор обнаруживает в Нижнем Новгороде, в г. Орлове и Нижнем Усолье.

Переписная книга г. Устюжны Железнопольской 1713 г., в которой описывается полностью вся семья — мужчины и женщины, позволяет Рабиновичу проверить сделанные выводы: оказалось, что "семья устюжан первой четверти XVIII в. дает ту же картину, что и семья балахнинцев в третьей четверти XVII в." Господствовала малая семья из двух поколений¹⁹⁵. В типичной двухпоколенной семье здесь оказывается в среднем 5 человек: родители и 2, 3 — 5 детей, сыновей несколько больше, чем дочерей (1,2 и 1,1 на семью). Кроме того, на 303 семьи приходилось 42 брата, 21 сестра, 25 невесток, 21 племянник, 23 племянницы и 36 снох хозяина.

К сожалению, существующие источники не дают возможности представить семью феодалов, живущих в городе. Можно только отметить, что семьи феодалов нередко бывали многодетными, а боярский двор с многочисленной дворней — это целый город. Семья дворника, постоянно жившего в городском дворе феодала, не отличалась от семьи посадского человека¹⁹⁶.

Обратимся к крестьянской семье. Ее историография, по сравнению с историографией крестьянского двора, гораздо более скупа. Указания писцов на родственные отношения людей во дворах (если их там более одного) достаточно редки. В связи с этим возможность "заглянуть внутрь двора" — большая удача для исследователя деревни XVI в. Проведя такой анализ для двинских волостей с середины XVI в. до 20-х годов XVII в., Копанев установил полное господство там малой семьи — муж, жена и неженатые дети (в XVI в. — 82—90%). Отцовские семьи составляли 91%, братские — 8,5, сложные — 0,5%¹⁹⁷. Для начала XVII в. Копаневым приведены данные по Пинеге и Мезени (почти 3 тыс. семей Подвинья), полностью подтверждающие сделанные ранее выводы. Отцовская семья господствовала (87%), на долю братской приходилось 11%, на долю сложных — около 0,5% (среди последних были и складнические). Братские семьи путем разделов переходили в семьи отцовского типа.

Сравнивая среднюю населенность двора для русского Севера первой четверти XVII в. (по П.А. Колесникову: 6,25; 6,75; 6,8; 7,5; 7,75 человек) и конца XVII в. (по Я.Е. Водарскому и Е.Н. Баклановой — 7 человек), Копанев делает вывод, что за столетие крестьянский двор в отношении населенности изменился незначительно. По описям Золотицкой волости 1670 г., а также по двинским переписным книгам Терпилова стана 1678 г. и веревной книге 1690 г. вотчины Архангелогородского монастыря Копанев фиксирует общее преобладание мужчин над женщинами и высокую рождаемость мальчиков. Обычное явление — 3, 4 и до 7 сыновей в семье. Последняя вотчина свидетельствует о возрастании числа людей о.п. на двор к 1690 г. до 10 человек (в 1678 г. — 6,5 человек). Увеличение численности двора, видимо, ускорилось в последние два десятилетия¹⁹⁸.

Водарский для проникновения в состав крестьянской семьи XVI в. использовал Долговую книгу Иосифо-Волоколамского монастыря 1532 г., в которой должники записаны с членами своей семьи. Среди них (записей

всего 598) оказывается большая доля семей с малолетними сыновьями и без детей (63%)¹⁹⁹.

В.Д. Назаров и Ю.А. Тихонов обратились к данным отказных, отдельных и отписных книг Поместного приказа 10—40-х годов XVII в. Авторы считают, что при показателе 2—2,5 м.д. в среднем на один крестьянский двор в этих книгах фиксировалось женатое и холостое мужское население дворов (брачного возраста или близкое к нему), такой способ фиксации характерен для 20—30-х годов (имения в Коломенском, Ростовском, Ярославском уездах). При показателе 2,6 м.д. на 1 двор и выше фиксировались и подростки — уже в 30-х годах, а широко распространился этот способ в 40-е годы (например, Нижегородский уезд). Состав семьи определяется авторами на основании наблюдений над 36 имениями. Не менее 75—90% составляли прежде всего трехпоколенные, а также двухпоколенные семьи с прямым нисходящим родством. Кроме сыновей, в этих семьях часто встречаются зятья, женатые пасынки, приемыши, племянники. Братских семей меньше, они в основном двухпоколенные (наиболее типичная семья, в которой старший брат — дворохозяин, младшие же неженаты или женаты, но еще не имеют детей). Есть семьи, связанные родством по свойству и женской линии. В Галичском и Костромском уездах авторы отмечают семьи бобыльских и задворных людей, не связанные родством с крестьянином-дворохозяином. На основании этих данных авторы делают вывод, что в среднем крестьянский двор имел не менее двух взрослых мужчин-работников²⁰⁰.

Исследовавшие типы крестьянских семей в Шелонской пятине 20—70-х годов XVII в. В.М. Воробьев и А.Я. Дегтярев отмечают по переписи 1646 г. наличие большого массива неразделенных семей [отцовских, двух- и трехпоколенных (78,6%), отцовских с неродственниками (3,8%), братских и усеченных братских (14,5%), братских с неродственниками (0,9%)²⁰¹].

Наиболее детальные наблюдения над материалом переписных книг (1678 и 1717 гг.) о структуре и численности крестьянской семьи принадлежат Е.Н. Швейковской (для нее также главная цель — выяснение хозяйственно-производственных возможностей: "выявить работоспособных жителей двора", а уже во-вторых — "дать демографическую характеристику населения")²⁰². Материал переписи 1717 г., перечисляющей не только мужское, но и женское население, с возрастным показателем, обязательным для всех возрастов, и отражающей в целом неблагоприятную демографическую ситуацию, порождаемую Северной войной, обработан автором по 1064 семьям, составляющим 54,8% от общего числа дворов западной части Вологодского уезда (Кубенской трети), отдельно для помещичьих и монастырских крестьян.

Мужчины в условиях общей убыли населения с 1678 г. на 50% численно преобладали в обеих категориях крестьян (у монастырских крестьян — на 1000 мужчин 904 женщины, у помещичьих — 849). Главные причины убыли мужского населения с 1710 по 1717 г.: смертность (36%), мобилизация в солдаты и на работы (27,4%) и бегство (16,1%); женского: смертность (53,5%), скитальчество (20,7%) и бегство (15%). Мобилизация превалировала над скитальчеством, на 1000 выбывших мужчин приходилось 564 женщины. Приводимые автором таблицы половозрастного

состава населения на 1717 г. убеждают в том, что у обеих категорий крестьян 44% составляло молодое население в возрасте до 20 лет, в детском возрасте смертность среди девочек была больше, чем среди мальчиков. К 16-летнему возрасту наблюдается явное преобладание мальчиков, в возрастной группе 16—50 лет заметно больше женщин, от 50 лет и старше вновь преобладают мужчины. Причины такой половозрастной структуры населения автор видит в государственных мероприятиях (Северная война и строительство новой столицы)²⁰³.

Общее число детей в семьях редко превышало 6 человек (от 7 до 11 детей лишь у 2% семей). Наиболее распространены семьи с 1—3 детьми (у монастырских крестьян — 71,8%, у помещичьих — 67,7%, у первых было больше молодых семей). В возрасте до 5 лет соотношение мальчиков и девочек одинаковое. Далее общее число детей уменьшается, и на 100 мальчиков в возрасте 11—15 лет у монастырских крестьян оказывается 75 девочек, а у помещичьих — 63. На этом основании автор имеет возможность сделать вывод о более высокой детской смертности у помещичьих крестьян и более высокой детской смертности девочек у тех и других. В активном брачном возрасте (16—20 лет) женщины преобладали и у монастырских, и у помещичьих крестьян. Автор прослеживает распределение по возрастам трудоспособного населения (наименее благоприятная демографическая ситуация в этом отношении оказывается у помещичьих крестьян — пониженное число мужчин наиболее активного трудового возраста от 21 до 40 лет)²⁰⁴.

Швейковской рассмотрен и структурно-поколенный состав вологодских крестьянских семей, которые автор делит на две группы: сложившиеся по принципу ("А") прямого (71% в 1678 г., 56,9% в 1717 г.) и ("Б") бокового (соответственно 29% и 43,1%) родства. В группе "А" преобладают семьи из супругов с малолетними и неженатыми детьми (44,3% в 1678 г. и 33,6% в 1717 г.) — чаще всего с родителями живет один женатый сын, т.е. бытует выдел взрослых сыновей. В группе "Б" преобладают ведущие семьи из двух, реже трех женатых братьев с их неженатыми детьми. В 1678 г. наиболее распространены одно- и двухпоколенные семьи (85%), а в 1717 г. — двух- и трехпоколенные (91,4%), преобладают и в первом и во втором случаях двухпоколенные семьи (64,5 и 67,5%) (то же и в семьях бокового родства). Более сложным был структурно-поколенный состав семей помещичьих крестьян.

В целом автор пришла к выводу, что у вологодских крестьян преобладала малая семья (в последней четверти XVII в. — 80,3%, в первой четверти XVIII в. — 54,5%), главным образом индивидуальная семья супругов с неженатыми детьми. Неразделенная семья существовала в пределах трех поколений (в основном из двух-трех женатых братьев с детьми, именно братские семьи составляли половину неразделенных семей)²⁰⁵.

Такое внимание к анализу половозрастного и структурно-поколенного состава семьи у крестьян разной владельческой принадлежности для конца XVII — начала XVIII в. до сих пор остается в нашей историографии большой редкостью. Мы можем назвать только еще две работы такого рода, появившиеся в последнее 15-летие и принадлежащие О.Б. Кох²⁰⁶.

Автор обработала материалы переписи 1710 г. по 24 волостям Двинского уезда по методике, применяемой Швейковской. Кроме групп "А" и "Б", ею выделена группа "В" — дворы с населением, не связанным родственными отношениями, и дворы со сложными разнофамильными группами. Господствующим типом семьи в Подвинье оказывается малая отцовская — супруги и неженатые дети (39,9%), далее следуют отцовские семьи со взрослыми детьми (25,1%). В группе "Б" значительную долю составляют братские семьи (16,5%) (братьев обычно двое). Автор делает вывод об идущем процессе упрощения родственных отношений в рамках семьи, отмирании "широко разветвленной линии родства".

Кох поднимает еще одну важную тему, внимание к которой встречается только в дореволюционной историографии по Северу²⁰⁷, — речь идет о возрасте вступления в брак. У чернососных крестьян в возрасте 11—17 (для девушек), 13—17 (для юношей) лет вступало в брак только 17—20%. Остальные 80% — в возрасте 18 лет и старше, т.е. ранние браки для чернососных крестьян не характерны. При этом 25% составляли пары, равные по возрасту, обычно муж старше жены (65%, в том числе на 5 лет — 44%). Только в 10% случаев жена старше мужа. Вдовых дворов оказывается 1%, количество вторых браков — 7,2%. Касается автор и вопроса об уровне рождаемости: приводит таблицу средней численности детей на супружескую пару пяти волостей Двинского уезда начала XVIII в. [расчет по семи группам материнского возраста, начиная с 1) 16—20 лет; далее: 2) 21—25; 3) 26—30; 4) 31—40; 5) 41—50; 6) 51—60; 7) 61 год и старше]. В 1—3-й группах число детей от 1 до 3, но не более 5 (1-я группа очень незначительна — 7,7 %, еще одно свидетельство нераспространенности ранних браков), много бездетных пар (большая смертность детей в раннем возрасте); в 4—5-й группах повышение числа детей до 7, понижается число бездетных пар, в 4-й группе много семей с 2—3 детьми, удельный вес 4—5-й групп в сумме больше 45%; в 6—7-й группах (удельный вес их 9,1 и 3,6%) минимальное количество бездетных пар, много семей с 3 детьми, число детей нередко доходит до 5. Общая картина преобладания на супружескую пару не более трех детей объясняется высокой детской смертностью, а значит "сменяемостью детского состава" (в возрасте до 5 лет насчитывается 1293 ребенка, от 6 до 10 — 706, а от 10 до 15 — 415 детей)²⁰⁸.

Типичность для русского Севера выявленных Швейковской особенностей структуры (и численности) семей крестьянского двора Вологодчины подтверждаются масштабными наблюдениями П.А. Колесникова. На основании Ландратской переписи 1715—1718 гг. им изучен половозрастной состав населения Вологодского, Важского уездов и ряда других поморских территорий. Колесников выявляет большой разрыв в численности мужчин и женщин в возрасте 15—20 лет (порядка 11—16%), т.е. резкое нарушение необходимой пропорции половозрастного состава населения (особенно в Устьянских волостях), низкий удельный вес трудоспособного населения, небольшое число людей старших возрастов (после 60 лет — всего 6,6%)²⁰⁹.

Обобщающая характеристика типов семьи в среде земледельческого населения Сибири XVII — начала XVIII в. дана И.В. Власовой. На первом

этапе заселения семьи русских сибиряков оказываются по своему составу весьма разнообразными: в Сибирь не всегда вывозилась вся семья, чаще — разные родственники. Прежний состав семей, по наблюдениям разных исследователей, восстанавливался в Сибири в редких случаях. Неразделенные семьи возникали из хозяйственных соображений путем подселения родственников, вывезенных из России. Отсюда к началу XVIII в. — значительное количество неразделенных, главным образом братских, семей (а часто и с родством по боковой линии), с возросшим числом мужчин на двор (с 20-х годов XVII в. с 1,5 до 2,4 мужчины на семью).

Судя по писцовым книгам, господствующей формой семьи западносибирских районов во второй половине была малая семья, в основном двухпоколенная. В Восточной Сибири к концу XVII — началу XVIII в. большинство семей также малые (родители — дети). На долю неразделенных приходилась четвертая часть (отцовских: родители, дети, внуки и братьев)

Все накопленные данные о структуре семей в Русском государстве XVI—XVII вв. обобщены в трудах Александрова, разработавшего типологию русской крестьянской семьи в эпоху феодализма²¹¹.

Несколько слов о семьях холопов. Некоторое впечатление о них можно получить из духовных грамот, сообщающих, например, о вольноотпущенниках (среди которых преобладали женщины) и составе их семей для второй половины XV и XVI в.²¹² Такие же сведения Панях извлекает из кабальных книг первой половины XVII в. (в подавляющем большинстве случаев похолопляемые одной служилой кабалой группы людей состояли из членов одной семьи: обычно это муж и жена, реже мать с сыном или дочерью, еще реже отец с сыном или дочерью). Автор считает, что сравнительно молодой возраст людей, дававших на себя служилые кабалы, и небольшое число детей у них "открывали перед холоповладельцами заманчивую перспективу увеличения числа кабальных холопов в результате естественного прироста"²¹³.

Семейно-брачные отношения XVI—XVII вв. во всем их комплексе историографии не имеют. Наибольший интерес традиционно вызывали имущественно-правовые аспекты семейно-брачных отношений. Вслед за М.Ф. Владимирским-Будановым, для которого весь период XIV—XVII вв. с точки зрения имущественных отношений между супругами характеризуется "общностью имущества" мужа и жены²¹⁴, по этому поводу высказался Н.Н. Дебольский, считавший, что до времени Петра I не существовало на практике ограничения "дееспособности по полу" — "гражданская сделка и замужней женщины была действительна"²¹⁵. Эти же вопросы поднимались С.В. Юшковым, а сравнительно недавно А.Г. Маньковым и В.А. Александровым²¹⁶. Рассматривая имущественные права членов семей феодалов и расширение их указами первой половины XVII в. и Соборным уложением 1649 г., историография отмечает получение женами и детьми права совладения с мужьями и отцами купленными землями, получение вдовами права на четвертую часть движимого имущества мужа, а женами — право на приданое, как движимое, так и недвижимое. За ними утверждались и права на вотчины, доставшиеся им

по наследству от родственников или полученные ими в виде дара на их имя²¹⁷.

Сообщая о том, что по Соборному уложению 1649 г. предписывалось при отсутствии у вотчинника детей (сыновей или дочерей) вотчины "отдавать в род, кто ближе того роду вотчичем" (в 1676 г. наследование боковых родственников было расширено по линии дядьев и братьев до четвертого колена), Александров высказывает предположение, что тем самым государственная власть отражала имущественно-правовую связь между родственниками, состав которых соответствовал "возможной структуре неразделенной семьи". Однако семейный строй феодального класса определяла малая семья²¹⁸.

Ряд имущественно-правовых вопросов крестьянских семей Севера поднят в дореволюционных исследованиях М.М. Богословского, А.Я. Ефименко, М. Островской²¹⁹. Имущественные права примаков в крестьянских семьях и взаимные обязательства мужа и жены в этих случаях рассмотрены Александровым²²⁰.

По мнению М.Г. Рабиновича, брачный возраст в России со временем повышался. Если церковные правила XVI в. предписывали сына женить по исполнении 15, а дочь — 12 лет, то Соборное уложение 1649 г. предполагает, что девушка должна быть выдана замуж во всяком случае до 15 лет, даже если она сирота (в таком случае ее выдавали замуж опекуны). Рабинович обращает внимание на довольно частое упоминание в переписных книгах XVII в. сравнительно высоковозрастных неженатых сыновей, живших с родителями, в том числе в городе (в Балахне пятая часть живших с родителями сыновей была в возрасте 15—20 лет и старше). На этом основании он высказывает предположение, что, "может быть, у посадских людей брачный возраст мужчин был несколько выше, чем у служилых людей и крестьян"²²¹. Однако, по-видимому, более массовые конкретные исследования вопроса, по крайней мере в отношении крестьянства, могут дать сходные показатели (вспомним черносошных крестьян Двинского уезда в начале XVIII в., о которых шла речь в исследовании Кох, — 80% брачующихся 18 лет и старше).

Церковь в XVII в. не позволяла браки в шестом и даже в седьмом колене свойства, а также кумовства и крестного братства, не говоря уже о родственниках. Совершенный по ошибке такой брак подлежал расторжению, а поп — годовому "смирению"²²². Третий брак в XVI—XVII вв. признавался, а дети от четвертого считались незаконными. Развод в XVI—XVII вв. был очень ограничен, и при нем, по мнению Рабиновича, усугубилась дискриминация женщины. Он разрешался полюбовно, но один из супругов должен был постричься в монахи (при этом заключалась грамота и жена получала обратно свое приданое и часть нажитого имущества). Согласно Котошихину муж имел право отправить жену в монастырь в случае ее бесплодия, а также требовать и добиваться развода в случае обмана (на смотринах или при составлении брачной записи показывали или записывали одну невесту, а фактически выдавали замуж другую)²²³.

В общей форме вопрос о специфике закономерностей воспроизводства населения на третьей стадии развития феодализма поставлен в работе

М.С. Авербуха. Применительно к России речь у него идет о периоде преобладания денежной ренты и ее комбинированной формы, под которой автор имеет в виду барщину, ориентированную на рынок (по мнению автора, она получила распространение в России уже в XVII в.). Автор отмечает характерные черты периода — рост городского трудящегося населения, условия воспроизводства которого имели значительные отличия, и дифференциацию крестьянства, состоящего из разных социальных групп, — эти черты необходимо учитывать, рассматривая условия воспроизводства трудящегося населения. По мнению Авербуха, третья стадия феодализма отличается сравнительно высокими темпами воспроизводства населения, увеличивающимися к концу периода — в XVIII в. (прирост населения в целом по Европе за 1500—1700 гг. по 0,2% в год, а за 1700—1800 гг. — по 0,6% в год). Особенно высокие темпы прироста населения автор обнаруживает в тех странах, в которых быстрее развивались капиталистические отношения. Более быстрый рост населения на третьей стадии феодализма Авербух в какой-то мере связывает с некоторым понижением смертности в городах, хотя в целом делает вывод, что в эпоху феодализма "городское население, как правило, увеличивалось не за счет естественного прироста, а за счет притока людей из деревни".

Исследователь приводит для Москвы данные "ведомостей о числе родившихся и умерших", согласно которым в 1703 и 1704 гг. детская смертность составляла соответственно 67 и 70% всех смертных случаев. При этом в 1703 г. "абсолютное число смертных случаев более чем на две тысячи превышало число рождений"²²⁴. Общий рост населения на третьей стадии происходил за счет повышения рождаемости в деревне: "Рождаемость была немного выше, а смертность несколько ниже их средних уровней для всей эпохи феодализма в целом, а прирост населения значительно выше". Таким образом, третья стадия "явилась самой благоприятной для прироста населения"²²⁵. Образование в России на этой стадии относительно избыточного населения за счет крестьянства Авербух трактует как косвенный результат развития товарно-денежных отношений: "Из срединных районов крепостничества бежавшие крестьяне направлялись в основном в города, а из окраинных областей феодального мира крестьяне направлялись на "свободные" еще земли"²²⁶.

Оценивая результаты перемещений больших масс населения вследствие миграций на юг Русского государства во второй половине XVI в., Б.Ц. Урланис (считавший, что так называемый "кризис XVI в." в области населения главным образом в этих миграционных процессах и выразился) пришел к выводу, что никакого падения населения не было: "Более уместно говорить только о небольшом приросте населения во вторую половину XVI в.", повышению которого эти миграции и помешали"²²⁷.

На более или менее реальную почву расчеты естественного прироста населения России поставлены только исследованиями Водарского применительно уже к более позднему времени — XVIII в. Исчисленный им среднегодовой темп прироста за 1678—1719 гг. равен примерно 0,67%. Учтя снижение среднегодового прироста населения в период Северной войны (с 36 до 26 тыс. человек), Водарский считает, что влияние войны и

реформ Петра на численность населения страны выразилось только в потере части естественного прироста страны²²⁸.

Исследователи естественного воспроизводства населения в XVI—XVII вв., к сожалению, лишь в редких случаях могут попытаться ответить на вопрос о конкретном воздействии государственной политики на эти процессы. Пожалуй, с точки зрения проблем естественного воспроизводства при изучении проблем народонаселения больше других повезло проблеме расселения и миграций. Историкам четче всего удалось проследить воздействие правительственной политики в области государственного тягла на формирование сельского расселения во всем государстве²²⁹.

Первым к выявлению пертурбационных факторов XVI—XVII вв. обратился С.М. Соловьев³³⁰. Вслед за ним исследователи единодушно признают первую половину XVI в. довольно спокойной в отношении эпидемий²³¹. Летописи упоминают для первой половины XVI в. всего 6 голодных лет. За вторую половину века их отмечено уже 11, а для первой половины XVII в. — 12 и столько же — 12 — для второй. Кроме того, на XVI в. приходится 8, а на XVII в. — 6 засух. Для XVII в. 13 раз упомянуто высокое и очень высокое половодье²³².

Эпидемии XVI в. в основном охватывали запад страны: 1506—1508 гг. — чума в Новгороде и Пскове (в Новгороде погибло 15 тыс. человек); 1521 г. — эпидемия в Пскове и Москве, в 1533 г. — оспа в Новгороде (гибнет 1 тыс. человек), в 1552—1553 гг. в Новгороде, Смоленске, Пскове свирепствует инфекция, унесшая в последнем 25 тыс., то же — в 1566 г. (Полоцк, Великие Луки, Торопец, Смоленск) и 1567—1568 гг. (Новгород, Старая Руса, Псков, Великие Луки)²³³. Для XVII в. отмечают тяжелейшую эпидемию чумы — в 1654 г., поразившую 35 городов Центра (48 тыс. погибших в Казани и 100 тыс. — в Москве).

Упомянутые выше исследователи определяют смертность от чумы в разных городах в 30—85%, количество погибших — более половины всего населения центральных уездов²³⁴. Однако такой подход оспаривается Б.Ц. Урланисом и М.С. Авербухом. Оба считают, что такие высокие цифры (гибель от четверти до половины населения) относятся только к городу — рассаднику инфекций, процент же гибели сельского населения, которому при натуральности хозяйства легко было изолироваться от города на длительный срок, был значительно ниже. При малом удельном весе городского населения это должно было давать для страны в целом значительно более низкий общий процент смертности (примерно 1/7—1/8 населения).

Для сельского населения, по мнению Авербуха, большую опасность представляли эпизоотии, приводившие к голоду и гибели людей²³⁵. Возможность возникновения чумных эпидемий связывается М.С. Авербухом с незахоронением трупов во время крупных военных действий (трупный яд проникает в почву и далее в колодцы и реки). Связь эпидемий с длительными войнами доказывается рядом примеров (1467 г. — чума, в результате осады Новгорода, унесла 48 тыс. человек, а чума, появившаяся при осаде Петром I Риги, Невеля и Нарвы, унесла в Риге 60 тыс. человек, в Польше — 100 тыс., в Курляндии — 200 тыс.)²³⁶.

В XVI в. забота светских властей во время эпидемии о более тща-

тельном погребении умерших, изоляции пораженных улиц и территорий, организации карантинных застав на дорогах (например, в Пскове в 1552 г. или в этом же году в Можайске, чтобы не допустить заразу в Москву) становится обычным явлением. В Новгороде в 1578 г. умерших от эпидемий хоронили в 6-ти верстах от городов, а священникам, переносившим заразу из дома в дом, под страхом смерти запретили отпевать погибших. При появлении эпидемии на места, для определения меры опасности, отправлялись полномочные лица. В XVII в. существовало убеждение (недавно научно подтвержденное) о переносе болезни по воздуху ("по ветру"), поэтому помещения окуривали дымом, вымораживали, одежду больных сжигали, стирали и т.п., еду больным подавали в окна, через огонь. Окна в не пораженных болезнью помещениях замазывали²³⁷. В XVII в. представители церкви также предпринимали уже не только религиозные (молитвы), но и светские меры борьбы с болезнями²³⁸.

К 1581 г. относится появление в Москве первой официальной аптеки, вскоре аптеки стали продавать лекарства всем желающим²³⁹. Еще столетия тому назад считалось, что именно в XVI в. на Руси стали появляться переводные лечебники и травники, а количество списков их в XVII в. так увеличилось, что до наших дней сохранилось их более сотни²⁴⁰. Позже — в 70-х годах — стало известно о таких переводах с латинского и польского уже в конце XV в. Переводчики не ограничивались переводом и использовали древнерусские медицинские традиции — устные и письменные²⁴¹.

О потерях населения от войн в XVI в. (в этом столетии редкий год без военных действий) сведений мало. Наиболее надежные данные, по мнению Б.Ц. Урланиса, относятся к осаде Пскова в 1581—1582 гг., когда осажденные за один бой потеряли 633 человек убитыми и 1626 ранеными, а осаждавшие войска Батория — более 5 тыс. только убитыми. 6 тыс. русских воинов погибли в 1578 г. при осаде Вендена. Число убитых в войнах в Восточной Европе в XVII в., по предположению Урланиса, равно примерно 150 тыс. человек (вместе с Западной Европой — 950 тыс.)²⁴².

Большие потери крестьянства (да и господствующего класса) во множестве восстаний, начиная со времени Бориса Годунова, неоднократно отмечаются в исторической литературе²⁴³. Много людей в России, так же как и в других феодальных странах, страдало от церковных преследований инакомыслящих, что также повышало смертность населения. Эти потери с трудом поддаются учету²⁴⁴.

Как уже отмечалось, численность населения русских городов XVI в. была очень неустойчива, так как именно города были особенно подвержены эпидемиям, они же становились главными жертвами войн и набегов²⁴⁵. На эти обстоятельства обращает внимание С.В. Бахрушин, отмечая, что набег Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. (С.Б. Веселовский сравнивает этот набег по разрушительности с нашествием Тохтамыша в 1382 г. и набегом Едигея в 1409 г.) снес с лица земли Коломну, Каширу, Муром²⁴⁶.

Очень часто страдали русские города от пожаров: в Нижнем Новгороде в начале XVII в. от двух пожаров сгорело 1013 дворов и разбилось 830 семей²⁴⁷. Пожары для деревянных строений городов и сел всегда были

на Руси огромным бедствием. На возведение сгоревших построек постоянно требовались большие затраты. Значительный ущерб приносили дворам также весенние наводнения²⁴⁸.

В заключение рассмотрения вопроса об экстремальных обстоятельствах, влиявших на воспроизводство населения, вернемся к периоду, вызывающему в жизни Русского государства наибольшее внимание историографии с точки зрения судеб населения. О разорении конца XVI — начала XVII в. в историографии написано много. К сказанному нами ранее добавим, что, по мнению Готье, моментом наибольшего хозяйственного упадка Замосковского края следует считать последние годы второго десятилетия XVII в. Однако, отмечая огромную убыль "сельского тяглого населения и самих дворян", Готье считает, что погибло "небольшое сравнительно число исчезнувших в тяжелые годы жителей", вероятнее предположить, "что население, бежавшее из своих сел и деревень, не уходило далеко от брошенного, часто сожженного или разрушенного дворища, а скрывалось в лесах... Кризис начала века не столько уничтожил, сколько распугал население", в то же время он фиксирует исчезновение в конечном счете большого числа мелких дворян, имевшее последствием "значительные изменения в составе помещиков и вотчинников уезда"²⁴⁹.

Об экономическом кризисе, "развевавшем население", пишет и С.Ф. Платонов, акцентируя внимание на убыли современного Ивану Грозному боярства (в начале XVII в. остались, по словам В.О. Ключевского, представители только 11 больших боярских фамилий). "Остальная знать бежала или вымирала и разорялась, словом, исчезала с вершин московского общества"²⁵⁰.

В последнее время поэтапно, по десятилетиям рассмотрела демографические аспекты экономического кризиса в Центре Русского государства конца XVI в. Е.И. Колычева. Придавая важное значение масштабам "лихого поветрия", обрушившегося на все центральные уезды в 1570—1571 гг. (и сопровождавшегося голодом), Колычева считает, что именно вызванное им резкое единовременное сокращение численности населения (за счет стариков, детей и глав семей) и нормального его воспроизводства привело к тому, что нарастание экономического кризиса "на какой-то период стало необратимым", а неблагоприятные демографические факторы продолжали сказываться и в 80-е годы²⁵¹.

А.Я. Дегтярев, рассматривая эволюцию расселения по всем новгородским пятинам и на русском Севере в последней трети XVI — начале XVII в., считает, что во время голода и мора 1570—1571 гг. некоторые пятины (например, Бежецкая) потеряла 2/5 своего населения, в последующие два десятилетия численность крестьян несколько возросла (за 1584—1600 гг. прирост населения составил тут около 20%), однако далее последовали голод и мор 1601—1603 гг., польско-шведская интервенция, — в результате "степень нового потрясения, видимо, превысила размеры разрухи 70—80-х годов XVI в.". Аналогичная картина вырисовывается и по другим новгородским пятинам. Время медленного оживления хозяйства пятин — 20-е годы XVII в.²⁵² Некоторые центральные уезды, например, Тверской, не вышел из запустения и в первой трети XVII в.

(здесь в первые полтора десятилетия XVII в. решающим фактором разорения явилась иностранная интервенция)²⁵³.

Таким образом, историография последних лет одну из причин экономического кризиса конца XVI — начала XVII в. усматривает в нарушении демографического равновесия, имеющем в условиях замкнутости натурального хозяйства долговременные последствия.

Рассматривавший не менее экстремальную ситуацию конца XVII — начала XVIII в., сложившуюся на русском Севере, П.А. Колесников выделяет несколько групп основных причин запустения дворов. В первой и наиболее многочисленной (35,8% случаев из более чем 18 тыс. учетных дворов) основной причиной является смерть главы семьи. Хозяйственная неустойчивость значительной части крестьянских хозяйств в то время была так велика, что "достаточно было смерти главы семьи, чтобы за этим следовали заклад, продажа, а то и просто забрасывание земельных угодий, обнищание, уход из родных мест"²⁵⁴.

Итак, всякая локальная демографическая ситуация, создающаяся в том или ином относительно небольшом районе, экономика которого базируется на натуральном типе хозяйствования, со свойственной ему замкнутостью, могла иметь решающее значение для его дальнейших судеб. Отсюда вытекает необходимость локальных исследований судеб населения, каждого крестьянского двора во всех тех случаях, когда источники XVI—XVII вв. представляют возможность для сравнения ситуаций, хронологически отстоящих друг от друга на несколько лет (прежде всего имеются в виду подворные описания монастырских и светских хозяйств). Одновременно заслуживают внимания попытки выяснить для отдельных регионов типичную формулу соотношения площади земли и проживающего на ней населения применительно к разным столетиям — XVI и XVII вв. Безусловно перспективной представляется работа по выявлению особенностей воспроизводства населения у разных социальных слоев населения, становящаяся реальной по крайней мере на материале конца XVII в. По-видимому, шире может быть поставлена работа по выявлению форм родственных ассоциаций, как в деревне, так и в городе, начало которой положено изучением типов и форм семьи и структуры домохозяйств. Взаимосвязь демографической эволюции городов с их топографическим развитием, миграции в город, возрастной состав жителей городов, — вопросы, пока только обозначенные в нашей литературе. Наконец, изучение на богатом материале литературных и религиозных памятников XVI, а особенно XVII в. представлений о семье, браке, сексуальной морали, детях и их месте в жизни семьи, отдельного человека, — вот тот круг вопросов, который до сих пор не разрабатывается историками.

* * *

Историко-демографический аспект источниковедения XVI—XVII вв. представлен гораздо более значительным кругом исследований, чем для более раннего времени, прежде всего в силу того, что круг источников, из которых можно извлечь данные о населении, для XVI—XVII вв. многократно увеличился. Писцовые книги (собственно писцовые, приправочные, дозорные, сотные выписи), переписные книги, отказные и описные кни-

ги — все эти материалы писцового делопроизводства содержат сведения о крестьянских и городских дворах и населении в них, требующие внимательнейшего источниковедческого анализа.

Сведения о численности населения в писцовых материалах — одни из важнейших и в то же время наиболее трудные для научной обработки. Только в 1644—1646 гг. вопрос о численности населения становится основным вопросом переписи. Поэтому, строго говоря, лишь переписные книги, относящиеся к середине XVII — началу XVIII в., можно впрямую называть демографическим источником, хотя и далеко не совершенным (включено только тяглое население, отсутствуют неподатные и обедневшие слои, как правило, нет сведений о женском населении). Писцовые и переписные материалы, кроме данных о численности населения, содержат (в разной степени) сведения о типах ремесленных и торговых занятий, о судьбах семей отдельных крестьян и посадских людей, о передвижениях и миграциях населения (в том числе о бегстве посадских людей и крестьян) и т.п.

Население двора, его состав фиксировался в некоторых описных книгах по XVII в., благодаря чему эти источники, содержащие и другие данные о крестьянском хозяйстве, позволяют соотнести демографические и хозяйственные ресурсы крестьянских дворов и семей. (Эти книги, как и отказные, относятся к числу наименее опубликованных и изученных.)

Еще один комплекс материалов, служащий историко-демографическим целям, — разрядные книги, в числе которых особое место занимают десятки (именные военно-учетные списки дворян и детей боярских), сохранившиеся по 87 городам за 1577—1682 гг. и содержащие сведения о численности городского дворянства. В последнее время привлекли внимание как источник по численности и сословному составу городского населения сметные росписи 10—20-х годов XVII в., включенные в подлинные "годовые" разрядные книги. Данные о социальной структуре высшего слоя феодалов, о количественном изменении его состава в XVI—XVII вв. содержатся в боярских книгах и списках, мужская линия генеалогии боярских и княжеских родов — в родословных книгах. Ценные сведения о перемещениях, миграциях крестьянства содержат материалы сыска беглых крестьян (об исходных точках побега и направлениях бегства, о занятиях в бегах и численности семей беглых).

Особый массив источниковедческих наблюдений вызывали и вызывают важнейшие для изучения крестьянского населения Украины, Белоруссии и Литвы XVI—XVII вв. источники — уставы, инвентари и ревизии (перепись княжеских и боярских крестьян и их земель, сведения о городах и деревнях, количестве хозяйств в них и т.д.).

Разумеется, сведения о населении XVI—XVII вв. содержатся и в других видах источников, актовых, законодательных, литературных, публицистических и т.п.

Сосредоточимся на источниковедческих и методических подходах исследователей лишь к тем источникам, в которых заключены наиболее массовые и комплексные данные о населении, тем более что, как правило, до сих пор только они и привлекают внимание.

Начнем с писцовых книг. Поскольку писцовые книги с конца XV и до

конца первой трети XVII в. отмечали исключительно владельцев тяглых дворов (или в лучшем случае взрослое мужское население такого двора), в первую очередь перед исследователями встал вопрос о достоверности цифровых данных писцовых книг. Чечулин в конце 80-х годов XIX в. был первым, кто счел нужным внести поправочный коэффициент при определении числа городских жителей. Критика достоверности писцовых книг Лаппо-Данилевским и Милоковым сводилась к негативной оценке внешней стороны приемов и принципов их составления (намеренный обман писцов со стороны населения, их неграмотность, лень, неодинаковые правила регистрации населения и т.п.). Рожков, напротив, признавал числовые данные писцовых книг (в том числе о количестве населения) вполне достоверными и пользовался ими, сгруппировав в многочисленных таблицах. Поскольку целый ряд полученных им таким образом выводов противоречил друг другу, дальнейшим исследователям это послужило сигналом к еще более пристальному вниманию к цифровым данным писцовых книг. Готье пишет об условности сведений писцовых книг о землях и населении (прежде всего потому, что они не дают представления о количестве беглых), Веселовский внес в данное исследование методику проверки данных писцовых книг данными других источников, Смирнов настаивает на предпочтительном использовании итогов каждого описания, так как количество ошибок, допущенных переписчиками в основных текстах книг, значительно больше, чем в изложении итогов. Учитывая население городов по числу посадских тяглецов, Смирнов игнорировал жителей белых слобод, в писцовые книги, как правило, не попадавших²⁵⁵.

В 30-х годах к оценке писцовых книг в буржуазной историографии обратился Г.Е. Кочин. В учебных и методических пособиях, появившихся в 40—60-х годах, М.Н. Тихомиров и А.Ц. Мерзон указывали на ценность этого источника²⁵⁶. Отмечая приблизительность итогов статистической его обработки, Тихомиров писал, что и они "все-таки приближают" к истине²⁵⁷.

Следующий этап разработки методики исследования писцовых книг связан с созданием коллективом историков Ленинграда "Аграрной истории Северо-Запада России"²⁵⁸. Особенно много внимания уделил им Г.В. Абрамович²⁵⁹. Автор приходит к убедительно аргументированным выводам, что погрешности в писцовых книгах, составленных до 60-х годов XVI в., незначительны и источник этот вполне достоверен. Книги 70-х годов требуют корректировки при помощи обыскных и дозорных книг и другой смежной документации, что же касается книг 80-х годов — их нельзя считать достоверным источником по экономической истории. Однако это заключение Абрамович, судя по всему, относит к определению соотношения живущей и пустующей пашни, что же касается данных о количестве рабочего населения в поместьях и вотчинах, то они сомнений у автора как будто не вызывают, хотя он тут же упоминает, что были "крестьяне и бобыли, не внесенные в писцовые книги", но активно участвовавшие в обработке пустошной земли (т.е. не дворохозяева)²⁶⁰.

Предпринимая сплошную обработку всех сохранившихся писцовых книг конца XV — начала XVII в., авторы "Аграрной истории Северо-Запада

России" уделили очень много внимания изучению их достоверности (отдельно для каждой пятины) и создали систему проверки их данных данными сопутствующей по времени документации — обыскных, отдельных, дозорных книг, отписок губных старост, росписей о взыскании оброка за распашку и косьбу государевых пустошей²⁶¹.

Для выявления утайки в писцовых книгах части тяглого населения, по-видимому, наиболее целесообразно сравнение их с разрубными списками, осуществлявшими внутренний учет налогоплательщиков особенно тщательно, с тем чтобы никто не мог "избыть" тягла²⁶². Решение проблемы населенности двора писцовых книг, метод использования данных писцовых книг для демографической характеристики системы поселений как Северо-Западной Руси XVI в., так и шире — русской деревни XV—XVII вв., — разработка всех этих вопросов так или иначе связана с созданием на основе писцовых книг аграрной истории Северо-Западного региона России²⁶³.

Заслуживает внимания также метод выявления плацдарма древнейшего заселения на материале Северо-Запада путем сопоставления данных древнейших новгородских писцовых книг о крупных сельских поселениях конца XV — начала XVI в. с расположением массивов курганных могильников, а также возможности, которые представляет внимательное отношение к системе расселения для корректного решения вопроса о том, естественный прирост населения лежит в основе повышения дворности поселений или лишь деление ранее многосемейных дворов²⁶⁴.

В непосредственной связи с отмеченными выше исследованиями Осьминского о населенности новгородского двора (предложившего при определении средней населенности двора учитывать количество семей в нем, добавляя на каждую следующую после первой 2,5 души) появилась принципиально важная статья Водарского, проверившего правильность расчета Осьминского анализом изменения средней населенности двора XVI—XVII вв. при помощи Долговой книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1532 г., в которой записывался не только должник, но и члены его семьи. Автор выявил 598 записей, соответствующих 598 дворам (неразделенные семьи считаются за одну — в данном случае важно число мужчин во дворе) и получил результат 1,59 взрослых мужчин на семью. Это дает основание Водарскому считать расчет Осьминского (1,5 мужчин в рабочем возрасте соответствует 6,25 человек о.п.) лишь немногом завышенным — Водарский принимает округленно для XVI в. 6 человек о.п.²⁶⁵

На материале последовательных писцовых описаний одной и той же территории — Порховского уезда Шелонской пятины — за конец XV в., 1539, 1576, 1584—1585 гг. построено ценное исследование Н.Н. Масленниковой о крестьянских переходах по данным топо- и антропониими. Куда уходили крестьяне, какие слои были наиболее подвижны, насколько стабильным было крестьянское население к середине XVI в., что являлось стимулом для переходов, наконец, какое население было более подвижно в годы хозяйственного кризиса (в 1576 и 1580-х годах) — дворцовое или поместное? Ответы на эти вопросы автор находит учтя только по писцовым книгам 1539 и 1576 гг. 7 тыс. крестьянских имен. Кроме

картотеки деревень, Масленниковой были использованы списки имен крестьян в двух алфавитных порядках: один — по именам, а второй — по именам отцов²⁶⁶.

Импульс, данный изучению разных социальных слоев населения по писцовым книгам, продолжает действовать. Различные писцовые книги, "взятые в последовательной связи", использованы Г.А. Победимовой в качестве источника по генеалогии служилого сословия XVI в., что позволило ей выявить в Деревской пятине рядовых служилых людей, чьи имена не упоминаются ни в каких других источниках²⁶⁷. Писцовые книги 20-х годов XVII в. (в ретроспекции) в совокупности с Тысячной книгой 1550 г., Дворовой тетрадью 50-х годов XVI в. и актовым материалом успешно использованы Н.К. Фоминым для реконструкции состава землевладельцев Суздальского уезда XV–XVI вв. Автор делает вывод, что опричнина не изменила социальную структуру землевладельцев этого уезда: на протяжении всего XVI в. около 50% всех фамилий в уезде относятся к верхнему слою дворянства²⁶⁸. Писцовые, платежные, отдельные, обыскные книги конца XV–XVI вв. и переписные книги 1647–1648 гг. послужили А.М. Шабановой основой для изучения движения населения юга Обонежья в конце XV – первой половине XVII в. Выделяя два периода в истории освоения края и создания системы расселения (XV – середина XVI в., вторая половина XVI – середина XVII в.), автор приходит к выводу, что к 30–40-м годам XVII в. юг Обонежья начал медленно выходить из кризиса, но к середине XVII в. "налицо лишь первые признаки возрождения"²⁶⁹.

В последнее десятилетие увидела свет монография трех авторов – Л.В. Милова, М.Б. Булгакова, И.М. Гарсковой, – в которой разработаны основные источниковедческие аспекты изучения писцовых книг 20–40-х годов XVII в.²⁷⁰ На основе сплошного изучения фонда этих писцовых книг авторы впервые в историографии предложили их классификацию. Выделив три основных типа писцовых книг, различающиеся степенью достоверности и полнотой их фактического материала, исследователи основное внимание уделили так называемому "оптимальному варианту", который сохранился примерно по 20 уездам страны. Авторы пришли к выводу, что все писцовые книги 20–40-х годов XVII в. реально воплотили реформу писцового дела, заменившую поземельный принцип государственного налогообложения поместно-вотчинных и монастырских владений на подворногрупповой, отразившийся во введении так называемой "живущей", или дворовой чети (четверти). Став основной единицей налогообложения, "живущая четь" отныне включала в себя лишь определенное количество крестьянских и бобыльских дворов. Причем число и соотношение в "живущей чети" дворов определялось теперь правительством на основе предварительно посылаемых писцами с мест в Москву списков крестьянских и бобыльских дворов. Авторы считают, что при установлении числа дворов обеих категорий писцы исходили не из формального наличия дворов, а из реальной численности тяглосьпособного населения. Поэтому показатель количества крестьянских и бобыльских дворов в этом источнике является наиболее достоверным, хотя и весьма обобщенным косвенным показателем уровня развития населенности в разных районах страны.

Показатель числа "людей" во дворах авторы, как и все другие исследователи, считают менее надежным, хотя и не отвергают его, используя суммарные данные о числе "людей" в крестьянских и бобыльских дворах в целом. Для авторов не является принципиально важным непременно уточнение того, занесены писцами в разряд "людей" во дворах лишь главы семейств или более широкий круг тяглецов (что встречается в источниках значительно чаще). Самым существенным моментом для авторов является постоянство в соблюдении одного и того же принципа фиксации числа "людей" в рамках целого уезда. Если, скажем, в каком-либо уезде в писцовые книги включались тяглоспособные главы малых семей (которых в одном дворе могло быть и по одной, и по две, и т.д.), то этот показатель, не являясь абсолютно точным критерием численности населения, тем не менее вполне корректен как относительный показатель, так как он отражает некий ряд абсолютных величин, измененных на одну и ту же единицу²⁷¹. В качестве такого он и включается авторами в общую систему отобранных ими других относительных показателей для проведения корреляционного, регрессионного и факторного анализа. В итоге исследователи получают в целом корректные показатели сопряженности и взаимосвязи населенности крестьянских и бобыльских дворов с обеспеченностью их регулярной пашней или сенокосом, взаимосвязи изменений в населенности и соответствующих им колебаний размеров перелога и т.п. Таким образом, авторы достигают эффекта выявления механизма глубинных социально-экономических процессов и влияния на них фактора населенности. В этом заключена новизна и плодотворность избранной авторами методики работы с источником.

Другим интересным моментом методики работы с писцовыми книгами, имеющим непосредственное отношение к демографическим процессам, является в исследованиях трех авторов реконструкция потенций динамизма, заложенного в системности взаимосвязей разных сторон аграрной структуры поместно-вотчинного сектора. Опираясь на линейную модель взаимосвязей, авторы с помощью коэффициента регрессии вскрывают "механизм" этих взаимосвязей.

В частности, по материалам матрицы Воротынского уезда ими получен для связи признака № 3 (число крестьянских дворов) и признака № 6 (населенность "людьми" владения) в группе поместий коэффициент регрессии 0,20, отражающий зависимость числа дворов от населенности их "людьми", и коэффициент регрессии 2,5, отражающий зависимость населенности "людьми" от числа крестьянских дворов. В данных коэффициентах раскрывается "скорость" изменения одного признака с ростом другого на единицу. Так, увеличение количества крестьянских дворов на 1 приводит к увеличению населенности владения "людьми" в среднем на 2,5 человека, а увеличение населенности "людьми" на 1 человека – к увеличению числа крестьянских дворов в среднем на 0,2 двора. Аналогичные исследования по группе вотчин уезда дают следующее: здесь увеличение количества крестьянских дворов на 1 приводит к росту населенности вотчины "людьми" в среднем на 2,9 человека, а увеличение населенности на 1 человека – к росту числа крестьянских дворов в среднем на 0,22 двора²⁷².

Рост числа крестьянских дворов в вотчинах уезда приводит к более быстрому росту населенности "людьми", чем в поместьях. Перед нами пример методики, с помощью которой можно вскрыть глубинные механизмы демографических процессов в ходе восстановления хозяйства 20–40-х годов XVII в.

Источниковедческим вопросам соотношения "живущей чети" и "живущей выти" писцовых книг 20–40-х годов XVII в. посвящена специальная статья А.Л. Шапиро. Выделяя разные типы писцовых книг 1620-х годов, автор подчеркивает необходимость учитывать не только существенные различия разных типов писцовых книг, но и особенности разных книг одного и того же типа. Что же касается объектов описания, то обычно более точными, по мнению Шапиро, являются данные об общей численности дворов, менее точными – данные о соотношении крестьянских и бобыльских дворов (число бобыльских завышено, а крестьянских занижено). Кроме того, в 20-х годах иногда учитывают только глав семейств, а иногда всех взрослых мужчин, как и позже, в переписных книгах 40-х годов. Отмечая различия по уездам, городам и даже в пределах одной книги количества дворов, положенных в "живущую четь" и "живущую выть", Шапиро считает, что все эти различия "легко вскрыты на основании самих писцовых книг и другой писцовой документации"²⁷³.

В 80-х годах, как уже отмечалось, подвергся обработке еще один источник по 10–20-м годам XVII в., дающий демографическую информацию, – включенные в подлинные "годовые" разрядные книги сметные росписи гарнизонов, учитывавшие по годам боеспособных мужчин, вооруженных огнестрельным или холодным оружием. В отличие от современных им писцовых материалов они учитывали мужское население непосредственно, а не по дворам (за 7124–7127 гг. по 135–145 городам, а за 7133–7138 гг. – свыше чем по 150 городам)²⁷⁴. Автор (В.Д. Назаров) показывает доброкачественность источников, лежавших в основе гарнизонных росписей "городовых" разрядных подлинников (главным образом воеводские сметные списки – первичная по характеру приказная документация). В принципе боеспособные лица фиксировались по одной программе, реализация же ее оказывалась многовариантной. Автор считает, что гарнизонные росписи охватывали от 25–35 до 40–45% всего мужского населения в различных городах. Всего он вычленяет цифровые данные о посадских людях для 71 из 105 упомянутых в росписях городов и показывает плодотворность установления численности посадского населения в 20–30-х годах путем "последовательного привлечения данных как писцовых книг, так и гарнизонных росписей... тщательного их взаимного сопоставления и анализа".

Источник позволяет определить эволюцию разных групп городского населения, содержит сведения о казенных ремесленниках, жителях дворцовых слобод, о незакрепощенных слоях посадского населения, о населении церковных слобод и дворов, родственниках и зависимых людях у приборных служилых лиц и у посадских тяглецов и т.п. В целом сметные росписи "позволяют достаточно достоверно судить о численности городского населения (точнее, его мужской части), его социально-классовой структуре, проследить (притом довольно подробно, в отдельных случаях

за годом год) изменения как численности, так и социального статуса горожан"²⁷⁵.

Обратившись в 1969 г. к оценке достоверности итогов переписных книг XVII в., Водарский справедливо отметил, что специальных работ источниковедческого плана об этих важнейших источниках практически не имеется²⁷⁶. Рассматривая переписи 1646 и 1678 гг. вкуче, автор отвечает на три вопроса: какие группы населения переписывали, какой процент населения уклонялся от переписи, можно ли пользоваться итоговыми поездными подсчетами писцов? Водарский устанавливает, что в 1646 г. кроме тяглого населения (регистрация которого и была задачей переписи) ей подлежали и холопы, если они занимали крестьянские и бобыльские дворы. Заносились в книги и дворы нетяглых категорий населения (владельческие, церковнослужителей, нищих и т.п.), но в итоге они не попадали: "Итог писцы подводили обычно только крестьянским и бобыльским дворам и их населению". В 1678 г. писцы переписывали крестьянские, бобыльские дворы и дворы "задворных и деловых людей" – все они вошли в итоги (по тексту книг отмечались и дворы нетяглые).

Определив процент уклонившихся от переписи (по аналогии с I ревизией, сведения о которой приведены автором по расчетам В.М. Кабузана) в 25%, автор убедительно доказывает, что удельный вес ошибок писцов значительно снижается именно в крупных итогах (как правило, всего до нескольких процентов), а поездные итоги переписи 1678 г., известные нам по сводным источникам начала XVIII в. (а также по законодательным актам), "оказываются зачастую полнее итогов самих переписных книг". На основании этих наблюдений автор считает, что при выяснении численности населения крупных районов и всей страны в целом нет необходимости проверять подсчеты писцов. В то же время проверка итогов писцов непосредственно по переписным книгам при изучении отдельных селений, владений и частей уезда "совершенно обязательна"²⁷⁷.

Следующий важнейший шаг в деле изучения подворных переписей XVII в. – публикация их итогов по более поздним документам (для переписи 1646–1647 гг. это выпись Разрядного приказа 1663 г., для переписи 1678 г. – описания дворцовых владений и сметные списки конца XVII – начала XVIII в.), осуществленная в 1972 г. Л.Г. Бескровным, Я.Е. Водарским и В.М. Кабузаном. Введение, предпосланное публикации, содержит указания на все предшествующие подобные публикации сводных источников и итогов переписей XVII в. и ориентирует исследователей в достоинствах и недостатках этих источников, охватывающих почти все податное население середины и второй половины XVII в.²⁷⁸

Пользуясь итогами переписных книг и различными их сводками, Водарский в течение последней четверти века, значительно продвинув вперед изучение народонаселения XVII в. – его численности, социального состава, миграций и т.д., ликвидировал, насколько позволяют источники, множество белых пятен в представлениях историков о количественных характеристиках разных социальных слоев и групп населения, в чем мы уже неоднократно могли убедиться. С точки зрения источниковедческой разработки материала хочется выделить работу Водарского, посвященную крепостным крестьянам церковных организаций, с четким изложе-

нием методики исследования и ценнейшим Приложением – перечнем монастырей, пустынь и епархий, владевших крепостными дворами во второй половине XVII в., и картой размещения монастырей в России в конце XVII – начале XVIII в. Автор указывает на возможные дальнейшие направления исследований в разработке этого материала²⁷⁹.

Сравнительно недавно введены в научный оборот как источники по исторической демографии многочисленные материалы Поместного приказа (отказные, отдельные, раздельные, отписные, переписные по отдельным владениям, сыскные, отдаточные и другие книги).

Впервые в конце 60-х годов на большую ценность этих источников с точки зрения сведений о населении обратил внимание Ю.А. Тихонов, давший им развернутую характеристику применительно к Московскому уезду, а в 70-х годах использовавший их в своем исследовании о помещичьих крестьянах XVII – начала XVIII в.²⁸⁰ В статье В.Д. Назарова и Ю.А. Тихонова о помещичьем имении в России первой половины XVII в. проведен источниковедческий анализ книг поместно-вотчинных дел (главным образом отписных) с описаниями 278 имений центральных уездов, содержащих демографические показатели²⁸¹. Тихонов отмечает постепенное увеличение в течение столетия внимания составителей книг к более точной переписи сельского населения (к началу XVIII в. фиксирование и мужчин и женщин с указанием возраста становится правилом, приводятся итоговые данные о количестве душ и количестве дворов по переписи), подчеркивает плодотворность изучения отписных и отказных книг в комплексе с писцовыми, переписными и дозорными книгами на соответствующие владения.

В ряде книг, кроме перечисленных крестьян, их сыновей и дочерей, родственников и свойственников, фиксировались изменения вследствие бегства, вывоза в другие имения, перехода крестьян в соседние деревни, выдела крестьянских сыновей. Присутствуют данные о заселении пустых дворов, о происхождении крестьян, их национальности, о проживании в одном дворе нескольких крестьянских семей, а также бобылей, захребетников, соседей и подсоседников, нищих, иногда отмечается год побега крестьян и места их проживания в бегах, множество справок о переводах крестьян из уезда в уезд. При характеристике переписных книг, регистрирующих население отдельных имений, Тихонов показывает их значение для восполнения поуездных переписных книг. В упомянутой выше статье Назарова и Тихонова воссоздается комплексный демографический облик различных по своей хозяйственной структуре помещичьих имений (с разным количеством господских дворов)²⁸². Несомненно, все разновидности книг поместно-вотчинных дел еще далеко не исчерпаны для изучения социальной стратификации деревни и семьи.

Еще один важный источник, содержащий данные для демографических характеристик, – документы сыскных комиссий. Этому источнику много внимания уделено А.А. Новосельский²⁸³. В 60-х годах к нему неоднократно обращались Л.Г. Заничева (Дубинская) и Е.А. Швецова²⁸⁴, а в 1969 г. ему посвятила источниковедческий очерк А.П. Гудзинская²⁸⁵. Большая часть документов сыскных комиссий второй половины XVII в. относится к сыску 60-х годов. Гудзинская рассматривает делопроизводство сыскных комиссий

(столбцы) и отдаточные книги, которые велись сыщиками. Особую ценность представляет составленный автором список всех обнаруженных на дату выхода статьи в фонде Поместного приказа столбцов сыских комиссий и отдаточных книг, не отмеченных в посвященной им статье Новосельского 1946 г.²⁸⁶ Главное внимание самого автора (как, впрочем, и в большинстве статей о беглых) привлекают вопросы их хозяйствования.

В последнее время появилось исследование по материалам сыска беглых крестьян, выполненное с применением методов многомерного статистического анализа²⁸⁷. Авторы применили факторный анализ к изучению протекающего во времени процесса – становления и развития экономического потенциала крестьянских хозяйств беглых крестьян. Обработка 203 описаний крестьянских дворов беглых крестьян (извлеченных из их "распросных" речей), пойманных в Алатырском и Арзамасском уездах главным образом в 1665–1666 гг., была проведена с учетом стажа беглой жизни (от года до полувека), соответственно которому выделено 13 групп хозяйств, сравниваемых по семи признакам, первый из которых – размер семьи (душ о.п.). Авторы приходят к выводу о стабильности в целом размера семьи для дворов любого возраста (межгрупповая вариация всего лишь 13% при средней арифметической в 5,53 души о.п., валовой коэффициент вариации – 46%, т.е. размер семьи вполне однороден). "Такая стабильность демографической составляющей обусловлена, видимо, постоянным воспроизводством поколений, половозрастным составом малой семьи на постоянном уровне, необходимым для функционирования крепостного хозяйства"²⁸⁸.

Особое место в историко-демографическом источниковедении занимают работы эстонского исследователя Х.Э. Палли, одного из создателей и организаторов этого направления, представляющего поисковую струю в его развитии. Ему принадлежит целый ряд работ, специально посвященных методике обработки демографических материалов Эстонии XIII–XVIII вв.²⁸⁹ Поскольку и в древнейшем источнике по истории Эстонии, позволяющем ставить вопрос о количестве населения, – Датской поземельной книге XIII в., – и в сохранившихся для XIV–XV вв. вакенбухах и отрывках из них основной показатель – количество гаков (в вакенбухах еще дворы и имена дворохозяев), постольку Палли одной из наиболее актуальных задач считает установление среднего количества жителей на один гак в разных районах до середины XVI в. Вторая половина XVI–XVII в. обеспечены источниками для исторической демографии значительно лучше (ревизии, проведенные Польшей, Швецией и Данией, в которых фиксировались не только имена дворохозяев и оценка его двора в гаках, но и количество трудоспособных мужчин в каждом крестьянском дворе, а иногда и нетрудоспособные мальчики до 15 лет и женщины; кроме того, увеличилось число сохранившихся вакенбухов, с 80-х годов XVII в. – планы мыз и деревень, карты и т.п. по обширному району Эстонии, списки населения, главным образом мужчин в возрасте 15–60 лет, данные о населении отдельных городов).

Пользуясь традиционным методом (определением среднего количества населения на гак и двор), исследователь устанавливает такую ориентировочную картину количественных изменений населения Эстонии: 1200 г. –

100–200 тыс. человек; 1550 г. – 250–280 тыс.; 1620–1640 гг. – 70–100 тыс.; 1695 г. – ок. 350 тыс.; 1698 г. – ок. 280 тыс.; 1782 г. – 480–490 тыс. человек²⁹⁰.

Новые возможности появляются с 60-х годов XVII в. – с этого времени в Эстонии велись церковные книги, на основании которых можно судить о рождаемости, смертности, возрастном, половом и социальном составе населения, возрасте вступающих в брак, фертильности (репродуктивной способности), миграциях и соотношении городского и сельского населения, правда главным образом для отдельных приходов²⁹¹.

Трудоемкость обработки материала метрических книг заставила Палли обратиться к механическим методам – помощи счетно-перфорационных (для них составлялись перфокарты) и электронных цифровых вычислительных машин (данные переносились на перфоленты). Автор обратился и к методу восстановления истории семей (ВИС), предложенному в 50-х годах французским демографом Л. Анри и историком-архивистом М. Флэри (очень трудоемкая операция, затрудненная на эстонском материале из-за бытования прозвищ). При этом на начальном этапе автором использовались только записи о крещениях, погребениях и вступлении в брак. В статье Палли приведен упрощенный алгоритм обработки данных церковных метрических книг и схема обработки на ЭВМ метрических записей в церковных книгах Эстонии²⁹².

За 1660–1710 гг. сохранились книги (включая отрывочно заполненные) в 31 из 102 сельских приходов Эстонии. Автор в своих исследованиях исходит из того, "что данных, взятых из 11 случайно выбранных приходов, более или менее достаточно для характеристики процессов по всей стране"²⁹³. По тем приходам, по которым проведена операция восстановления семей (Рыуге 1661–1696 гг., Карузе 1685–1800 гг.), Палли приводится наибольшее количество информации. (В силу трудоемкости этой операции автор рекомендует проводить ее только в тех случаях, когда сохранился материал за длительный отрезок времени – лучше 70–100 лет, но не менее 35, когда в нем нет значительных пропусков, а кроме метрических записей существуют другие поименные списки населения.) Палли подчеркивает, что им даны лишь общие контуры процессов естественного движения сельского населения Эстонии, выяснены лишь общие различия между приходом и регионами Эстонии. Подробное освещение этих проблем по отдельным приходом и регионам – дело будущего²⁹⁴.

Проследивая естественное движение сельского населения, автор пытается конкретизировать взаимозависимость демографических и экономических факторов, в частности, определить моменты появления отнесенного перенаселения в сельской местности Эстонии (конец XVII в.)²⁹⁵.

Методики, предложенные и освоенные Палли, имеют особое значение в свете того обстоятельства, что метрические записи по России, ведение которых спорадически началось в первом десятилетии XVIII в. до настоящего времени, как мы увидим далее, систематической обработке еще не подвергались.

Вызывает сожаление то обстоятельство, что применительно к XVI–

XVII вв. в историографии совсем не уделяется внимание методике обработки, с целью получения историко-демографической информации, нетрадиционных источников (литературные, публицистические, нравоучительные (Домострой!)²⁹⁶ произведения, памятники фольклора и т.п.). Весьма перспективными в этом отношении источниками являются недавно введенные в научный оборот А.И. Клибановым исповедальные книги²⁹⁷.

¹ К этому времени была известна только попытка немецкого географа и статистика И.Г. Шнитцлера (*Schnitzler J.H. L'empire des Tsars au point actuel de la science. Strasburg, 1862. Т. II. La population.*) Для XVI–XVII вв. он выстраивал такой ряд: 1462 г. – 6 млн, 1535 г. – 10, 1584 г. – 12, 1613 г. – 12, 1645 г. – 13, 1689 г. – 16 млн человек, не указывая приемов расчета.

² *Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. С. 117; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости: Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1. С. 142.*

³ *Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч. I: Население, экономический, государственный и сословный строй. 7-е изд. С. 25, 26, 27–29.* В 1678 г. в центре Московской губернии плотность оказывается 39,1 человек на кв. версту; на Юго-Западе (Киевская губ.) – 11,4; на Западе (Смоленская губ.) – 9,6; на Северо-Западе (Ингерманландская губ.) – 8,7; на Юге (Азовская губ.) – 4,5; Юго-Востоке (Казанская губ.) – 2,2; на Востоке (Сибирская губ.) – 1,8; на Севере (Архангельская губ.) – 1,1 человек на кв. версту (Там же. С. 31–32). Первоначально Милюков приводил совсем иные цифры для 1678 г.: 841,7 тыс. тяглых и нетяглых дворов × 6,98 человек (средняя населенность двора) = 6,570 тыс. душ (*Милюков П.Н. Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1892. С. 206.*)

⁴ *Довнар-Запольский М.В. История народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. С. 57.* Ко времени выхода этой работы были известны еще одни цифры – М.Г. Мэлхола (*Mulhall M.G. The Dictionary of Statistics. 4 ed. L., 1909: 1480 г. – 2,1 млн; 1580 г. – 4,3; 1680 г. – 12,6 млн человек.* Его данные были восприняты В.И. Покровским (см.: "Население" // Брокгауз, Ефрон. Энцикл. словарь. Т. 40. С. 631). Отметим также более ограниченные во времени наблюдения М.В. Ключкова, который считал, что, возможно, количество населения в 1710 г. сравнительно с 1678 г. не уменьшилось (*Ключков М.В. Население России при Петре Великом целиком по переписям того времени. СПб., 1911. Т. 1. С. 256.*)

⁵ *Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. II. С. 108–112; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. 2-е изд. М., 1937. С. 157–167 (1-е изд. вышло в 1906 г.).*

⁶ *Смирнов П.П. Движение населения Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Б.м., Б.г. Т. II. С. 69.* Смирнову принадлежит также расчет городского населения по переписным книгам 1646–1647 гг. – свыше 100 тыс. дворов. Считая по 5 душ населения на двор (автор ссылается на работу С.К. Богоявленского "Некоторые статистические данные по истории русского города XVII столетия". М., 1898. С. 17), Смирнов получает не более 537,040 душ населения о.п. (*Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919, Т. 1, вып. 2. С. 351–352.*)

⁷ *Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 1925. Т. 2. С. 9; см. также: Вейберг Б.П. Положение центра населенности России с 1613 по 1903 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. Пг., 1915. Май. С. 385–408 и табл. в Прил. (1613 г. – 8,9 млн человек). К началу века (1906 г.) относится и попытка Готье установить количество и движение населения в Замосковном крае XVII в. Он определяет изменение числа дворов и количества населения в них, идя от итогов писцовых материалов 20-х годов XVII в. к переписным книгам 1678 г. (с учетом промежуточных "известий" переписи 1646 г.). Наибольшую разницу, как считает Готье, "представляют коэффициенты увеличения населения". Общее же количество сельского населения Замосковья для 20-х годов он определяет не более чем в 700 тыс. человек, а для последней четверти XVII в. – приблизительно в 2 млн человек (*Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. С. 162, 167.*) В отношении писцовых книг 20-х годов XVII в. Готье выска-*

зывает уверенность, что здесь "мы имеем дело со всем количеством мужского населения двора" (Там же. С. 60).

⁸ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе: (Опыт исчисления). М., 1941. С. 181–182, 191–194.

⁹ Там же. С. 189–191, 193–194.

¹⁰ Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Ист. зап. М., 1959. Т. 64. С. 233–235.

¹¹ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. Гл. 6: Распределение населения и колонизация. С. 291–303.

¹² Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. С. 236, 237, 238, 239; см. также: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; Зимин А.А. Состав русских городов // Ист. зап. М., 1953. Т. 52. С. 337.

¹³ Сведения даны по Чечулину. О населении Москвы XVI в. см. также: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 66 (100 тыс. человек).

¹⁴ Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. С. 240–242 (автор напоминает, что такой же годовой прирост признавался П.П. Смирновым).

¹⁵ Там же. С. 244. Плотность населения на одну квадратную версту в новгородских пятинах и в граничащей с ними Псковской области, исходя из писцовых книг 1495–1505 гг., берется по А.М. Гневушеву (Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. I. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. Ч. I. С. 153–157).

¹⁶ Копанев А.М. Население Русского государства в XVI в. С. 245. Использование региональных демографических данных, тем более оценочных, для определения общей численности населения России допустимо, но требует особой осторожности.

¹⁷ Там же. С. 254. Водарский считает использованный Копаневым сравнительный метод расчета сомнительным, а полученные в результате его применения цифры (9–10 млн человек на середину XVI в. и 11–12 млн человек на конец этого столетия) неправдоподобно высокими (Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Демографические проблемы истории СССР досоветского периода // Историческая демография СССР: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Разд. II, гл. 2. С. 111). Совпадение с выкладками Милюкова у Копанева представляется Водарскому чисто случайным.

¹⁸ Рожков считал, что люди писцовых книг – взрослое мужское население двора (Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 148–151). Состав крестьянского двора XVI в. Рожков подробно не рассматривает, касается этого важного вопроса лишь мимоходом, что и было в свое время поставлено ему в вину рецензентом В.О. Ключевским. Последний был убежден, что "люди во дворе" – это только домохозяева, "рабочий состав двора был сложнее" (Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. VIII. С. 373–374).

¹⁹ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 13, 26 и след.

²⁰ Там же. С. 28–29.

²¹ Там же. С. 31.

²² Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. С. 240, примеч. 42. Однако сам Чечулин этой средней цифры (даже для города) не выводит, а, например, подчеркивает местные отличия [например, Устюжны, где на 100 дворов приходится 150–180 взрослых мужчин, и Можайска, где преобладают дворы с 1 мужчиной (Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 28, 31)]. К методической стороне подсчетов количества населения в XVI–XVII вв. мы вернемся несколько позже.

²³ Водарский Я.Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в.: (По писцовым и переписным книгам) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г. Кишинев, 1966; *Он же*. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М., 1966; *Он же*. Служилое дворянство в России в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX в. М., 1969; *Он же*. К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. // ИСССР. 1969. № 2; *Он же*. Население дворцовых владений в России в последней четверти XVII в. // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83: Историческая география России; *Он же*. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.

²⁴ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М., 1971. С. 52.

²⁵ Водарский Я.Н. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). С. 24.

²⁶ Водарский отмечает, что расчеты Е.С. Компан дают иные цифры (Компан О.С. Мiста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 52–56).

²⁷ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). С. 25–26.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ С учетом "наибольшей возможной убыли в бурные годы второй половины XVI – начала XVII в." (Там же. С. 27).

³⁰ Там же. С. 27–28, 151–152. Очень сложно обстоит дело с подсчетом населения Москвы XVII в. Какая-либо надежная основа для статистики отсутствует. Водарский считает в Москве на 1701 г. (вместе с пришедшими на заработки) 200 тыс. человек (Там же. С. 44). С.К. Богоявленский называет эту же цифру – 200 тыс. – для середины XVII в. (Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 5–6).

³¹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в.: Численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977. С. 90, 134, 192, 193.

³² Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков: Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. (Далее: Т. I, II, III). Автор большинства разделов о населении – Т.И. Осминский).

³³ Гневушев А.М. Указ. соч. Т. I, ч. I. С. 153.

³⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Т. I. С. 18–20, 322, 326; Т. II. С. 291; Т. III. С. 136–137, 144. Количество населения в Новгороде конца XV–XVI в. в историографии определяется по-разному: у Чечулина по "разрядному и разметному списку" 5096 дворов и не менее 20 тыс. жителей, т.е. по 4 человека на двор (Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 52). В другом месте, рассуждая в общей форме о городах с I тыс. и более дворов, Чечулин пишет: "следовательно, жителей до 5000 тыс.", считая усредненно 5 человек на двор (Там же. С. 311). У А.П. Пронштейна на 1546 г. по тому же источнику получается 5477 дворов, которые он умножает на коэффициент, выведенный Чечулиным для определения числа жителей, по числу взрослых мужчин (3,266) и на 1,5 (принимаемый самим Пронштейном для XVI в. коэффициент взрослых мужчин в одном дворе) и получает цифру в 26 840 человек (Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 30–31). Итог, полученный авторами "Аграрной истории Северо-Запада России" (32 130 жителей), самый крупный. Между прочим, по мнению П.П. Смирнова, данные из "разрядного и разметного списка" о дворах в Новгороде следует датировать 1495–1500 гг., в силу чего двадцатитысячным он считает население Новгорода на 1500 г. (Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. I, вып. 2. С. 17, примеч. 2).

³⁵ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 113, 118. Высчитанный им показатель на 1678 г. (1,0 млн человек о.п., в том числе 473 тыс. д. м.п. в сельской местности и около 25 тыс. д. м.п. в городах) автор берет за базовый и от него идет назад в XVI в. и вперед в XVIII в. При этом для первой четверти XVII в. он считает уже по 7,5 д. о.п. на двор (Там же. С. 114–117)

³⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 616–617; История крестьянской Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 35–36; Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 23. Водарский на 1719 г. считает 380 тыс. человек (Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): Сб. ст. памяти член-кор. АН СССР В.И. Шункова. М., 1973. С. 213)

³⁷ Милоков П.П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. С. 28–34. В этой связи Милоков вспоминает Ю. Крижанича, который еще в XVII в. признавал русский юг "обстанованной страной русского будущего" (Там же. С. 66).

³⁸ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. С. 168. К середине XVI в. начало этих процессов относили Ключевский и Рожков.

³⁹ Там же. С. 178, 189, 190, 204.

⁴⁰ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 297, 300.

⁴¹ Там же. С. 318–320, 321, 322–327.

⁴² Там же. С. 338.

⁴³ *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в.; см. также: *Он же.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951; *Он же.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

⁴⁴ *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в. С. 242–243. Для Северной Двины автор считает средней семью в 6 человек (Там же. С. 244).

⁴⁵ Там же. С. 245–246, 247, 248.

⁴⁶ Там же. С. 249–253; *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. С. 234–236; *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946. С. 802–805.

⁴⁷ Такой подход преобладает и в настоящее время. См. об этом: *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Основные черты сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI–XVII вв. // ИСССР. 1980. № 5. С. 170; *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; *Он же.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV–XVII вв.) // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии: К 75-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1983. С. 136–151.

⁴⁸ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. // Из истории сельских поселений. М., 1962; *Он же.* О классификации поселений // Советская этнография. 1983. № 3; *Он же.* Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Там же. 1955. № 2; *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVII вв. М., 1974; *Власова И.В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976; *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в.: (К истории сельских поселений) // Аграрная история европейского Севера СССР. Вологда, 1970; *Воскобойникова Н.П.* К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII в. // Там же.; и др.

⁴⁹ Аграрная история Северо-Запада России. Т. III. С. 153.

⁵⁰ Там же. Т. I. С. 321–327; Т. III. С. 153.

⁵¹ Там же. Т. III. С. 154.

⁵² *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 73–125; История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. I. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. С. 98, 101–102; см. также: *Колесников П.А.* К истории населенных пунктов и движения сельского населения Европейского Севера в XVII–XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. Таллинн, 1971. С. 179–192.

⁵³ Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970 (С. 253–366 – списки деревень по Вологодскому уезду, опубликованные Я.Е. Водарским; С. 367–448 – списки деревень по Яренскому уезду, опубликованные Н.П. Воскобойниковой); *Колесников П.А.* Северная Русь: (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971 (списки деревень и пустошей Тотемского уезда начала XVII в., Сухонской трети Устюжского уезда и Кокшеньгской четверти Важского уезда последней четверти XVII в.).

⁵⁴ *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв.

⁵⁵ Начало разработки этой тематики было положено трудами А.П. Шапова (1864 г.) и П.П. Семенова-Тян-Шанского (1910 г.), сосредоточивших внимание на естественно-географических факторах расселения. Первый перечень населенных мест по Новгороду и Пскову, составленный на основании писцовых книг 1582–1685 гг., был создан еще в 1841 г. (см.: Обзорение писцовых книг по Новгороду и Пскову. М., 1841) и содержал алфавитный указатель почти 20 тыс. сел, селец, деревень, пустошей и т.п. В основе книги Дегтярева лежат работа, проделанная им для коллективного труда "Аграрная история Северо-Запада России", во II и III томах которого ему принадлежат разделы о населении Шелонской пятины (Новгородский и Старорусский уезды) и сельских поселениях Северо-Запада России. Кроме того, автор суммировал все наблюдения своих соавторов по этому коллективному труду над расселением в Новгородской и Псковской землях и на Севере XV–XVII вв., а также наблюдения других исследователей по иным регионам России.

⁵⁶ *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 22.

⁵⁷ Свою концепцию автор противопоставляет построениям С.Б. Веселовского (развитие системы поселений XIV–XVI вв. под воздействием двух противоположных факторов:

"отселенческого инстинкта" крестьян и тяги владельцев к укрупнению селений) и Б.А. Романова (существование предела вместимости деревни, при данных условиях производства и уровня техники, в каждой данной местности) (Там же. С. 8–9). Отметим здесь отрядный для науки факт: наконец-то частично опубликованы историко-географические карты Подмосковья, составленные еще в конце 30-х годов С.Б. Веселовским (совместно с В.Н. Перцовым) на основании писцовых книг XVI–XVII вв. [*Веселовский С.Б., Перцов В.Н.* Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993. Вып. 4: (Московский, Коломенский, Серпуховский уезды)].

⁵⁸Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. С. 48, 53.

⁵⁹Там же. С. 53.

⁶⁰В теоретическом плане вряд ли обоснована ирония автора в адрес Е.Н. Баклановой (Швейковской) (*Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976. С. 17, 102), которая утверждает то же самое относительно другого периода (последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.), выдвигая на первый план вотчинный режим (в конечном счете ту же степень внеэкономического принуждения) как регулятор размеров семей и дворов (основы всякого типа расселения, как признает сам Дегтярев). См.: *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 20–21.

⁶¹Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. С. 53, 55.

⁶²Там же. С. 63.

⁶³*Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Основные черты сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI–XVII вв. С. 176–178.

⁶⁴К числу их предшественников в дореволюционной историографии так или иначе относятся В.И. Сергеевич, А.М. Гневушев, А.М. Андрияшев, А.А. Кауфман. Двойственную позицию на этот счет занимал в советской историографии М.В. Витов. С одной стороны, он пишет, что в писцовой книге 1498 г. записаны главы семей, т.е. женатые мужчины (*Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. С. 31), а с другой – утверждает, что в книгу записывался обычно "дворохозяин"; впрочем, он допускает и исключение: когда глава семьи стар или во дворе два женатых брата-ровесника или складники (Там же. С. 130).

⁶⁵*Водарский Я.Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI–XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 119. К методу, путем которого Водарский подтверждает правильность расчетов Осьминского, мы вернемся несколько позже.

⁶⁶*Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Основные черты сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI–XVII вв. С. 176, 177–179; см. также: *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 224–225, 330. Заметим, что Готье, наблюдавший на протяжении XVII в. увеличение жилых дворов и их населения в Замосковном крае, наиболее яркое проявление этого процесса видел вблизи столицы и на запад от нее (*Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. С. 158–161).

⁶⁷*Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Основные черты сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI–XVII вв. С. 179–180.

⁶⁸*Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.; Л., 1966; *Он же.* Крестьянская волость в центре феодальной Руси в XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.

⁶⁹*Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 232–233.

⁷⁰*Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в.: (Енисейский край). М., 1964. С. 119, 137.

⁷¹Первое повышение как будто в интересах крестьянства, а второе – в интересах господствующего класса. Другими словами, пока существовало подворное обложение, крестьянин имел еще возможность строить семью исходя и из своих интересов, позже – понуждаемый лишь интересом господствующего класса.

⁷²*Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 46–49.

⁷³Об этом см.: *Водарский Я.Е.* Е вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI–XVII вв. С. 119.

⁷⁴В.А. Александров опирается на наблюдения А.С. Лаппо-Данилевского, П.И. Иванова.

В.И. Сергеевича, А.М. Гневушева, А.М. Андрияшева, В.Ф. Загорского, П.П. Смирнова, И.Л. Перельман, М.М. Богословского, М.В. Витова, И.В. Власовой, авторов "Аграрной истории Северо-Запада России", Е.Н. Баклановой (Швейковской), В.Д. Назарова, Ю.А. Тихонова, И.А. Булыгина, Я.Е. Водарского, Н.А. Горской.

⁷⁵Александров В.А. Обычное право крепостной деревни, XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 56–57. Порегionalные колебания численности семьи выглядит так: северо-западные районы – от 5 до 7 душ о.п., западные – от 7 душ в 1678 г. до 8 душ, в Нечерномземном центре с начала XVII в. рост с 4–5 до 7 душ, в Поморье с середины XVI в. колебания с 5 до 7 душ, в Поволжье – между 5 и 8 душ, в Черномземном центре со второй половины XVII до середины XIX в. – 8–20 душ о.п. (Там же. С. 57).

⁷⁶Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и боярский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. // ИСССР. 1977. № 4. С. 155.

⁷⁷Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 149–150.

⁷⁸Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. С. 143–158.

⁷⁹Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. М., 1903.

⁸⁰Витов М.В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2; Громов Г.Г. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // Там же. № 1.

⁸¹Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. С. 94–101.

⁸²Неволин К.А. Общий список русских городов // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 11–12; переиздано: *Он же*. Полн. собр. соч. СПб. 1859. Т. VI. С. 27–95.

⁸³Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 15–22, 309, 312. В наше время мысль о тесной связи города и уезда нашла новое выражение в работе Л.И. Ивиной, установившей, что к середине XVI в. вокруг городов складываются городские станы, территория которых отличается наиболее высокой степенью заселенности (*Ивина Л.И.* Указ. соч. С. 234). Следует упомянуть точку зрения на развитие городского населения России, высказанную Милюковым. Считая, что отечественные города не были естественным продуктом внутреннего экономического развития страны, он нарочито подчеркивал скудость посадского населения, особенно на юг от Оки. В Москве 1701 г. из 16 тыс. дворов лишь 7 тыс. (44%) приходится на долю посадских и ремесленников. Городское население, по его мнению, создавалось "насилно" (*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. С. 56–60, 240–242).

⁸⁴Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1, вып. 2. С. 179, 351–352 (вып. 1 этого труда вышел в Киеве в 1917 г.); см. также: *Он же*. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.: Л., 1947–1948. Т. I–II). По известным ко времени выхода труда Смирнова подсчетам Богоявленского и Милюкова, в городах России 1630 г. жило 292 тыс. человек (2,4% всего населения), а в 1724 г. – 328 тыс. (3%) (*Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 17; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. С. 84).

⁸⁵Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. С. 271–297.

⁸⁶Там же. С. 271, 272. Полностью соглашаясь с автором в вопросе о том, что итогами писцов можно пользоваться "при операциях с большими числами и решении задач общего характера", приходится высказать сожаление, что в тексте статьи не уделено достаточного внимания расчету населенности посадского двора, принципы и результаты которого, как можно было убедиться ранее, у Смирнова и Водарского не совпадают (соответственно 5 и 6 человек на двор).

⁸⁷Там же. С. 279–280; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). С. 36.

⁸⁸С точки зрения В.К. Яцунского, применение ко всей истории дореформенной России такого показателя, как процент городского населения к общей численности населения страны или отдельных ее частей, подлежит некоторым ограничениям. "Этот показатель, – пишет Яцунский, – просто непригоден для характеристики уровня экономического развития отдельных местностей России – как раз в промышленных районах он оказывается значительно ниже, чем на многих чисто сельскохозяйственных территориях" (*Яцунский В.К.* Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России // Города феодальной России. с. 89).

⁸⁹ *Водарский Я.Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. С. 281. (О подобном классификационном подходе к городам IX–XIII вв. см. в гл. II настоящей работы – имеются в виду труды А.В. Кузы.)

⁹⁰ *Водарский Я.Е.* Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVIII в. М., 1974. С. 104–106, 107; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Носов Н.Е.* Русский город и русское купечество в XVI столетии: (К постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. Л., 1971. О городском населении см. также: *Кабо Р.* Города Западной Сибири. М., 1949; *Иофа Л.Е.* Города Урала. М., 1951. Ч. 1: Феодалный период; *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.: Л., 1951; *Компан О.С.* Указ. соч.; *Копыцкий З.Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XI–XVII вв.). Минск, 1966; *Колесников П.А.* Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России. С. 144–152; *Исаевич Я.Д.* Город Дрогобыч в XVI–XVIII вв. // Там же. С. 106–167; *Компан Е.С., Маркина В.А.* О некоторых особенностях социально-экономического развития городов Правобережной и Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. // Там же. С. 350–362; *Кись Я.П.* Население и социальная структура Львова в период феодализма // Там же. С. 363–374; *Средневековый город: Сб. ст. Саратов, 1968; Голикова Н.Б.* Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1970; Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV–XVII вв.: (На примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX в.: Сб. ст. Томск, 1978. С. 121–131; Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978; *Рындзюнскій П.Г.* Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город: (Историко-методологический сб.). М., 1976. С. 105–127 (см. здесь рассуждения автора по вопросу о критерии города, имеющие значение для более раннего периода); *Мансурова Ф.М.* Рост городов Прикамья (XVI–XVII вв.) // ВИ. 1977. № 8; Город в Северо-Восточной Европе в новое и новейшее время (XV – середина XX в.). Таллинн, 1978; *Булгаков М.Б.* Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. М., 1981. Вып. 4. С. 141–158; *Курилов В.Н.* О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в. // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1984. С. 109–119; *Резун Д.Я.* К истории "поставления" городов и острогов в Сибири // Там же. С. 35–37; *Тимошина Л.А.* "Посадское строение" в Костроме в 1649–1652 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1985. № 6; *Она же.* Структура и численность посадского населения Ярославля и Костромы с пригородами в XVII в. // Деп. в ИНИОН РАН. 1985. № 21781. Как можно убедиться по этому перечню литературу о городах до XVII в. включительно, увидевшей свет в 70–80-х годах, наибольшее внимание выпало на долю Сибири. Из обобщающих трудов следует назвать "Историю городов и сел Украинской ССР". Киев, 1967–1981. Т. 1–26; см. также: История Москвы. М., 1952. Т. 1; Очерки истории СССР. М.; Л., 1953–1955. Т. I–V.

⁹¹ *Водарский Я.Е.* Города и городское население в России XVII в. С. 108–113. Упрощенный подход к определению города – только с точки зрения занятия его населения торгово-промышленной деятельностью – приводит к тому, что на Украине 40-х годов XVII в. И.П. Крипьякевич насчитывает около 1000 городов, А.И. Баранович для 1629 г. – около 700 (с населением не менее 1 млн человек, что составляет около 20% всего населения страны), Е.С. Компан для второй половины XVII в. – 756 городов (46% населения Правобережной и Левобережной Украины). Об этом см.: *Яцунский В.Е.* Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России. С. 83.

⁹² Аграрная история Северо-Запада России. Т. I. С. 323–324, табл. 176.

⁹³ Там же. Т. II. С. 292, табл. 228.

⁹⁴ В "Аграрной истории Северо-Запада России" (Т. III. С. 141–144) помещена интересная таблица (№ 48), учитывающая в новгородских пятинах жилые дворы разной владельческой принадлежности на конец XVI – начало XVII в., но от анализа ее авторы воздержались (оценка дана только динамике пашни).

⁹⁵ *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. С. 196–205; см. также: С. 161 – о динамике быбывства на протяжении 20–80-х годов XVII в.

⁹⁶ *Шелукова Н.М.* К вопросу об итогах подворной переписи 1678–1679 гг. в Российском

государстве // ИСССР. 1960. № 3. С. 145–147; Переписи населения России: итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. I; Вып. I (Продолжение). (Ротапринт). К характеристике этой публикации мы вернемся позднее.

⁹⁷Водарский Я.Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. С. 217–230; *Он же*. Размещение крестьянского населения в России в последней четверти XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. С. 137–146; *Он же*. Крестьяне и сельские бобылы в России в конце XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 г. Л., 1972. С. 55–62; *Он же*. Население дворцовых владений в России в последней четверти XVII в. С. 113–125; *Он же*. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России, XII – начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 70–96; *Он же*. Население России в конце XVII – начале XVIII в.; см. также: *Он же*. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.).

⁹⁸При этом Водарскому приходится пользоваться данными из сводных ведомостей 1717 г., составленных в Поместном приказе по переписным книгам 1678–1679 гг. (Водарский Я.Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. С. 222–223).

⁹⁹Там же. С. 227, табл. 8; С. 228–229; Прил. С. 230.

¹⁰⁰Водарский Я.Е. Размещение крестьянского населения в России последней четверти XVII в. С. 141–144, табл. 1–4.

¹⁰¹Помимо Готье, внимание бобылям еще в начале века уделял А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский А.С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI–XVII вв. // Зап. АН по историко-филол. отд-нию. СПб., 1901. Т. V. № 1).

¹⁰²Водарский Я.Е. Крестьяне и сельские бобылы в России в конце XVII в. С. 58–61. Значительное внимание бобыльству уделено в "Аграрной истории Северо-Запада России". Так, Н.Н. Масленниковой скрупулезно прослежен процесс измельчания хозяйств по Порховскому уезду Шелонской пятины XVI в. и сделаны ценные наблюдения над причинами появления бобыльства как феодального института (Аграрная история Северо-Запада России. Т. II. С. 91–95). См. также: Тимошенкова З.А. Деревня Северо-Запада России XVI – начала XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976.

¹⁰³Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. С. 77–78.

¹⁰⁴Горская Н.А. Указ. соч. С. 344–346.

¹⁰⁵Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 101–102, 111.

¹⁰⁶Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. С. 194–213 (в статье приведены таблицы численности сословного состава и размещения русского населения Сибири за 1699, 1710 и 1719 гг.); *Он же*. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 103, 182–184.

¹⁰⁷Шепукова Н.М. Подворная перепись 1710 г. и численность русского населения в Сибири // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. С. 229–230. Прил. на с. 232–233.

¹⁰⁸Александров В.А. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 23.

¹⁰⁹Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 113, 120; см. также: Водарский Я.Е. Население Русского Севера в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археологический сб. Вологда, 1973. Вып. 3.

¹¹⁰Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. с. 378.

¹¹¹Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1.

¹¹²Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). М., 1971. С. 174–180, табл. 5.

¹¹³Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. С. 57–82; Панях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 31–51; Он же. Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975. С. 145–157, 174–185, табл. 24.

¹¹⁴Панях В.М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 79–95. Автор приходит к выводу, что "удельный вес отдельных слоев в составе кабального холопства по их прежнему социальному положению существенно расхолопился с их удельным весом в обществе в целом за счет увеличенных по сравнению с последним долей бывших наемных лиц и бывших холопов и значительного уменьшения долей бывших крестьян и бобылей" (Там же. С. 95). Заслуживает внимания наблюдение автора в отношении высокого удельного веса в кабальных книгах 30–40-х годов XVII в. бывших крестьянских детей; по-видимому, значительная их часть еще не попала в писцовые книги вместе со своими отцами (Там же. С. 193).

¹¹⁵Там же. С. 119–150.

¹¹⁶См., например: Аграрная история Северо-Запада России в XVI в. Т. III. С. 141–144, табл. 48.

¹¹⁷Панях В.М. Холопство в первой половине XVII в. С. 238–239.

¹¹⁸Воробьев В.М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII века? // ИСССР. 1983. № 4. С. 116, 118, 120, 121, 124.

¹¹⁹Водарский Я.Е. Размещение холопов в России по переписи 1678 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1969 г. Киев, 1979. С. 32–38; см. также: Он же. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 111–115.

¹²⁰См., например: Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897; Новицкий В.И. Выборное и большое дворянство XVI–XVII вв. Киев, 1915; Яковлев А.И. Служилое землевладение по данным приказа сбора ратных людей // Сергею Федоровичу Платонову: Сб. ст. СПб., 1911. С. 450–454; Он же. Приказ сбора ратных людей. М., 1917 (см. также рецензию Ю.В. Готье на эту книгу А.И. Яковлева в "Исторических известиях, издаваемых Историческим обществом при Московском университете". 1917. № 2. С. 150–152) и др.

¹²¹Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. С. 196, 198, 204–205. Особое внимание Готье уделял исчезновению в XVII в. явления послушья (Там же. С. 200–201).

¹²²Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 87.

¹²³Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 186–187 (текст Е.Н. Кушевой); Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век. М., 1955. С. 158–159 (текст А.А. Новосельского); см. также: Преображенский А.А. Структура земельной собственности в России XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. С. 131.

¹²⁴Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 64, 65, 73.

¹²⁵Шаатченко О.А. О крупном землевладении Нечерноземья // Ист. зап. М., 1987. Т. 113; Он же. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVIII в. М., 1990. С. 184–189, 227–273. Выявлен также фамильный состав светских землевладельцев новгородских пятин последней четверти XVII в. с учетом представителей каждой фамилии и числа принадлежащих им людей м.п. (Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от "Смутного времени" до кануна Петровских реформ. Л., 1986. С. 116–120).

¹²⁶Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.: (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 65, 67; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 104.

¹²⁷Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 80, 90.

¹²⁸Библиографию см.: Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

¹²⁹Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. С. 23, 24, 31, 37, 50, 117; см. также: Она же. Государственный аппарат России в XVII в. // Ист. зап. М., 1981. Т. 108.

¹³⁰Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 90.

¹³¹Согласимся с А.Л. Хорошкевич, что в книге Чечулина не использованы возможности, предоставляемые материалом для изучения удельного веса различных социальных слоев города во внутренней торговле, для изучения организаций купцов и ремесленников (*Хорошкевич А.Л. Основные итоги изучения городов XI – первой половины XVII в. // Города феодальной России. С. 36; см. также: Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. VII. С. 184–222.*)

¹³²*Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 5–6.

¹³³*Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка // Тр. ГИМ. М., 1959. Т. 10.

¹³⁴*Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. С. 3.

¹³⁵Там же. Т. II. С. 326–331.

¹³⁶Там же. С. 450–452, 481–482, 503, 506, 541, 558, 590.

¹³⁷Там же. С. 474, 479, 492, 497, 498, 502, 513, 515, 528, 539, 540, 557, 589, 594 (сводные данные).

¹³⁸Там же. С. 604.

¹³⁹Там же. С. 605–617, 620–621, 622–623.

¹⁴⁰Там же. С. 626. Общий прирост посадских дворов в результате отчуждения дворов беломестцев в тягло по всему государству вместе с Москвой равнялся по сравнению с переписными книгами 1646 г. 29,9, без Москвы – 28,7% (Там же. С. 703–709).

¹⁴¹Там же. Т. I. С. 4.

¹⁴²*Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад XVI–XVIII вв. С. 54–56, табл. 1,2; С. 59, 77.

¹⁴³*Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1: Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. С. 152–153, 162–165. Здесь же помещены сведения о вывозе в Москву из других городов специалистов-ремесленников.

¹⁴⁴*Пронштейн А.П.* Указ. соч. С. 29–30.

¹⁴⁵См. статьи из сборника "Города феодальной России": *Сербина К.Н.* Из истории возникновения городов в России XVI в.; *Гроссман Ю.М.* О роли цехов во Львове XVI–XVIII вв.; *Исаевич Я.Д.* Город Дрогобыч в XVI–XVIII вв.; *Инкин В.Ф.* Ремесленное производство в королевских городах Галицкого Подгорья в XVI–XVIII вв.; *Волков М.Я.* Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв.; *Дубинская Л.Г.* Города Мещерского края во второй половине XVII в.; и др.; см. также сноску 90 настоящей главы.

¹⁴⁶*Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 130, 133, 134.

¹⁴⁷*Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). С. 43.

¹⁴⁸*Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. С. 52, 76, 141, 163, 170–171, 239–241, 252–254, 280–288, 297. Приводя обширные сведения о количестве лавок на городских торгах, автор не пытается использовать эти сведения для выяснения количества торгующего населения. Из дореволюционных изданий необходимо отметить труд И.Е. Забелина о Москве (*Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... М., 1891. Ч. 2).

¹⁴⁹См., например: *Кулишер И.М.* Указ. соч. С. 192.

¹⁵⁰*Арицховский А.В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 6. Перечень занятий холопов во второй половине XV – первой половине XVI в., насчитывающий 67 пунктов (без географической привязки), составлен Е.И. Кольчевой (*Кольчева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). С. 246–248. Прил.).

¹⁵¹*Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 142–143; *Греков Б.Д.* Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому в XVI в. // ЛЗАК. СПб., 1912. Вып. 24. С. 1–88; см. также: *Рабинович Г.С.* Новгородские ремесла XVI в. // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1941. Т. 39. С. 134–182.

¹⁵²*Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 144–152.

¹⁵³Там же. С. 157–187.

¹⁵⁴*Пронштейн А.П.* Указ. соч. С. 33, 246–251.

¹⁵⁵*Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность Москвы в XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. С. 69. В Москве XVII в. на 2367 ремесленников он насчитывает 21% специалистов по выработке металлических изделий.

¹⁵⁶Н.А. Бакланова указывает для Нижнего Новгорода 1664 г. во много раз большую цифру ремесленников (885 против 52) (*Бакланова Н.А.* Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в. // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1928. Т. V. См. об этом также: *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории Русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. С. 82. Назовем еще одну общую работу, посвященную сравнительной экономической мощности и расположению торгово-промышленных центров Русского государства (по данным пятины 1634 г.) (*Сташевский Е.Д.* Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства // ЖМНП. 1912. № 5).

¹⁵⁷*Белоцерковский Г.М.* Тула и Тульский уезд в XVI–XVII вв. Киев, 1915; *Бакланова Н.А.* Указ. соч.; *Шунков В.И.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. // Ист. зап. М., 1939. Т. 5; *Устюгов Н.В.* Из истории металлургии Поморья первой половины XVII в. // ВИ. 1946. № 2–3; *Заозерская Е.И.* Торги и промыслы гостиный сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947. № 7; *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // Ист. зап. М., 1950. Т. 34; *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв.; *Данилова Л.В.* Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в.: (По материалам г. Ярославля) // ИСССР. 1957. № 3; и др.

¹⁵⁸*Тверская Д.И.* Указ. соч. С. 7–18.

¹⁵⁹*Демкин А.В.* К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII – начала XVIII в.: (По материалам верхневолжских городов) // ИСССР. 1982. № 1. С. 139–141.

¹⁶⁰*Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956; *Он же.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; *Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; *Павлов П.Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974; *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1986.

¹⁶¹*Яцунский В.К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // Вопросы географии. Сб. 83: Историческая география России. С. 34.

¹⁶²Н.Д. Чечулин приводит интересные данные о местах выхода приходцев (на правах дворников), стекающихся в Тулу и далее на юг в XVI в. (*Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. С. 277, 348).

¹⁶³*Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. I. С. 56–62.

¹⁶⁴*Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 359, 366. В ходе колонизации автор усматривал, между прочим, одну из основных причин "непрерывного процесса сельскохозяйственного производства" в Прикамье, Стелы и окраинных уездах Центра (Там же. С. 475). О ходе заселения Юга см.: *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII ст. Харьков, 1886–1890. Т. 1–2 (Д.И. Багалей – поборник теории о правительственной колонизации степных окраин России); *Миклашевский И.Е.* К истории хозяйственного быта Московского государства: Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1984; *Сташевский Е.Д.* К истории колонизации юга. М., 1913; и др.

¹⁶⁵*Бахрушин С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера Сибири. Пг., 1922. Вып. 2; см. также: *Бояршинова З.Я.* Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 41; *Миненко Н.А.* Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978. С. 27, 28, 31, 32–33; *Никитин Н.И.* История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

¹⁶⁶*Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 257–258, 425 и др.

¹⁶⁷Большой вклад в раскрытие этой темы внесли З.Я. Бояршинова, Ф.Г. Сафронов, А.А. Кондрашенков, А.Н. Копылов, Н.Ф. Емельянов, В.А. Оборин, Н.И. Никитин и другие исследователи. См., например: Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX в.: Сб. стр. Томск, 1978; см. также: *Вилков О.Н.* Концепция С.В. Бахрушина и

В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI – начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 65–85.

¹⁶⁸ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край); см. также: История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Ч. 1. Гл. 2 "Особенности колонизации Сибири".

¹⁶⁹ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII– начале XVIII в. С. 57–63, табл. 1, 2); С. 71–88, табл. 3, 4. В Кунгурском уезде с 1648 по 1703 г. количество дворов увеличилось с 309 до 3769 – в 12,2 раза (Там же. С. 88).

¹⁷⁰ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. С. 68. В результате правительственной колонизации в Сибирь естественно попадали люди и из других, но северных регионов. См. также: Миненко Н.А. Историография Сибири. С. 36, 37; Громыко М.М. Рец. на книгу А.А. Преображенского "Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в." // ИСССР. 1973. № 6. С. 182.

¹⁷¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. С. 56–118; см. также табл. 2–5 на с. 112, 114, 115, 116. Автор не указывает, относит ли он эту миграцию к временной или постоянной.

¹⁷² Так, например, Н.И. Никитин приводит убедительные доводы в пользу того, что на первом этапе колонизации в XVII в. служилым людям принадлежала главная роль (Никитин Н.И. Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII в. // ИСССР. 1980. № 2; Он же. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 13–15; см. об этом также: Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVIII в.) // ВИ. 1981. № 10).

¹⁷³ Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма // ВИ. 1984. № 7. С. 117.

¹⁷⁴ См., например: Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки. М., 1982. С. 33–34; История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 10–12, 37, 38, 94, 95; Строго говоря, все миграции в Сибирь можно считать внутренними, поскольку их осуществление не было связано с пересечением государственной границы России.

¹⁷⁵ Речь идет о трудах П.А. Колесникова, О.Н. Вилкова и В.Н. Курилова. Об этом см.: Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма. С. 117.

¹⁷⁶ Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 353–374; Он же. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 226–260. Начало изучения этих процессов на русском Севере в XVII в. было положено Н.В. Устюговым (Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Он же. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. V).

¹⁷⁷ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 120, 232–236, 237, 239–240, 243, 257. Табл. 27, 28.

¹⁷⁸ Там же. С. 54.

¹⁷⁹ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук; Он же. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI–XVII вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 80–86.

¹⁸⁰ Колесников А.Д. Изменение демографической ситуации в Сибири XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 146.

¹⁸¹ Там же. С. 154–157.

¹⁸² Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Ист. зап. М., 1938. Т. 4; Он же. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Тр. МГИАИ. М., 1946. Т. 2; Он же. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; Он же. Борьба Московского государства с татарами во второй половине

XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994; Черепнин Л.В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // Ист. зап. М., 1938. Т. 4.

¹⁸³ Покишишевский В.В. Очерки по заселению лесостепных и степных районов Русской равнины // Экономическая география СССР. М., 1960. Вып. 5.

¹⁸⁴ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 149, 422.

¹⁸⁵ Загоровский В.П. Некоторые вопросы ранней народной колонизации полевой окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 г. С. 40; *Он же*. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII в. и его периодизация // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3; *Он же*. Белгородская черта. Воронеж, 1969. Периодизация заселения южной окраины, предложенная Загоровским, оспорена Дегтяревым (Дегтярев А.Я. Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV–XVII вв.). С. 148–149; см. также: Елфимова А.А. История заселения Воронежского уезда в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1974).

¹⁸⁶ Как дореволюционная (см.: Петрякевич Г. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877; *Он же*. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882), так и советская [см., например: Пруссак А.В. Рабочие на рыбных промыслах Астрахани в XVII в. // Исторический сб. Л., 1934. № 2; Степанов И.В. Гулящие – работные люди в Поволжье в XVII в. // Ист. зап. М., 1951. Т. 36; *Он же*. Работные люди в Поволжье XVII в. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; Ошанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. ст. М., 1961; Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982 (приводятся состав и численность, а также источники пополнения приборных служивых людей и русского невоенного населения городов Астраханского края – Там же. С. 36–109)].

¹⁸⁷ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. С. 156, 163.

¹⁸⁸ Масленникова Н.Н. Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топи и антропоники // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 34, 36. Автор выражает уверенность, что эти выводы могут быть проверены не на одном историческом регионе России (Там же. С. 36).

¹⁸⁹ Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). С. 16–17; Панеях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 33, 43.

¹⁹⁰ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 136–137. Пользуясь данными Милокова на 1710 г. о 19 тыс. запустевших дворов, автор высчитывает приблизительное количество и удельный вес беглых среди мигрантов (200 тыс. человек м.п. и 54%) (Там же. С. 166).

¹⁹¹ Там же. С. 150–184. Крестьянские миграции в форме побегов продолжают быть предметом исследования на региональном уровне. См., например: Кононова А.Ю. Частновладельческое крестьянство Нижегородского края во второй половине XVII в.: Миграционные процессы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

¹⁹² Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 28. По Чечулину, городская семья XVI–XVII вв. состояла в среднем из 3–4 человек (на 1 тыс. взрослых – 1266 детей); см. также: *Он же*. К вопросу о численности посадского двора в XVII в. // ЖМНП. 1891. № 3. От середины XVII в. к концу его, по подсчетам Лаппо-Данилевского, средняя городская семья несколько увеличилась (Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 516–517).

¹⁹³ Пронштейн А.П. Указ. соч. С. 181, табл. 8 ("молодые", "средние", "лучшие" дворы 80-х годов XVI в. имели соответственно 3, 71; 2,88 и 1,25 семей на двор).

¹⁹⁴ Но не исключено, что большая населенность городских дворов "лучших" людей этого времени – свидетельство того, что для состоятельных горожан русских городов, как и для западноевропейских, могли быть характерны сложные формы домохозяйств, обширные и прочные семейные группы (в противоположность городской бедноте) (см.: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии: К XVI Международному конгрессу исторических наук (Штутгарт, август 1985): Реферативный сб. Института научной информации по общественным наукам. М., 1984. С. 216. К такому же

выводу на основании Флорентийского кадастра 1427 г. приходят Д. Херлихе и К. Кляниш-Зубер). К сожалению, пока в нашей историографии подобного рода наблюдения единичны.

¹⁹⁵ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 179–188, 189–191.

¹⁹⁶ Там же. С. 191–193. Семьи служилых людей, по мнению Рабиновича, были невелики (Там же. С. 188).

¹⁹⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. III. С. 10–12, табл. 1, 2.

¹⁹⁸ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 119–122, табл. 3, 4; Он же. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 70–76. Для Порховского уезда Шелонской пятины на протяжении XVI в. Н.Н. Масленникова проследила такую закономерность в развитии крестьянского двора, связанную с отделением сыновей от отцов или братскими разделами: "От описания к описанию чередуются дворы с одной семьей – в благополучное время – и дворы с несколькими семьями, иногда чужими друг другу – во времена после разорений, в годы подготовки к новому подъему" (Масленникова Н.Н. Указ. соч. С. 34). Сходные явления зафиксированы Е.И. Колычевой для центральных областей России 60-х годов XVI в. (Колычева Е.И. Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70–90-х годов XVI в.: (По материалам центральных уездов) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.): (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Таллинн, 1986. Вып. 1. С. 38.

¹⁹⁹ Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI–XVII вв. С. 120–121.

²⁰⁰ Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. С. 154, 156. Авторы подчеркивают важность определения характера крестьянских и бобыльских семей именно для "уяснения вопросов, связанных с производственными возможностями крестьянского и бобыльского двора" (Там же. С. 156, примеч. 12). Наблюдаемый авторами рост населенности крестьянских и бобыльских дворов в 20–40-е годы XVII в. толкуется ими как показатель прогрессирующего хозяйственного подъема (Там же. С. 158). Это соображение не представляется нам убедительным. Такое увеличение людности и семейности дворов (если оно не вынуждается системой государственного обложения) – свидетельство недавнего разорения и предвестник будущего подъема, которое обычно находит выражение в массовом выделе односемейных дворов (см. выше сн. 198). Скорее, здесь можно видеть влияние первых шагов государства по переходу к подворному обложению. Для середины XVII в. как раз, по-видимому, можно проследить в Центре Русского государства массовые выделы малых семей.

²⁰¹ Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Основные черты сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI–XVII вв. С. 176. Авторы наблюдают увеличение средней населенности крестьянского двора от 1628 г. к 1646 и 1678 гг. (соответственно 2,1; 3,3; 4,3 человеков м.п.). В 1646–1678 гг. это укрупнение происходило, как они считают, преимущественно за счет сокращения семейных разделов братьев после смерти отца: удельный вес дворов с братскими семьями вырос с 15 до 37%, а отцовских снизился с 82,4 до 61,4%. Причину этого авторы видят в изменившейся системе государственного обложения (Там же. С. 176–177).

²⁰² Бакланова (Швейковская) Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. С. 15. [В дореволюционной историографии ее предшественником можно считать П.И. Иванова, рассматривавшего людской состав крестьянского двора северных уездов и основные типы семей на материале писцовых книг XVII в. (Иванов П.И. Заметки о размере окладной пашни и населенности дворов в Кеврольском уезде XVII в. // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. 1900. Т. II, вып. 1; Он же. Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Там же. 1902. Т. II, вып. 2).]

²⁰³ Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. С. 15–20.

²⁰⁴ Там же. С. 21–24.

²⁰⁵ Там же. С. 24–40; см. также: Бакланова Е.Н. К характеристике крестьянского двора как хозяйственной единицы в Вологодском уезде в конце XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1970 г. Рига, 1977.

²⁰⁶ Кох О.Б. Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII в. // Исследо-

вания по истории крестьянства Европейского Севера России: Межвузовский сб. научных трудов. Пермский ун-т. Сыктывкар, 1980. С. 133–142; *Она же*. Крестьянский двор и крестьянская семья на Русском Севере в конце XVII–XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

²⁰⁷ См., например: *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1: Обычное право. С. 43.

²⁰⁸ *Кох О.Б.* Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII в. С. 138–142.

²⁰⁹ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 120, 122–123. Для дворцовых владений Архангелогородской губ. несколько более позднего времени (1724–1734 гг.) Е.И. Индовой зафиксировано превышение смертности над рождаемостью на 6,6% (*Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России, первая половина XVIII в. М., 1964. С. 84). Общий вывод о типе семьи исследователей истории крестьянства Европейского Севера феодальной России для XVI – начала XVII в. таков: "Крестьянская семья, состоящая из родителей и детей, была устойчивым производственным коллективом. Братские семьи распались скорее: из них формировались новые отцовские семьи" (*История северного крестьянства*. Архангельск, 1984. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. С. 103).

²¹⁰ *Власова И.В.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // *Этнография русского крестьянства Сибири*, XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 17–20.

²¹¹ *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // *ИСССР*. 1981. № 3; *Он же*. Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. (см. об этом в гл. II).

²¹² *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). С. 159–173.

²¹³ *Панеях В.М.* Холопство в первой половине XVII в. (Раздел "Демографический состав похолополяемых"). С. 108–113; см. также: *Он же*. Кабалное холопство на Руси в XVI в. С. 41–42.

²¹⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 446–457.

²¹⁵ *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 21.

²¹⁶ *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961. Т. 1. С. 309, 358; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г.: Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 84–86; *Александров В.А.* Обычно право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. С. 165 и далее.

²¹⁷ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. С. 168.

²¹⁸ Там же. С. 168–169.

²¹⁹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1; *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право; *Она же*. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии // *Сборник народных юридических обычаев*. СПб., 1900. Т. 2; *Островская М.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913.

²²⁰ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. С. 198–201.

²²¹ *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С. 203–214.

²²² Там же. С. 215.

²²³ Там же. С. 216.

²²⁴ *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций: (Опыт исследования). М., 1967. С. 166, 167, 169, 170, 171, 172.

²²⁵ Там же. С. 178.

²²⁶ Там же. С. 194.

²²⁷ *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 188–190. Как уже отмечалось, для первой половины XVI в. Урланис предполагает естественный прирост населения 0,25–0,30% в год (15% за полвека), а для второй половины XVI в. – не более 5% (Там же. С. 190).

²²⁸ В целом по стране естественный прирост за эти годы составил 32–41% (*Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 184–189).

- 229 Об этом см.: *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 149. Все массовые ссыски, подворные переписи, писцовые описания, а также другие "учетные" мероприятия, проводимые и по отношению к правящему классу, можно и должно рассматривать с точки зрения такого воздействия.
- 230 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III, т. 5. С. 322.
- 231 *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 188.
- 232 *Бучинский И.Е.* О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957. С. 101–103.
- 233 Эти сведения собраны А.В. Дуловым (*Дулов А.В.* Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М., 1983. С. 23; см. также: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960).
- 234 *Дулов А.В.* Указ. соч. С. 24; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* Указ. соч. С. 54–60.
- 235 *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 346; *Авербух М.С.* Указ. соч. С. 136.
- 236 *Авербух М.С.* Указ. соч. С. 137–138.
- 237 *Кузаков В.К.* Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси X–XVII вв. М., 1976. С. 291–294.
- 238 *Райнов Т.* Наука в России XI–XVII вв. М.; Л., 1940.
- 239 *Кузаков В.К.* Указ. соч. С. 294.
- 240 *Райнов Т.* Указ. соч. В том числе "Вертоград", содержащие медицинские советы, как лечить ту или иную болезнь и как вести себя в моровое поветрие.
- 241 Редкие источники по истории России. М., 1977. I. С. 9–10, 11.
- 242 *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 41, 48; см. также: *Голицын Н.С.* Русская военная история. СПб., 1878. Ч. II.
- 243 См., например: *Корецкий В.И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время "смуты" (конец XVI – начало XVII в.). // Русское население Поморья и Сибири. С. 39. При подавлении Крестьянской войны под руководством Степана Разина только в Арзамасе было казнено 11 тыс. человек. Свыше 20 тыс. повстанцев замучены после подавления Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева (*Авербух М.С.* Указ. соч. С. 143–144).
- 244 *Авербух М.С.* Указ. соч. С. 144. О потерях, которые несло народное антицерковное движение в России XVII в., см.: Документы приказа тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. М., 1986. С. 27, 31 и др.; см. также: *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в XVII в. М., 1986. С. 151 и далее.
- 245 После завоевания Казани отношения с Крымским ханством ухудшилось и набеги участились. В 1555 г. крымский хан дошел почти до Оки (*Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 133). Набеги на южные районы России были в 1564 и 1568 гг.
- 246 *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 154; *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. С. 133.
- 247 *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 154. "Разбредаться" из городов жителей, как правило, заставляли только чрезвычайные обстоятельства. Чечулин особо подчеркивает это в отношении Новгорода и Пскова (*Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. С. 343).
- 248 *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. С. 231; *Тимошёнкова З.А.* Крестьянский двор Северо-Западной России во второй половине XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сб. научных трудов. Калининград, 1986. С. 116.
- 249 *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. С. 148, 149–150.
- 250 *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 138–139.
- 251 *Кольчичева Е.И.* Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70–90-х годов XVI в.: (По материалам центральных уездов). С. 40–44; *Она же.* Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 169–201.
- 252 *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 64, 74 и др.; см. также: Аграрная история Северо-Запада России. Т. II.
- 253 *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. С. 113–114.

²⁵⁴ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 240–243; см. также: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в.: (Проблемы, методика исследования, результаты) // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Таллинн, 1977. С. 50–59. О голоде в начале XVII в. в северных районах Русского государства см.: Ульяновский В.И. Земледельческое производство и положение крестьянства Европейского Севера в период голода начала XVII в. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период): Межвузовский сб. научных трудов. Вологда, 1985. С. 83–95.

²⁵⁵ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. С. 30 (см. также: Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. III. С. 189–192); Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. С. 205–215; Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 66–72, 106; Рожков Н.А. К вопросу о степени достоверности писцовых книг // Древности: Труды Археографической комиссии. М., 1898. Т. I, вып. 2. С. 187–190; Он же. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. С. 138–143; Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. I; М., 1916. Т. II; Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917–1919. Т. 1, вып. 1–2.

²⁵⁶ Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Т. II; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории ССР. М., 1940. Т. I. С. 173–174; Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956. С. 12–24.

²⁵⁷ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. I. С. 233. Новейшее исследование о писцовых книгах как источнике уделяет особое внимание состоянию итоговых данных в них (см.: Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. М., 1991. С. 31–36).

²⁵⁸ Шапиро А.Л. Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России: (О сопоставимости описей XVII, XVIII и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.

²⁵⁹ Абрамович Г.В. Новгородские переписи конца XV и XVI вв. и их место во внутренней политике Русского централизованного государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964; Он же. К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 г. Вильнюс, 1974.

²⁶⁰ Абрамович Г.В. К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления. С. 42. Наличие этих быбелей подтверждается тем, что они составляют значительный процент среди "пахотников", с которых по росписи 1596 г. взysкивали оброк за незаконную распахку государственных пустошей (Там же).

²⁶¹ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. II. С. 8. В обыскных книгах поместных земель, например, особенно тщательно учитывались пустые деревни и дворы, время и причины их запустения (Там же). Об источниковедении писцовых книг см. также: Водарский Я.Е. Сводные источники о земельных угодьях у дворянских крестьян в конце XVII в. и опыт реконструкции данных о количестве пахотной земли и сенокосов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 г. С. 51–56; Латушкин А.В. Данные мнимые или реальные? // Советские архивы. 1971. № 4; Павлов-Сильванский В.Б. Указ. соч.

²⁶² Киселева Е.А. Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской исторической литературе // Проблемы истории СССР. М., 1977. С. 55.

²⁶³ Аграрная история Северо-Запада России. Т. I. С. 18–20; Т. III. С. 144; Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л. Демографическая характеристика системы поселений Северо-Западной Руси в XVI в. // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Таллинн, 1977; Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. (см. особенно с. 17–22, где автор дает обзор мнений в исторической литературе о характеристиках крестьянской семьи и двора на основании писцовых и переписных материалов).

²⁶⁴ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. С. 23–26, 67.

²⁶⁵ Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI–XVII вв. С. 119–122, 128.

²⁶⁶ Масленникова Н.Н. Указ. соч. С. 22–36.

²⁶⁷ Победимова Г.А. Писцовые материалы Деревской пятины, как источник по генеалогии служилого состояния XVI в. // ВИД. Л., 1983. XIV. С. 59–74. Упомянем еще одну работу, автор которой на основе выявления генеалогии холопских семей по записным книгам

старых крепостей Новгорода 1597–1598 гг. (где регистрировались холопы крепостные документы – полные и докладные грамоты 1462–1533 гг. и все последующие изменения в семейном положении холопов) проследил процесс естественного воспроизводства наследственного холопства на примере потомков, записанных в 39 грамотах 1462–1533 гг. В 1597/98 г. в живых оказалось 6 представителей второго поколения холопов, 33 – третьего, 27 – четвертого, 17 – пятого, 6 – шестого, 7 – седьмого поколения холопов. На этом основании автор пришел к выводу, что холопы старина не знала в XV–XVI вв. никаких временных или связанных с количеством поколений холоповладельцев или холопов ограничений (*Панелях В.М.* Генеалогия холопских семей и холопы старина // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 49, 57).

²⁶⁸ *Фомин Н.К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. С. 89–94.

²⁶⁹ *Шабанова А.М.* Население юга Обонежья в конце XV – первой половине XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.): Межвузовский сб. научных трудов. С. 61. Из-за отрывочности писцовых книг 1496 и 1563 гг. автору "пришлось прибегнуть к реконструкции демографии края в середине XVI в.", однако в чем состоит методика этой реконструкции, к сожалению, не раскрыто (Там же. С. 52).

²⁷⁰ *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. (В книге содержится подробный очерк взглядов всех предшествующих исследователей на достоверность и представительность этих писцовых книг.) См. также: *Милов Л.В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг: (О концепции С.Б. Веселовского) // ИСССР. 1978. № 2.

²⁷¹ Аналогичную роль играет, например, такой показатель, как процент. Не отражая абсолютной величины, он тем не менее точно передает степень колеблемости признака.

²⁷² *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Указ. соч. С. 254.

²⁷³ *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // ВИД. Л., 1987. XIX. С. 116–117.

²⁷⁴ *Назаров В.Д.* О забытом источнике по истории посадского населения России в первой половине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 44, 45, 53; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974; *Буганов В.И.* Книги разрядные ("подлинники") 1616–1636 гг. // Ист. зап. М., 1976. Т. 97. С. 297, 299.

²⁷⁵ *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 51, 55, 56, 57, 58–59, 60. Сметные списки новгородских четвертных и дворцовых денежных доходов и расходов за 1621 г. опубликованы В.Л. Яниным и М.Е. Бычковой (см.: *Опись Новгорода 1617 г.* Ч. 1, 2 // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3). Они дают "детальные сведения о составе воинских людей в Новгороде и его пригородах" (Там же. С. 18). См. также: *Кушева Е.Н.* Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. С. 417–424 (о росте населения г. Саратова).

²⁷⁶ За исключением разделов в дореволюционных трудах А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милокова, Ю.В. Готье, М.М. Богословского, С.Б. Веселовского и ряда советских авторов, где о них говорится вместе с писцовыми книгами, а также статьи: *Шмелев Г.К.* вопросу о степени достоверности переписных книг // ЖМНП. 1898. № 6; см. также: *Шенукова Н.М.* К вопросу об итогах подворной переписи 1678–1679 гг. в Российском государстве. Из более поздних работ см.: *Французова Е.Б.* Переписные книги Смоленской земли второй половины XVII – начала XVIII в. как источник по истории народонаселения // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.

²⁷⁷ *Водарский Я.Е.* К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. // ИСССР. 1969. № 2. С. 133, 137, 138, 140, 142, 143; см. также: *Он же.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (гл. 1 "Проблема достоверности сведений о численности, сословно-классовом составе и размещении населения в источниках XVII века и некоторые вопросы методики их изучения"). С. 18–58. Соблюдение предостережения Водарского о необходимости пересчетов итогов писцов, когда речь идет о локальных территориальных единицах (в том числе и отдельных городах), важно не только в отношении переписных, но и писцовых книг. Так, построчный пересчет жилых дворов по всему тексту писцовой книги Нижнего Новгорода 1621–1622 гг. показал цифру 2364 двора, тогда как на основе писцовых итогов в исторической литературе фигурировали от 862 до 2013 дворов (*Филатов Н.Ф.* Нижний Новгород в первой четверти XVII в. // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма: Межвузовский сб. Горький, 1985. С. 33–34).

²⁷⁸ Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. 1; Вып. 1 (Продолжение). (Ротапринт).

²⁷⁹ *Водарский Я.Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. С. 74. В то же время приходится отметить и случаи, когда остается неудовлетворенность от недостаточно обстоятельной мотивировки при предпочтении автором того или иного итогового источника, от недостаточно обстоятельного описания источниковедческих подходов (*Водарский Я.Е.* Население дворцовых владений в России в последней четверти XVII в. С. 113–125), – именно этим описанием, по-видимому, автору пришлось пожертвовать, но именно оно представляет особую ценность. В 1977 г. И.А. Булыгиным была также опубликована общая сводная ведомость о численности крестьянских дворов, принадлежащих всему духовенству, но по переписи 1678 г. (*Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. Табл. 1. С. 43–52). Сопоставление ее со сводкой Водарского затруднено, так как Булыгин, к сожалению, не ссылается на сводку, опубликованную Водарским в 1975 г. (в книге присутствует ссылка на более раннюю статью Водарского, в которой итог дворов во владениях духовенства составлен по другим принципам).

²⁸⁰ *Тихонов Ю.А.* Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII – начала XVIII в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 146; *Он же.* Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.

²⁸¹ *Назаров В.Д., Тихонов Ю.А.* Помещичье имение в России в первой половине XVII в.: (Основные демографические и хозяйственные черты) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 г. Вильнюс, 1974.

²⁸² *Тихонов Ю.А.* Отписные и отказные книги Поместного приказа... С. 145, 152; *Он же.* Помещичьи крестьяне в России. С. 68; *Назаров В.Д., Тихонов Ю.А.* Помещичье имение в России в первой половине XVIII в. С. 72–75.

²⁸³ *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве 2-й половины XVII в. // Тр. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1926. вып. 1; *Он же.* Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.; *Он же.* К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. // Ист. зап. М., 1944. Т. 16.

²⁸⁴ *Заничева (Дубинская) Л.Г.* Социально-экономическое положение крестьян Шацкого уезда на материалах сысской комиссии В.М. Плещеева // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964; *Она же.* Крестьянские побег в второй половине XVII в.: (По материалам сыска Г.С. Исупова в Мещерском крае) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г. Кишинев, 1966; *Швецова Е.А.* Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. // Там же; *Она же.* Хозяйство дворянских крестьян Верхоземской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г.; *Она же.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.; см. также: *Булыгин И.А.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. // Ист. зап. М., 1953. Т. 43.

²⁸⁵ *Гудзинская А.П.* Документы сысских комиссий второй половины XVII в. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969.

²⁸⁶ Там же. С. 116–118.

²⁸⁷ *Пушков В.П., Промахина И.М.* Семья в системе русского крестьянского хозяйства: (По материалам сыска беглых крестьян 60-х годов XVII в. в Алатьрском и Арзамасском уездах: Опыт многомерного анализа) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.): (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Таллинн, 1986. Вып. 1.

²⁸⁸ Там же. С. 27, 32, 34.

²⁸⁹ *Палли Х.Э.* К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII–XVIII вв. (до ревизии душ 1781–1782 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г.; *Он же.* Естественное движение сельского населения Эстонии, 1650–1799 гг. Таллинн, 1980. Вып. 1–3; *Он же.* Образование комплексного массива материала при обработке источников по истории народонаселения // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; *Он же.* Население крестьянского домохозяйства (дворохозяйства) в Эстонии в

XVII–XVIII вв. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.): (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Вып. 1.

²⁹⁰ Палли Х.Э. К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII–XVIII вв. С. 147–149.

²⁹¹ Там же. С. 149–150. В этой статье автором определено естественное движение населения в девяти приходах Эстонии в 1691–1699 гг.

²⁹² Там же. С. 153–155, 158–161 (Прил. 2).

²⁹³ Палли Х.Э. Естественное движение сельского населения Эстонии, 1650–1799 гг. Вып. 1. С. 12–13. (Степень точности довольно высокая: при вероятности 0,90 отклонение не превышает 3%.) Однако автор справедливо замечает, что наличие метрических книг в приходах одних районов и отсутствие их в других повышают отклонение от средней (Там же. С. 13).

²⁹⁴ Там же. С. 13, 16, 37–38.

²⁹⁵ Там же. С. 80, 83.

²⁹⁶ До сих пор в историко-демографической литературе цитируется Н.И. Костомаров, со свойственной ему вольной психологической интерпретацией отметивший, что "Домострой" запрещает смеяться и играть с ребенком. Это его замечание приводится как иллюстрация "диких" отношений между родителями и детьми (Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 191).

²⁹⁷ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. II. С. 505–528.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XVIII в.

§ 1. Историческая динамика численности населения и его плотности.

Расселение. Миграции

Историография количественного учета населения до 60-х годов XVIII в. почти целиком посвящена ревизиям (I — 1719—1727 гг.; II — 1743—1747 гг.; III — 1761—1767 гг.)¹. Новая система учета населения страны в целях совершенствования его обложения, пришедшая на смену подворным переписям и вылившаяся в ревизский учет, по справедливому замечанию автора наиболее фундаментального труда о ревизиях В.М. Кабузана, "никаких чисто демографических целей (например, полного учета численности и состава всего населения страны и т.д.)... не преследовала"².

Первый этап изучения материалов ревизий относится непосредственно к эпохе их составления (труды И.К. Кирилова и В.Н. Татищева — о I ревизии, Г.И. Бакмейстера — о II ревизии, М.М. Щербатова — о III ревизии). Наиболее точные данные о податном населении по материалам I—II ревизий приводились И.Н. Болтиным, а также И.И. Голиковым, а по III ревизии — М.М. Щербатовым. В дальнейшем материалы ревизий все время находились под пристальным вниманием статистиков, отношение которых к ним колебалось от вполне доверительного (И.Ф. Герман, К.Ф. Герман, Е.Ф. Зябловский, К.И. Арсеньев, П.И. Кеппен) до суперкритического (Ю.Э. Янсон, А.А. Бушен)³.

Что касается историков, то обратившийся к данным I—III ревизий С.М. Соловьев почти полностью проигнорировал уже обнародованные ко времени написания его "Истории России" сведения о численности и составе населения России и обратился непосредственно к подлинным архивным ревизским материалам и клировым ведомостям⁴. Кабузан убедительно доказывает противоречивость и неполноту сообщаемых Соловьевым сведений, которые последний, однако, нигде не оговаривает⁵.

Критического подхода заслуживают и сведения о численности населения, приводимые В.И. Семевским, главная заслуга которого — изучение сословного состава крестьянства, в том числе и количественных его показателей. По мнению Семевского, "неизвестно точное количество крепостных крестьян во время первой ревизии", поэтому он начинает прямо со II (проведение которой относит к 1743—1746 гг.) и III ревизий (1762—1766 гг.)⁶, высчитывает процентное соотношение крепостных крестьян и всего крестьянства, пользуясь не окончательными данными и не учитывая по II ревизии население Петербургской губернии⁷.

Интерес к истории ревизского учета, проявленный В.О. Ключевским, привел его к выводу о сравнительной полноте и достоверности данных ревизий по сравнению с писцовыми материалами и подворными переписями XV—XVII вв.⁸ П.Н. Милюков обращается к данным ревизского учета дважды: используя взятые из архива неокончательные (1724 г.) цифры численности податного населения России по I ревизии (автор считает их окончательными) для характеристики государственного хозяйства России первой четверти XVIII в. и приводя показатели "нечетных" ревизий (I и III, а также V, VII и IX) как свидетельство постепенного роста русского населения (за XVIII в. с 13 до 40 млн) в "Очерках по истории русской культуры"⁹. Вопросы о сопоставимости территорий, к которым относятся данные этих ревизий, Милюков не ставил¹⁰. Рост посадского населения по I—III ревизиям с привлечением архивных материалов пролежен также А.А. Кизеветтером¹¹.

Советская историография до 50-х годов к материалам ревизий XVIII в. интереса почти не проявляла. Исключение составляет только серия локальных исследований саратовских историков, осуществленных в 20-х годах А.А. Гераклитовым, Е.П. Подъяпольской, П.Д. Степановым и Е.Н. Кушевой и построенных на материалах I—IV ревизий. В 1952 г. была опубликована источниковедческая статья Подъяпольской о ревизских сказках I—IV ревизий, призванная оживить интерес к этому источнику: автор подчеркивала, что форма ревизской сказки XVIII в. "значительно беднее ее многообразного и богатого содержания"¹².

Приступая в конце 50-х годов к преодолению отставания исторической науки в деле изучения истории народонаселения, В.К. Яцунский обратился к изучению движения населения за длительный период времени с 1724 по 1916 г. Главное достоинство работы — анализ размещения населения на сопоставимых территориях¹³. Однако для I—III ревизий автору пришлось пользоваться не архивными данными, а сведениями И.К. Кирилова и К.И. Арсеньева¹⁴. В обобщающих трудах по отечественной и всемирной истории, вышедших в конце 50-х годов, также использованы сведения о численности ревизского населения России до 60-х годов XVIII в. из трудов П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, В.И. Семева и т.д.¹⁵

С конца 50-х годов начинают появляться работы В.М. Кабузана, целиком посвященные ревизскому учету¹⁶. Основное внимание исследователь сразу же сосредоточил на определении полноты и достоверности данных ревизского учета, подразделив ревизские материалы на группы: ревизские сказки — первичные документы, ориентированные на отдельную семью; перечневые ведомости — результат обобщения данных ревизских сказок ревизскими комиссиями и т.д.; окладные книги и генеральные таблицы, суммирующие сведения о численности и сословном составе населения по уездам и губерниям; законодательные и другие сопутствующие материалы. Автор подчеркивает самостоятельное значение ревизских сказок, сохранившихся лишь частично, как ценного демографического источника местного значения: большинство вопросов, поставленных в сказках, в сводных материалах отражения не находит. Сказки начала и середины XVIII в. (I—III ревизии) особенно содержа-

тельные (хотя для I—II ревизий в них и отсутствуют сведения о женском поле). Перечневые ведомости и прочие материалы дают обобщающие показатели¹⁷.

Уточнив сроки и порядок проведения каждой из ревизий, охарактеризовав основные разновидности материалов ревизского, а также церковного и (с конца XVIII в.) административно-полицейского учета и сводные материалы всех этих видов учета населения, на фоне выяснения административно-территориального изменения внутренних и внешних границ России, Кабузан отвечает на вопросы о полноте, точности и достоверности всех рассмотренных видов учета положительно. По мнению Кабузана, "численность не учтенного ими (ревизиями. — Н.Г.) податного населения не превышала в среднем 1—2% всего подлежащего ревизскому учету населения, а общая численность, не учитываемого ревизиями, не превышала 3% всего населения России"¹⁸.

По I ревизии в России (включая Гетманщину и Прибалтику) автор насчитывает 7 108 711 д. м.п. податного и 7 889 927 д. м.п. всего населения, по II — соответственно 8 481 213 и 9 103 387 д. м.п., по III — 10 686 610 и 11 617 692 д. м.п. (сведения о женском населении по III ревизии принимались без проверки, и они менее достоверны)¹⁹.

После выхода в свет труда Кабузана, привлечшего внимание к архивным материалам ревизского учета (в частности, и к хранящимся в РГАДА (прежде: ЦГАДА) ревизским сказкам I—III ревизий), заново, на архивной основе, уточняет численность дворцовых крестьян по данным I—III ревизий Е.И. Индова²⁰. Сводные ведомости II, III и IV ревизий по Сибирской губернии использованы М.М. Громыко при выяснении динамики податного населения юго-западного района Западной Сибири в 1744—1782 гг.²¹ Впервые к определению динамики численности населения Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. обратились А.М. Карпачев и П.Г. Козловский. Не удовлетворившись данными Кабузана (по V ревизии, на конец XVIII в.), объединяющими белорусские и литовские земли, авторы вычлениют белорусскую территорию, к которой относятся имеющиеся в их распоряжении данные о населении, и высчитывают среднюю населенность дыма (раздельно для сельских и городских поселений) на основании инвентарей 58 белорусских поватов второй половины XVIII в. (7 человек для деревни и 6 для города). По тарифу подъемного налога 1791 г. авторы насчитывают в западных и центральных поватах Белоруссии 1984 тыс. человек о.п., а вместе с восточной — около 3224 тыс. человек о.п. Выведенную ими среднюю населенность дыма авторы используют для определения численности населения Белоруссии на 1650, 1667—1673, 1690, 1717, 1745—1780 гг.²²

Подводя в 1963 г. итоги первым достижениям в изучении истории народонаселения, Яцунский отметил для XVIII в., кроме трудов Кабузана о ревизиях, его разыскания в архивах относительно численности населения Украины, а также работу Н.М. Шепуковой о помещичьих крестьянах по данным ревизий, высоко оценив значение этих исследований для исторической демографии России²³.

В монографии Кабузана о народонаселении России в XVIII — первой половине XIX в. дана характеристика и другого важнейшего источника

сведений о движении населения России в XVIII в. — церковного учета. Церковный учет православного населения и раскольников законодательно был введен еще в начале XVIII в. (с 1702 г.), но лишь с 20-х годов синодские указы 1722 и 1724 гг. категорически предписали священникам составлять ежегодные клировые ведомости о числе исповедовавшихся и вести метрические книги, экстракты из которых следовало ежегодно отсылать архиереям. В архивах (с той или иной степенью полноты) сохранились метрические книги за весь XVIII в. начиная с 1722 г.²⁴

Кабузан, которого в первую очередь интересовали сводные материалы, отмечает, что данные церковного учета недостаточно полны, в них отсутствуют сведения о движении населения по отдельным сословиям, до последней четверти XVIII в. не учитывалось дворянство, до 30-х годов не фиксировалось население неправославных исповеданий (исключение — Прибалтика), менее полно по сравнению с мужским регистрировался женский пол и т.п. Однако в целом ценность церковного учета для изучения естественного движения населения сомнения не вызывает. Ценные сведения содержат также сводные общероссийские клировые ведомости (частично и о словном составе православного населения) и, что особенно важно, о численности женского населения времени I и II ревизий, этими ревизиями не учитываемого. Кабузан выражал естественное сожаление, что ни историки, ни статистики не используют материалы клировых ведомостей, в том числе и немногих опубликованных (за первую половину столетия это ведомости 1737 и 1741 гг.)²⁵. В монографии Кабузана содержится также характеристика сводных материалов ревизского, церковного и административно-полицейского (введенного в конце XVIII в.) учета населения²⁶.

Лишь четверть века спустя, в конце 80-х годов, появилось исследование, опирающееся главным образом на данные демографического учета русской православной церкви: труд Б.Н. Миронова о русском городе 1740—1860-х годов. Основным источником для него послужили исповедные и метрические ведомости (исповедный учет во всей России, по мнению Миронова, был налажен только к концу 1730-х годов), а также данные административно-полицейского учета²⁷. Предварительно исследователем был проведен обстоятельный источниковедческий анализ данных церковной статистики²⁸.

Вся историография 70—80-х годов в вопросах определения общей численности и движения населения России XVIII в., охваченного ревизским учетом, опирается на источниковедческие наблюдения и конкретные подсчеты, произведенные Кабузаном²⁹. Позднейшие уточнения относятся обычно к отдельным регионам³⁰.

В 1980 г. увидело свет детальное исследование естественного движения сельского населения Эстонии, проведенное Х.Э. Палли. Оно основано на данных церковного учета и ревизских сказок. Автор устанавливает общее количество населения в пределах XVII—XVIII вв. на 1640 г. (120 тыс. человек), конец XVII в. (около 400 тыс. человек — 9 человек на 1 кв. км), 1712 г. (170 тыс. человек), 1732 г. (около 240 тыс. человек), на 1782 г. (485 тыс. человек)³¹.

По мнению Палли, "численность населения в 400—500 тыс. человек при такой форме феодальной эксплуатации, которая была характерна для Эстонии (мызное барщинное хозяйство), явилась пределом"³².

Исследовательский интерес к особенностям учета населения России в XVIII в. не ослабевает (как порегиональный, так и применительно к разным сословиям или сословным группам)³³. Особую историографию накопило источниковедческое изучение таких нарративных источников с данными о количестве и составе сельского и городского населения Сибири, как академические анкеты XVIII в. — В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и анкета 1760—1761 гг.³⁴

В 60-х годах в историографии обозначился интерес к вопросам размещения и расселения сельских жителей первой половины XVIII в. Территории дворцовых владений и расселению дворцовых крестьян (равно как и их соотношению с другими категориями крестьянства) посвящен отдельный очерк в монографии Е.И. Индовой о дворцовом хозяйстве. Первая часть монографии М.М. Громыко о Западной Сибири XVIII в. целиком посвящена населению (сельскому в ранее освоенных районах и городскому), а также миграционным процессам и заселению новых территорий и т.п.³⁵ Таковы были уже первые ощутимые результаты поворота интереса историков, занимающихся социально-экономической проблематикой, к народонаселенческим проблемам.

В 1971 г. вышла книга Кабузана об изменениях в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. Автор берет весьма значительный хронологический отрезок (1719—1858 гг.) и прослеживает изменения суммарно сразу за почти 140-летний период. Для нас представляют интерес наблюдения, во-первых, по всей территории России и, во-вторых, на сопоставимой территории в границах 1721 г. (с включением Левобережной Украины и части Прибалтики с их частными ревизиями)³⁶. Среднегодовой прирост населения в пределах 1719—1744 гг. (I—II ревизия) оказывается равным 0,62%. Между II и III ревизиями население выросло очень сильно — на 27,62%, но главным образом за счет присоединения новых территорий. За 25 лет между I и II ревизиями с 1719 по 1744 г. (на сопоставимой территории) население увеличилось только на 16,88%. Причины автор видит в войнах [Северная война, война с Турцией (1735—1739 гг.) и Швецией (1741—1743 гг.)], в результате которых в рекрутах за это время оказалось свыше 0,5 млн человек, голоде и эпидемиях, в усилении феодально-крепостнического гнета (закрепощение холопов по I ревизии, массовое закрепощение государственных крестьян, абсолютный рост численности крепостного крестьянства)³⁷.

Сравнение, проведенное в границах I ревизии, дает среднегодовой прирост от I до II ревизии — 0,66%, а от II к III — 0,94%. Прирост населения тут ко II ревизии составил 18%, а от II к III — 18,49%. Среднегодовой прирост населения между II и III ревизиями (0,94%) оказывается значительно выше среднего за весь почти 140-летний период. Кроме отсутствия голода и эпидемий, а также малого количества войн (только Семилетняя) автор видит причину такого роста в том, что феодально-крепостническая система "еще не переживала того острого кризиса, который так сильно проявился в XIX в. Со II по III ревизию крепостное крестьянство по всей

России выросло не только в абсолютных цифрах, но и в процентах ко всему населению"³⁸.

Легко убедиться, что такое объяснение довольно противоречиво. Рост закрепощенного населения в одних случаях оказывается причиной снижения, а в других — повышения среднегодового прироста населения. Повидимому, исследователям проблем народонаселения первой половины XVIII в. предстоит в дальнейшем еще более внимательно отнестись и к методам учета (о возможных их неточностях по отношению к III ревизии автор пишет), и к выяснению всего комплекса причин, влиявших на воспроизводство населения применительно к отдельным территориям.

Сельское расселение XVIII в. порегионально изучалось И.В. Власовой (для Устюжского края) и П.А. Колесниковым для деревни русского Севера в целом. Колесников, в частности, уделил много внимания дворности северной деревни, которая, по его мнению, неуклонно увеличивалась: XVI в. — около 3 дворов; в первой четверти XVII в. — 3,4 двора; по переписи 1678 г. — около 5 дворов, а в конце XVIII в. уже около 8 дворов. Однако малодворных деревень по-прежнему оставалось много, особенно в Олонецкой губернии (даже в XIX в. — до 39% всех селений)³⁹.

В очерке В.А. Липинской о русских сельских поселениях Сибири приведена небогатая историография этого вопроса (проблема до 80-х годов почти не рассматривалась), уделено много внимания дворности деревень, типологии сельскохозяйственных селений (слободы, погосты, села, деревни, починки) XVII и XVIII вв. и их функциям. Автор отмечает большое разнообразие в заселенности русских селений XVIII в. в зависимости от географических и других условий (от 1—2 до нескольких сотен дворов), требующее локального подхода. Дворность селений в Восточной Сибири в целом меньшая, чем в Западной⁴⁰.

Изучение расселения Эстонии приводит исследователей к выводам, что если в конце XVII в. Южная и Северная Эстония были населены примерно в равной степени, то после чумы 1710—1711 гг., от которой сильнее пострадала Северная Эстония, Южная Эстония в течение XVIII в. стала более многолюдной. Наблюдалась внутренняя колонизация многих ее малонаселенных приходов⁴¹.

Города Эстонии как в конце XVII, так и в XVIII в. оставались малочисленными (в Таллинне и в конце XVII в., и в 1782 г. — 11 тыс. человек, в Тарту — соответственно 3 тыс. и 3500 человек, в Нарве — в обоих случаях 3 тыс. человек)⁴².

Город первой половины XVIII в. с историко-демографической точки зрения до сих пор очень мало привлекает внимание исследователей⁴³. Такое наблюдение было высказано еще в историографической статье 1966 г., принадлежащей перу исследователя русского города XVIII в. Ю.Р. Клокмана (он относил его ко всему XVIII в.). Кроме очерков Б.Б. Кафенгауза, П.Г. Рындзюнского, Е.И. Заозерской, Е.Н. Кушевой, К.В. Сивкова, А.Е. Сукновалова в обобщающем труде по отечественной истории — "Очерках истории СССР" — и многотомниках по истории Москвы и Ленинграда, Клокман называет только две статьи, отражающие порайонное изучение городов России, а также монографию о

социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в., написанную им самим⁴⁴.

Кафенгауз приводит численность посадского населения страны по I ревизии (183 437 д. м.п., 3,1% от всего населения), показывает, что наиболее крупные посады первой четверти века были сосредоточены в центре и на северо-западе страны, в Московской (51 892 человек м.п.) и Петербургской (41 531) губерниях, а также в Сибирской (20 188), включавшей Урал и Приуралье. Посадское население Москвы, сократившееся в 1710—1715 гг., далее растет — в 1725 г. в посаде столицы насчитывалось 7783 главы семейств против 6568 дворов в 1701 г.⁴⁵ Число городов, имевших посады, увеличилось со 189 в первой четверти века до 202 во второй. Число посадских душ от I до II ревизии по стране увеличилось на 25 тыс. (с 187 до 212 тыс.), а к III ревизии — еще на 16 тыс. (подсчеты П.Г. Рындзюнского даны по А.А. Кизеветтеру). Более четверти всех городов России (52 из 202) концентрировались в центре страны⁴⁶. По синодальным ведомостям П.Г. Рындзюнский и К.В. Сивков сравнивают население Москвы на 30-е и 70-е годы (138 792 и 161 101 житель о.п.). В Петербурге 30-х годов насчитывался лишь 68 141 житель о.п., а в 70-х — уже 174 778. Авторы считают, что за счет постоянно притекавшего пришлого населения Москва была к концу века все же многолюднее новой столицы⁴⁷.

Наряду с ограниченным числом исследовательских трудов по истории города первой половины XVIII в., использованием в обобщающих работах материала, в основном введенного в оборот еще в дореволюционный период, В.Н. Бернадский в 1962 г. продолжал развивать имеющую давнюю традицию концепцию об отсталости городского развития России XVIII в.⁴⁸ И в дальнейшем, в 60—80-х годах, разработка истории города XVIII в. (а значит, и его историко-демографических аспектов) носила довольно случайный характер. В основном историография пополнилась статьями, посвященными судьбам отдельных городов⁴⁹. Общие вопросы были поставлены лишь в статье В.М. Кабузана и Р.Н. Пуллата, касающейся источников о численности городов России XVIII в.⁵⁰

Новая струя в изучение города XVIII в. была внесена в 1990 г. уже упоминавшимся исследованием Б.Н. Миронова, в первой главе которого определяется численность городского населения для Европейской и всей России начиная с 1742 г. (автор устанавливает число и распределение городских поселений по количеству жителей и динамику городского населения, в том числе в пределах XVIII в. — на 1783, 1796, 1797, 1798, 1799 и 1800 гг.). При этом данные на 1742 г. автору приходится реконструировать, так как для 1737—1748 гг. сохранились сведения о населении только 26 городов, но есть сведения об общей численности приехавших в Россию и о демографических процессах (рождаемость, смертность, брачность) в большинстве городов (в 209 из 389). По этим показателям автор устанавливает примерный удельный вес, а по нему и ориентировочную численность городского населения.

Доля городского населения в Европейской России оказывается для 1740 г. выше 10% (учтены и неподатные сословия)! Подкрепив свой расчет соотношением доли городских податных сословий в общем населе-

нии страны и среди горожан в 1737—1744 г., Миронов делает убедительный вывод, что в середине XVIII в. в городах проживало от 9,14 до 10,3% всего населения страны. Оценивая уровень урбанизации всей России, автор присоединяется к условным расчетам статистиков XVIII в. К.Ф. Германа и А.К. Шторха: в России 1780-х годов в городах проживало до 10—11% населения. С 1730-х годов Миронов фиксирует медленный рост абсолютной численности городского населения при одновременном уменьшении процента городского населения⁵¹.

Изменение социального состава населения России XVIII в. отечественной историографией было прослежено прежде всего по отношению к крестьянству — рассмотрение сословной его структуры предпринял В.И. Семевский, который привел погубернские сведения о численности помещичьих, посессионных, дворцовых, "государевых", церковных и государственных крестьян по данным I и III ревизий⁵². Соответствующие данные I ревизии (которая первоначально учла как податное, так и неподатное население) были полностью введены в научный оборот только в конце 50-х — 60-х годах. Это прежде всего заслуга Н.М. Шепуковой, опубликовавшей ряд исследований о социальном составе населения по материалам ревизий⁵³, а также В.М. Кабузана, который, будучи неудовлетворен приводимыми в историографии конца 50-х годов сведениями о количестве и динамике крепостного населения и сословном составе русского крестьянства XVIII в., уже в своей книге 1963 г. о ревизском учете детально останавливается на том, что дают материалы I и последующих ревизий для определения социального состава населения (список категорий населения, подлежащих учету, был окончательно разработан в начале III ревизии), какие сведения на этот счет можно извлечь из ревизских сказок, метрических книг, клировых ведомостей и т.д.⁵⁴

В дальнейшем изучение проблемы продолжено Кабузаном в ряде статей. Шепуковой и Кабузаном установлено, что в XVIII в. численность крепостного населения возрастала в абсолютных цифрах (в границах России 20-х годов XVIII в. по I ревизии — 3176 тыс., по II — 3781, по III — 4401,5 тыс. д. м.п.), однако удельный вес помещичьих крестьян начал снижаться в первой половине XVIII в. — со II ревизии (I ревизия — 50,19%, II — 52,20, III — 52,17, а IV — 48,77% всего населения)⁵⁵. Отталкиваясь от материалов I ревизии и ведомостей о наборе рекрутов 1787 г., Шепукова проследила во всех районах Европейской России за XVIII — первую половину XIX в. рост численности крупных помещиков, значительный рост численности принадлежавших им крестьян и уменьшение количества мелких помещиков и их крестьян⁵⁶.

В 60—70-х годах выходит целый ряд трудов, в которых даются количественные характеристики отдельных категорий крестьянства (по их владельческой принадлежности), их изменение во времени и соотношения с другими категориями населения. В отношении дворцовых крестьян такое исследование, как уже говорилось, проведено Е.И. Индовой (автор констатирует малочисленность дворцовых крестьян по сравнению с другими категориями, на 1738 г. ею приводятся такие цифры для восьми губерний России без Петербургской: помещичьих крестьян — 71,2%,

монастырских — 15,3%, а дворцовых — 13,5%)⁵⁷. Индова обращает внимание на изменение численности такой категории населения, как бобыли. Уменьшение числа бобылей в дворцовых владениях автор объясняет изменением терминологии для их обозначения (теперь это "нищие", "беззятлые", "бездворные" и т.п.)⁵⁸. На росте числа бобылей, нищих, наемных людей в первой четверти XVIII в. (как и в течение всего XVII в.) останавливается П.А. Колесников, фиксирующий их количество для отдельных областей русского Севера первой четверти XVIII в. на уровне 20—28% от общего числа населения. Колесников также считает, что "отсутствие упоминаний о нищих в документах после 1725 г. отнюдь не говорит об исчезновении этой группы населения, а является результатом изменившегося учета населения и системы податного обложения". В целом автор рассматривает это явление под углом зрения тенденции "к неуклонному уменьшению населения, обслуживающего нужды земледелия"⁵⁹.

К вопросу об общей численности государственных крестьян по I и II ревизиям обращался Н.М. Дружинин (по I ревизии — 19%, по II — 39% от общего числа крестьян)⁶⁰. В дальнейшем этот вопрос применительно к отдельным регионам поднимался в монографических исследованиях и обобщающих трудах⁶¹. Наконец, в конце 80-х годов вышла статья Кабузана о численности, составе и размещении государственных крестьян за XVIII — середину XIX в., вводящая в оборот сведения о поуездном размещении государственных крестьян. Для I ревизии (1719 г.) автор пользуется поуездной "генеральной ведомостью", составленной в 1738 г., а по II—III ревизиям (1744—1762 гг. — основные годы ревизии) — поуездной "генеральной ведомостью" 1767 г., содержащей данные о численности и размещении всех категорий государственных крестьян страны, окончательно сформировавшихся в 20-х годах XVIII в.

Автор приходит к выводу, что по I ревизии государственные крестьяне (без церковных, которых автор рассматривает для всего периода в составе государственных, имея в виду, что они с 1764 г. становятся экономическими) составляли всего 23,3% населения. Особенно много их было в южных губерниях (около 40% всех жителей) — за счет однодворцев⁶². В 20-х годах XVIII в. численность и удельный вес государственных крестьян "возрастают по мере удаления от центра страны (кроме западных губерний) и лишь на малозаселенных окраинах вновь снижаются". В течение XVIII в. (Кабузан сравнивает данные I и V ревизий) удельный вес государственных крестьян вырос (в границах страны 20-х годов) с 23,3 до 32,4%⁶³. Для 20-х годов XVIII в. Кабузан отдельно рассматривает порайонное размещение черносошных, экономических, яшашных крестьян, однодворцев и украинских казаков (по I ревизии они составляли 94,7% всех государственных крестьян)⁶⁴.

Кабузану принадлежит и последнее итоговое исследование численности, состава и размещения крепостного (помещичьего) крестьянства России в XVIII — 50-х годах XIX в., согласно которому численность частновладельческого населения страны в XVIII в. в основном возростала, темпы же его прироста и удельный вес по отношению ко всему населению (в границах 20-х годов) начинают снижаться с 60-х годов XVIII в. — "сначала умеренно"⁶⁵.

Для монастырских (церковных) крестьян первой четверти XVIII в. подсчеты проведены И.А. Булыгиным. Дополнив опубликованную еще в начале XX в. сводную ведомость из фонда Коллегии экономии о количестве крестьян, числившихся за Синодом, архиерейскими домами и монастырями по I ревизии, автор получил 791 085 д. м.п. (у Кабузана примерно столько же — 791 798 д. м.п.). По его мнению, за первые два десятилетия число монастырских крестьян выросло на 76 тыс. (примерно 11%). Монастырские крестьяне по I ревизии составляли 13,8% от всего крестьянского населения⁶⁶. А.И. Комиссаренко восполнил пробел 30—60-х годов в исследовании количественных изменений крестьянства, принадлежащего духовенству. Используя ведомости 1739 и 1759 гг., обнаруженные в фонде Сената, автор приходит к выводу, что в первой половине XVIII в. шел интенсивный процесс консолидации крестьян в крупных владениях духовенства (свыше 500 д. м.п.). К 1759 г. духовенство эксплуатировало 894 063 д. м.п. (по данным II ревизии — 876 339 д. м.п.), из них монастырские и архиерейские крестьяне составляли 93,58%⁶⁷.

Кафенгауз и Рынзюнский рассмотрели социальный состав некоторых городов и обеих столиц страны первой половины XVIII в. в "Очерках истории СССР". По мнению Кафенгауза (им приведены примеры Тулы, Дмитрова, Свияжска), в начале XVIII в. большая часть населения посадов состояла из ремесленников и чернорабочих⁶⁸. В 1730-х годах 44% всего населения Москвы составляли дворянство, чиновники, военные и духовенство, а 25% — дворовые люди, обслуживающие своих владельцев, 17% приходилось на посадских, а 13% — крестьяне, не записанные в посад, но постоянно живущие в столице. На рубеже 30—40-х годов здесь насчитывалось также 5,5—6 тыс. рабочих мануфактур ведомства Мануфактур-коллегии. Учет населения в пригородных слободах Москвы зафиксировал в 1730 г. несколько сот помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян из девяти уездов страны (в основном это незаконные пришельцы в город). Рынзюнский делает вывод, что во второй четверти XVIII в. из деревни в город наряду с разбогатевшими крестьянами вытеснялось значительное количество бедноты. Дворянско-служилый элемент в Петербурге 1730-х годов еще выше — 70%, посадских и цеховых — всего 7, крестьян — тоже 7%⁶⁹.

Анализируя изменение социального состава постоянного населения Москвы от 30-х годов XVIII в. к концу 80-х годов, Рынзюнский и Сивков отмечают численное сокращение основных городских сословий: купцов, мещан и цеховых ремесленников (их удельный вес упал с 17 до 12%). Удельный вес приказнослужителей, духовенства и т.п. сократился до 21%, а число крестьян и дворовых в сумме выросло примерно с 39% в 30-х годах до 66% в 80—90-х годах. Авторы считают также, что в 30-х годах в Москве было несколько больше женщин, чем мужчин (из 138 792 человек 73 479 женщин), а по данным 80-х — начала 90-х годов, мужчин — 114 тыс., женщин — 61 тыс., что свидетельствует о торгово-промышленном характере города⁷⁰. Авторы прослеживают изменения в положении от 30-х к 80-м годам каждой из социальных групп населения Москвы с выяснением ее удельного веса⁷¹.

В 70-х годах С.М. Троицким была проведена огромная работа по изучению процесса формирования бюрократии в России XVIII в. Автор прослеживает организацию учета дворян в первой половине XVIII в. — учреждение в 1722 г. (одновременно с введением табели о рангах) и дальнейшую работу Герольдмейстерской конторы и анализирует обнаруженный им уникальный комплекс источников — материалы переписей чиновников России, проведенных в 1754—1756 гг., выявляя количественный и социальный состав бюрократии. В середине 50-х годов XVIII в. из 5 379 человек, учтенных переписью, 59,4% оказываются разночинцами. На чиновников-дворян приходилось 40,6%. Потомственные дворяне среди чиновничества составляли всего 21,57%. Остальные 78,5% чиновников — разночинцы. "Таким образом, в середине XVIII в. почти 4/5 бюрократии Российской империи составляли выходцы из непривилегированных сословий". Однако дворяне преобладали среди чиновников I (87,5%) и II разрядов (76,8%), сохраняя за собой важнейшие посты в аппарате управления абсолютистского государства⁷².

Социальная структура городского населения России исчерпывающе прослежена Б.Н. Мироновым отдельно по данным церковного и ревизско-административного учета с выделением ее региональных особенностей. Определена роль разных факторов в изменениях этой структуры (имеются в виду такие факторы, как естественный прирост, миграции и социальная мобильность) на разных временных отрезках, в пределах которых действовали одни и те же тенденции, определявшие социальную структуру населения (первый из них охватывает, по мнению автора, 1737—1796 гг.). Миронов приходит к выводу, что промышленная и торговая функции города отставали в своем росте, так как "развитие торговли и промышленности в России XVIII в. происходило часто не только помимо городов, но и в ущерб им"⁷³. Автор фиксирует достаточно высокую межсословную мобильность, а внутрисословную межпоколенную социальную мобильность в России XVIII — первой половины XIX в. выражает коэффициентом не ниже, чем 0,4—0,5 (т.е. 40—50% детей в течение своей жизни приобретали социальный статус, отличный от статуса отцов)⁷⁴.

Судьбе холопства на последнем этапе его существования посвящены работы Е.В. Анисимова, прослеживающего изменения в социальной структуре русского общества в связи с податной реформой 1723 г. Автор анализирует сводные табели из сказок уездных людей о населении ряда уездов и провинций Московской губернии, поданные в 1719—1720 гг. в канцелярию переписных дел и учитывающие отдельно крестьян и всякого рода деловых и дворовых помещичьих людей (11 разных категорий). Судя по табелям Козельского, Мещевского, Мосальского, Калужского, Медынского, Боровского, Верейского и Перемышльского уездов, на 131 518 крестьян здесь приходилось 17 097 деловых и дворовых людей, из которых только 10% имели свою пашню и были близки к крестьянству. Автор показывает, что регулярная армия Петра I до 1705 г. (начало регулярных рекрутских наборов) создавалась главным образом из "боевых" холопов ("вольница" и "даточные"). К началу Северной войны из них было набрано 29 полков (33 тыс. человек). Всего к 1711 г. на службу

было принято 139 тыс. — по-видимому, считает Анисимов, это все деловые и дворовые люди. Цифра очень значительная, если вспомнить, что в конце 70-х годов XVII в. в России было примерно 200 тыс. холопов. Из холопов-отпущенников, не взятых в армию (судя по сводным ведомостям об отпущенниках), более половины к 1724 г. оказались в помещичьих крепостных крестьянах⁷⁵.

Изменение профессионального состава населения первой половины XVIII в. остается до сих пор мало исследованной областью⁷⁶, хотя богатый материал для таких наблюдений содержится в ревизских сказках: в ревизских сказках и I и II ревизий предусматривалось указание на род занятий лиц мужского пола⁷⁷. Цеховая система в городах (а следовательно, и соответствующий учет) была развита слабо. В Москве 30-х годов насчитывалось 8,5 тыс. мелких производителей, записавшихся в цехи, и около трех десятков мануфактур. В городах Московской губернии и целиком по стране цехи были немногочисленны. В Московской губернии они имелись только в 10 городах из 52 (общее число цеховых — не больше 3% от всего населения посада). Вторая ревизия зарегистрировала цехи в 92 городах из 202, всего в них состояло 12 714 ремесленников. В действительности ремесленников насчитывалось гораздо больше⁷⁸. По документам податной статистики 1767 г. в Москве известно только 414 ремесленников, записавшихся в цехи, а в 1786 г. — 663. Сравнивая эти показатели с 30-ми годами, Рындзюнский и Сивков делают вывод о непрочности цеховых организаций. Список членов 60 московских цеховых организаций конца 30-х годов свидетельствует, что на долю посадских людей среди цеховых ремесленников приходилось 20,9%, на долю разночинцев — 12,8, а на долю крестьян — 61,7%. Московские посадские люди в основном состояли в цехах скорняжного, шляпного и столярного дела. Сплошь крестьяне (преимущественно помещичьи) были заняты в цехах "хлебного мастерства", "маркитанском", мелких продавцов съестного, плотницкого, каменного, золотарного, резного деревянного, позументного золотого и серебряного дела и др. Крепостнические формы труда (судя по частичным данным 60-х годов) составляли на московских мануфактурах 44%⁷⁹.

В историографии накопились наблюдения о развитии ремесла и превращении его в мелкое товарное производство по городам и уездам Сибири, Урала⁸⁰. Исследованы рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. и горнозаводское население Урала — в XVIII в. Выявлена численность населения в фабричных и кустарных селах в Московской губернии с разным профилем занятий 1646, 1715—1717, 1762 гг. (Богородицкий и Бронницкий уезды)⁸¹.

Проблема миграций населения в XVIII в. имеет довольно обширную историографию, сформировавшуюся за последние 40 лет, начиная с 50-х годов. В истоках ее — статьи В.К. Яцунского об изменениях в размещении населения Европейской России с 1724 г. и о взаимодействии двух факторов — миграций и высокого естественного прироста населения — в деле заселения колонизовавшихся районов России⁸². Данные о размерах увеличения населения в колонизирующихся районах юга и востока (автор выводит среднегодовой рост населения в процентах для этих районов за

весь XVIII в.) позволяют обосновать вывод о пониженном естественном приросте населения в центре страны: в наиболее заселенном Нечерноземном центре он был ниже среднего по стране.

Яцунский устанавливает изменения в удельном весе отдельных районов страны, произведенные миграционными процессами, вкупе с различиями в уровне естественного производства к концу XVIII в.: если в 1727 г. численность населения колонизирующихся районов юга, востока и юго-востока составляла 37,7% всего населения Европейской России, то к 1796 г. — уже 47,9%. Удельный вес Нечерноземного центра снизился с 40 до 31%⁸³. Приблизительный расчет среднегодового процента роста населения для первой четверти XVIII в., проведенный Яцунским (для всего государства — 0,73%, для старых территорий — 0,31, для юга — 1,87, для востока — 1,66%), позволяет говорить о "весьма сильных миграционных процессах". На первых этапах заселения колонизирующихся районов основная причина роста — иммиграция из старых районов. По мере их освоения такой причиной все больше становится повышенный естественный прирост, стимулируемый лучшими, чем в районах старого заселения, условиями жизни⁸⁴.

В теоретическом отношении представляют интерес также работа С.А. Ковалева (содержащая историографию сельского расселения), статья о миграциях Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана⁸⁵. Миграции населения России дореволюционного периода много внимания уделено в статье С.И. Брука и В.М. Кабузана⁸⁶. Вопрос о влиянии природных факторов на колонизационные процессы XVII—XVIII вв. поставлен А.А. Преображенским⁸⁷.

Миграционные процессы активно исследуются применительно к отдельным регионам. Совпадая с вопросами региональной динамики населения, эта проблематика тесно связана с изучением освоения окраин. Особенно много в изучении региональной динамики населения в связи с освоением новых территорий сделано в сибиреведении. Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов вышел целый ряд трудов, посвященных миграционным процессам применительно к отдельным районам Сибири (В.Н. Шерстобоева, Н.В. Устюгова, Ю.С. Булыгина, Ф.Г. Сафронова, П.Н. Павлова). Динамика населения Сибири в XVIII в. прослежена В.М. Кабузаном и С.М. Троицким⁸⁸. Все исследователи исходят из ведущей роли вольнонародного заселения края главным образом выходцами из Поморья, из северорусских губерний. Действиям властей по организации заселения внимания уделялось значительно меньше⁸⁹.

М.М. Громько пришла к заключению, что в XVIII в. в процессе заселения Западной Сибири на первый план выдвинулись внутрорегиональные перемещения крестьянства, искавшего удобных для хлебопашества незаселенных земель, и уловила опережающий рост населения в местах существования мануфактурного производства⁹⁰. Активность внутрорегиональной миграции сибиряков в XVIII в. убедительно аргументирована А.Д. Колесниковым на основании ревизских книг и церковного учета населения, им же резко подчеркнут вывод о высоком уровне сибирского естественного прироста⁹¹. Итог современному состоянию изучения крестьянского заселения Сибири подведен А.Д. Колесниковым и Г.Ф. Бы-

коней в обобщающем труде "Крестьянство Сибири в эпоху феодализма"⁹².

Проблема расселения и миграций для Поморья, точнее для Европейского Севера, успешно развивалась в трудах М.В. Витова и И.В. Власовой (общая картина размещения населения в динамике, методика картографирования материала источников)⁹³. Особенно много сделано П.А. Колесниковым (для изучения миграционных процессов в первой четверти XVIII в., для выяснения размеров принудительной мобилизации северного крестьянства, бегства и отходничества его в первой половине XVIII в.)⁹⁴.

Мобильности эстонского крестьянства XVIII в. посвящены работы Э.Э. Эпик. Статистика миграций для первой половины века по Эстонии также отсутствует. Исследовательница исходит из сравнения данных ревизий 1721—1724 и 1744 гг., в которых отмечены мигранты по имениям (в 1721—1724 гг. их было 8,1% по отношению ко всему крестьянскому населению, а в 1744 г. — 2,95%). Эпик устанавливает прямую зависимость между быстрым ростом населения по приходам и наивысшей долей мигрантов. Ревизии, проводившиеся в Эстляндии на протяжении второй и третьей четверти XVIII в. (7 ревизий с 1732 по 1774 г.), систематически регистрировали, кроме численности крепостного крестьянства, сведения о выходах крестьян за пределы имения, что дало возможность Эпик выявить среднегодовые числа крестьянских выходов и соотнести их со средним количеством крестьянского населения между каждыми двумя ревизиями⁹⁵.

Заселение и освоение юга России в первой половине XVIII в. нашло отражение в трудах В.А. Голобуцкого, Е.П. Подъяпольской, А.П. Пронштейна и Н.А. Мининкова, А.Г. Слюсарского и др.⁹⁶

В последнее тридцатипятилетие пополнилась историография проблемы беглых крестьян⁹⁷, рассматривающая ее для первой половины XVIII в. под углом зрения не только классово-борьбы, но и миграции населения⁹⁸, колонизационно-хозяйственного освоения территории. С этой точки зрения рассматривается бегство из центральных областей страны в Среднее Поволжье⁹⁹, бегство в Сибирь (по-прежнему в основном с русского Севера)¹⁰⁰. Исследователи Сибири XVIII в. на материале разных районов показали решающую роль естественного прироста в увеличении здесь русского населения, равно как и преобладание внутрирегиональных перемещений по сравнению с притоком переселенцев извне (труды Ю.С. Булыгина, М.М. Громько, Н.А. Миненко, Н.Г. Аполловой, В.В. Воробьева, Г.Ф. Быкони). Бегству крестьян Поморья между I и II, II и III ревизиями уделяли внимание П.А. Колесников и А.И. Комиссаренко¹⁰¹.

Особый аспект проблемы бегства — тайные миграции "записных раскольников", спасающихся от подушного оклада и преследований, — поднят в отечественной историографии на материале ревизской статистики Н.Н. Покровским. С начала учета старообрядческого населения в 1716 г. и до 1737 г. было записано 190 944 человека о.п., налицо в 1737 г. их оказалось лишь 48 299 человек, а к началу II ревизии — 14 757 человек о.п. Вторая ревизия учла (в том числе и заново) 42 207 старообрядцев — к 1753 г. их осталось только 15 308 человек о.п.¹⁰²

Автор обращает внимание на то, что официальная демографическая статистика "совершенно не замечает" тайную вольнонародную колонизацию, осуществляемую этими беглецами. Тот факт, что интереснейшие данные учета первыми ревизиями старообрядческого населения страны до самого последнего времени оставались вне внимания историков, лишний раз свидетельствует, что дальнейшая разработка не только итоговых данных ревизской статистики, но и других, более локальных ее материалов (в том числе и ревизских сказок) — дело для науки весьма перспективное.

§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения

Данные о семье XVIII в., щедро включенные в некоторые из описаний ("топографических", "статистических") губерний и уездов последней четверти XVIII — начала XIX в. и касающиеся часто предшествующего периода, заинтересовали еще В.И. Семевского. На них основана его работа 1882 г. "Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в."¹⁰³, лишь частично вошедшая впоследствии в его труд о крестьянах времен Екатерины II. В разделе "Семейная жизнь" Семевский дает: 1) классификацию крестьянских семей по размерам, со средними данными по разным губерниям; 2) различия черноземной и нечерноземной полос; 3) сравнение на основании "Экономических примечаний" семьи у помещичьих, экономических, дворцовых и государственных крестьян — приведена таблица размеров крестьянских семей. Подняты проблемы семейных разделов и брачного возраста¹⁰⁴.

Изучение типов семьи XVIII в. (как и XVII в.) в современной историографии интенсивнее всего ведется на переселенческом материале. "История структуры крестьянской семьи, — пишет В.А. Александров, — отчетливо прослеживается на вновь заселяемых районах"¹⁰⁵. Представительный материал такого рода накопился по Среднему Поволжью и Сибири. В Среднем Поволжье, где освоение начиналось малыми семьями, они впоследствии разрастались в неразделенные (отцовские в несколько поколений, братские и сложные, производные от братских). Эти семьи вновь распадались на малые, но в целом, вплоть до середины XIX в., неразделенные (главным образом отцовские) семьи преобладали над малыми в силу хозяйственной необходимости — трудности поднятия пашен¹⁰⁶. В Сибири рост средней численности крестьянской семьи, наблюдавшийся уже к началу XVIII в., продолжался. Рост здесь неразделенных семей наблюдался в течение первой половины XVIII в. практически повсеместно. С середины же XVIII в. намечается новый этап в развитии сибирской крестьянской семьи — начались распады неразделенных семей, что Александров объясняет укреплением крестьянского хозяйства, уровнем освоенности земель и отменой в 1760-х годах натуральной повинности по обработке государственной десятинной пашни¹⁰⁷.

Все эти процессы, связанные с типологией и эволюцией семьи, обстоятельно прослежены в одной из наиболее "демографичных" для совр-

менной отечественной историографии книг — труде Н.А. Миненко "Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.)", — затрагивающей, кроме динамики размеров и структуры семьи, широкий круг проблем: пропорции бракоспособного контингента и формы брака, возраст вступающих в брак, женский и детский труд, взаимоотношения супругов, взаимоотношения родителей и детей и т.п.¹⁰⁸ Демографии сибирской крестьянской семьи XVII—XVIII вв. посвящен ряд работ И.В. Власовой, прослеживающей динамику размеров и структуры семьи по разным уездам и категориям крестьян. Размеры крестьянских семей в западносибирских земледельческих районах, по наблюдениям Власовой, стали уменьшаться только в конце XVIII — начале XIX в., когда малая семья, как и в начальный период освоения земель, "вновь стала везде господствующей формой"¹⁰⁹.

Людность украинского двора и величина крестьянской семьи определяются А.Л. Перковским для 60-х годов на основании данных по Киевскому полку (на одно хозяйство приходилось в среднем 8,2 человека). Автор приводит сведения и о семейной структуре Левобережной Украины¹¹⁰.

В отношении структуры крестьянских дворов Эстонии XVIII в. Х.Э. Палли удается проследить территориальную специфику: исследователь выделяет для 30-х годов два района с разной структурой крестьянских дворов (по метрическим записям отдельных приходов и по "персональным" книгам, в которых население прихода описано по домохозяйствам): Северная Эстония, остров Саарема и некоторые приходы Северо-Запада, с одной стороны, и материковая часть Южной Эстонии — с другой. В первом случае доминировали домохозяйства, состоящие из одной семьи (и у крестьян, и у лострейберов — бобылей). В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось от 6,3 до 7,2 человек о.п., а на одно бобыльское — от 3,2 до 3,9 человек. В Южной Эстонии среди крестьянских хозяйств было больше многосемейных (среди однозаческих выделялись дворы в 7, 8, 9 и 12 человек о.п., среди совладельческих — в 5, 7 и 10 человек)¹¹¹. От 20-х к 90-м годам XVIII в. происходит увеличение среднего количества жителей в крестьянском дворехозяйстве. Рост численности сельского населения, по мнению Палли, шел быстрее, чем рост числа крестьянских дворов. Структура населения крестьянских дворов усложнялась. В первой половине XVIII в. большинство дворов еще принадлежало к группе, в которой основу составляет хозяин и других родственников нет¹¹².

Исследование типологии удмуртской крестьянской семьи за длительный период с конца XVII до середины XIX в. проведено М.В. Гришкиной на основе подворной переписи 1678 г., ландратской переписи 1716–1717 гг., III (1762 г.), а также VI (1811 г.) и X (1858 г.) ревизий (обработанных методом выборки с равномерным интервалом)¹¹³. Автор пришла к убедительно аргументированному выводу, что сложившееся в историографии представление о безраздельном господстве у удмуртов вплоть до начала XX в. большой патриархальной семьи (точка зрения М.О. Косвена) неосновательно. Семья чутко реагировала на изменения социально-экономической ситуации: автор наблюдает с конца XVII в. до второй половины

XVIII в. "постепенное снижение людности и упрощение родственной и поколенной структуры", причиной чего является резкое возрастание с начала XVIII в. социально-экономического гнета, мобилизации на работы и в армию, бегство, последствия подавления башкирского восстания 1704–1711 гг. на территории Удмуртии (в качестве основной хозяйственной единицы утверждалась малая индивидуальная семья в 3–5 человек). Оживление впоследствии на базе малых семей семей неразделенных (уже в первой половине XIX в.) автор связывает с исчерпанием резерва свободных земель для расширения крестьянской запашки¹¹⁴.

В историографии накопился целый ряд интересных наблюдений о естественном приросте населения. Изучение данных церковного учета позволяет еще раз убедиться, что в районах со сравнительно густым населением, высоким процентом крепостных и малоплодородными землями темпы естественного прироста значительно ниже, чем в колонизируемых южных районах. Повышенный коэффициент естественного прироста обнаруживает Кабузан в районах, населенных преимущественно государственными крестьянами, а пониженный – в районах, где проживало крепостное население в 1738–1748 гг.¹¹⁵ В самое последнее время наблюдения над воспроизводством населения в России в тесной взаимосвязи с социальной структурой общества XVIII–XIX вв. суммированы Кабузаном в специальной статье. По мнению исследователя, показатели воспроизводства населения, пониженные в первой половине XVIII в. из-за войн, неурожаев и т.п., стали быстро повышаться со второй половины столетия (среднегодовой коэффициент естественного прироста жителей – 10,5)¹¹⁶.

Ревизские сказки и метрические книги XVIII и XIX вв. по Сибири, по мнению А.Д. Колесникова, документально подтверждают более высокий здесь естественный прирост населения – на 25% выше, чем в целом по стране¹¹⁷. Низкую рождаемость среди посадского населения Москвы между II и III ревизиями наблюдают П.Г. Рындзюнский и К.В. Сивков на материале 22 слобод, сосредоточивавших 60% посадского населения города (а также громадный перевес смертности над рождаемостью)¹¹⁸.

Для Эстонии первой половины XVIII в. коэффициенты естественного прироста населения посчитаны по 27 приходам за 1730–1734 гг. (приблизительно 40% приходов)¹¹⁹. Для Эстонии же 30-х годов XVIII в. определен удельный вес детей у населения деревень – около 42%, при этом начиная с 30-х годов и до конца века удельный вес детей медленно снижался. Палли определяет также удельный вес женщин в возрасте 20–39 лет – от 14,1 до 16,3% (девушки здесь до 20 лет редко выходили замуж, а с 40 лет плодovitость женщин резко падала). "При такой возрастной структуре населения максимальная рождаемость не могла превысить 60%", а в действительности была ниже. Исходя из гипотезы о стабильном населении, автор пытается по данным о возрастной структуре населения получить некоторое представление о средней продолжительности его жизни (между 30 и 40 годами)¹²⁰.

Изучением смертности и продолжительности жизни в России XVIII в. занимается на материале Украины А.Л. Перковский (еще 35 лет назад М.В. Птуха полагал, что такие исследования невозможны). Источником для него послужили собираемые Синодом сведения о повозрастной смерт-

ности мужского православного населения Киевской епархии 70-х годов XVIII в. (такие сведения сохранились и для других епархий и ждут своих исследователей), выводы же, сделанные автором, представляют более широкий интерес. Остановимся на них подробнее. Из-за громадной детской смертности (до 14 лет скончалось 61,5% всех умерших мужчин) автор дифференцирует показатель среднего возраста смерти для трудоспособного возраста (36,8 лет) и для группы пожилых и старческих возрастов (60 и более лет). Перковский констатирует разнообразие региональных различий в общих показателях смертности, в том числе детской (более благоприятны показатели периферийных районов, где обеспечивалось более устойчивое воспроизводство населения, – Сибирь, Слободская Украина). Автор указывает на перспективность изучения метрических и родословных записей и других мемориальных свидетельств для изучения среднего возраста смерти для различных социальных групп и слоев и высказывает убеждение, что продолжительность жизни узких привилегированных слоев того времени была близка к современной для всего населения. Автор полагает, что "демографическая революция, которая началась со сдвига в смертности, охватила верхушечные группы населения России уже в XVIII в."¹²¹

В последнее время внимание брачному возрасту населения XVIII в. стали уделять исследователи русского Севера и Сибири¹²². На сибирском материале написана уже упоминавшаяся монография Н.А. Миненко, в которой кроме динамики размеров и структурно-поколенного состава семьи XVIII в., семейных разделов и наследования рассматривается такая нетрадиционная пока для нашей историографии тематика, как взаимоотношения супругов, положение женщины в семье, взаимоотношения родителей и детей, состав брачующихся (возрастной и социальный), формы вступления в брак и расторжения его и т.п.¹²³ Наблюдения автора о взаимоотношениях родителей и детей на протяжении XVIII – середины XIX в. приводят ее к выводу, что к концу этого периода происходит ослабление отцовской власти, возрастание значения и авторитета молодых членов семьи и улучшение внутрисемейных отношений¹²⁴.

Выводы автора можно понимать таким образом, что в этот период во внутрисемейных отношениях сибирской деревни происходят сдвиги, наминающие те, которые, по наблюдениям исследователей историко-демографических процессов Западной Европы, происходили там в течение XVII–XVIII столетий "по крайней мере в буржуазной среде". Суть изменений в том, что "центральная роль главы семьи, его непререкаемого авторитета ушли в прошлое, зато небывалую ценность в глазах родителей и в глазах общества получили дети"¹²⁵. Представляется, однако, что имеющихся на настоящий момент данных недостаточно для выводов о том, что уже в первой половине XIX в. в русской деревне происходят заметные сдвиги в отходе от функциональной основы отношений к детям, свойственной традиционной семье.

Как уже отмечалось, 20 лет назад к изучению проблем воспроизводства населения в XVIII в. на основании данных церковного учета приступил Б.Н. Миронов¹²⁶. Они послужили автору для изучения демографических процессов брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста в

городе и деревне, миграционных потоков между городом и деревней. Миронов изучает демографическое поведение населения разных классов и социальных групп, социальную структуру и социальную мобильность городского и сельского населения и ряд других вопросов¹²⁷. Обращение к источникам церковного учета колоссально обогатило возможности историко-демографического исследования и позволило сделать важные выводы. Миронов отмечает высокую брачность, стихийную нерегулируемую рождаемость, более высокую смертность в городах, однотипное демографическое поведение в городе и деревне и в разных слоях общества, в 2,3 раза более высокий естественный прирост населения в деревне, чем в городе. Причину систематического медленного снижения доли городского населения с начала XVIII в. до 1860 г. с 11 до 7% (в 1742–1747 гг. – 11%, а в 1796–1800 гг. – 8,9%) автор видит в более высокой смертности и меньшем естественном приросте в городах сравнительно с деревней.

Со второй половины XVIII в. Миронов констатирует улучшение демографической ситуации в городах (постепенно уменьшалась брачность, снижались рождаемость и смертность, повышался естественный прирост). "Если в первой половине XVIII в. деревня превосходила город по демографическим показателям, то во второй половине XVIII в. преимущество перешло на сторону города, – пишет Миронов. – Можно сказать, что в российских городах во второй половине XVIII в. обнаружилось зачатки перехода от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. Во многих западноевропейских странах этот переход начался также со второй половины XVIII в. и также со снижения смертности"¹²⁸. В деревне этих новых явлений в демографических процессах не наблюдалось. Таким образом, "в городе в очень важной сфере семейных отношений и брачного поведения стал складываться особый образ жизни, отличный от сельского"¹²⁹.

Резкое усиление в XVIII в. естественного прироста населения в целом по России Б.Ц. Урланис объяснял "общей стабилизацией политической и экономической жизни в России в результате Петровских реформ": эпидемии, по его мнению, в XVIII в. значительных территорий не охватывали, голод имел место только в пораженных неурожаем районах, повсеместного же голода с 1725 по 1800 г. не было. Предполагать значительные изменения в рождаемости особых оснований нет¹³⁰. Строительство больниц и медицинских учреждений, законодательные мероприятия в отношении здравоохранения, значительные успехи в медицине – все это, по мнению Урланиса, привело к тому, что к концу XVIII в. "чума перестала быть гостем Европы. Распространение других остроинфекционных болезней также пошло на убыль"¹³¹.

Как мы могли уже убедиться, для России последней четверти XVIII в. также были характерны аналогичные процессы. Однако потери от эпидемий и эпизоотий, особенно в первой половине XVIII в., были еще очень велики. На первые 38 лет XVIII в. приходится 10 лет эпидемий чумы, часто возникали эпидемии гриппа (1729–1730, 1737–1738 гг.), эпидемии вкупе с эпизоотиями (чаще – сибирская язва) имели место в 1744–1746 и 1756–1761 гг. – в Москве и Петербурге. Наконец, чума 1770–1773 гг. (Польша, Киев, Москва). В Москве погибло не менее 60 тыс.

человек (по мнению Урланиса, 25% населения), а по всей России – не менее 100 тыс.¹³² Урланис подчеркивает также, что потери русских армий в XVIII в. (534 тыс. убитых и раненых) были значительно меньше австрийских и втрое менее французских: "Если учесть, что по населению Россия составляла примерно три четверти населения Франции и превышала Австрийскую империю, то можно сказать, что военные потери России в XVIII в. были относительно менее значительны, чем потери Австрии и Франции"¹³³.

По подсчетам И.Е. Бучинского, на первую половину XVIII в. (1701–1750 гг.) приходится 11 голодных лет, а на вторую (1751–1800 гг.) – всего 2 голодных года. На 1708–1767 гг. падает 6 засух достаточно большого территориального охвата (на весь XVIII в. – 9)¹³⁴. Кабузан объясняет относительно высоким (выше среднего) среднегодовой прирост населения между II и III ревизиями (1744–1762 гг.) отсутствием голода и эпидемий (он отмечает всего пять местных недородов за это время: в 1748, 1749, 1754 и 1756 и 1757 гг.) и всего одной войной (Семилетней, но за пределами страны). В рекруты было взято "всего 390 тыс. человек"¹³⁵.

Демографическая политика государства в XVIII в. больше, чем когда-либо, нашла свое выражение во влиянии на миграционные процессы. Распространившаяся правительственная колонизация, принудительное перемещение населения внутри колонизируемых районов, усилия по регулированию потоков вольной колонизации вплоть до регламентации поселения в "указанных местах", переселения дворцовых крестьян, принятие с середины XVIII в. мер к привлечению в Россию иностранных колонистов (немцев, сербов, болгар) – все эти усилия государства сыграли значительную роль в переселении миллионов людей (в основном русских и украинцев) на окраины государства (за XVIII–XIX вв. – 15 млн человек)¹³⁶.

Автор единственной в нашей историографии обобщающей статьи о демографической политике в феодальном обществе Е.Б. Урланис считает, что первые осознанные намерения правительства в этой области были продекларированы в "Наказе" Екатерины II. «Но никаких конкретных предложений по демографической политике в "Наказе" нет. В нем только отмечена роль численности населения в экономическом развитии... и даются лишь приблизительные наметки того, какой должна быть политика населения, которая содействовала бы росту численности населения и всеобщему благу». После издания "Наказа" начинает осуществляться ряд мероприятий, которые могли содействовать росту численности населения России (в частности, значительные изменения претерпели некоторые законы, препятствующие вступлению в брак)¹³⁷. Государство в лице церкви ставило под контроль священников исправное исполнение мужьями и женами своих супружеских обязанностей (указ Синода 1744 г., подтверждающий прежние предписания). Указы Сената препятствовали закладу и продаже детей¹³⁸.

Наиболее скудна историография законов демографического развития эпохи феодализма. Восемнадцатого века (да и то только его конца) касается с этой точки зрения лишь А.Л. Перковский¹³⁹. Автор полагает, что специфическим законом народонаселения того или иного докапиталистического способа производства можно назвать закон формирования,

воспроизводства соответствующим образом ориентированной социальной структуры населения, которая на исторически особенных уровнях отражает специфические условия воспроизводства населения. В свете такого понимания "расхождение между количеством населения, которое адекватно производственному базису феодального общества, и количеством населения, выходящим за его предел, составляет выражение противоречия между демографическим и экономическим ростом, реализацию противоречия, заложенного в системе законов народонаселения, действующих в данном историческом сообществе". Автор прослеживает этот закон на фактах демографической истории России конца XVIII – первой половины XIX в., используя данные ревизий (начиная с IV, 1782 г.), фиксировавших величины естественного, механического приростов и прироста за счет межсословных переходов групп населения, подлежащих ревизии¹⁴⁰.

Выводы автора о тесной связи миграции и социальных переходов с естественным движением ("дифференциация естественного движения населения по социальным группам усиливает соответственно роль миграций и социальных переходов в воспроизводстве населения"), о малоподвижности сословно-социальной структуры населения в последние десятилетия XVIII в. (на новые территории в результате миграций переносилась старая традиционная сословная структура), о падении удельного веса крепостного крестьянства в общей численности населения в первой половине XIX в. приводят его к заключению о необходимости разработки проблемы воспроизводства отдельных сословных групп деревни (в первую очередь помещичьих и государственных крестьян) и проблемы воспроизводства городского населения и ее воздействия в целом на демографическую ситуацию¹⁴¹. Эти выводы, без сомнения, актуальны и для историко-демографических исследований России всего XVIII в.

* * *

На источниковедческих подходах к основному источнику по исторической демографии XVIII в. – ревизским материалам – мы уже останавливались. Отметим также ряд методических приемов, способствующих установлению с их помощью наиболее приближенных к действительности количественных характеристик населения, введенных в научный оборот В.М. Кабузаном: сверка данных каждой ревизии с уточненными результатами предшествующей переписи, сопоставление численности духовенства по данным клировых ведомостей и материалам ревизий, вообще комплексное, взаимосвязанное изучение данных ревизий, церковного учета (а также полицейских исчислений со времени их появления), охват всего многообразия самих ревизских материалов, четкое установление "основного года" ревизий и время обнаружения подавляющей массы прописных душ¹⁴².

Вопросу определения численности населения по итогам ревизий специальную статью посвятил А.Д. Колесников, подчеркивающий вслед за Кабузаном необходимость при исследовании сделать правильный выбор тех сведений, которые для данной ревизии являются наиболее точными¹⁴³. Автор показывает на примере Сибири резкие расхождения публикуемых цифр о количестве населения у разных исследователей (и даже у одних и

тех же). Опубликованные в разное время эти несовпадения никак не оговариваются. "Это крупный недостаток нового научного направления – исторической демографии, – пишет Колесников, – и его надо устранить"¹⁴⁴.

Причину ошибок автор видит в том, что исследователи пользуются данными, составленными по разным поводам и разными ведомствами не только на момент ревизии, но и 10–18 лет спустя. Для Сибири, где происходило постоянное движение населения, автор считает недопустимым "использование данных кануна очередной ревизии как показателей предшествующей" – получается неверная картина территориального размещения населения. Колесников высказывает предположение, что этот запрет должен относиться не только к Сибири, но и к другим регионам страны. "Непременнейшим условием для гарантии от ошибок, – пишет Колесников, – является глубокое изучение общей истории региона, в котором изучается история народонаселения, истории административно-территориальных реформ и по возможности картографирование изучаемой территории"¹⁴⁵.

Проблему определения достоверности демографических источников ставит Н.А. Миненко¹⁴⁶. По ее мнению, выводы Кабузана о полноте и точности данных ревизского и церковного учета "применимы лишь при изучении динамики численности населения в крупных регионах России...". Автор доказывает, что ревизский учет в Сибири был особенно неточен и его данные нельзя использовать без проверки для выяснения темпов и направлений внутренней миграции и составления карты размещения населения. (Ревизские сказки по каждому семейству подавались здесь самими крестьянами, которые самовольно переселившихся указывали временно отсутствующими.) Миненко предостерегает от чрезмерной доверчивости к ревизским сказкам и настаивает на привлечении при изучении сельского расселения и миграций населения Сибири дополнительных сопоставимых источников¹⁴⁷.

Источниковедение до последнего времени почти "не востребованного" источника – всех видов церковного учета – только разворачивается. Довольно безнадежно на их счет, применительно к XVIII в., высказывался 35 лет назад В.К. Яцунский¹⁴⁸. Для региона Сибири на этот источник в начале 60-х годов обратила внимание М.М. Громыко¹⁴⁹. Между тем во многих местных архивах сохранились крупные массивы метрических книг (иногда они входят в фонды консисторий или отдельных церквей, иногда составляют самостоятельные коллекции). Этот богатейший массовый источник по вопросам рождаемости, смертности, долгожительства, брачного возраста, сословной принадлежности брачующихся и т.п. почти не использован исторической демографией¹⁵⁰. В упомянутой выше источниковедческой статье Н.А. Миненко подробно характеризует документы церковного учета населения по Сибири (метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости), началом которому она полагает указ Петра I от 1718 г. Неполнота этого учета обуславливалась наличием здесь большого количества старообрядцев, которые зачастую не регистрировали браки, рождения, смерти в церкви¹⁵¹, то же самое позволяли себе и остальные православные крестьяне. Сличение церковного учета с

ревизскими сказками приводит автора к поддержке положения Кабузана о недостаточной полноте и точности данных церковного учета. Миненко возражает против отождествления клировых ведомостей (составляемых на основе исповедальных росписей) с самими исповедальными росписями – последние гораздо более информативны: в них поименно и по домам перечислялись прихожане обою пола, с указанием их сословной принадлежности, возраста, отношения к главе дома, посещения исповеди и причастия¹⁵².

Как уже упоминалось, интенсивному использованию Б.Н. Мироновым церковного учета предшествовал развернутый источниковедческий анализ данных церковной статистики. Автор пришел к выводу, что "исповедный учет дает в руки исследователей достаточно надежные данные о численности, социальной и отчасти профессиональной структуре сельского и городского населения". Некоторую неточность церковного учета надо иметь в виду, "но совершенно точных данных вообще нет"¹⁵³. Привлечение метрических ведомостей (они сохранились в пределах XVIII в. за 1738–1748, 1762–1772, 1781–1783, 1793, 1796 и все последующие годы) автор сопровождает употреблением сложной системы косвенных способов проверки их данных. В результате применения агрегативного метода, предполагающего непersonифицированные подсчеты, Миронов убедительно обосновывает уже отмеченное в историографии занижение численности и процента горожан в XVIII в. и выходит на важнейший вывод о снижении с 1740 г. процента городского населения и падении доли города в промышленно-торговом потенциале России, что вкупе означало замедление урбанизации и отставание по этому показателю от развитых европейских стран¹⁵⁴.

С начала 70-х годов целая школа историко-демографических исследований создана эстонскими историками. В ее рамках Палли реализованы источниковедческое исследование материалов ревизского и церковного учета и выработка комплексных и специальных методов их использования¹⁵⁵. Поскольку в Эстонии первая ревизия душ была проведена только в 1782 г. (до этого при ревизиях перечислялись только хозяева крестьянских дворов), данные метрических книг имеют здесь особую ценность для историко-демографических наблюдений. Важную задачу Палли видит в выяснении соотношения количества регистрационных записей (за XVII–XVIII вв. их имеется более 3 млн, плюс 1 млн записей о конфирмациях, причастиях) и численности населения (судя по ревизским сказкам – 490 тыс. человек в 1782 г.).

Характеризуя полноту и достоверность церковных книг, исследователь дает им такую оценку: "Наиболее полно представлены в книгах бракосочетания, довольно полно (85–99%) – рождения, хуже – похороны (в Южной Эстонии местами только 20–25%)". Метрические книги содержат данные по социальной истории, классовой и антирелигиозной борьбе, сведения о болезнях, путях и скорости распространения эпидемий, но более всего по исторической демографии и генеалогии (восстановление истории семей, получение "семейных карт", т.е. восстановление состава крестьянских семей в данном приходе, главным образом в отношении постоянных жителей прихода). Кроме исчисления по календарным годам,

источник дает возможность выделить годы сельскохозяйственные (урожай имел большое влияние на демографические показатели сельскохозяйственных приходов). На основании реконструкции семей вычисляются фертильность замужних женщин, смертность (в том числе по возрастным группам), средний возраст вступления в брак, продолжительность брака, распределение семей по количеству детей. При незначительной подвижности населения прихода выясняются его численность, половой и возрастной состав на определенный момент¹⁵⁶.

Методика обработки метрик, используемая эстонскими учеными при операции восстановления истории семей (ВИС)¹⁵⁷, состоит из нескольких этапов, первый из которых наиболее ответствен – систематизация крещений, похорон и венчаний по семьям, идентификация лиц и их принадлежности к той или иной малой семье, иногда требующая дополнительных операций, далее занесение сведений о семье на отдельную карту и рассортировка карт. При этом дополнительно используются исповедальные росписи и ревизские сказки. Сведения, систематизированные по семьям, заносятся на семейные бланки, которые и являются основным средством для изучения демографического поведения населения. На их основе, в частности, могут быть составлены списки лиц, живших в данном приходе на определенную дату. В ходе работы с метриками важен обзор личных имен и топонимов, составление на основе семейных бланков генеалогических схем, распределение населения по домохозяйствам, сравнительное изучение разных приходов и их групп. Картотеки семейных бланков и домохозяйств обрабатываются при помощи ЭВМ, массив демографических данных становится основой комплексного банка данных, появляются широкие возможности для применения методов математического анализа¹⁵⁸.

Заслуживает внимания также методика, употребляемая Эпик для изучения побегов крепостных крестьян Эстонии за 42 года (1732–1774 гг.) на основании перечней беглых крестьян, содержащихся в гаковых ревизиях (переписях) Эстляндской губернии (всего их на это время приходится 7). Автор заносит на перфокарту каждый отмеченный в перечне случай побега по Ярваскому уезду Эстляндской губернии, со всеми сопутствующими сведениями, получает после идентификации контингент в 1628 случаев (с 1733 по 1774 г.), выясняет среднегодовой контингент (по уезду и по приходам) и кладет его в основу уездных и приходских индексов динамики побегов. Кроме того, производится группировка имений (всего их 83) по признаку частоты случаев побега в них¹⁵⁹.

Сочетание источниковедчески-статистических и генеалогических приемов изучения "сказок" чиновников середины XVIII в. было использовано С.М. Троицким при выяснении вопросов их происхождения, что позволило проследить социальный статус отдельных лиц, биографии которых автору удалось восстановить на протяжении жизни представителей трех и более поколений одного рода¹⁶⁰.

При изучении процессов заселения колонизируемых территорий предпринята попытка использовать данные ономастики¹⁶¹. Упомянем также об источниковедческом изучении материалов анкетных обследований, предпринимавшихся в XVIII в. В.Н. Татищевым, М.В. Ломоносовым и

Г.Ф. Миллером и содержащих значительное количество историко-демографической информации. Автор статьи об анкетах В.Н. Татищева Е.Г. Шапот восстанавливает вопросы первой (1734 г.) анкеты Татищева по ведомостям провинциальных канцелярий – ответам на первую редакцию анкеты¹⁶². Автор рассматривает вторую редакцию анкеты Татищева (1737 г.) и пишет об использовании обеих редакций и материалов, собранных воеводскими канцеляриями для ответов Татищеву, участниками 2-й Камчатской экспедиции. С историко-демографической точки зрения важно, что при составлении ответов, присланных из Сибирской и Казанской губерний, канцеляриями использовались сведения переписных книг за 1719, 1723, 1729, 1737 гг., данные окладных, таможенных, подушных и ясачных книг, ревизские сказки, росписи служилым людям и т.п.¹⁶³ Начало изучению ломоносовской (академической) анкеты, разосланной в 1760 г., было положено еще Б.Д. Грековым¹⁶⁴. О демографических материалах, отложившихся в "Портфелях" Г.Ф. Миллера, писали многие исследователи. Особый интерес представляют ответы сибирских воеводских канцелярий 1734–1743 гг. на миллеровскую анкету¹⁶⁵.

Таким образом, как мы могли убедиться, для историко-демографических исследований по первым двум третям XVIII в. наиболее характерным до последнего времени было выяснение динамики численности населения и изменения его состава и в не меньшей степени миграционных процессов и их влияния на воспроизводство населения. Наметившееся обращение к ревизским сказкам и данным церковного учета, во всех его видах, позволило исследователям выйти на полный объем проблематики структуры семьи, а также в какой-то степени демографического поведения (особенно продвинулись в этом отношении исследователи Эстонии). Можно рассчитывать, что расширение использования ревизских сказок и данных церковного учета позволит ставить вопросы, связанные с изменением возрастной структуры народонаселения, как в селе, так и в городе: взаимодействие форм домохозяйств с данными о детской смертности и возрасте вступления в брак, зависимостью между интергенетическим интервалом (частота родов) и детской смертностью.

¹ Две общие подворные переписи начала века – 1710 г. и ландратская 1715–1717 гг. – рассматриваются обычно в исследованиях, посвященных концу XVII – началу XVIII в. (в сравнении с данными подворной переписи 1678 г.), и неоднократно уже нами упоминались. Они учитывали не только тяглое, но и отдельные категории нетяглого населения, а также женскую его часть. Из дореволюционных исследований см.: *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. Т. 1; *Он же.* Очерки подушной переписи при Петре Великом // ЖМНП. 1915. № 1.

² *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 48. Датировка ревизий дана нами по В.М. Кабузану (Там же. С. 118–120).

³ Историографию вопроса см.: Там же. С. 10–45.

⁴ См., например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX, т. 17/18. С. 472; М., 1963. Кн. X, т. 19/20. Прил. 14 к т. 20. С. 702–703.

⁵ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 34–35. Призыв Кабузана критически отнестись к цифрам Соловьева особенно актуален в настоящее время, когда вновь переиздающиеся труды Соловьева легко могут стать источником массовых заблуждений относительно численности населения России в XVIII в.

⁶ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 16–17.

⁷ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 35–36.

⁸ *Ключевский В.О.* История сословий в России // Соч. М., 1959. Т. VI; *Он же.* Подушная подать и отмена холопства в России // Соч. М., 1959. Т. VII (первой ревизии в этой работе посвящен подробный очерк. С. 318–338).

⁹ *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892; *Он же.* Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч. I. 7-е изд. С. 25.

¹⁰ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVII – первой половине XIX в. С. 38.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² *Подъяпольская Е.П.* Ревизские сказки как исторический источник // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М., 1952. С. 321.

¹³ *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // ИСССР. 1957. № 1. С. 193.

¹⁴ Об этом см.: *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 43–44.

¹⁶ *Кабузан В.М.* Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX в. (1718–1858 гг.) // ИСССР. 1959. № 5; *Он же.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.; *Он же.* Ревизский учет населения России в XVIII в. // Тр. МГИАИ. 1961. Т. 16; *Он же.* Движение населения Северного района (Архангельской и Вологодской губерний) в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий) // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сб. Вологда, 1970. Вып. 1; *Он же.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М., 1971; *Он же.* Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990; и др.

¹⁷ *Кабузан В.М.* Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX в. (1718–1858 гг.). С. 129. Одновременно с этой статьей были опубликованы данные I ревизии, организованной по предписанию Петра I (*Шепукова Н.М.* Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) // Исторический архив. 1959. № 3).

¹⁸ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 65, 171.

²⁰ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России, первая половина XVIII в. М., 1964. С. 44, табл. 1; С. 80, табл. 4. (Уточнены итоговые цифры, приведенные В.И. Семевским.) По данным Индовой, дворцовых крестьян насчитывалось по I–III ревизиям соответственно 414 161, 498 104, 567 785 д. м.п. (7,6; 7,7; 7,9% от общего числа крестьян м.п.).

²¹ *Громько М.М.* Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 102–104. (Автор учитывает при этом изменения в административном делении района.)

²² *Карпачев А.М., Козловский П.Г.* Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 г. Л., 1972. С. 84–92. За основу расчетов по XVII и началу XVIII в. ими приняты данные польского историка Юзефа Можи о численности дымов в литовских и белорусских поветах, белорусские поветы выделены, а средняя населенность дымов для 1650 и 1690 гг. принята и для села и для города в 7 человек, а в отношении двух послевоенных дат (1667–1673 гг. и 1717 г.) – в 6,5 человек. Некоторая предвзятая произвольность основы этих подсчетов заставляет усомниться в дальнейших расчетах убыли населения в период войн и годовых приростов населения в конце XVII – начале XVIII в. (Там же. С. 92).

²³ *Яцунский В.К.* Историческая демография в СССР: (Доклад на Международном конгрессе по исторической демографии в 1963 г. в г. Льеже) // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83: Историческая география России. С. 65–66.

²⁴ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 77–84. Для первой половины столетия Кабузан указывает только одну публикацию этих материалов [архимандрит *Микарий*. Материалы для географии и статистики Нижегородской губернии //

5 Сборник статистических сведений, издаваемых Стат. отделом Рус. геогр. о-ва. СПб., 1859. Кн. III. С. 655–657 (сведения по Нижегородской епархии за 1728–1740 гг.). Над данными метрических книг 60–90-х годов XVIII в. по отдельным губерниям работали дореволюционные статистики (Там же. С. 78).

²⁵ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 83.

²⁶ Там же. С. 99–106.

²⁷ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990. С. 7. В книге помещен полный перечень исповедных и метрических ведомостей за 1737–1870 гг., хранящихся в фонде Канцелярии Синода РГИА (прежде: ЦГИА СССР) (Там же. С. 259–260).

²⁸ Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // ВИД. Л., 1989. XX. С. 102–117; *Он же*. Метрические ведомости XVIII–XIX вв. – важнейший источник по исторической демографии России // Источниковедение отечественной истории. М., 1990. VIII.

²⁹ Некоторые коррективы, вносимые в подсчеты автора, относятся к материалу первой половины XIX в. (см.: Рындызонский П.Г. К изучению динамики численности крепостного населения в дореволюционной России // ИСССР. 1983. № 1).

³⁰ См., например: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1795 гг.) // Учен. зап. Свердлов. пед. ин-та. 1966. Сб. 38. С. 132–142; см. также диссертации: Перковский А.Л. Народонаселение Украины в XVIII в. Киев, 1968; Колесников А.Д. Изменения в размещении и численном составе русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Томск, 1973; *Он же*. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. О движении населения см. также: Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в.: (Источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973; Драгнев Д.М. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпатско-Дунайских землях в XVIII в. // Юго-Восточная Европа в середине века. Кишинев, 1972. I; Сафонов П.С. Якуты в первой половине XVIII в. Якутск, 1972; Думнич Ю.В. К вопросу о размещении и численности украинского населения Закарпатья в XIV–XIX вв. // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Таллинн, 1977; Лиги Х.М. Численность и размещение крестьянского населения в Южной Эстонии в 1713–1816 гг. // Там же; Проторина В.М. Изменение в составе населения Воронежского уезда в период между двумя первыми ревизиями (1729–1744 гг.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6; и др.

³¹ Палли Х.Э. Естественное движение сельского населения Эстонии, 1650–1799 гг. Таллинн, 1980. Вып. 2. С. 79, 84–85 (табл. 41); см. также: Kahk J., Ligi H., Palli H., Vantre S., Pullat R. Sur Chistare démographique de l'Estonie // Annales de demographie historique. Paris, 1972. P. 430. Х.М. Лиги приводит для XVIII в. следующий ряд: 1712 г. – 125 тыс.; 1722 г. – 165 тыс.; 1732 г. – 207 тыс.; 1742 г. – 245 тыс.; 1752 г. – 280 тыс.; 1762 г. – 307 тыс.; 1772 г. – 360 тыс.; 1782 г. – 425 тыс.; 1795 г. – 428 тыс. (имеется в виду крестьянское население без мызной прислуги, общая численность населения – примерно на 20% больше). См.: Лиги Х.М. Динамика крестьянского населения в Эстонии в 1712–1782 гг. // Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии: Тезисы. Таллинн, 1974. С. 20. Об этом см.: Палли Х.Э. Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 2. С. 81.

³² Палли Х.Э. Естественное движение сельского населения Эстонии. С. 83–86.

³³ На V Всесоюзном семинаре по исторической демографии (1985 г., Львов) Н.А. Миненко было сделано сообщение об особенностях учета населения Сибири XVIII – первой половины XIX в. (см.: Водарский Я.Е., Жиромская В.Б. Всесоюзный семинар по исторической демографии // ВИ. 1986. № 4. С. 94). См. также: Кабузан В.М. Государственные крестьяне России в XVIII – 50-х годах XIX в.: Численность, состав и размещение // ИСССР. 1988. № 1; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности населения России в XVIII – начале XX в.: Источники и историография // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 120–132.

³⁴ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965; *Он же*. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1; Шаном Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962. X; Громыко М.М.

Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1966. № 1, Вып. 1. По мнению Громыко, наибольшую ценность представляют ответы сибирских воеводских канцелярий 1734–1743 гг. на миллеровскую анкету, охватывающие 13 дистриктов и одну провинцию Сибири (Там же. С. 101). См. также: *Миненко Н.А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981; *Милов Л.В.* Экономико-географические и статистические описания // Источниковедение истории СССР. М., 1981. Гл. 14.

³⁵ *Индова Е.И.* Указ. соч. С. 41–86; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. С. 19–131; см. также: *Александров В.А.* Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII – первой четверти XVIII в. // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1960. Т. 35; *Павлов П.Н.* Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII – первая половина XIX в.) // Красноярский край: (Материалы по географии). Красноярск, 1965; *Воробьева Т.Н.* Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в. // Изв. Восточно-Сибирского отд-ния Геогр. о-ва СССР. Иркутск, 1965. Т. 63.

³⁶ Остальные территории – Белоруссия, Литва, Правобережная Украина, Курляндия, Таврическая губ. и Бессарабия – были включены в состав России начиная с 70-х годов XVIII в.

³⁷ *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). С. 3, 5, 6, 7.

³⁸ Там же. С. 10, 11; см. также: *Кабузан В.М.* Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Таллинн, 1977; *Быкопя Г.Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981; *Лебедева А.А.* Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979; *Брук С.И., Кабузан В.М.* Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX в. // Советская этнография. 1984. № 5; *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Там же. 1980. № 4.

³⁹ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 112; *Он же.* К истории населенных пунктов и движения сельского населения Европейского Севера в XVII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. Таллинн, 1971. С. 190–191.

⁴⁰ *Липинская В.А.* Русские сельские поселения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири, XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 85–86.

⁴¹ *Палли Х.Э.* Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 2. С. 86–87; *Эпик Э.Э.* О механическом движении сельского населения Южной Эстонии в первой половине XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Таллинн, 1977.

⁴² *Палли Х.Э.* Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 2. С. 87.

⁴³ Дореволюционная историография сосредоточивала свое внимание на юридическом положении города (см., например: *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1: Города России в XVIII столетии; *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903; и др.

⁴⁴ *Клокман Ю.Р.* Историография русских городов второй половины XVII–XVIII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 57–59; *Кафензауз Б.Б.* Купечество. Города // Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 211–229; *Рындзюнский П.Г.* Города // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 178–200; *Рындзюнский П.Г., Сивков К.В.* Изменения в составе населения: История Москвы. М., 1953. Т. II. С. 55–57, 305–331; История Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. I. С. 52–93; *Греков Б.Д.* Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. // Избранные труды. М., 1960. Т. III (статья 1929 г., содержащая сведения о состоянии городов Воронежской губ.); *Нерсесова Э.А.* Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов // Ист. зап. М., 1952. Т. 40; *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960. (Автор исследует процесс градообразования, возникновения и роста в районе новых городов из промысловых сел и слобод.)

⁴⁵ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 212–213, 214.

⁴⁶ Рындоюнский П.Г. Города. С. 179.

⁴⁷ Рындоюнский П.Г., Сивков К.В. Указ. соч. С. 306.

⁴⁸ Бернадский В.Н. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII в. // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1962. Т. 229.

⁴⁹ Рабинович Г.С. Старая Руся – центр солеварения в XVII–XVIII вв. // Доклады комиссии географии населения и городов. Л., 1965. 31(3); Петухов А.А. Изменения численности и социального состава населения Тулы (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.) // Из истории Тульского края. Тула, 1972; Проторина В.М. Население г. Воронежа в период второй ревизии 1743–1745 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972. Вып. 4; Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978; Картоагэ И.Г. Численность и этнический состав населения городов Бендеры, Килия и Анкерман в XVIII – начале XIX в. // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 1; Резун Д.Я. К истории "поставления" городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1981; Перковский А.Л. Новые данные о населении Киева в середине XVIII в. // ВИ. 1982. № 6; см. также: Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982 (о городах и населении Астраханского края).

⁵⁰ Кабузан В., Пулларт Р. Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII – начала XX в. (1719–1917) // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллинн, 1955. Т. 24, № 2. Об общероссийских проблемах развития городов XVIII в. см.: Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. // ВИ. 1968. № 6.

⁵¹ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. С. 27–29. Приводимый Кабузаном для 1740-х и 1780-х годов процент городского населения (8–8,3%), по мнению Миронова, несколько ниже действительного (Там же. С. 29).

⁵² Семеновский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1; *Он же*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. I–II. Рост посадского населения от I к III ревизии, прослеженный Кизеветтером, можно также рассматривать как первый опыт изучения изменения социального состава города (Кизеветтер А.А. Указ. соч.).

⁵³ Шепукова Н.М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. (1718–1858 гг.) // ВИ. 1959. № 12; *Она же*. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1964; *Она же*. Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.).

⁵⁴ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 35, 39, 44, 50–65, 96, 99, 100; *Он же*. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. Прил. 2. С. 59–91 (изменение численности и состава мужского населения России по материалам I–III ревизий).

⁵⁵ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 44; Шепукова Н.М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. (1718–1858 гг.).

⁵⁶ Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. С. 389, 397.

⁵⁷ Индова Е.И. Указ. соч. С. 85–86, табл. 7. Автор оговаривает, что государственные крестьяне в таблице не учтены.

⁵⁸ Там же. С. 47.

⁵⁹ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 267, 268 (табл. 29), 269, 273. К сожалению, как отмечает автор, характер источников после первой четверти XVIII в. вплоть до V ревизии затрудняет возможности определить удельный вес населения, порвавшего с сельским хозяйством (Там же. С. 270).

⁶⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 26, 45.

⁶¹ См., например: Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; Быконя Г.Ф. Указ. соч.; История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; и др.

⁶² Кабузан В.М. Государственные крестьяне России в XVIII – 50-х годах XIX в.: Численность, состав и размещение // ИСССР. 1988. № 1. С. 68–83. Об однодворцах см. также: *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.: (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974; *Белявский М.Т.* Однодворцы Черноземья: (По их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М., 1984.

⁶³ Кабузан В.М. Государственные крестьяне России. С. 72. Поскольку автор приплюсовывает церковных крестьян к государственному уже с 20-х годов, в результате получается, что и в 20-х годах, и в конце XVIII в. доля государственных крестьян практически не менялась; I ревизия – 33,7%, а V ревизия – 33,5%. Нам представляется, что показательно и другое сравнение: реальных государственных крестьян 20-х годов и увеличившихся в результате секуляризации за счет экономических в конце XVIII в.

⁶⁴ Там же. С. 73–77, табл. 2а.

⁶⁵ Кабузан В.М. Крепостное крестьянство России в XVIII – 50-х годах XIX в.: Численность, состав и размещение // ИСССР. 1982. № 3. С. 75, 76 (табл. 1).

⁶⁶ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 57–58; Кабузан В.М. Изменение в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. С. 65 (12,48% всего податного населения страны).

⁶⁷ Комиссаренко А.И. Размещение вотчин духовенства и их крестьян на территории России в 40–50-х годах XVIII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. II: Формирование экономических районов России. С. 68. Автор применил укрупненную группировку монастырских владений: до 100 д. м.п., 100–500 д. м.п., свыше 500 д. м.п. К концу 30-х годов XVIII в. автор насчитывает в стране 140 тыс. человек церковников (включая монахов). Водарский для второй четверти XVIII в. называет цифру 129 тыс. церковников (Там же. С. 64).

⁶⁸ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 211.

⁶⁹ Рындыонский П.Г. Города. С. 180–181, 186–187. Основанием для подсчетов явилось "Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительственного Синода". СПб., 1908. Т. XX. Стб. 891–894 ("Экстракт, сочиненный в канцелярии Синода, за 1737 г.).

⁷⁰ Рындыонский П.Г., Сивков К.В. Указ. соч. С.307–308.

⁷¹ Там же. С. 309–332. Чрезвычайно увеличилось количество дворовых: с 36 тыс. до 61 тыс. человек. При этом дворян в 80-х годах было всего около 5%. Количество рабочих на московских мануфактурах увеличилось от 30-х годов (5500–6000 человек) к 60-м годам (до 10 тыс.) (Там же. С. 325, 328, 329). См. также: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1950. С. 441–443 (о социальном составе рабочих мануфактур). Интересные количественные характеристики московского купечества см.: *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. (Несмотря на то что метод отбора для исследования социальных групп заведомо не ориентирован автором на получение демографических результатов.) См. также: *Демкин А.В.* Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. М., 1990. С. 74–93.

⁷² Троцкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 155, 157, 212–216 (табл. 5).

⁷³ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Гл. 3. С. 80–135; см. также: С. 98, 114.

⁷⁴ Там же. С. 182–183.

⁷⁵ Анисимов Е.В. Изменения в социальной структуре русского общества в конце XVII – начале XVIII в.: (Последняя страница истории холопства в России) // ИСССР. 1979. № 5. С. 39, 40, 43, 44, 48–49; *Он же.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982.

⁷⁶ Первые систематические данные об отраслевой структуре занятости горожан и функциональных видах деятельности населения относятся к 1760-м годам (*Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы. С. 197).

⁷⁷ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 96.

⁷⁸ Рындыонский П.Г. Города. С. 182.

⁷⁹ Рындыонский П.Г., Сивков К.В. Указ. соч. С. 322–326.

⁸⁰ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 154–189; *Он же.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.,

1972. Промышленность Сибири и ее кадры XVI – начала XX в. Новосибирск, 1977; Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978; *Громыко М.М.* К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; *Она же.* Западная Сибирь в XVIII в. (о профессиональных занятиях жителей г. Тобольска – см. с. 70–71; сведения о ремесленной специализации тобольских жителей содержатся в ответах администрации на анкету Татищева и академическую анкету 1760–1761 гг.); *Она же.* Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVIII в. // Города феодальной России; *Бояришинова Э.Я.* Томск в XVII–XVIII вв. // Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск, 1972; и др.

⁸¹ *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974; *Черкасова А.С.* Горнозаводское население Урала в XVIII столетии // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX в.: Сб. ст. Томск, 1978; *Водарский Я.Е.* Промышленные селения Центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. С. 205–207. Прил. 1.

⁸² *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг.; *Он же.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России: (Доклад на XII Международном конгрессе историков в Вене в 1965 г.) // Вопросы географии. Сб. 83: Историческая география России.

⁸³ *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. С. 200–201.

⁸⁴ *Яцунский В.К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения. С. 42–43. До середины 70-х годов XVII в. специальной регистрации внутренних миграций не существовало.

⁸⁵ *Ковалев С.А.* Сельское расселение. М., 1963; *Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М.* Миграция населения в России в XVII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. Авторы устанавливают основные направления переселений 20–70-х годов XVIII в.: главные районы ухода – Центрально-Промышленный, северные и центральные уезды Центрально-Земледельческого района, Озерный район; население шло в южные уезды Центрально-Земледельческого района, Среднее и Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, в Среднее Поволжье – до 50-х годов, в Центрально-Земледельческий район – до начала 80-х годов. В статье приведено общее число переселенцев 40–70-х годов XVIII в.: для Центрально-Земледельческого района (Воронежской губ.) – 370 тыс. о.п. (43%), Нижнего Поволжья (Саратовская губ.) – 115 тыс. о.п. (14%), Новороссии – 135 тыс. о.п. (17%) и Южного Приуралья – 155 тыс. о.п. (20%). Данных о численности переселенцев в Северное Приуралье и Сибирь нет (Там же. С. 28–29).

⁸⁶ *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграция населения в России в XVIII – начале XX в.: (Численность, структура, география) // ИСССР. 1984. № 4. В миграционном процессе XVIII – первой половины XIX в. авторы выделяют четыре составные части: а) самовольное или так называемое народное переселенческое движение; б) легальное, регулируемое властями переселенческое движение; в) переселение из-за рубежа (преимущественно после 60-х годов XVIII в., немцы, сербы, болгары – в 50–70-х годах); г) эмиграцию (Там же. С. 42). См. также: *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII в. – первой половине XIX в. С. 28–37 (о районах интенсивного заселения России).

⁸⁷ *Преображенский А.А.* Природа и колонизационные процессы в России XVII–XVIII вв. // Тезисы докладов и сообщений научной конференции "XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах". М., 1987.

⁸⁸ *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962.

⁸⁹ Как уже отмечалось в гл. III, важное значение деятельности государства по освоению Сибири подчеркнуто Преображенским (*Преображенский А.А.* Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири // ВИ. 1981. № 10. С. 89).

⁹⁰ *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в.; см. также: *Быкопя Г.Ф.* Указ. соч.

⁹¹ *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в.; *Он же.* Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968; *Он же.* Миграция русского населения в Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973;

Он же. Некоторые особенности формирования русского населения Сибири (XVI–XIX вв.) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.): Сб. ст. Таллинн, 1979.

⁹² История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 157–167; см. также: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 51–57; Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма // ВИ. 1984. № 7.

⁹³ Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974; Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XIX в. М., 1976. Из дореволюционной историографии см.: Попов В.А. Движение населения в Вологодской губ. // Зап. Рус. геогр. о-ва. Отд.-ние статистики. СПб., 1871. Т. 2.

⁹⁴ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 257, 258 и др.; Он же. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сб. Вып. 1: Он же. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. Вып. 2: Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. (впервые опубликованы поездажные итоги II, III, IV и V ревизий в Поморье).

⁹⁵ Эпик Э.Э. О механическом движении сельского населения Южной Эстонии в первой половине XVIII в.; Она же. О географической мобильности эстонского крестьянства в XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.

⁹⁶ Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. М., 1962; Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слободжанщины. Харьков, 1964; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961; Бежкович А.С. История заселения Кубани // Доклады отд.-ния этнографии Геогр. о-ва СССР. Л., 1966. Вып. 2; Кабузан В.М. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в. (1719–1795) // Советская этнография. 1969. № 6; Он же. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М., 1976; Пронштейн А.П., Мициков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983; Пирко В.А. Роль народных миграций в заселении и освоении Северного Приазовья (XVI – начало XVIII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллинн, 1986; см. также: Бранцева Т.П. Влияние миграций сельского населения на социально-демографическую структуру городов Правобережной Украины в XVIII в. // Там же. [В дореволюционной историографии большой интерес представляет сравнение количества населенных мест на территории разных полков Слободской Украины, в конце XVII и второй четверти XVIII в., проведенное Д.И. Багалеем (Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 548–569); для конца XVII в. он насчитывает "во всех 6 полках" 30 тыс. населения м.п., а для 1732 г. для всей Слободской Украины получает больше 190 тыс. человек м.п. (Там же. С. 561–562)]; Ермолаев И.П. Вопросы колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в трудах дореволюционных ученых Казанского университета // Вопросы истории филологии и педагогики. Казань, 1965; Он же. К вопросу о создании марксистской истории колонизации Среднего Поволжья и Приуралья // Там же; Он же. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX – начало XX в.). Куйбышев, 1965; Тумайкин В.П. Из истории заселения мордовья Левобережья средней Волги (XVIII–XIX вв.) // Тр. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1974. Вып. 47; Рахматуллин У.Х. Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

⁹⁷ Из дореволюционных работ см.: Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869; Багaley Д.И. Указ. соч.; Готье Ю.В. Из истории передвижения населения в XVIII в. // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 1. Отд. IV (анализ переписи беглых крестьян в крепостях Оренбургского края 1736–1740 гг.).

⁹⁸ Историография вопроса о влиянии характера миграций на классовую борьбу нами не рассматривается.

⁹⁹ *Алефиренко П.К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России 30–50-х годов XVIII в. М., 1958 (показаны основные направления потоков беглых); *Дмитриев В.Д.* История Чувашии XVIII в. (до Крестьянской войны 1773–1775 гг.). Чебоксары, 1959 (выявлены места скопления беглых в районе чувашского Поволжья); *Щенетов К.Н.* Беглые крестьяне князя А.М. Черкасского в первой половине XVIII в. // ИСССР. 1963. № 6 (показан процесс оседания беглецов в Казанской и Воронежской губерниях к 30-м годам XVIII в. и основания ими новых поселков); *Бондаревская Т.П.* Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967 (рассмотрено хозяйственное положение крестьянских семей на новом месте); *Разоренова (Козлова) Н.В.* Земледельческое хозяйство беглых крестьян в Среднем Поволжье в первой трети XVIII в. // Вестн. МГУ, Сер. 9, История. 1975. № 5; *Она же.* Беглые крестьяне в городах Среднего Поволжья в первой четверти XVIII в. // Там же. 1979. № 4 (о сферах приложения их труда); *Она же.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. М., 1983.

¹⁰⁰ *Мамсик Г.С.* Побег как социальное явление: Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978 (см. здесь историографию побегов крестьян в Сибирь и внутрирегиональных побегов сибирских крестьян). Автор показала, что основная причина бегства крестьян внутри Сибирского региона – усиление феодального гнета в ранее освоенных районах Сибири.

¹⁰¹ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 257–259 (автор подчеркивает, что, хотя в XVIII в. миграция в Сибирь уменьшилась, оседание "невозвращенцев" в сибирских уездах все еще было значительным); *Комиссаренко А.И.* Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

¹⁰² *Покровский Н.Н.* Крестьянские традиции освоения Востока страны и старообрядческие миграции // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). С. 115, 117 (114 тыс. человек из этой убыли приходилось на один район – нижегородского Керженца).

¹⁰³ *Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устон. 1882. Январь–февраль.

¹⁰⁴ Там же. Февраль. С. 66–67.

¹⁰⁵ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М., 1984. С. 62.

¹⁰⁶ Там же. С. 62–63; см. также: *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973; *Столяров А.А.* К вопросу изучения структуры сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980; *Тумайкин В.П.* Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губ. в XVIII–XIX вв. // Тр. Научно-исследовательского ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1978. Вып. 62.

¹⁰⁷ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. С. 63–64. По-видимому, для Сибири на протяжении большей части XVIII в. численность и возрастной состав в семейной кооперации оставались важнейшим фактором процветания в условиях натурально-потребительского хозяйствования.

¹⁰⁸ *Мищенко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; см. также: *Она же.* Население крестьянского двора в Западной Сибири XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 1974. Вып. 1. М., 1974; *Она же.* Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. 1978. № 2.

¹⁰⁹ *Власова И.В.* Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3; *Она же.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // Этнография русского крестьянства Сибири, XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 23; *Она же.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 405; см. также: *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

¹¹⁰ *Перковский А.Л.* О людности украинского двора и величине семьи во второй половине XVIII в.: (По материалам Румянской описи и церковной статистики) // Проблемы исторической демографии СССР. Таллинн, 1977.

¹¹¹ *Палли Х.Э.* Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 2. С. 70–78, табл. 37, 38; см. также: *Он же.* Население крестьянского домохозяйства (дворохозяйства) в Эстонии в XVII–XVIII вв. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). С. 56; *Он же.* О международной системе условных знаков для изучения структуры населения хозяйства (дворов) // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллинн, 1974. Т. 23, № 1.

¹¹² *Палли Х.Э.* Естественное движение сельского населения Эстонии. С. 75–78.

¹¹³ *Гришкина М.В.* Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII – первой половины XIX в. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). С. 146–153.

¹¹⁴ Там же. С. 151–152.

¹¹⁵ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 80–81 (наблюдение относится к 80-м годам XVIII в.).

¹¹⁶ *Кабузан В.М.* Государственные крестьяне России в XVIII – 50-х годах XIX в. [основанием для суждения служат метрические ведомости по епархиям России из фондов РГИА (прежде: ЦГИА СССР)]; *Он же.* Феодално-крепостническая система и воспроизводство населения в России в XVIII–XIX вв. // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения: Сб. ст. М., 1990. С. 26–33.

¹¹⁷ *Колесников А.Д.* Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 154–155; см. также: *Быкопя Г.Ф.* Указ. соч. С. 69–70, табл. 3. Хакасско-Минусинский р-н в 30-х годах XVIII в.

¹¹⁸ *Рыдзюнский П.Г., Сивков К.В.* Указ. соч. С. 310–311. Одна из причин – преобладание в Москве мужчин, семьи которых оставались в деревне. О городской семье см. также: *Рабинович М.Г.* Русская городская семья в начале XVIII в.: По переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г. // Советская этнография. 1978. № 5.

¹¹⁹ *Палли Х.Э.* Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 2. С. 88.

¹²⁰ Там же. С. 6–8; см. также: *Кахк Ю.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. Таллинн, 1962. (Автор устанавливает среднюю продолжительность жизни крестьян в четырех приходах начиная с 1755 г.)

¹²¹ *Перковский А.Л.* Об изучении смертности и продолжительности жизни в России XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 259–262.

¹²² *Колесников П.А.* Историко-этнографические сведения о северной деревне в подворных переписях XVIII в. // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России: Межвузовский сб. научных трудов. Сыктывкар, 1980. С. 151; *Власова И.В.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 410–411.

¹²³ *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). С. 123–125. В XVIII в. действовали прежние установления о брачном возрасте. Лишь в 1830 г. вышел закон, устанавливающий минимальный возраст для жениха – 18 лет, а для невесты – 16 лет. Максимальный возраст для брачующихся по церковным правилам равнялся 60 годам. По указу Синода 1744 г. он был отодвинут до 80 лет (Там же. С. 175).

¹²⁴ Там же. С. 156.

¹²⁵ *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 194–195.

¹²⁶ Еще в 1975 г. Б.Н. Миронов обратил внимание на удачные опыты шведских историков в использовании корреляционного анализа для установления зависимости между урожайностью, с одной стороны, и рождаемостью, брачностью, смертностью и фертильностью (плодовитостью) замужних женщин – с другой (*Миронов Б.Н., Степанов З.В.* Историк и математика. Л., 1975. С. 109–110).

¹²⁷ *Миронов Б.Н.* Комплексные методы в историко-демографических исследованиях: Урбанизация в России XVIII – первой половины XIX в. // Тезисы докладов и сообщений

научного совещания "Комплексные методы в исторических исследованиях", 3–5 февраля 1988 г. М., 1987. С. 29–32; *Он же*. Русский город в 1740–1860-е годы. С. 49–79.

¹²⁸ *Миронов Б.Н.* Комплексные методы в историко-демографических исследованиях. С. 30–32. Автор проследил также увеличение количества городских поселений, рост абсолютной численности горожан и возрастание средней населенности одного городского поселения и сформулировал ряд серьезных выводов о причинах слабой миграции в города в XVIII – начале XIX в. (благоприятная аграрная конъюнктура, усиленная колонизация юга, юго-востока и востока, медленное раскрестьянивание, препятствия урбанизации, чинимые правительственной политикой вплоть до 1824 г.).

¹²⁹ *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы. С. 74.

¹³⁰ *Урлианис Б.Ц.* Рост населения в Европе: (Опыт исчисления). М., 1941. С. 195. Урлианис с доверием относился к данным ревизий (он пользовался разбором их, произведенным К.Ф. Германом) и считал, что они "довольно точно отражают фактическую динамику населения" (Там же. С. 194).

¹³¹ Там же. С. 348.

¹³² *Дулов А.В.* Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М., 1983. С. 24; *Урлианис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 347. В годы стихийных бедствий количество нищих на улицах Москвы чрезвычайно увеличивалось: только за 25–28 июня 1738 г. в московскую полицию был приведен 261 нищий (*Рындзюнский П.Г., Сивков К.В.* Указ. соч. С. 328).

¹³³ *Урлианис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 58.

¹³⁴ *Бущинский И.Е.* О климате прошлого Русской равнины. М., 1957. С. 101, 103, табл. 1, 3.

¹³⁵ *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. С. 11.

¹³⁶ *Булыгин Ю.С.* Колонизация крестьянством бассейнов рек Чарыша и Адея до 1763 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1; *Индова Е.И.* Указ. соч.; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в.; *Александров В.А.* Заселение Сибири русскими в конце XVI–XVIII в. // Русские старожилы Сибири. Л., 1973; *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в.; *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграции населения в России в XVIII – начале XX в.: (Численность, структура, география). С. 43, 59. Чересчур активная государственная политика, например по освоению земель Степного Заволжья, уже на сравнительно ранних этапах приводила к тому, что начинали ощущаться явления аграрного перенаселения (*Ведерникова Т.И.* Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма: Межвузовский сб. Куйбышев, 1985. С. 68).

¹³⁷ *Урлианис Б.Ц.* Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах // Вопросы демографии: (Исследования, проблемы, методы). М., 1970. С. 63.

¹³⁸ *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). С. 124, 148.

¹³⁹ *Перковский А.Л.* О механизме действия экономических законов народонаселения в демографическом развитии России конца XVIII – первой половины XIX в. // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.). Таллинн, 1979; см. также: *Он же*. У истоков формирования в России взглядов на законы народонаселения // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения: Сб. ст. М., 1990. С. 34–40 (о первой публикации на русском языке в 1763 г. социально-экономической формулировки законов народонаселения в трактате немецкого ученого И.Г. Юсти).

¹⁴⁰ *Перковский А.Л.* О механизме действия экономических законов народонаселения. С. 73, 74.

¹⁴¹ Там же. С. 77–80. Именно такой подход в отношении городского населения был десятилетие спустя успешно реализован Б.Н. Мироновым.

¹⁴² *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 62, 83, 105, 106, 117 и др.

¹⁴³ *Колесников А.Д.* Определение численности населения по итогам ревизий и на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст. Томск, 1982. Вып. 2.

¹⁴⁴ Там же. С. 43–46.

¹⁴⁵ Там же. С. 46, 50.

¹⁴⁶ *Миненко Н.А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX в.: (По материалам Западной Сибири) // *Источниковедение и археография Сибири.* Новосибирск, 1977. С. 42.

¹⁴⁷ Там же. С. 42–46. Сложность источниковедческой работы с ревизскими материалами по Сибири несомненна – Миненко обращает свои аргументированные упреки в неточностях в адрес А.Д. Колесникова, который, несмотря на вдумчивое отношение к этому источнику, оказался также не гарантирован от ошибок. Об изучении материала ревизских сказок для воссоздания истории семьи см.: *Власова И.В.* Источники для изучения демографии и хозяйства русской крестьянской семьи Северного Приуралья XVII–XVIII вв. // *Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений* (Казань, 22–25 октября 1986 г.). М., 1986. С. 199–200.

¹⁴⁸ *Яцунский В.К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения. С. 35.

¹⁴⁹ *Громько М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. С. 22–23; см. также: *Она же.* Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. С. 97–104.

¹⁵⁰ Характеристика этих книг, данная Кабузаном, упомянулась выше. Миненко использовала метрические книги Новосибирского и Тобольского архивов для изучения семьи Западной Сибири. Можно указать на богатые фонды метрических книг XVIII в. в фонде Консистории, хранящемся в Государственном архиве Омской обл. (Ф. 16. Оп. 2) – книги с 1722 г. сельских и городских церквей подряд год за годом, 1000 дел только за XVIII в. (а всего до 60-х годов XIX в. – 4302 метрические книги). В Государственном архиве Томской обл. в фондах православных церквей – метрические книги с конца XVIII в. до 1930 г. Выражаю благодарность М.М. Громько за сообщение данных сведений.

¹⁵¹ *Миненко Н.А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора. С. 54–55; см. также: *Покровский Н.Н.* Организация учета старообрядцев в Сибири XVIII в. // *Русское население Поморья и Сибири.*

¹⁵² *Миненко Н.А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора. С. 58. С точки зрения Миненко, для воссоздания демографического облика земледельческого двора наиболее точным источником являются рекрутские списки, которые составлялись с конца XVIII в. (Там же.).

¹⁵³ См. сн. 28; см. также: *Мионов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы. С. 8.

¹⁵⁴ Там же. С. 29, 231.

¹⁵⁵ *Палли Х.Э.* Источники по исторической демографии Эстонии (XIII–XVIII вв.) // *Источниковедческие проблемы развития народов Прибалтики.* Рига, 1970; *Она же.* К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII–XVIII вв. (до ревизии душ 1781–1782 гг.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 1966 г.; *Она же.* Восстановление истории семей на ЭВМ по эстонским метрикам XVII–XVIII вв. // *Опыт применения математических методов в исторических исследованиях учеными-историками Эстонской ССР: Темат.-информ. реферативный сб.* Таллинн, 1976; *Она же.* Комплексное использование источников по исторической демографии XVIII в.: (По эстонским источникам) // *Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии: Тезисы докладов.* Рига, 1977; *Она же.* О некоторых методических вопросах обработки источников по исторической демографии ЭССР на ЭВМ // *Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях.* М., 1977; *Она же.* Система идентификации эстонских семей XVII–XVIII вв. // *Проблемы исторической демографии СССР: Сб. ст.* Таллинн, 1977; *Она же.* Некоторые приемы критики источников по истории народонаселения Эстонии в XVIII в. // *Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР.* Источниковедение. Вильнюс, 1978; *Она же.* Комплексное использование источников по исторической демографии в XVIII в. // *Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.); Она же.* Церковноприходское делопроизводство в Эстонии в XVII–XVIII вв. // *Актовое источниковедение.* М., 1977; *Она же.* Естественное движение сельского населения Эстонии. Вып. 1. С. 37–80; *Она же.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // *ИСССР.* 1982. № 1; и др.; см. также: *Лиги Х.М.* Заселение Эстляндии по демографическим данным в XVIII и в начале XIX в. // *Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума*

по аграрной истории Восточной Европы, Вильнюс–Каунас, 1971 г. М., 1971; *Он же*. Численность и размещение крестьянского населения в Южной Эстонии в 1713–1816 гг.; *Он же*. Чума 1710 г. и демографическое развитие эстонской деревни в первой половине XVIII в. // Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии: Тезисы докладов; *Мересте Н., Пуллат Р.* О формировании населения Таллина в XVIII в. и о реконструкции временных рядов в исторической демографии: (По данным метрических книг) // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. Таллинн, 1979. Т. 28, № 4; *Пуллат Р.Н.* Применение графического метода изображения демографических процессов: (На примере изучения смертности в г. Таллинне в XVIII в.) // Проблемы исторической демографии СССР: Сб. научных трудов. Киев, 1988. С. 75–84.

¹⁵⁶ *Палли Х.Э.* Церковноприходское делопроизводство в Эстонии в XVII–XVIII вв. С. 160–162.

¹⁵⁷ В основе своей она разработана во Франции в 50-х годах XX в.

¹⁵⁸ *Палли Х.Э.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях. С. 88–93.

¹⁵⁹ *Эпик Э.Э.* Методика изучения побегов крепостных крестьян // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, 1978 г. Ростов-на-Дону, 1980. С. 102–104. Тот же метод на материале двух уездов (Вирусского и Ярваского), охватывающих 46% имений Эстляндской губернии, реализован Эпик (*Эпик Э.Э.* О географической мобильности эстонского крестьянства в XVIII в. С. 212–215).

¹⁶⁰ *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 223–239.

¹⁶¹ *Никонов В.А.* Русское заселение Зауралья по данным ономастики // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 170–175.

¹⁶² *Шапот Е.Г.* Указ. соч. С. 134–153; см. также: *Андреев А.И.* Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6.

¹⁶³ *Шапот Е.Г.* Указ. соч. С. 147.

¹⁶⁴ *Греков Б.Д.* Указ. соч. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35; см. также: *Милов Л.В.* Экономико-географические и статистические описания. С. 207–208. (На академическую анкету было получено 122 ответа, на анкету Шляхетского корпуса, разработанную Г.Ф. Миллером в разосланную также в 1760 г., – 129 ответов.)

¹⁶⁵ *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII в. (первая половина); *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. С. 13–14; *Элерт А.Х.* Материалы Г.Ф. Миллера по заселению Сибири в первой половине XVIII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор достижений отечественной исторической демографии эпохи феодализма, который автор пыталась осуществить в предлагаемой вниманию читателей книге, заставляет нас вернуться к уточнению ответа на вопрос, когда возникла эта научная дисциплина или научное направление в России?

Отдавая себе ясный отчет в относительности самой постановки вопроса о "поисках начал", когда речь идет о развитии науки, считаем все-таки, что правильнее относить возникновение исторической демографии ко всей второй половине XIX в. "по мере обращения к изучению исторических процессов, масс людей, экономической истории"¹. В отечественной историографии феодализма такой подход проявился уже в исследованиях С.М. Соловьева, последовательно обращавшегося к историко-демографической проблематике. Отечественная историческая наука была логически подготовлена к восприятию в свое лоно демографии или исторической статистики населения, как ее поначалу называли, всем тем путем накопления знаний о народонаселении, который она прошла. Русское централизованное государство, с момента своего возникновения в 80-х годах XV в. располагавшее огромными территориями, в глобальном государственном масштабе познавало свое население при помощи писцовых описаний. Эти же задачи в конечном счете решали и все дальнейшие переписи населения, хотя их прямое назначение было, естественно, другим. Важнейшим специфическим для России этапом такого познания послужили анкетные обследования XVIII столетия, основанные на данных ревизий труды статистиков, появившиеся с конца XVIII в., а также развитие статистики населения с середины XIX в., большое значение для которого имел образованный в 1857 г., в ходе подготовки к реформе 1861 г., Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел².

"Глобализм" источников, содержащих историко-демографическую информацию, в значительной степени породил и "глобализм" исследований: для отечественной историографии, как дореволюционной, так и после-революционной, характерен, как правило, масштабный подход к анализу историко-демографических процессов, позволивший в последние десятилетия достигнуть значительных успехов в установлении основных тенденций развития народонаселения России. Но и по тем периодам, по которым источники допускают локальные исследования, последние зачастую остаются еще делом будущего.

Историко-демографические проблемы Руси IX–XV вв. изучались пока

изолированно друг от друга. Вопросы расселения и миграций рассматривались в основном в работах по исторической географии или по истории складывания государственной территории, в значительной степени с использованием археологического материала. Проблемы истории семьи чаще всего увязывались с изучением истории русской общины и более широко – с исследованием зарождения и эволюции феодального общества. Оба круга проблем лучше (принимая во внимание объем имеющихся источников) изучены для периода до середины XIII в. и хуже – для XIV–XV вв. Это обусловлено как раз тем обстоятельством, что более широкие вопросы, в контексте которых они рассматривались (этногенез славян и древнерусской народности, сложение государственной структуры Киевской Руси и т.п.), связаны именно с домонгольской Русью.

По XVI–XVII вв. плодотворные результаты для характеристики движения населения дает вертикальное за длительный период изучение писцовых и переписных книг по отдельным регионам.

Для XVIII в. наиболее перспективна на данном этапе разработка документов церковного учета, которая позволит достигнуть максимальной локализации в изучении историко-демографических процессов.

Наконец, для всех периодов эпохи феодализма актуально изучение городской демографической ситуации. Особый интерес представляет выявление населения, в той или иной форме раввшего с сельскохозяйственным производством в первой и второй половине XVIII в., в пока еще не проясненные исследованиями 40–60-е годы этого столетия.

Для нашей историографии в силу специфики массовых источников по исторической демографии, фиксировавших преимущественно податное население, характерно прежде всего внимание к демографическим процессам в среде эксплуатируемого населения. Значительно хуже обстоит дело с изучением количественного состава, демографического поведения различных социальных групп в среде господствующего класса. Более внимательной разработки требует концепция движения населения как функции социально-экономических изменений применительно ко всей структуре общества. Установление связи демографических процессов с социальными – одно из главных условий осуществления комплексности и системности научного исследования. В целях той же комплексности необходима постановка проблем тесной связи демографической динамики, типов естественного воспроизводства с конкретными социокультурными условиями.

Совершенно не поставлена в историографии проблема оптимума населения при феодализме ни для крупного, ни для мелкого феодального хозяйства (она только мельком намечена в трудах Ж.Э. Палли). То же самое приходится сказать и в отношении проблемы перенаселения при феодализме. Актуальность постановки этой проблемы не может вызывать сомнения в эпоху, когда наше общество решает главный вопрос – как сделать так, чтобы между обществом и его производительными силами не стояла равнодушная бюрократия и использование этих сил было максимальным.

Завершить книгу хотелось бы призывом к авторам историко-демографических трудов как можно больше внимания уделять источнико-

ведческому анализу используемых материалов. Подчеркнутая открытость лаборатории исследователя — свидетельство высокой источниковедческой культуры, обеспечивающей надежность выводов для их дальнейшего использования (или отвержения), что особенно важно при оперировании цифрами и употреблении новейших методов исследования.

¹ Козлов В.И. Народонаселение // СИЭ. М., 1966. Т. 9. С. 982.

² В организации и развитии статистических учреждений важную роль сыграло Русское географическое общество, такие его члены, как А.И. Левшин, Н.А. Милютин, А.П. Заблоцкий-Десятовский, К.И. Арсеньев, Е.И. Ламанский и особенно П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1857 г. совет Географического общества принял постановление о необходимости совершенствования народоисчисления, переходе от ревизий к переписям населения (Мельникова О.Б. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и российская статистика // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 1988. № 1. С. 48).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДЭС — Демографический энциклопедический словарь
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
ИСССР — История СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (прежде: ЦГАДА)
РГИА — Российский государственный исторический архив (прежде: ЦГИА СССР)
СА — Советская археология
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Г.В. 136, 161
 Авербух М.С. 10, 14, 18, 19, 70–71, 87, 88, 130, 131, 159, 160
 Аверьянов К.А. 54
 Авраамий, старец 43
 Азаревич Д.И. 66, 87
 Аксенов А.И. 90, 194
 Александр Невский 72
 Александров В.А. 64, 84, 86, 97, 103, 104, 109, 119, 128, 129, 149, 150, 152, 156, 159, 179, 192, 197, 199
 Алексеев А.И. 156
 Алексеев В.П. 58, 84
 Алексеев Л.В. 50, 81, 82
 Алексеев Ю.Г. 65, 87, 89, 103, 149
 Алексей Михайлович 43, 91, 112
 Алефиренко П.К. 197
 Альтшулер И.М. 66, 87
 Амосов А.А. 90
 Ананьева Г.Е. 4
 Андреев А.И. 191, 201
 Андрияшев А.М. 102, 149, 150
 Анисимов Е.В. 175, 176, 194
 Анри Л. 144
 Антоновский М. 46
 Анучин Д.Н. 16
 Аполлова Н.Г. 178
 Арсеньев К.И. 41, 47, 165, 166, 204
 Арциховский А.В. 116, 154
 Багaley Д.И. 155, 196
 Базилевич К.В. 117
 Бакланова Е.Н. *см.* Швейковская Е.Н.
 Бакланова Н.А. 159
 Бакмейстер Г.И. 165
 Баранович А.И. 151
 Барбаро И. 21, 43
 Барсов Н.П. 58, 84, 89
 Батый 72, 88
 Бахрушин С.В. 94, 115, 116, 118, 132, 154, 155, 160
 Башкин М. 43
 Бежкович А.С. 196
 Белоцерковский Г.М. 155
 Белявский М.Т. 194
 Беляев И.Д. 58, 80, 84
 Бернадский В.Н. 171, 193
 Бескровный Л.Г. 141, 152, 177, 195
 Бессмертный Ю.Л. 7, 17, 18, 80, 87, 89, 90
 Бибииков С.Н. 82
 Богословский М.М. 129, 150, 159, 162
 Богоявленский С.К. 114, 145, 147, 150, 154
 Болтин И.Н. 26, 44, 165
 Бондарева Е.А. 45, 46
 Бондаревская Т.В. 197
 Борзаковский В.С. 89
 Боярский А.Б. 18
 Бояршинова З.Я. 155, 195
 Брокгауз Ф.А. 145
 Брук С.И. 18, 177, 191, 192, 195, 199
 Брянцева Т.П. 196
 Буганов В.И. 162
 Будовниц И.У. 43, 60, 85
 Булгаков М.Б. 138, 151, 162
 Булыгин И.А. 150, 163, 174, 194
 Булыгин Ю.С. 177, 178, 199
 Бусыгин Е.П. 197
 Бучинский И.Е. 88, 160, 184, 199
 Бушен А.А. 165
 Быкоя Г.Ф. 177, 178, 192, 193, 195, 198

- Бырня П.П. 89
 Бычкова М.Е. 78, 79, 90, 162
 Важинский В.М. 113, 153, 194
 Валентей Д.И. 4, 18, 43, 47, 89
 Вандалковская М.Г. 145
 Варгентин П. 34
 Василий III 49
 Васильев К.Г. 160
 Ведерникова Т.И. 199
 Вейберг Б.П. 145
 Веселовский С.Б. 53, 54, 56, 60, 62,
 69, 72, 78, 82, 83, 85–90, 112, 132,
 136, 149, 153, 160–162
 Вилков О.Н. 117, 155, 156
 Витов М.В. 75, 89, 99, 104, 148–150,
 178, 196
 Вишневыский А.Г. 6, 10, 11, 15, 17–
 18, 69, 71, 86–88, 164, 198
 Владимир Святославич 64
 Владимирский-Буданов М.Ф. 128,
 159
 Власова И.В. 127, 148, 150, 159,
 170, 178, 180, 196–198, 200
 Водарский Я.Е. 7, 11, 13, 14, 17–19,
 47, 54, 81, 95–97, 102, 106, 108,
 109, 111–115, 121, 124, 130, 137,
 141, 146–154, 157–159, 161–163,
 177, 191, 195
 Волк С.С. 47
 Волков А.Г. 17
 Волков М.Я. 154
 Вольтер 33
 Воробьев В.М. 102, 111, 125, 148,
 149, 153, 158, 178
 Воробьева Т.Н. 192
 Воронин Н.Н. 54, 83
 Воронцов А.Р. 37
 Воскобойникова Н.П. 148
 Воссюс И. 33
 Вульфсон С.Я. 85
 Гарскова И.М. 138, 162
 Георги И.Г. 46
 Георгий, митрополит 67
 Гераклитов А.А. 166
 Герберштейн С. 21, 22, 43
 Герман И.Ф. 24, 37, 46, 165
 Герман К.Ф. 165, 172, 199
 Гневушев А.М. 102, 118, 146, 147,
 149, 150
 Годунов Борис 106, 132
 Голиков И.И. 43
 Голикова Н.Б. 117, 151, 157, 193
 Голицын И.С. 160
 Голобуцкий В.А. 178, 196
 Головачев П.М. 118
 Голубцов И.А. 89
 Гольденберг Л.А. 43
 Горемыкина В.И. 64, 86
 Городцов В.А. 58, 84
 Горская Н.А. 149, 150, 152
 Горский А.Д. 3, 53, 82
 Горчаков М.И. 66, 87
 Горюнова Е.И. 58, 84
 Горюшкин Л.М. 196
 Готье Ю.В. 58, 84, 92, 93, 98, 99,
 107, 111, 118, 133, 136, 145, 147–
 149, 151–153, 160–162, 196
 Греков Б.Д. 62, 70, 86, 99, 148, 154,
 189, 192, 201
 Греков И.Б. 79, 82, 90
 Гришкина М.В. 180, 198
 Громов Г.Г. 79, 80, 90, 150
 Громыко М.М. 156, 167, 169, 177,
 178, 186, 190–193, 195, 197, 199,
 200, 201
 Гроссман Ю.М. 154
 Гудзинская А.П. 142, 163
 Давыдов В.Н. 85
 Д'Аламбер Ж.Л. 30, 45
 Дамилавиль Э. 30
 Даниил Заточник 20
 Данилова Л.В. 85, 155
 Дебольский В.Н. 89
 Дебольский Н.Н. 62, 86, 128, 159
 Девлет-Гирей 132
 Дегтярев А.Я. 54, 55, 82, 83, 100–
 102, 105, 122, 125, 133, 148–150,
 153, 157, 158, 160, 161
 Демидова Н.Ф. 113, 153
 Демкин А.В. 117, 194
 Дербек Ф.А. 89
 Десницкий С.Е. 32, 33, 45
 Дживелегов А. 89

- Дзарасова И.В. 4
 Дидро Д. 30, 45
 Дитятин И.И. 192
 Дмитриев В.Д. 197
 Дмитриев П.Г. 89
 Дмитриев С.С. 18, 41, 47
 Довнар-Запольский М.В. 91, 117, 145, 154
 Долгих Б.О. 95, 97, 147
 Драгнев Д.М. 89, 191
 Дробижев В.З. 4, 17, 19, 81, 84, 85
 Дружинин Н.М. 173, 193
 Дубинская (Заничева) Л.Г. 142, 154, 163
 Дулов А.В. 55, 81, 83, 160, 199
 Думнич Ю.В. 191
 Думова Н.Г. 145
 Дьяконов М.А. 110, 152
 Дюби Ж. 86
- Едигей 72
 Екатерина II 30, 34, 38, 45, 179, 184
 Елфимова А.А. 157
 Емельянов Н.Ф. 118, 155
 Ермолаев И.П. 196
 Ермолай-Еразм 21, 43
 Ефименко А.Я. 129, 159
 Ефрон И.А. 145
- Жеребцов Л.Н. 85
 Жиромская В.Б. 17, 191
 Жулковский Н.Д. 46
- Забелин И.Е. 154
 Заблоцкий-Десятовский А.П. 204
 Загоровский А.Е. 66, 87
 Загоровский В.П. 121, 157
 Загорский В.Ф. 150
 Замалеев А.Ф. 43
 Замысловский Е.Е. 118
 Заничева Л.Г. см. Дубинская Л.Г.
 Заозерская Е.И. 155, 170
 Зимин А.А. 43, 89, 106, 112, 146, 151
 Зорин Н.В. 197
 Зыбелин С.Г. 34, 45
 Зябловский Е.Ф. 165
- Иван III 48
 Иван IV Грозный 91, 133
 Иван Калита 72
 Иванов П.И. 149, 158
 Ивина Л.И. 85, 103, 149, 150
 Иловайский Д.И. 81
 Илья, епископ 68
 Индова Е.И. 159, 167, 169, 172, 190, 192, 193, 199
 Инкин В.Ф. 63, 86, 154
 Иофа Л.Е. 151
 Исаевич Я.Д. 151, 154
 Исхаков Д.М. 192
- Кабо Р. 151
 Кабузан В.М. 18, 81, 95, 141, 146, 147, 165–169, 171–177, 181, 184–187, 189–196, 198, 199
 Калинин И.В. 4
 Карамзин Н.М. 40, 47
 Карпачев А.М. 167, 190
 Картоагэ И.Г. 193
 Кауфман А.А. 149
 Кафенгауз Б.Б. 43, 170, 171, 174, 192–194
 Кахк Ю.Ю. (Kahk J.) 191, 198
 Кваша А.Я. 6, 18, 19, 87
 Кеппен П.И. 165
 Керстенс И.Х. 45
 Кизеветтер А.А. 166, 171, 192, 193
 Кизилов Ю.А. 85
 Кирилов И.К. 23, 27, 43, 46, 165, 166
 Киселев Е.А. 161
 Кись Я.П. 151
 Кляниш-Зубер К. 158
 Клибанов А.И. 145
 Клокман Ю.Р. 170, 192
 Клочков М.В. 145, 189
 Ключевский В.О. 60, 83–85, 133, 146, 154, 161, 166, 190
 Кобрин В.Б. 112
 Ковалев Н.К. 86
 Ковалев С.А. 177, 195
 Ковальченко И.Д. 17, 81, 84, 85
 Козлов В.И. 3, 4, 10, 12, 14, 16–19, 49, 81, 204

- Козлова Н.В. см. Разоренова Н.В.
 Козловский П.Г. 167, 190
 Колесников А.Д. 85, 118, 121, 156,
 177, 181, 185, 186, 191, 195, 198–
 200
 Колесников П.А. 97, 100, 110, 119,
 121, 124, 127, 134, 147, 148, 151,
 152, 156, 159, 161, 170, 172, 178,
 191–193, 196–198
 Колчин Б.А. 52, 82, 83
 Колычева Е.И. 110, 133, 152, 154,
 157–160
 Комиссаренко А.И. 174, 178, 194,
 197
 Компан Е.С. (Компан О.С.) 147,
 151
 Кондрашенков А.А. 118, 155
 Кононова А.Ю. 157
 Копанев А.М. 4, 53, 79, 82, 89, 90,
 93–95, 98, 99, 102, 124, 146, 148,
 158
 Копчак С.И. (Копчак С.И.) 49, 81
 Копылов А.Н. 155
 Копыцкий З.Ю. 151
 Корецкий В.И. 160
 Корсаков Д.А. 58, 84
 Косвен М.О. 63, 65, 86, 178
 Костомаров Н.И. 164
 Котенко И.А. 89
 Котошихин Г. 22, 43, 129
 Кох О.Б. 126, 127, 158, 159
 Кочин Г.Е. 82, 136, 161
 Крашенинников С.П. 43
 Крижанич Ю. 22, 43, 82, 147
 Крипякевич И.П. 151
 Крузе Э. 94
 Куза А.В. 51, 52, 74, 75, 81–83,
 89
 Кузаков В.К. 74, 89, 160
 Кулишер И.М. 92
 Курбатов А.П. 43
 Курбатов П.П. 43
 Курилов В.Н. 151, 156
 Кучкин В.А. 57, 59, 75, 76, 83, 85,
 88, 89
 Кушева Е.Н. 112, 153, 162, 166,
 170
 Ламанский Е.И. 204
 Лаппо-Данилевский А.С. 136, 149,
 152, 157, 161, 162
 Латушкин А.В. 161
 Лахтин М. 89
 Лебедева А.А. 192
 Левассер Э. 42, 47
 Левшин А.И. 204
 Леклерк Н. 26, 44
 Ленин В.И. 26, 44
 Леонтьев А.К. 153
 Лерберг А.-Х. 46
 Лиги Х.М. 191, 200
 Липинская В.А. 170, 192
 Ловмянский Х. 81
 Ломоносов М.В. 22, 27–30, 34, 43–
 45, 188
 Любавский М.К. (Любауски М.) 57–
 59, 83–86, 89, 118
 Ляпушкин И.И. 64
 Лященко П.И. 194
 Мавродин В.В. 62, 86
 Макарий, архимандрит 190
 Макаров Н.А. 84
 Мальтус Т.Р. 42
 Мамсик Г.С. 197
 Мансурова Ф.М. 151
 Маньков А.Г. 128, 159
 Маркина В.А. 151
 Маркс К. 9, 10, 17, 18
 Масленникова Н.Н. 121, 137, 138,
 152, 157, 158, 161
 Мацук М.А. 85
 Мейерберг А. 43, 105
 Мельникова О.Б. 204
 Мельниченко Г.Г. 58, 84
 Мересте У.И. 17, 201
 Мерзон А.Ц. 117, 136, 155, 161
 Меховский М. 21, 22, 43
 Миклашевский И.Н. 155
 Миков Е.Г. 4
 Миллер Г.Ф. 44, 169, 189, 191
 Милов Л.В. 138, 162, 192, 193, 201
 Милоков П.Н. 41, 42, 47, 60, 85,
 91–94, 98, 118, 136, 145, 147, 150,
 155, 161, 162, 166, 190
 Милютин Н.А. 202

- Миненко Н.А. 155, 156, 178, 180, 182, 186, 187, 191, 192, 195, 197, 199, 200
- Мининков Н.А. 178, 196
- Мирзоев В.Т. 118
- Мионов Б.Н. 168, 171, 172, 175, 182, 183, 187, 191, 193, 194, 198–200
- Михаил Федорович 40, 112
- Михайличенко Е.В. 197
- Можа Ю. 190
- Моора Х.А. 81
- Мохов Н.А. 89
- Муравьев А.В. 81, 84, 85, 87
- Муравьева Л.Л. 117
- Мэлхол М.Г. (Mulhall M.J.) 81, 145
- Мюнстер С. 22
- Назаров В.Д. 104, 112, 125, 140, 142, 150, 158, 162, 163
- Насонов А.Н. 53, 57–59, 82–84, 89
- Наумов Е.П. 90
- Неволин К.А. 62, 105, 150
- Нерсесова Э.А. 192
- Никитин Н.И. 118, 155, 156
- Никольская Т.Н. 58, 82, 83, 84
- Никольский В. 62
- Никонов В.А. 201
- Новиков Н.И. 34, 35
- Новицкий В.И. 153
- Новлянская М.Г. 43
- Новосельский А.А. 112, 121, 142, 143, 153, 156, 157, 163
- Новосельцев А.П. 81
- Носов Н.Е. 83, 106, 112, 151
- Оборин В.А. 117, 121, 155, 156
- Огановский Н. 92, 145
- Олеарий А. 21, 43
- Олег, князь 80
- Островская М. 129, 159
- Осьминский Т.И. 102, 137, 147, 149
- Ошанина Е.Н. 157
- Павленко Н.И. 112
- Павлов А.С. 66, 87
- Павлов П.Н. 117, 155, 177, 192
- Павлов-Сильванский В.Б. 161
- Павлов-Сильванский Н.П. 43
- Палли Х.Э. (Palli H.) 143, 144, 163, 164, 168, 169, 180, 181, 187, 191, 192, 198, 200, 201, 203
- Панеях В.М. 110, 111, 128, 153, 157, 159, 162
- Пашуто В.Т. 73, 74, 79, 81, 85, 88–90
- Перельман И.Л. 150
- Пересветов И.С. 21, 43
- Перковский А.Л. 180–182, 184, 191, 193, 198, 199
- Перцов В.Н. 149
- Петр I 23, 26, 42, 43, 62, 91, 118, 128, 131, 175, 186, 194
- Петрякевич Г. 157
- Петухов А.А. 193
- Пирко В.А. 196
- Платонов С.Ф. 59, 85, 133, 160
- Плеханов Г.В. 18
- Победимова Г.А. 138, 161
- Погодин М.П. 43
- Подъяпольская Е.П. 166, 178, 190, 196
- Покровский В.И. 145
- Покровский М.Н. 41, 42, 47
- Покровский Н.Н. 79, 90, 178, 197, 200
- Покшишевский В.В. 16, 80, 121, 157
- Полевой Л.Л. 76, 77, 89
- Поленов А.Я. 32
- Поляков Ю.А. 4, 17, 19
- Попов В.А. 196
- Посошков И.Т. 22, 23, 43
- Преображенский А.А. 117, 119, 153, 155, 156, 177, 194, 195
- Приказчикова Е.В. 46
- Промахина И.М. 163
- Пронштейн А.П. 115, 116, 147, 154, 157, 178, 196
- Проторина В.М. 191, 193
- Пруссак А.В. 157
- Птуха М.В. 43–46, 82, 181
- Пулла Р.Н. (Pullat R.) 17, 19, 171, 191, 193, 201

- Пушкарева Н.Л. 66, 68, 72, 86, 87
Пушкин А.С. 40
Пушков В.П. 163
Рабинович Г.С. 154, 193
Рабинович М.Г. 65, 66–68, 82, 87,
123, 124, 129, 158, 159, 198
Радищев А.Н. 36–39, 46
Разоренова (Козлова) Н.В. 197
Райнов Т.И. 160
Рапов О.М. 63, 64, 86
Раппопорт П.А. 75, 81
Рахматуллин У.Х. 196
Рашин А.Г. 16
Резун Д.Я. 151, 193
Рейнар М. 80
Рейхель Н.Г. 45
Ржига В.Ф. 43
Рождественский С.В. 153
Рожков Н.А. 93, 98, 99, 118, 136,
146, 147, 155, 161
Розенфельд Р.Л. 53
Романов Б.А. 54, 63, 66–69, 83, 86,
87, 149
Рубинштейн Н.Л. 47
Румянцева В.С. 160
Рыбаков Б.А. 56, 58, 83–85
Рындзюнский П.Г. 151, 170, 171,
174, 176, 181, 191–194, 198, 199
Рычков П.И. 24, 35, 44
Салтыков Ф.С. 43
Самаркин В.П. 18, 70, 81, 82, 87
Сафонец П.С. 191
Сафронов Ф.Г. 155, 177
Сахаров А.М. 50, 59, 60, 81, 82, 85
Свердлов М.Б. 63, 64, 78, 86, 90
Сегал А.Е. 160
Седов В.В. 54, 55, 58, 64, 82–84, 86
Семевский В.И. 165, 166, 172, 179,
190, 193, 197
Семенов-Тянь-Шанский П.Л. 148,
204
Семенова Л.Н. 196
Сербина К.Н. 115, 151, 154, 155
Сергеевич В.И. 62, 149, 150
Сивков К.В. 112, 170, 171, 174, 176,
181, 192, 198, 199
Сказкин С.Д. 88, 89
Скрынников Р.Г. 112
Слюсарский А.Г. 178, 196
Смирнов И.И. 21, 43, 54
Смирнов П.П. 82, 92, 102, 105, 106,
112, 115, 136, 145–147, 150, 151,
154, 160, 161
Соболевский А.И. 58, 84
Советов П.В. 89
Соловьев С.М. 40, 41, 47, 72, 73, 85,
88, 93, 131, 160, 165, 189, 202
Спицын А.А. 58, 84
Станиславский А.Л. 112
Станкевич Н.В. 85
Сташевский Е.Д. 155
Степанов З.В. 198
Степанов И.В. 157
Степанов П.Д. 166
Стешенко В.С. 18
Столяров А.А. 197
Судоплатов А.П. 4
Сукновалов А.Е. 170
Сухоруков В.Д. 40
Татищев В.Н. 24–27, 44, 165, 169,
188, 189
Таубе И. 94
Тверская Д.И. 117, 154, 155
Тимошенкова З.А. 152, 160
Тимошина Л.А. 151
Тихомиров И.А. 84
Тихомиров М.Н. 22, 43, 49, 50, 53,
58, 73, 74, 79, 81, 82, 88–90, 117,
121, 136, 146, 157, 158, 161
Тихонов Ю.А. 104, 117, 125, 142,
155, 163
Толочко П.П. 51, 52, 81, 82
Тохтамыш 72
Третьяков И.А. 32
Третьяков П.П. 84
Троицкий С.М. 43, 112, 175, 177,
188, 194, 195, 201
Тумайкин В.П. 196, 197
Ульяновский В.И. 161
Урланис Б.Ц. 4, 48, 49, 57, 73, 80,
81, 83, 88, 90, 92–94, 130–132,
146, 159, 160, 183, 184, 199
Урланис Е.Б. 15, 19, 71, 88

- Успенская А.В. 83
Устюгов Н.В. 118, 146, 155, 156,
177, 192
Фехнер М.В. 83
Филатов Н.Ф. 162
Фирсов Н.А. 196
Флетчер Д. 21, 43
Флэри М. 144
Фомин Н.К. 138, 162
Фонвизин М.А. 40
Французова Е.Б. 162
Фроянов И.Я. 63, 64, 86
Херлихе Д. 158
Хорошкевич А.Л. 154
Чеботарев Х.А. 35, 36
Черепнин Л.В. 59, 81, 83, 85, 87,
112, 121, 157
Черкасова А.С. 195
Чечулин Н.Д. 93–95, 105, 114, 116,
123, 136, 146, 147, 150, 154, 155,
157, 160, 161
Чистякова Е.В. 155
Чичерин Б.Н. 47
Чулков М.Д. 34, 35, 45, 46
Шабанова А.М. 138, 162
Шапино А.Л. 96, 140, 161, 162
Шапот Е.Г. 189, 191, 201
Шахматов А.А. 58, 84
Шашков С.С. 118
Шватченко О.А. 113, 153
Швейковская (Бакланова) Е.Н.
102, 124, 125, 126, 127, 149, 150,
158
Швецова Е.А. 142, 163
Шелестов Д.К. 4–7, 9, 11–13, 15–19,
43, 45, 46, 80, 83
Шепукова Н.М. 108, 109, 151, 152,
162, 167, 172, 190, 193
Шерстобоев В.Н. 177
Шлёцер А.Л. 41, 44, 46, 47
Шмелев Г. 162
Шмидт С.О. 112
Шнитцлер И.Г. (Schnitzler J.H.) 80,
145
Шпилевский С.М. 66, 87
Шторх А.К. 172
Шувалов П.И. 27
Шуйский Василий 26, 40
Шульгин В.Я. 66, 87
Шунков В.И. 118, 119, 147, 155, 156
Шапов А.П. 118, 148
Шапов Я.Н. 62, 66, 67, 69, 86–88
Щепетов К.Н. 197
Щербатов М.М. 23, 26, 30, 31, 35,
41, 43–45, 165
Эверс И. 32, 47
Элерт А.Х. 201
Энгельс Ф. 17, 18
Эпик Э.Э. 178, 192, 196, 201
Юлий Цезарь 32
Юм Д. 33, 45
Юсти И.Г. 45, 199
Юшков С.В. 63, 86, 128, 159
Ядринцев Н.М. 118
Яковлев А.И. 49, 81, 110, 152, 153
Янин В.Л. 55, 56, 65, 78, 83, 84, 90,
162
Янсон Ю.Э. 165
Ярослав Мудрый 29, 69
Ясгребичская А.Л. 86
Яцунский В.К. 3, 7, 12, 16, 17, 22,
26, 43, 44, 57, 83, 118, 121, 150,
151, 155, 167, 176, 186, 190, 195,
200
Tarvel E. 81
Vantre S. 191
Vassar A. 81

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Зарождение изучения народонаселения в России	20
<i>Глава II.</i> Отечественная историография проблем народонаселения IX–XV вв.	48
§ 1. Историческая динамика численности населения и его плотности. Расселение. Миграции	48
§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения	61
<i>Глава III.</i> Отечественная историография проблем народонаселения XVI–XVII вв.	91
§ 1. Историческая динамика численности населения и его плотности. Расселение. Миграции	91
§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения	123
<i>Глава IV.</i> Отечественная историография историко-демографических процессов XVIII в.	165
§ 1. Историческая динамика численности населения и его плотности. Расселение. Миграции	165
§ 2. Исторические процессы воспроизводства населения	179
Заключение	202
Список сокращений	205
Указатель имен	206

Научное издание

Горская Наталья Александровна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ РОССИИ
ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА**

(Итоги и проблемы изучения)

Утверждено к печати

Институтом российской истории РАН

Редактор издательства *С.А. Левина*

Художник *Л.И. Гоцлавский*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Е.Н. Власова, Т.А. Резникова*

Корректоры *Н.П. Круглова, Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1014
ЛР № 20297 от 27.11.91

Подписано к печати 19.09.94. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт 14,0. Уч.-изд.л. 16,8
Тираж 870 экз. Тип.зак 3206.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12